

ДИАНА СЕТТЕРФИЛД

ТЮКА

ТЕЧЕТ

РЕКА

Annotation

Впервые на русском – новейший роман Дианы Сеттерфилд, прославленного автора «Тринадцатой сказки», признанного шедевра современной английской прозы, который заставил критиков заговорить о возвращении золотого века британского романа, овеянного именами Шарлотты и Эмили Бронте и Дафны Дюморье, и разошелся по всему миру на 40 языках тиражом свыше 3 миллионов экземпляров.

В самую темную и длинную ночь в году, в день зимнего солнцестояния, в древний трактир «Лебедь» на берегу Темзы вваливается израненный незнакомец с мертвой девочкой на руках. Однако несколько часов спустя девочка оказывается живой. Что это – чудо? Волшебство? Или можно найти научное объяснение? И главное – кто она такая? Пропавшая два года назад дочь мистера и миссис Воган? Или, может быть, внучка фермера Роберта Армстронга, о существовании которой он узнал лишь накануне да так и не успел повидать? Ведь «Лебедь» – не просто древнейший трактир в округе; уже давно сюда приходят для того, чтобы слушать и рассказывать истории – злободневные анекдоты, или старинные предания и легенды, или волшебные сказки. Так что история таинственной девочки должна вплестись в полотно, ткущееся опытными рассказчиками уже много веков...

-
- [Диана Сеттерфилд](#)
 -
 -
 - [Часть 1](#)
 - [История начинается...](#)
 - [Тело без истории](#)
 - [Чудо](#)
 - [История начинает расходиться](#)
 - [Притоки](#)
 - [Что ты об этом думаешь?](#)
 - [Миссис Воган и речные гоблины](#)
 - [Старая история](#)
 - [Ночной кошмар Лили](#)
 - [Мистер Армстронг в Бамптоне](#)
 - [Три претензии](#)

- [Папочка!](#)
- [Спящий просыпается](#)
- [Трагическая история](#)
- [История паромщика](#)
- [Неужели все закончилось?](#)
- [Часть 2](#)
 - [Что-то не сходится](#)
 - [Материнский взгляд](#)
 - [Который из отцов?](#)
 - [Слухом земля полнится](#)
 - [Секундные дела](#)
 - [Ночной визитер](#)
 - [Исчезновения, или Мистер Армстронг едет в Бамптон](#)
 - [История не для рассказа](#)
 - [Фото Амелии](#)
 - [Джинн из чайника](#)
- [Часть 3](#)
 - [Самый длинный день](#)
 - [Философия «Лебеда»](#)
 - [Самая короткая ночь](#)
 - [Великие озера под землей](#)
 - [Две странности](#)
- [Часть 4](#)
 - [Что было потом](#)
 - [Три пенса](#)
 - [Пересказ истории](#)
 - [Фото Алисы](#)
 - [Правда, ложь и река](#)
 - [Драконы Криклейда](#)
 - [Колодец желаний](#)
 - [Волшебный фонарь](#)
 - [О щенках и свиньях](#)
 - [О сестрах и поросятах](#)
 - [Обратная сторона реки](#)
- [Часть 5](#)
 - [Нож](#)
 - [Все начинается и завершается в «Лебеде»](#)
 - [Отцы и сыновья](#)
 - [Лили и река](#)

- [Джонатан рассказывает историю](#)
 - [История о двух детях](#)
 - [Однажды давным-давно](#)
 - [Долго и счастливо](#)
 - [От автора](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Источники](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Диана Сеттерфилд

Пока течет река

Diane Setterfield
ONCE UPON A RIVER

Copyright © 2018 by Third Draft

This edition published by arrangement with Sheil Land Associates and Synopsis Literary Agency All rights reserved

© В. Н. Дорогокупля, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моим сестрам, Мэнди и Пауле. Без вас я не была бы такой, какая есть сейчас

*За пределами этого мира есть и другие миры.
Существуют места перехода между ними.
Вот одно из таких мест.*

Часть 1

История начинается...

Стоял себе когда-то тихо-мирно трактир на берегу Темзы у Рэдкота, в полном дневном переходе от истока реки. В ту пору заведений подобного сорта в верховьях Темзы было хоть отбавляй, и путник запросто мог набраться под завязку в любом из них; плюс ко всему каждый трактир, помимо традиционных эля и сидра, мог предложить клиентам и нечто из ряда вон. В келмскоттском «Красном льве» это была музыка: лодочники без устали пикикали на скрипках, а сыроделы жалостно пели о потерянной любви. «Зеленый дракон» в Инглшеме идеально подходил для спокойных раздумий в хорошо прокуренном помещении. Если вы были азартным игроком, вас ждал «Олень» в Истон-Гастингсе, а любителям помахать кулаками не найти было места лучше «Плуга» на окраине Баскота. «Лебедь» в Рэдкоте также имел свою специфику. Там рассказывались истории.

«Лебедь» был древним трактиром – возможно, древнейшим во всей округе. Он состоял из трех частей, построенных в разное время: одна часть была старой, другая очень старой, а третья еще старее. Все три сливались в одно гармоничное целое благодаря общей тростниковой крыше, повсеместной замшелости каменной кладки и плетям плюща, равномерно покрывающим стены. Летом сюда наезжали однодневные туристы из городков вдоль недавно построенной железной дороги, чтобы взять напрокат плоскодонку с шестом или веслами, затариться элем и устроить пикник на реке, но в холодное время года «Лебедь» посещали только местные жители, собиравшиеся в зимнем зале. Это была скромно обставленная комната в самой старой части трактира, с единственным окном в толстой стене. При свете дня вдали за окном были видны три безмятежно незыблемые арки Рэдкотского моста, под которыми струились воды Темзы. По ночам (а эта история начинается ночью) мост растворялся во мраке, и, только ориентируясь на низкий монотонный шум огромной массы воды, вы могли разглядеть в той стороне полоску особой, плывучей и зыбкой тьмы, которую выделяла из общего фона энергия ее собственного движения.

Никто не знал доподлинно, откуда пошла традиция рассказывать истории в «Лебеде», но это может быть как-то связано с битвой у Рэдкотского моста^[1]. В 1387 году, за пятьсот лет до ночи, когда началась эта история, у моста встретились две большие армии. Кто и почему – слишком

долго и вряд ли стоит объяснять, но исход был таков: лишь три человека – рыцарь, оруженосец и какой-то мальчишка – пали от руки врага, но еще восемь сотен душ сгинули в здешних болотах, спасаясь бегством. Да, именно так. *Восемь сотен душ*. А это уже нешуточная история. Их кости лежат в земле там, где ныне раскинулись плантации кресс-салата. Люди в этой округе традиционно выращивали кресс-салат на заболоченных лугах, собирали урожай, упаковывали его в ящики и баржами отправляли в города ниже по реке, но сами это растение никогда в пищу не употребляли, сетуя на неприятный вкус: мол, такую горечь и в рот не возьмешь. Да и кому охота питаться тем, что было возвращено призраками мертвых? Когда подобные битвы случаются у самого порога вашего дома, а потом истлевающие трупы отравляют вашу питьевую воду, вполне естественно, что вы потом будете без конца пересказывать эту историю. И в силу множества повторений постепенно разовьете свой талант рассказчика. А когда эта тема уже перестанет быть актуальной, ваше внимание переключится на другие вещи: почему бы не использовать приобретенные навыки, рассказывая все новые и новые истории?

Хозяйкой «Лебеда» была Марго Окуэлл. Сколько помнили старожилы, этот трактир всегда принадлежал Окуэллам – вполне возможно, с самого дня его основания. Правда, по закону ее звали Марго Блисс, ибо она была замужем, но законы что-то значат лишь для горожан, а здесь, в «Лебеде», она оставалась одной из Окуэллов. Это была женщина приятной наружности, без малого шестидесяти лет. При этом она без видимых усилий могла приподнять дубовую бочку и столь крепко держалась на ногах, что вообще никогда не испытывала потребности присесть. Ходили слухи, что она даже спит стоя, однако же она произвела на свет тринадцать детей, так что ей несомненно иногда случалось и прилечь. До Марго в трактире хозяйничала ее мать, а ранее – ее бабушка и прабабушка, и местные давно уже принимали как должное тот факт, что «Лебедем» заправляют женщины. Так уж оно повелось издавна.

Мужа Марго звали Джо Блисс. Он был родом из Кембла, что в двадцати пяти милях от Рэдкота выше по течению, буквально в двух шагах от того места, где Темза появляется из-под земли в виде крохотного родника – настолько крохотного, что его трудно отличить от обычной лужицы среди травы. Все Блиссы были потомственными доходягами. Они рождались хилыми и болезненными, чтобы по большей части покинуть этот мир в самом начале жизненного пути. Дети Блиссов с каждым прожитым годом становились все более бледными и чахлыми, пока не угасали совсем – обычно до десятилетнего, а нередко и до двухлетнего

возраста. Немногие выжившие, включая Джо, к своему совершеннолетию были ниже ростом и щедедушнее большинства своих сверстников. Зимой их тела сотрясал кашель, сопровождаемый хроническим насморком и слезотечением. А по натуре своей они были людьми добрыми и покладистыми, с кротким взглядом и приветливой улыбкой, редко сходящей с лица.

Восемнадцати лет от роду, будучи сиротой, непригодным к физическому труду, Джо покинул Кембл, чтобы найти себе занятие по душе – сам еще не представляя, какое именно. Выбор пути был на все четыре стороны – в этом смысле Кембл ничуть не хуже любого другого места на земле, – но река обладает особым рода притяжением, и надо быть совсем уже не от мира сего, чтобы не пойти вслед за ее водами. Так Джо добрался до Рэдкота и, мучимый жаждой, заглянул в местный трактир. Худосочный юноша, с вялыми прядями черных волос на – по контрасту – чересчур бледном лице, тихо сидел в углу, потягивал эль из бокала, поглядывал на хозяйскую дочку и прислушивался к рассказам завсегдатаев. Это было так непривычно и увлекательно: очутиться среди людей, которые во всеуслышание рассказывали истории сродни тем, что крутились у него в голове с малолетства. И когда по завершении очередного рассказа возникла пауза, он открыл рот и начал: «Однажды, давным-давно...»

В тот день Джо Блисс нашел свое призвание. Темза привела его в Рэдкот, и здесь, в Рэдкоте, он остался. Немного попрактиковавшись, он научился подбирать верный тон для историй любого типа, будь то злободневные анекдоты, старинные предания и легенды, переложения фольклорных тем или волшебные сказки. Его подвижное лицо могло передавать самые разные эмоции – удивление, тревогу, испуг, облегчение и так далее – не менее убедительно, чем лица профессиональных актеров. И еще он обладал на редкость выразительными бровями. Густые и черные, эти брови участвовали в процессе повествования наравне с его голосом. Они сходились у переносицы с приближением особо значимого эпизода, подергивались, обращая внимание слушателей на какую-то важную деталь, или выгибались дугой с намеком на то, что данный персонаж может быть не тем, кем кажется поначалу. Следя за его бровями, вникая в их сложный танец, вы улавливали нюансы рассказа, которые в ином случае могли бы остаться незамеченными. За несколько недель регулярных вечерних посиделок в «Лебеде» он убедился в своей способности завораживать слушателей. Он также сумел заморозить Марго, а она еще ранее заморозила его.

В конце месяца Джо протопал шестьдесят миль до одного селения в

стороне от реки, где проводилось состязание рассказчиков. Он победил в этом состязании, а все призовые деньги потратил на обручальное кольцо. В Рэдкот он вернулся посеревшим от измождения, с неделю отлеживался, приходя в себя, а затем предстал перед Марго, опустился на одно колено и сделал ей предложение.

– Даже не знаю... – сказала ее мать, узнав эту новость. – Может ли он работать? Зарабатывать на жизнь? Как он будет обеспечивать семью?

– Проверь нашу выручку за последнее время, – посоветовала Марго. – И ты увидишь, насколько больше стало клиентов с тех пор, как Джо начал рассказывать свои истории. Допустим, я ему откажу, ма. Он может уйти отсюда в любое другое место. И что тогда?

Это было правдой. В те дни посетителей у них заметно прибавилось; они приходили даже из отдаленных местечек и засиживались дольше обычного, слушая истории Джо. И все, конечно, покупали выпивку. «Лебедь» процветал.

– Но здесь бывает столько сильных, красивых парней, которым ты нравишься, – не лучше ли выбрать кого-то из них?

– Мне нужен только Джо, – сказала Марго твердо. – Я люблю истории. И она настояла на своем.

С той поры прошло почти сорок лет, и за это время семья Марго и Джо сильно разрослась. В первые двадцать лет брака у них появилась дюжина здоровых дочерей. Все с густыми темно-русыми волосами и крепкими ногами, как у Марго. Теперь это были пухленькие разбитные молодки, улыбочивые и никогда не унывающие. Все они благополучно вышли замуж. Одна была чуть полнее, другая чуть стройнее, одна чуть выше, другая чуть ниже, одна чуточку смуглее, другая чуточку блее, но во всем прочем они настолько походили друг на друга, что даже завсегдатаи «Лебеда» не могли их различить; а когда выдавались особо хлопотные дни и дочери приходили в трактир помочь родителям с обслуживанием, их всех скопом и каждую в отдельности называли Марготками. После рождения двенадцатой дочурки в пополнении семейства наступила долгая пауза, и Джо с Марго решили, что она уже вышла из соответствующего возраста, но потом случилась последняя беременность, и на свет явился Джонатан, их единственный сын.

Короткошей и круглолицый, с миндалевидными раскосыми глазами, изящными ушами и тонким носом, с языком, который казался чересчур большим для его вечно растянутого в улыбке рта, Джонатан разительно отличался от остальных детей. С годами выяснилось, что отличия эти не только внешние. Теперь ему было пятнадцать, но если другим подросткам его возраста не терпелось поскорее стать мужчинами, то Джонатана вполне

удовлетворяла перспектива прожить всю свою жизнь в трактире вместе с мамой и папой; ничего иного он и не желал.

Марго все еще была энергичной и привлекательной женщиной, а волосы Джо побелели, хотя брови оставались такими же черными, как в юности. Ему уже исполнилось шестьдесят, а для Блиссов это очень преклонный возраст. Люди приписывали такое относительное долголетие неустанным заботам Марго. В последние годы он временами был настолько слаб, что по два-три дня не вставал с постели. Лежал с закрытыми глазами, но не спал – нет, в эти периоды он посещал какие-то места за пределами сна. Марго спокойно реагировала на эти его упадки сил. Она топила камин, чтобы воздух в комнате был сухим, подносила к его губам чашку с теплым бульоном, расчесывала его волосы и приглаживала брови. Заходившие его проведать сразу начинали тревожиться при виде больного, каждый хлюпающий вдох которого, казалось, мог стать последним, но Марго сохраняла спокойствие.

– Не волнуйтесь, он выздоровеет, – говорила она.

И он действительно всякий раз выздоравливал. Он был Блиссом, только и всего. Это речная вода просочилась внутрь Джо и заболотила его легкие.

Была ночь зимнего солнцестояния, самая долгая ночь в году. Неделю за неделей дни сокращались, сначала понемногу, затем все быстрее, так что темнеть начинало уже вскоре после обеда. Как известно, по мере удлинения лунных часов ослабевают связь человеческих существ с их искусственными, механическими часами. Люди начинают клевать носом в полдень, могут задремать при свете дня, чтобы затем, проснувшись, глядеть широко открытыми глазами в ночную тьму. Это время магии. И когда границы между ночью и днем утончаются до предела, то же самое происходит и с границами между мирами. Сны и фантазии сливаются с реальностью, живое соприкасается с мертвым на встречах курсах, прошлое и настоящее накладываются друг на друга. В это время могут происходить самые невероятные вещи. Могло ли зимнее солнцестояние как-то повлиять на загадочные события той ночи? Об этом судите сами.

Теперь, когда вы знаете все, что вам нужно знать для начала, пора приступить к собственно истории.

Бражники, собравшиеся в «Лебеде» той ночью, были завсегдатаями: в основном работяги с гравийных карьеров или салатных плантаций да матросы с речных барж, а также лодочный мастер Безант и старик Оуэн Олбрайт, который полвека назад уплыл вниз по реке до самого моря и через

двадцать лет вернулся в родные места богачом. Ныне его мучил артрит, и только крепкий эль вкупе с хорошей историей помогал на время забыть о боли в костях. Вся компания сидела здесь еще с вечерних сумерек, опустошая и повторно наполняя свои пивные бокалы, прочищая и снова набивая ядреным табаком свои трубки – и рассказывая истории.

Олбрайт вернулся к битве у Рэдкотского моста. Конечно, любая история, если ее пересказывать на протяжении пятисот лет, может несколько наскучить, но рассказчики находили возможности каждый раз оживлять ее новыми вариациями. Определенные вещи были четко зафиксированы в хрониках и в устной традиции: перемещение армий и их встреча, гибель рыцаря и его оруженосца, восемь сотен утонувших в болоте вояк, – но к смерти мальчика это не относилось. О нем вообще не имелось никаких сведений, кроме того, что жил некий мальчик, который не в добрый час оказался у Рэдкотского моста и там умер. А отсутствие достоверной информации уже давало простор воображению. Всякий раз, возвращаясь к этой истории, трактирные рассказчики оживляли неизвестного мальчишку только затем, чтобы умертвить его заново. За все эти годы он умирал бесчисленное число раз, все более экстравагантными и затейливыми способами. Когда история принадлежит вам, вы можете позволить себе вольное изложение. Но это дозволялось только местным – горе любому чужаку, если он заявится в «Лебедь» со своей версией происшедшего. Неизвестно, как бы отнесся сам мальчик к своим периодическим воскрешениям, но в данном случае важно запомнить тот факт, что для рассказчиков и посетителей «Лебеда» подобные воскрешения не были чем-то совсем уж противоестественным.

На сей раз Олбрайт выдумал юного циркача, который сопровождал войско и развлекал солдат во время привала. Жонглируя несколькими ножами, он поскользнулся в грязи и упал на спину, а ножи вонзились в сырую землю рядом с ним – все, кроме последнего, который угодил мальчишке прямо в глаз и убил его мгновенно. Это случилось еще до начала сражения. Новая придумка вызвала одобрителный гул, который, впрочем, быстро стих, позволяя рассказчику довести историю до конца уже по давно накатанной колее.

Далее возникла пауза. Считалось дурным тоном сразу начинать новую историю, не дав людям времени на осмысление предыдущей.

Джонатан был одним из самых внимательных слушателей.

– Я бы тоже хотел рассказать историю, – заявил он.

Несмотря на его улыбку – а улыбался он всегда, – эти слова были сказаны и восприняты всерьез. Он не был тупицей, хотя его учеба в школе

не заладилась: другие дети насмеялись над его необычным лицом и странным поведением, и через несколько месяцев он перестал посещать занятия. Чтение и письмо он так и не освоил. Но зимние завсегдатаи «Лебеда» давно привыкли к младшему Окуэллу со всеми его странностями.

– Что ж, попробуй, – предложил Олбрайт. – Расскажи нам что-нибудь.

Джонатан задумался. Он открыл рот и замер, ожидая, что вот-вот оттуда сама собой выйдет наружу какая-нибудь история. Но ничего не вышло. Его лицо потешно скривилось, а плечи затряслись от беззвучного смеха над самим собой.

– Не могу! – воскликнул он, отсмеявшись. – Ничего не получается!

– Значит, в другой раз. Попрактикуйся немного, и, как только будешь готов, мы тебя слушаем.

– Тогда ты расскажи историю, папа, – попросил Джонатан. – Расскажи!

Это был первый вечер Джо в зимнем зале после очередного приступа слабости. Он все еще был очень бледен и до сей поры сидел молча. В таком состоянии никто не ждал от него рассказа, но он среагировал на просьбу сына и с кроткой улыбкой устремил взгляд в дальний верхний угол комнаты, зачерненный многолетними наслоениями сажи и никотина. Именно оттуда, как полагал Джонатан, его отец выуживал свои истории. А когда Джо снова взглянул на собравшихся, он уже был готов к рассказу – и начал:

– Однажды, давным-давно...

В этот миг отворилась дверь.

Час был слишком поздний для новых посетителей. Кто бы то ни был, он не спешил входить. Струя холодного воздуха пригнула дрожащее пламя свечей и наполнила дымную комнату резкими запахами зимней реки. Бражники дружно повернули головы в сторону двери.

Все глаза это увидели, но долгое время никто никак не реагировал. Они пытались осмыслить то, что предстало их взорам.

Мужчина – если вошедший являлся мужчиной – был высок и атлетически сложен, но его лицо было настолько уродливым, что зрители невольно отшатнулись. Кто это мог быть – какое-нибудь чудовище из старой страшной сказки? Или им всем снился один и тот же кошмарный сон? Кривой приплюснутый нос, а под ним вместо рта – зияющий провал с темной кровью в глубине. Одно это могло бы напугать любого, но вдобавок к тому жуткое существо несло на руках большую куклу с восковым лицом, такими же восковыми конечностями и гладкими волосами.

Из оцепенения их вывел пришелец. Сначала он взревел – звук был таким же бессмысленно уродливым, как и рот, из которого он вырвался, – а

затем покачнулся и начал заваливаться навзничь. Два батрака успели вскочить со стульев и подхватили его как раз вовремя, иначе он размозил бы затылок о каменные плиты порога. Одновременно от камина метнулся Джонатан и, вытянув руки, поймал падающую куклу, солидный вес которой застал врасплох его суставы и мышцы.

Кое-как опомнившись, они уложили бесчувственного человека на стол. Еще один стол был придвинут под его ноги. Распрямив тело, они выстроились вокруг, подняв над ним свечи и лампы. Веки лежащего не дрогнули.

– Он что, помер? – озадачился Олбрайт.

Реакцией на эти слова стали нахмуренные лбы и невнятное бормотание присутствующих.

– Надо похлопать по щекам, – предложил кто-то. – Может, это его оживит.

– Глоток виски лучше поможет, – возразил кто-то другой.

Марго протолкалась к изголовью и внимательно осмотрела мужчину:

– Никаких пощечин. Только не по лицу в таком состоянии. И не лейте ничего ему в глотку. Погодите.

Она взяла подушку, лежавшую на скамье рядом с очагом, и вернулась к столу. При свете лампы разглядела белый конец стерженька, торчавший из наволочки. Подцепила его ногтями и выдернула из подушки пуховое перо. Все недоуменно следили за ее действиями.

– Наверяд ли ты сможешь пробудить мертвеца щекоткой, – сказал гравийщик. – Да и живого тоже, если он в беспамятстве.

– Я не собираюсь его щекотать, – ответила она. И положила перышко на губы мужчины.

Бражники глядели во все глаза. В первую секунду ничего не произошло, а затем пух слегка шевельнулся.

– Он дышит!

Но чувство облегчения быстро сменилось новым беспокойством.

– А кто он вообще такой? – спросил баржевой матрос. – Кто-нибудь его знает?

За этим вопросом последовало несколько минут многоголосого шума. Один старожил уверял, что знает всех без исключения людей на берегах реки от Касл-Итона до Даксфорда – а это добрый десяток миль, – но этого типа видит впервые. Другой, часто навещавший свою сестру в Лечлейде, не припомнил, чтобы кто-то похожий попадался ему в тех краях. Третий вроде бы где-то его встречал, но чем больше он вглядывался в человека на столе, тем меньше был готов рискнуть звонкой монетой в споре, подкрепляя свои

слова. Четвертый предположил, что он может быть из речных цыган, которые как раз в это время года обычно сплавлялись вниз по Темзе. Местные относились к ним с понятным подозрением и не забывали по вечерам накрепко запирают двери, предварительно занеся со двора в дом всю мало-мальски ценную утварь. Но данная версия отпала при одном лишь взгляде на добротную шерстяную куртку и дорогие кожаные ботинки незнакомца. Ничего общего с цыганским отребьем. Пятый после долгого вдумчивого созерцания торжествующе объявил, что ростом и комплекцией это точь-в-точь старина Лиддьярд с фермы Уайти – да и цвет волос разве не тот же самый? Однако шестой указал ему на старину Лиддьярда, который в ту самую минуту стоял по другую сторону стола; и вдумчивый созерцатель не смог отрицать очевидное. После этого обмена репликами все они – первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой и прочие – пришли к выводу, что незнакомец действительно не знаком никому из них. По крайней мере никто его не опознал. Хотя, чему тут удивляться, при такой-то расквашенной роже?

Наступившее затем озадаченное молчание было прервано голосом седьмого:

– Что же такое с ним стряслось?

Одежда незнакомца пропиталась водой, и от него исходил запах реки – этакий мутный зеленовато-коричневатый запах. Несчастье произошло на воде, в этом сомнения не было. Они заговорили о разных опасностях, подстерегающих людей на Темзе, которая всегда готова сыграть злую шутку даже с самыми опытными речниками.

– Опрокинулась лодка? Может, мне пойти ее поискать? – вызвался лодочный мастер Безант.

Тем временем Марго смывала кровь с лица пострадавшего, делая это быстро, но по возможности бережно. Она невольно вздрогнула, отвернув края глубокой раны, которая рассекла его верхнюю губу, так что два раздвинутых лоскута кожи обнажили осколки зубов и окровавленное небо.

– Забудьте вы о лодке, – сказала она. – Сперва надо заняться человеком. Тут дело серьезное, я сама не справлюсь. Кто сбегает за Ритой?

Она огляделась и остановила свой выбор на одном из молодых батраков, который был трезвее других по причине банального безденежья.

– Нит, парень ты вроде резвый. Сможешь быстро добраться до дома лекарши и позвать ее сюда? Только без спотыканий и падений – второй калека за одну ночь будет уже перебором.

Резвый парень отбыл без промедления.

А Джонатан все это время держался в стороне от остальных.

Промокшая кукла оттягивала ему руки, и он сел на стул, примостив ее у себя на коленях. Подумал о драконе из папье-маше, которого использовала в своей постановке труппа бродячих актеров на прошлое Рождество. Дракон был твердым и легким, а если постучать по нему пальцами, отзывался сухим гулким «тат-тат-тат». Но эта кукла была сделана из другого материала. Вспомнились тряпичные куклы, набитые рисом, – те были мягкими и увесистыми. Но ему еще не случалось видеть куклу таких размеров. Джонатан понюхал ее голову. Пахло рекой, но никак не рисом. Кукольная шевелюра состояла из натуральных волос, и он не смог понять, каким образом эти волосы прикреплены к голове. Ухо было воистину безупречным – не иначе как делалось по слепку с настоящего человеческого уха. Он подивился ресницам, идеально ровным и подогнанным одна к одной. Коснулся пальцем их упругих, влажных, щекочущих кончиков, и веко чуточку приоткрылось. Бережно, с максимальной осторожностью, он дотронулся до поверхности века и ощутил под ней нечто гладкое, округлое, одновременно твердое и податливое.

Какое-то темное, смутное чувство вдруг овладело его сознанием. Предоставленный самому себе – его родители и завсегдааи трактира собрались у стола, – он слегка встряхнул куклу. Ее рука соскользнула с колена Джонатана и свободно закачалась над полом, как не должны качаться руки обыкновенной куклы. Он ощутил внутри себя что-то вроде мощной, стремительно растущей приливной волны.

– Это настоящая девочка.

Над полумертвым незнакомцем продолжался спор, и никто не услышал Джонатана.

Он повторил, на сей раз громче:

– Это настоящая девочка!

Спорщики обернулись на голос Джонатана.

– Но она не просыпается, – добавил он.

Джонатан приподнял маленькое тело в мокрой одежде, чтобы другим было лучше видно.

Они подошли и окружили Джонатана. Дюжина пар глаз уставилась на девочку.

Ее кожа тускло мерцала, как вода пасмурным днем. Складки хлопчатобумажной рубашки облепили ее ноги, а голова повернулась и склонилась под углом, какой не мог быть предусмотрен ни одним кукольником. Она была не куклой, а настоящей девочкой, о чем никто из них не догадался, хотя теперь это казалось очевидным. Какой же мастер

станет вкладывать массу труда в создание столь совершенной куклы, чтобы затем нарядить ее в простенькое платье под стать бродяжкам и нищенкам? Кому взбредет в голову придать кукольному лицу такой жутковатый, безжизненный цвет? Какой творец, помимо самого Господа, способен создать эту линию скул, эту ножку с пятью очень разными, детально проработанными пальцами. Разумеется, это была маленькая девочка! И как получилось, что они не заметили этого сразу?

В комнате, всегда полной речей и споров, теперь стояла тишина. Отцы вспоминали своих отпрысков и мысленно клялись впредь относиться к ним только с любовью, и никак иначе. Пожилые мужчины, не имевшие детей, горько сокрушались по этому поводу, а бездетные молодые люди всем сердцем жаждали когда-нибудь побаяковать на руках собственных малышек.

Наконец это молчание было нарушено.

– Боже правый!

– Она мертва, бедная крошка.

– Утонула!

– Положи перо ей на губы, мама!

– Ох, Джонатан, для нее это слишком поздно.

– Но с мужчиной это получилось!

– Нет, сынок, он дышал и до этого. Просто перышко показало нам, что в нем еще осталась жизнь.

– Может, она остается и в ней!

– Увы, эта бедняжка скончалась, по ней сразу видно. Она не дышит, да и цвет лица – взгляни на ее кожу. Кто отнесет несчастное дитя в длинную комнату? Сделай это, Хиггс.

– Но там сейчас холодно, – запротестовал Джонатан.

Мать погладила его по плечу:

– Ей это не навредит. Сейчас она уже не с нами. А в тех местах, куда она отправилась, холодов не бывает.

– Позволь мне самому ее нести.

– Ты понесешь фонарь и откроешь дверь для мистера Хиггса. Она тяжеловата для тебя, мой милый.

Дюжий гравийщик взял девочку из слабеющих рук Джонатана и поднял ее с такой легкостью, словно она весила не больше гуся. Джонатан с фонарем шагал впереди, освещая путь. Они вышли наружу, завернули за угол дома и направились к небольшому каменному флигелю. За дубовой дверью обнаружилось узкое вытянутое помещение без окон, используемое в качестве кладовой. Земляной пол, голые стены, никогда не знавшие штукатурки, покраски или какой-нибудь другой отделки. В теплые месяцы

это место отлично подходило для кратковременного хранения оципанных уток или улова форели, а в такую зимнюю ночь холод здесь пробирал до костей. По всей длине одной из стен тянулась низкая полка, на которую Хиггс и поместил маленькое тело. При этом Джонатан, вдруг вспомнив о хрупкости папье-маше, успел придержать голову девочки – «чтобы не повредилась».

Хиггс приблизил фонарь к лицу девочки.

– Ма говорит, что она мертва, – сказал Джонатан.

– Это верно, малец.

– Ма говорит, что она сейчас в другом месте.

– Так и есть.

– По виду она все еще здесь.

– Но ее мысли уже не с ней. Ее душа отлетела.

– А может, она просто спит?

– Нет, малец. Иначе она бы уже проснулась.

В мерцающем свете фонаря по неподвижному лицу скользили тени, а его теплый свет пытался скрасить мертвенную бледность кожи, но это не могло послужить заменой внутреннему свечению жизни.

– Однажды была девушка, проспавшая целых сто лет. Потом ее разбудили поцелуем.

Хиггс раздраженно поморщился:

– Это всего лишь сказка.

Круг света переместился с лица девочки на пол под ногами Хиггса, когда тот направился к выходу, но уже в дверном проеме обнаружил, что Джонатан не идет за ним следом. Развернувшись, он поднял фонарь как раз вовремя, чтобы заметить, как Джонатан наклоняется и целует детский лоб.

Несколько мгновений Джонатан сосредоточенно смотрел на девочку. Потом ссутулил плечи и отвернулся.

Они покинули флигель и заперли за собой дверь.

Тело без истории

В двух милях от Рэдкота жил врач, но никто даже не подумал послать за ним. Он был стар, брал за лечение втридорога, а после этого лечения его пациенты частенько отдавали концы, что не очень-то вдохновляло. Вместо этого они поступили разумнее: послали за Ритой.

И вот через полчаса после того, как незнакомца уложили на сдвинутые столы, снаружи раздались шаги, дверь отворилась, и в трактир вошла женщина. Если не считать Марго и ее дочерей, которые были такой же неотъемлемой частью «Лебеда», как его дощатые полы и каменные стены, сюда редко заглядывали женщины, так что все глаза сразу нацелились на Риту Сандей. Она была среднего роста при нейтральном – ни светлом, ни темном – цвете волос. В остальном же ее внешность усреднению не поддавалась. Как правило, оценивающий взгляд мужчин отмечал недостатки практически во всем. Слишком высокие и острые скулы, слишком большой нос, слишком широкий и выступающий вперед подбородок. У нее был красивый разрез глаз, но им не очень подходил серый цвет, как и манера слишком пристально вглядываться в окружающий мир из-под идеально симметричных бровей. Она уже достигла того возраста, когда женщину перестают называть молодой, и многие ее сверстницы более не удостаивались мужских оценок, но с Ритой было иначе, поскольку – даже при не очень эффектной внешности и тридцати с лишним годах одинокой жизни – какая-то изюминка в ней все же сохранилась. Может, причиной тому была ее личная история? Известная в округе лекарка и повитуха, она родилась в женском монастыре, где и жила до совершеннолетия, а медицинские знания и навыки приобрела в монастырской лечебнице.

Итак, Рита вошла в зимний зал «Лебеда». Как будто не замечая устремленных на нее взглядов, она деловито расстегнула пуговицы и сняла скромное шерстяное пальто. Платье под ним было темным, без всяких украшений.

После этого она сразу направилась к столам, на которых лежало окровавленное и по-прежнему бесчувственное тело.

– Я нагрела для тебя воду, Рита, – сказала Марго. – И приготовила куски ткани, все чистые. Что еще нужно?

– Больше света по возможности.

– Джонатан принесет лампы и свечи со второго этажа.

– Еще понадобится... – вымыв руки, Рита осмотрела разорванную губу незнакомца, – понадобится бритва и человек с умелой и твердой рукой, чтобы его побрить.

– С этим справится Джо, верно?

Джо кивнул.

– И спиртное. Самое крепкое, какое у вас есть.

Марго отомкнула замок особого шкафчика, достала оттуда зеленую бутылку и поставила ее рядом с сумкой Риты. Бражники тотчас впились глазами в сосуд. Отсутствие на нем этикетки предполагало, что внутри находится местный самогон, достаточно крепкий, чтобы свалить с ног любого.

Двое речников, державших лампы над самой головой мужчины, наблюдали за тем, как Рита исследует дыру, некогда бывшую его ртом. Двумя испачканными в крови пальцами она вынула оттуда сломанный зуб. Через несколько секунд к нему добавилась пара других. Затем ее чуткие пальцы прошлись по его все еще влажным волосам. Она проверила каждый дюйм черепа.

– Травмировано только лицо. Могло быть хуже. Теперь давайте снимем с него эту мокрую одежду.

Бражники, казалось, вздрогнули все разом. Незамужняя женщина не может раздевать мужчину, не нарушая при этом естественный порядок вещей.

– Марго, – спокойно продолжила Рита, – не проследишь за мужчинами, когда они будут это делать?

Она повернулась спиной к остальным и начала выкладывать на соседний стол разные предметы из своей сумки. Марго призвала добровольных помощников быть осторожными при снятии одежды – «Мы не знаем, в каких еще местах он может быть ранен, так что не сделайте ему хуже!», – а иногда и сама расстегивала пуговицы и развязывала шнурки опытными материнскими руками, если кто-то был для этого чересчур пьян или недостаточно ловок. На полу постепенно выростала груда снятой одежды: военно-морской бушлат со множеством карманов (под стать курткам речников, только из лучшей материи), ботинки из прочной кожи с новыми подметками, настоящий ремень вместо веревочного пояса, каким обходятся простые матросы, кальсоны из чесаной шерсти и вязаная безрукавка под войлочной рубахой.

– Кто он? Вы это выяснили? – спросила Рита, не глядя в их сторону.

– Вряд ли кто-то из нас встречал его раньше. Но сказать точно нельзя, ведь на нем и лица-то нет.

– Его куртку вы уже сняли?

– Да.

– Тогда пусть Джонатан проверит карманы.

Когда она вновь повернулась к столу, незнакомец был раздет догола, и только белый носовой платок на причинном месте служил защитой для его скромности и для репутации Риты.

Она вновь почувствовала на себе взгляды искоса.

– Джо, надо побрить его верхнюю губу как можно чище. Понятное дело, выйдет не очень, но ты уж постарайся. И бережнее в районе носа – он сломан.

Далее Рита приступила к осмотру. Сначала ощупала ступни, затем перешла к лодыжкам, голеням, икрам... Ее белые руки отчетливо выделялись на фоне смуглой обветренной кожи.

– А он явно не был домоседом, – заметил гравийщик.

Рита ощупывала кости, связки, мышцы, при этом стараясь не смотреть на голое тело, словно ее пальцы видели все даже лучше, чем ее глаза. Так она продвигалась без задержек, сразу определяя, что в данном месте все в порядке.

На правом бедре пальцы Риты начали обходить стороной белый платок – и вдруг остановились.

– Посветите здесь, пожалуйста.

По всему боку пациента тянулась глубокая ссадина. Рита смочила жидкостью из зеленой бутылки тряпицу и приложила ее к ране. Стоявшие вокруг мужчины сочувственно поморщились, однако пациент даже не шевельнулся.

Рука незнакомца, вытянутая вдоль бедра, распухла вдвое против нормального. Пятна крови чередовались на ней с участками бледной, как бы обесцвеченной кожи. Рита обтерла руку проспиртованной тряпицей, но некоторые пятна удалить не получилось даже с двух-трех попыток. Они скорее походили на чернильные кляксы, чем на синяки и засохшую кровь. Заинтересовавшись, она приподняла руку, чтобы рассмотреть пятна поближе.

– Он фотограф, – заявила она.

– Разрази меня гром! С чего ты взяла?

– Поглядите на его пальцы. Видите эти отметины? Они от нитрата серебра. Его используют при проявке фотографий.

Пока все остолбенело переваривали эту новость, она быстро осмотрела участки по периметру белого платка. Прощупала брюшную полость и убедилась в отсутствии внутренних повреждений, затем

двинулась выше, выше, сопровождаемая светом ламп, пока платок не затерялся в тени, и теперь мужчины могли быть спокойны: Рита вернулась в рамки приличий.

Частично сбритая густая борода не сделала облик незнакомца менее отталкивающим. Изуродованный нос стал еще заметнее, а рваная рана от губы до щеки выглядела в десять раз хуже, когда ее полностью открыли для обзора. Глаза, обычно в первую очередь оживляющие лицо человека, скрылись под отеками веками. На лбу вздулась кровавая шишка; Рита извлекла из нее щепки чего-то похожего на темное дерево, промыла ранку и после этого переключила внимание на рассеченную губу.

Марго подала ей иглу с нитью, предварительно простерилизовав их спиртным. Рита проткнула кожу иглой, и в этот момент огонек свечи задрожал в чьей-то нетвердой руке.

– Все, кому трудно стоять, присядьте, – распорядилась она. – Хватит мне одного пациента.

Но никто не пожелал садиться и тем выказывать свою слабость.

Рита сделала три аккуратных стежка, протягивая нить через края раны. Некоторые мужчины отворачивались, а другие смотрели не отрываясь, как замороженные. Шутка сказать: человеческое лицо сшивали, словно какой-нибудь порванный воротник.

Когда с этим было покончено, раздался дружный вздох облегчения.

Рита критически оглядела свою работу.

– Теперь он смотрится получше, – признал один из речников. – Хотя, может статься, мы просто притерпелись к его виду.

– Хм... – произнесла Рита с сомнением.

Она потянулась к лицу незнакомца, зажала его нос между большим и указательным пальцем и резко повернула. Раздался неприятный хрустяще-хлопающий звук смещаемых костей и хряща – и тут же пламя свечи отчаянно заметалось из стороны в сторону.

– Держите его, быстрее! – вскричала Рита, и во второй раз за эту ночь паре проворных батраков пришлось подхватывать падающего человека – теперь это был гравийщик, у которого подкосились ноги.

При этом свечи всех троих упали на пол и погасли, так что финал этой сцены скрылся в полумраке.

– Нелегкая выдалась ночка, чего уж там, – проворчала Марго, когда свечи были подняты и зажжены вновь. – Думаю, будет лучше перенести этого бедолагу в постоянную комнату.

В былые времена, когда Рэдкотский мост был единственной переправой через реку на протяжении многих миль, делавшие крюк

путники регулярно останавливались на ночлег в «Лебеде»; и хотя те времена канули в Лету, а спальня в конце коридора давно уже не видела постояльцев, ее по старой привычке называли «постоялой комнатой». Рита проследила за перемещением пациента, которого уложили на кровать и накрыли одеялом.

– Перед уходом я бы взглянула на девочку, – сказала она.

– Хочешь помолиться за упокой несчастного дитя? Дело хорошее.

В понимании местных жителей Рита не только была первостатейной лекаршей, но и – с учетом ее монастырского прошлого – при случае вполне могла бы подменить приходского священника.

– Вот ключ. И прихвати фонарь.

Надев шляпу и пальто, Рита обмотала низ лица шарфом, покинула трактир и направилась к флигелю.

Рита Сандей не боялась мертвецов. К ним она привыкла с детства, да и сама явилась на свет из тела уже мертвой матери. Вот как это произошло: тридцать пять лет назад некая женщина, будучи на сносях и в совершенном отчаянии, бросилась в реку. К тому времени, как ее заметил и вытащил из воды оказавшийся поблизости лодочник, она была уже на три четверти мертва. Лодочник доставил утопленницу в монастырь Годстоу, где сестры выхаживали сирых и убогих. Там она протянула достаточно долго, чтобы начались роды. Но она так и не оправилась от потрясения, была слишком слаба и скончалась во время родовых схваток. Тогда сестра Грейс закатала рукава, взяла скальпель, сделала неглубокий надрез на чреве мертвой женщины и достала оттуда живого младенца. Никто не знал имени матери, да и в любом случае монахини не назвали бы ее именем новорожденную, ибо покойница была повинна как минимум в трех грехах – блудодействе, самоубиении и попытке умертвить собственное дитя, – и оставлять ребенку хоть какую-то память о ней было бы богопротивным деянием. Посему девочку назвали Маргаритой, в честь одноименной святой, а в обиходе это имя сократилось до Риты. Что же касается фамилии, то, за отсутствием сведений об отце, ее называли Сандей^[2] – в честь праздничного дня Отца Небесного (такова была традиция наименования сирот в данном монастыре).

Юная Рита все схватывала на лету, проявляя особый интерес к медицине, и вскоре для нее нашлась работа в монастырской больнице. Бывают задания, с которыми может справиться даже ребенок: каждый день в восемь утра она убирала постели, стирала окровавленные простыни и наволочки, а в полдень таскала ведра с горячей водой и помогала обмывать умерших. К пятнадцати годам Рита самостоятельно обрабатывала раны,

накладывала шины и швы, а к семнадцати научилась всему, что должны уметь медсестры, включая прием родов. Она вполне могла бы остаться в Годстоу, постричься в монахини и посвятить свою жизнь служению Господу и уходу за больными, если бы не откровение, посетившее ее однажды днем во время сбора целебных трав на берегу реки: она внезапно поняла, что другой жизни, помимо этой, не существует. Это была греховная мысль с точки зрения всего, чему ее учили, но вместо чувства вины Рита испытала облегчение. Если не существовало рая, то не было и ада, а если не было ада, то и ее неведомая мать не была обречена на вечные муки, а просто-напросто покинула сей мир, исчезла без лишних страданий. Она сообщила монахиням об этой метаморфозе, и те еще не успели оправиться от священного ужаса, а Рита уже покидала обитель со свертком из своей ночнушки и пары панталон, не прихватив даже расческу.

– Но как же твой долг? – крикнула ей вслед сестра Грейс. – Долг перед Богом и больными людьми!

– Больные есть повсюду! – прокричала она в ответ, а сестра Грейс добавила:

– Как и Бог.

Но последние слова она произнесла тихо, и Рита их уже не услышала.

Молодая медсестра работала сначала в Оксфордской больнице, а позднее, хорошо себя зарекомендовав, получила место ассистентки при одном, весьма просвещенном, лондонском докторе.

– Когда вы выйдете замуж, это станет большой потерей для меня и нашей профессии, – не раз говаривал доктор, замечая, как очередной пациент оказывает ей знаки внимания.

– Замуж? Это не по мне, – всякий раз отвечала она.

– А почему бы и нет? – продолжил он разговор после дюжины таких ответов.

– Я могу принести больше пользы этому миру как медсестра, чем в качестве жены и матери.

Но то была лишь половина правды.

Вторую половину он узнал несколько дней спустя. Они принимали роды у молодой женщины, одних лет с Ритой. Это был ее третий ребенок. В предыдущих случаях все прошло гладко, и не было причин опасаться каких-либо осложнений. Плод был расположен нормально, роды не слишком затянулись, акушерские щипцы не понадобились, плацента отделилась полностью. Но после того им никак не удавалось остановить кровотечение. Кровь текла, и текла, и текла, пока пациентка не истекла ею окончательно.

Доктор вышел в соседнюю комнату для разговора с ее мужем, а Рита тем временем аккуратно сворачивала кровавые простыни. Она уже давно потеряла счет умершим роженицам.

Когда доктор вернулся, у нее все было готово к отбытию. Они молча вышли из дома на улицу. А через несколько шагов она сказала:

– Не хочу умереть таким образом.

– Я вас понимаю, – сказал он.

У доктора был друг, некий джентльмен, который часто навещался к ужину и покидал дом только на следующее утро. Рита никогда об этом не говорила, хотя доктор понимал, что она догадывается о его любовной связи с этим мужчиной. Своим молчанием Рита давала понять, что относится к этому делу спокойно и будет держать язык за зубами и впредь. Через несколько месяцев, хорошенько все обдумав, он сделал ей неожиданное предложение.

– Почему бы вам не выйти за меня? – сказал он как-то раз в перерыве между пациентами. – В нашем браке не будет... сами понимаете чего. Но мне это пришлось бы кстати, да и вы могли бы получить определенные выгоды. И нашим пациентам это понравится.

Она обдумала предложение и согласилась. Они обручились, но незадолго до свадьбы он заболел пневмонией, слег и умер, а ведь был еще молодым. В последние дни жизни он призвал нотариуса, чтобы изменить завещание. Свой дом со всей обстановкой он завещал тому самому джентльмену, а Рите оставил немаленькую сумму денег – во всяком случае, достаточную для пусть и скромного, но независимого существования. Он также завещал ей свою домашнюю библиотеку. Рита продала букинистам все тома, кроме медицинских и научных, упаковала вещи и отправилась вверх по реке. Когда их катер приблизился к Годстоу, она посмотрела на монастырь и вдруг ощутила острую боль, вспомнив о своей утраченной вере.

– Причалить здесь? – спросил лодочник, неверно истолковав ее напряженный взгляд.

– Плыдем дальше, – сказала она.

И они плыли еще один день и еще одну ночь, пока не достигли Рэдкота. Рите приглянулось это место.

– Вот здесь, – сказала она лодочнику. – Это мне подойдет.

Она купила небольшой коттедж, расставила на полках свои книги и оповестила лучшие из местных семейств о том, что у нее есть рекомендательное письмо от лондонского медицинского светила. А после того как она успешно излечила нескольких больных и обслужила дюжину

рожениц, ее репутация в округе утвердилась прочно. Теперь лучшие местные семьи не желали видеть никаких других врачей, кроме Риты, если кто-то из них готовился прийти в наш мир либо его покинуть, а равно при всех медицинских кризисах в промежутке между этими событиями. Ее услуги хорошо оплачивались – и на жизнь хватало с лихвой, и понемногу округлялся капитал, полученный от покойного доктора. Некоторые из ее пациентов были достаточно богаты, чтобы позволить себе ипохондрию, и она всегда терпеливо выслушивала их нытье, поскольку щедрая плата за такие визиты позволяла ей брать по минимуму с по-настоящему больных бедняков, а то и вовсе лечить их даром, если врачебная помощь была им не по карману. Свой досуг она проводила дома в тихом уединении, методично штудировала книги из библиотеки доктора (о нем самом она почти не думала и никогда не упоминала в качестве своего бывшего жениха) или занималась приготовлением лекарств.

С той поры Рита прожила в Рэдкоте без малого десять лет. Вид мертвецов ее нисколько не пугал – ей нередко доводилось ухаживать за умирающими, наблюдать их угасание и констатировать смерть. Смерть от болезней, смерть при родах, смерть от несчастных случаев. Смерть вследствие злого умысла (пару раз случалось и такое). Смерть могла быть и долгожданной гостьей для зажившихся на этом свете стариков. Монастырская больница Годстоу стояла на самом берегу, так что и утопленников она с юных лет навидалась достаточно.

Именно такая смерть пришла на ум Рите той холодной ночью, когда она быстро шагала к флигелю. Смерть от утопления не была редкостью в этих местах. Ежегодно река забирала несколько жизней. Для этого много не нужно: лишняя порция выпивки, один неосторожный шаг, секундная потеря внимания. Первым увиденным ею утопленником был мальчишка двенадцати лет – лишь годом младше ее самой в то время, – поскользнувшийся, когда пел и дурачился на краю шлюза. Следующим оказался летний пикниковый бражник, который оступился, выбираясь из лодки на причал, и в падении ударился обо что-то виском, а его приятели были слишком пьяны, чтобы оказать помощь. Потом был выпендренный студент, который золотым осенним деньком сиганул в реку с верхней точки Уолверкотского моста и, возможно, в последний миг жизни еще успел подивиться тамошней глубине и силе течения. Река есть река, в любое время года. Были и молодые женщины, подобные ее матери, – покинутые их возлюбленными и отвергнутые семьями, эти несчастные предпочли позору и нищете объятия речных вод, избавляющие от всего этого. И еще были младенцы, нежеланные комочки плоти, маленькие зачатки жизни,

сгинувшие в реке прежде, чем эта жизнь предоставила им хоть какой-то шанс. Все это она видела.

Дойдя до флигеля, Рита повернула ключ в замке. Воздух внутри показался ей даже более холодным, чем снаружи. Этот холод через ноздри проник в носовую полость, явственно обозначая каждый ее изгиб и каждый проход, а оттуда поднялся ко лбу. Вместе с холодом пришли запахи земли, камня и по преимуществу реки. Все ее чувства внезапно обострились.

Слабый свет фонаря не добирался до углов комнаты, но маленькое тело в ее глубине все же проявилось тусклым, серовато-голубым сиянием. Причиной столь странного эффекта была чрезвычайная бледность кожи, но человек с живым воображением мог бы подумать, что лицо и конечности трупа светятся сами по себе.

Приближаясь к девочке, Рита ощутила необычное беспокойство. На вид ей было около четырех лет. Белая кожа. Рубашка без рукавов из самой дешевой материи. Руки и лодыжки обнажены. Все еще влажная материя складчато облепила тело.

Машинально, по усвоенной еще в монастырской больнице привычке, Рита приступила к осмотру. Проверила дыхание. Приложила два пальца к детской шее, нащупывая пульс. Подняла веко, чтобы взглянуть на зрачок. И пока она выполняла эти привычные действия, в сознании ее эхом отдавалась молитва, как будто исполняемая негромким хором женских голосов: «Отче наш, сущий на небесах...» Она это слышала, но ее губы не шевелились в такт.

Нет дыхания. Нет пульса. Зрачки расширены и не реагируют на свет.

Тем не менее странное чувство не покидало Риту. Она стояла над телом девочки, гадая, чем могло быть вызвано это беспокойство. Возможно, виной тому был всего лишь холод.

Мертвое тело можно читать, как книгу, если у вас есть опыт по этой части, а у Риты такого опыта было с избытком. «Когда», «как» и «почему» – все написано в этой книге, надо только иметь верный глаз. И Рита приступила к повторному осмотру, настолько тщательному и всестороннему, что за делом и думать забыла о противном холоде. При мерцающем свете фонаря она, щурясь и наклоняясь ниже, обследовала каждый дюйм детского тела. Она поднимала руки и ноги, проверяла, как сгибаются суставы. Она заглядывала в уши и ноздри. Она проверила полость рта. Она осмотрела каждый палец на руках и ногах. Покончив со всем этим, она отступила назад и нахмурилась.

Что-то здесь было не так.

Склонив голову набок и озадаченно скривив губы, Рита начала

вспоминать все, что знала об утопленниках. Она знала, в каких случаях их тела покрываются морщинами и когда они распухают. Она знала характерные особенности их кожи, волос и ногтей. Ничего подобного не наблюдалось в данном случае, но это могло значить лишь то, что ребенок пробыл в воде не очень долго. Со слизью тоже была неясность. При утоплении по краям рта и ноздрей выступает слизь, однако на лице девочки ничего такого не было. Но и этому можно было найти объяснение: девочка попала в воду, уже будучи мертвой. Ладно, допустим. Но тогда возникал еще более тревожный вопрос. Если девочка не утонула, то что с ней произошло? Череп не поврежден; на руках и ногах ни царапины. Нет синяков на шее. Ни одна кость не сломана. Нет признаков травм внутренних органов. Рита знала, на какие мерзости способны некоторые люди, и в ходе осмотра проверила гениталии девочки, но не обнаружила никаких следов надругательства.

Может, она умерла естественной смертью? Однако на больную она совсем не походила. Напротив, судя по весу тела, состоянию кожи и волос, это был совершенно здоровый ребенок.

Вполне достаточно странностей, чтобы сбить с толку, но и это еще было не все. Даже если предположить, что девочка умерла естественной смертью и потом – по каким-то невообразимым причинам – была брошена в реку, на ее теле не могли не остаться следы посмертных повреждений. Царапины от трения о песок и камни, разрывы мягких тканей от контактов с корягами и другими предметами на речном дне. Сила течения здесь такова, что даже у взрослых утопленников ломаются кости, а при столкновении с опорами моста раскалывается череп. Но на этом теле не было ни царапин, ни кровоподтеков, ни разрывов тканей. Оно было в идеальном состоянии. «Как кукла», – сказал ей Джонатан, описывая сцену с падением девочки ему на руки, и сейчас Рита понимала, почему он считал ее таковой в первую минуту. Еще при осмотре она отметила чистоту и гладкость кожи на ступнях девочки – как будто эти ноги никогда не ходили по земле. Перламутровые ноготки были безупречны, как у младенца. То, что смерть не оставила на ней никаких отметин, было очень странно, однако таковых не оставила и жизнь, а это уже выходило за пределы понимания Риты.

Любое тело может рассказать свою историю, как книга, – но тело этого ребенка являло собой девственно-чистый лист.

Рита сняла фонарь с крюка на стене и направила свет в лицо девочки, однако и здесь читать оказалось нечего. Невозможно было представить хоть какой-нибудь отпечаток – миловидно-кокетливый? робко-задумчивый?

хитровато-озорной? – который при жизни могли нести на себе эти пустые, как будто незавершенные черты. Если когда-то это лицо и выражало любопытство, безмятежность или нетерпение, то жизнь не успела запечатлеть следы этих эмоций на внешности.

Еще совсем недавно – не более двух часов назад – тело и душа этой маленькой девочки были единым целым. Эта мысль, несмотря на всю врачебную подготовку и весь жизненный опыт Риты, вдруг вызвала в ней целую бурю чувств. И далеко не в первый раз с тех пор, как их пути с Господом разошлись, ей захотелось обратиться к Нему. К тому самому Господу, который в ее детские годы все видел, все знал и все понимал. Какой же простой была ее жизнь, когда неопытная и растерянная девчонка утешалась верой в Отца Небесного, которому ведомо все в этом мире. Тогда она могла вынести любое собственное незнание, будучи уверена, что Он знает это наверняка. Но сейчас...

Она взяла руку девочки – идеальную руку с пятью идеальными пальцами и ноготками, – положила ее на свою ладонь и накрыла другой ладонью.

Это неправильно! Все это неправильно! Так не должно быть!

И тогда это случилось.

Чудо

Прежде чем Марго погрузила одежду незнакомца в бадью с водой, Джонатан обшарил его карманы. Результат был следующим:

Один размокший пухлый кошелек с изрядной суммой, которой должно было хватить для покрытия любых возможных расходов, и еще осталось бы на угощение всей честной компании после того, как незнакомец придет в себя.

Один мокрый носовой платок.

Одна курительная трубка, в хорошем состоянии, и жестянка с табаком. Открыв плотно прилегающую крышку, они обнаружили, что содержимое не промокло. «Ну хоть что-то его порадует», – рассудили они.

Одно большое кольцо с подвешенными к нему разными хитроумными инструментами, что поставило их в тупик. «Может, он часовщик? – гадали собравшиеся. – Замочный мастер? Или взломщик?» Подсказкой стал следующий предмет.

Одна фотографическая пластинка. Тут они вспомнили темные пятна на его пальцах и слова Риты о том, что он может быть фотографом. Теперь это предположение показалось им более основательным. Инструменты могли быть как-то связаны с этой профессией.

Джо взял снимок из руки сына и осторожно протер его шерстяным рукавом, удаляя капли воды.

На фото был изображен угол какого-то поля, развесистый ясень – и, собственно, все.

– Видал я картинки и получше, – заметил кто-то.

– Тут не хватает церковного шпиля или домика с соломенной крышей, – добавил другой.

– Непохоже, чтобы он снимал что-то конкретное, – произнес третий, озадаченно скребя пятерней затылок.

– Да это же исток Темзы на Трусбери-Миде, – сказал Джо. Только он из всей компании опознал это место.

Остальные не нашли что сказать, а потому просто пожали плечами. Снимок был помещен на теплую каминную полку, и тогда настал черед последнего предмета из карманов незнакомца.

Жестяная коробка с пачкой визитных карточек. Кто-то взял самую верхнюю и протянул ее Оуэну, который считался лучшим чтецом из них всех. Оуэн поднес поближе свечу и прочел вслух:

Генри Донт из Оксфорда
Портреты, пейзажи, городские и сельские виды
Также: почтовые открытки, путеводители, рамки для
фотографий
Лучшие виды Темзы

– Рита была права! – вскричали они. – Она говорила, что он фотограф, и вот доказательство.

Оуэн зачитал адрес на Хай-стрит в Оксфорде.

– С кем можно будет завтра переслать это в Оксфорд? – спросила Марго. – Кто-нибудь знает?

– Муж моей сестры баржами возит туда сыр, – сказал гравийщик. – Могу сходить к ним и узнать, когда у него рейс.

– Баржа будет плестись аж два дня.

– Нельзя, чтобы его родные два дня не имели о нем вестей.

– А он точно отправится завтра, этот твой родственник? Если так, он не успеет вернуться домой к Рождеству.

– Значит, остается поезд.

Эту задачу возложили на Мартинса. Завтра у него был выходной на ферме, а его сестра жила в пяти минутах ходьбы от станции в Лечлейде. Было решено, что он переночует в доме сестры, чтобы утром успеть на первый поезд. Марго дала ему денег на билет; он несколько раз вслух повторил оксфордский адрес, чтобы лучше его запомнить, и удалился с шиллингом в кармане и новехонькой историей, уже вертевшейся на кончике языка. У него впереди была шестимильная прогулка по берегу реки, во время которой он сможет эту историю отрепетировать и довести до совершенства, чтобы затем поведать сестре.

Остальные бражники не спешили расходиться по домам. Обычные рассказы в этот вечер более не звучали – кому нужны выдуманные истории, когда на ваших глазах разворачивается самая настоящая? – так что они молча наполнили свои кружки и стаканы, набили трубки и поудобнее усадились на стульях. Джо убрал бритвенные принадлежности и вернулся на свое место, откуда время от времени доносилось его негромкое покашливание. Джонатан, сидевший на табурете у окна, приглядывал за дровами в очаге и за нагаром на свечах. Марго старым вальком утрамбовала мокрую одежду в бадье и хорошенько ее раскрутила, а затем вернула на плиту кастрюлю, наполненную пивом с пряностями. Аромат муската и гвоздики смешался с запахами табака и горящих поленьев, перебивая промозглый речной дух.

Бражники вновь заговорили, пытаясь подобрать слова для превращения событий этого вечера в полноценную историю.

– При виде его в дверях я был поражен. Нет, потрясен. Это слово больше подходит. Потрясен.

– А я прям осто́лбенел.

– И я тоже. Я был потрясен и потом осто́лбенел. А как вы?

Они были коллекционерами слов примерно так же, как многие гравийщики коллекционируют найденные в карьере ископаемые останки. Они все время держали ухо остро, охочие до всего редкого, необычного, уникального.

– А вот я назвал бы себя «ошарашенным».

Для пробы они взвесили это слово на своих языках. Совсем неплохо. Их коллега был удостоен одобрительных кивков.

Он был новичком для «Лебеда» и для здешних рассказов, пока еще только осваиваясь.

– А как насчет «огорошенного»? Могу я так выразиться?

– Почему бы нет? – подбодрили его. – Будь «огорошенным», если тебе так нравится.

В трактир вернулся лодочный мастер Безант. Лодки тоже могут рассказывать истории, и он ходил узнать, что скажет ему эта. Все собравшиеся ждали его слов с нетерпением.

– Я ее отыскал, – сообщил он. – Разбит борт по всей длине. Столкнулась с чем-то ужасным и дала течь. Она была наполовину затоплена. Я выволок ее на берег и перевернул, но отремонтировать уже нет смысла. С этой лодкой все кончено.

– Что, по-твоему, могло приключиться? Лодка врезалась в пристань?

Он покачал головой с уверенным видом:

– Нет, скорее что-то свалилось на лодку. Или ударило сверху. – Он поднял руку над головой и с силой ударил ею по ладони другой руки, иллюстрируя происшедшее. – Это не причал – тогда борт был бы вмят снаружи.

Теперь вся компания начала перебирать вероятные места этого крушения вниз и вверх по реке – фарлонг за фарлонгом^[3], мост за мостом, – сопоставляя их с повреждениями, которые получили лодка и человек в ней. Все они были речниками в той или иной степени – если и не по профессии, то по привычке жить на берегу реки, – и у каждого нашлось что сказать по этому поводу. В своем воображении они разбивали маленькую лодку о каждый мол и каждый причал, каждый мост и каждое мельничное колесо выше и ниже по течению, но ни одна версия не

выглядела убедительной. Наконец дошла очередь до Чертовой плотины.

Эта плотина имела несколько быков из плотно подогнанных друг к другу ясеневых свай, которые были установлены поперек реки через равные промежутки, в свою очередь перекрытые деревянными щитами, толстыми, как стены дома. Щиты можно было опускать и поднимать, то преграждая путь воде, то позволяя ей течь между быками. Обычно лодки огибали плотину по специально устроенному волоку. Рядом на берегу находился трактир, в котором почти всегда можно было найти помощников, которые за порцию выпивки соглашались подсобить с транспортировкой лодки по суше. Но изредка – когда щиты были подняты, а река спокойна – опытные лодочники на достаточно легких и вертких посудинах экономили время, проходя сквозь плотину. Здесь требовалось точно направить лодку по центру узкого прохода и в нужный момент сложить весла, чтобы не разбить их о быки. А при высоком уровне воды лодочнику приходилось еще и нагибаться либо вообще ложиться на спину, чтобы не стукнуться головой о перекрытие над проходом.

Они обсудили все эти опасности применительно к травмам незнакомца. И к повреждениям его лодки.

– Стало быть, это случилось там? – спросил Джо. – Он попал в беду на Чертовой плотине?

Безант взял со стола кусочек дерева размером со спичку. Черный и твердый, он был самым крупным из числа тех, что вынула Рита из раны на голове пострадавшего. Мастер потрогал пальцем кончик щепки и оценил остаточную прочность древесины, несмотря на долгое пребывание в воде. Очень похоже на ясень, а конструкции плотины были сделаны как раз из ясеня.

– Думаю, это так.

– Я не раз проходил Чертову плотину на лодке, – сказал один из батраков. – Наверняка ты тоже?

Безант кивнул:

– Да, когда река мне это позволяла.

– А ты бы попытался сделать это ночью?

– Рисковать жизнью, чтобы сэкономить несколько минут? Я еще не выжил из ума.

Все почувствовали удовлетворение, разрешив хотя бы один из вопросов, связанных с ночными событиями.

– И все же, – произнес Джо после паузы, – если это случилось с ним на Чертовой плотине, как он *оттуда* добрался *сюда*?

Сразу с полдюжины голосов подключились к обсуждению разных

теорий, которые одна за другой были признаны несостоятельными. Предположим, после крушения он продолжил грести, пока не добрался до Рэдкота... С такими-то травмами? Исключено! Тогда предположим, что лодка плыла по течению, а он лежал в ней без чувств, но затем пришел в себя и... Плыла по течению? Лодка в таком разбитом состоянии? Сама по себе огибала препятствия в темноте, притом будучи полузатопленной? Исключено!

Они продолжили в том же духе, находя объяснения, годные для половины известных фактов, но не годные для другой половины: когда «что» не согласовывалось с «как», а «где» вступало в противоречие с «почему». В конце концов фантазия их иссякла, а к ответу они так и не приблизились. Как же вышло, что этот человек не утонул?

Какое-то время единственным голосом, слышным в комнате, был голос реки, а затем Джо кашлянул и набрал в легкие воздуха, готовясь заговорить.

– Возможно, тут не обошлось без Молчуна.

Все тотчас повернули головы к окну, а сидевшие ближе выглянули наружу, в мягкую завесу ночи с проблеском текучей черноты под мостовым пролетом. Молчун-паромщик. О нем знали все. Время от времени он фигурировал в их рассказах, а некоторые клялись, что видели его своими глазами. Согласно всем этим историям, когда вы были в опасности на реке, откуда ни возьмись возникала костлявая долговязая фигура Молчуна, который так ловко орудовал шестом, что его стремительная плоскодонка казалась движимой какой-то потусторонней силой. Он никогда не произносил ни слова, но доставлял вас на берег в целости и сохранности, чтобы вы могли прожить хотя бы еще один день. Но если кому-то не благоволила судьба, то – по слухам – Молчун отвозил этих несчастных на иные берега, откуда они уже не могли вернуться в «Лебедь», чтобы за пинтой пива рассказать о своей встрече с паромщиком.

Молчун. Теперь, с его участием, история могла принять новый, неожиданный оборот.

Однако Марго, чьи мать и бабушка упоминали о встрече с Молчуном и обе после тех упоминаний прожили недолго, нахмурилась и поспешила сменить тему:

– Представьте, каково будет этому бедняге, когда он очнется. Потерять ребенка – нет ничего горше.

Бражники бормотанием выразили согласие, и она продолжила:

– Но вот вопрос: как мог отец взять с собой девочку, отправляясь в ночное плавание по реке? Да еще и зимой! Даже в одиночку это было бы большой глупостью, но с ребенком...

Присутствующие здесь отцы семейств закивали, добавляя опрометчивость и неосмотрительность к предполагаемым чертам характера человека, лежавшего пластом в соседней комнате.

Джо кашлянул и заметил:

– Девочка выглядела прямо как большая кукла.

– Да, очень странно.

– Необычно.

– Диковинно, – прозвучало трио голосов.

– А я сперва даже не понял, что это настоящий ребенок, – удивленно добавил кто-то.

– Не ты один тогда обознался.

Марго размышляла об этом все время, пока мужчины говорили о лодках и плотинах. Она думала о своих двенадцати дочерях и о своих внуках, одновременно досадуя на себя за такую невнимательность. Ребенок есть ребенок, живой или мертвый.

– Как же мы могли этого не заметить? – спросила она таким тоном, что всем им сразу стало стыдно.

Они задумчиво направили взоры в темные углы комнаты и предались воспоминаниям. Они мысленно восстанавливали картину появления искалеченного незнакомца в дверях трактира. Они вновь переживали шок и пытались припомнить детали, которым не уделили внимания в ту минуту. Это походило на сон, на ночной кошмар. Пришелец показался им персонажем страшной сказки: чудищем или вампиром. А девочку они приняли за куклу или манекен.

И тут дверь открылась, как было и в тот раз.

Бражники сморгнули свои воспоминания и увидели следующее:

То была Рита.

Она стояла в дверях, как прежде стоял чужак.

И держала на руках мертвую девочку.

Снова? Неужто время пошло вспять? Или они перебрали с выпивкой? Тронулись умом? Слишком много всего произошло, чтобы их рассудок мог разом это переварить. И они молча ждали, когда мир вернется на круги своя.

Труп девочки открыл глаза.

Голова ее чуть повернулась.

Ее взгляд прошелся по комнате волной – настолько сильной, что каждый глаз уловил ее колебания, каждая душа качнулась, подобно лодке у причала на волне от проходящего судна.

Они потеряли счет времени, а когда молчание было наконец нарушено,

это сделала Рита.

– Ничего не понимаю, – сказала она.

Это был ответ на те вопросы, которые не смогли задать онемевшие от изумления зрители, а заодно и на те, которые не могла толком сформулировать сама Рита.

Когда они наконец почувствовали, что их языки по-прежнему находятся во ртах и еще способны шевелиться, Марго сказала:

– Дайте-ка я заверну ее в свою шаль.

Рита предупреждающе подняла ладонь:

– Не стоит согреть ее слишком быстро. Она очнулась после долгого пребывания на холоде. Возможно, будет лучше, если ее тело приспособится к нормальной температуре постепенно.

Женщины уложили малышку на подоконник. В ее лице не было ни кровинки. Тело оставалось неподвижным; лишь глаза моргали и оглядывали зал трактира.

Речники, батраки и гравийщики, молодые и старые, с жесткими ладонями и покрасневшими пальцами, с немывтыми шеями и тяжелыми подбородками, – все подались вперед на стульях и с сочувствием уставились на бедное дитя.

– Ее глаза закрываются!

– Она снова умирает?

– Видишь, она делает вдох?

– Ага, вижу. А теперь выдыхает.

– И снова вдох.

– Она засыпает.

– Тише!

Они перешли на шепот.

– Мы мешаем ей спать?

– Ты можешь подвинуться? Я не вижу, дышит ли она.

– А так видишь?

– Да, вдыхает.

– И выдыхает.

– Вдох.

– Выдох.

Задние поднимались на цыпочки, чтобы через плечи передних заглянуть в круг света от свечи, которую держала Рита над спящей девочкой. Они следили за каждым ее вздохом и, сами того не замечая, начали дышать с ней одновременно, словно их общее дыхание могло превратиться в большие мехи, подающие воздух в детские легкие. И вся

комната, казалось, расширяется и сжимается в такт этому дыханию.

– Хорошее дело – иметь ребенка, чтобы о нем заботиться, – мечтательно произнес худой батрак с багровыми ушами.

– Лучше не бывает, – согласились его приятели.

Джонатан не спускал глаз с девочки. Он бочком пробрался через толпу и стал рядом с ней. Неуверенно протянул руку и после кивка Риты дотронулся до мягкого локона.

– Как вы это сделали? – спросил он.

– Я ничего не делала.

– Тогда почему она ожила?

Рита недоуменно покачала головой.

– Может, это из-за меня? Я ее поцеловал. Чтобы разбудить, как принц в сказке.

И он приблизил губы к локону, демонстрируя, как это сделал.

– В реальной жизни так не бывает.

– Значит, это чудо?

Рита наморщила лоб, затрудняясь с ответом.

– Не ломайте над этим голову сейчас, – посоветовала Марго. – В мире полно вещей, которые кажутся загадочными в ночной тьме, но утро вечера мудренее. Малышке нужен сон, а не вся эта суета. Идем, Джонатан, для тебя есть работа.

Она вновь открыла заветный шкафчик, достала оттуда еще одну бутылку без этикетки, выставила на поднос дюжину рюмок и плеснула в каждую на дюйм крепчайшего напитка.

Джонатан с подносом обошел всех присутствующих и раздал им по рюмке.

– Дай-ка одну и своему отцу.

Джо обычно не пил спиртное зимой и в те периоды, когда его мучил кашель.

– Как насчет тебя, Рита?

– Я тоже выпью, спасибо.

Они дружно подняли рюмки и осушили их залпом.

Неужто они стали свидетелями чуда? Это было все равно что увидеть во сне горшок с золотом, а по пробуждении обнаружить его на своей подушке. Или как рассказать историю о сказочной принцессе, а по ее окончании заметить эту самую принцессу среди слушателей, тихо сидящую в уголке.

Почти час они провели в молчании, созерцая спящее дитя. Нашлось бы той ночью во всей стране место более интересное, чем «Лебедь»

в Рэдкоте? И каждый из них впоследствии мог сказать: «Я присутствовал при этом».

В конечном счете Марго отправила их всех по домам:

– Ночь выдалась долгой, и всем нам сейчас будет полезно немного вздремнуть.

Остатки эля в кружках были допиты, и завсегдатаи потянулись к своим пальто и шляпам. Они поднимались со стульев, пошатываясь под воздействием алкоголя и грузом спутанных мыслей, и шаркающей походкой брели к выходу. Прозвучали прощальные пожелания, дверь отворилась, и один за другим, поминутно оглядываясь, бражники исчезли в ночи.

История начинает расходиться

Марго и Рита приподняли спящую девочку и через голову стянули с нее рубашку. Затем тряпочкой, смоченной в теплой воде, обтерли ее тело, удаляя речной запах, хотя он все же сохранился в волосах. Девочка издала легкий удовлетворенный вздох при контакте с теплой водой, однако не пробудилась.

– И что ты за диковинка такая? – приговаривала Марго. – Вот бы знать, что тебе снится.

Она принесла детскую ночную рубашку из тех, что держала в доме на случай визита внучек, и женщины совместными усилиями проделали маленькие руки в рукава. Девочка продолжала спать.

Тем временем Джонатан помыл и вытер посуду, а Джо убрал дневную выручку в тайник и подмел пол. При этом он в углу наткнулся на кота, ранее незаметно проникшего в помещение. Потрясенный тычком швабры, кот выбрался из тени и через всю комнату проследовал к очагу, где еще тлели угли.

– Даже не надейся тут устроиться, – сказала коту Марго, но ее муж вступился за животное:

– На улице убийственный холод. Позволь ему остаться только на одну ночь.

Рита уложила девочку на вторую кровать в постоянной комнате, по соседству с бесчувственным мужчиной.

– Я останусь тут до утра и пригляжу за обоими, – сказала она и отвергла предложение Марго принести для нее раскладушку. – Меня вполне устроит кресло. Я привыкла дремать сидя.

Вскоре в доме все успокоилось.

– Тут есть над чем задуматься, – пробормотала Марго, пристраивая голову на подушке.

– Что есть, то есть, – отозвался Джо.

И оба шепотом продолжили обмен мыслями. Откуда они взялись, эти чужаки? И какими судьбами очутились здесь, в трактире «Лебедь»? Что именно произошло с девочкой? Джонатан назвал это «чудом», и теперь его родители попробовали это слово на вкус. Оно много раз попадалось им в библейских текстах применительно к невероятным вещам, происходившим невероятно давно в краях столь отдаленных от Рэдкота, что само их существование тоже казалось невероятным. Ну а здесь, в трактире

«Лебедь», с этим словом ассоциировалась разве что фантастически малая вероятность того, что старый мастер Безант однажды полностью расплатится по накопившимся счетам: воистину это было бы чудом из чудес. Но сегодня, в день зимнего солнцестояния, в редкотском трактире «Лебедь» это слово приобрело совсем другую значимость.

– Из-за мыслей об этом у меня сна ни в одном глазу, – посетовал Джо.

Но чудеса чудесами, а супруги очень устали. Половина ночи уже была позади, и они задули свечу. Тьма сомкнулась над ними, и почти сразу их беспокойство сменилось глубоким сном.

Меж тем в постоянной комнате на первом этаже, где лежали ее пациенты, мужчина и девочка, Рита бодрствовала, сидя в кресле. Мужчина дышал медленно и шумно. Каждый раз, входя в его легкие или покидая их, воздух должен был прокладывать путь через распухшие мембраны и забитые подсохшей кровью проходы, которые за последние часы дважды претерпели изменения – в результате перелома и выправления носа. Неудивительно, что теперь звук его дыхания напоминал визг пилы по твердому дереву. В моменты затишья между его вдохами и выдохами можно было услышать легкое дыхание ребенка. А позади обоих одним бесконечно долгим выдохом поднимался пар над речной водой.

Ей нужно было поспать, но более того она нуждалась в уединении, чтобы поразмыслить. обстоятельно и бесстрастно она восстанавливала в памяти свои действия в ходе двух осмотров тела девочки, отмечая все признаки, на которые ее учили обращать внимание при таких процедурах. Где она допустила ошибку? Один, два, три раза она разобрала все это в подробностях. И не выявила никаких ошибок.

В чем же тогда было дело?

Поскольку научный подход ничего не прояснил, Рита обратилась к своему практическому опыту. Случалось ли ей прежде сомневаться в том, жив пациент или мертв? Известно выражение: «человек у порога смерти», как будто существует реальная линия между жизнью и смертью, перед которой может какое-то время стоять человек. Но в подобных обстоятельствах у нее никогда не возникало трудностей с определением, по какую именно сторону порога находится пациент. Как бы далеко ни зашла болезнь, как бы плох ни был пациент, он оставался живым вплоть до самого момента смерти. Не было никакой задержки при переходе из одного состояния в другое. Не было никакой промежуточной фазы.

Ранее Марго отправила всех спать, исходя из правила, что утро вечера мудренее. Рита была с ней согласна и сама так поступала в разных сложных

ситуациях – но только не сейчас. Терзавшие ее вопросы имели отношение к человеческому телу, а оно должно подчиняться законам природы. Все ее знания указывали на то, что случившееся *просто не могло случиться*. Умершие дети не возвращаются к жизни. Стало быть, одно из двух: либо этот ребенок не был жив сейчас (она напрягла слух и отчетливо различила слабое дыхание), либо он не был мертв тогда. В который уже раз она перебирала в памяти все признаки, выявленные при осмотрах. Восковая бледность. Отсутствие дыхания. Отсутствие пульса. Отсутствие зрачковых реакций. Мысленно вернувшись во флигель, она удостоверилась, что ничего не упустила. Признаки смерти были налицо. Она все сделала правильно. Но тогда как объяснить дальнейшее?

Рита закрыла глаза, чтобы лучше думалось. За ее плечами были десятки лет работы медсестрой, но ее знания этим не ограничивались. Долгие вечера она проводила за книгами, изучала руководства по хирургии, труды по анатомии и фармакологии. А ее практический опыт помог этому бурному потоку информации сочетаться с глубокой и тихой заводью осмысления. Теперь она могла использовать сугубо книжные знания наряду с теми, что приобрела в процессе работы. Речь не шла о мучительных поисках истины или попытках свести воедино теорию и практику. Она просто ждала – со смесью тревоги и радостного предвкушения ждала, когда вывод, постепенно формирующийся в глубинах ее сознания, сам собой всплывет на поверхность.

Законы жизни и смерти в том виде, как она их изучила, отнюдь не были всеобъемлющими. И в жизни, и в смерти было еще немало того, о чем не ведала медицинская наука.

И вот сейчас как будто отворилась дверь, маня ее к новому знанию.

Опять ей недоставало Бога. Раньше она делилась с Ним всем. С детства привыкла обращаться к Нему с каждым вопросом или сомнением, с каждой радостью и победой. Он был рядом с ней в процессе познания, Он ежедневно помогал ей в работе. Но сейчас Бога с ней не было. И эту проблему ей предстояло решать самой.

Что же ей делать?

Она прислушалась. Дыхание девочки. Дыхание мужчины. Дыхание реки.

Река... Следует начать с нее.

Рита зашнуровала ботинки, надела и застегнула пальто. Покопалась в своей сумке, достала оттуда одну вещь – узкую и длинную жестяную коробочку, – сунула ее в карман и тихонько вышла из дома. Зябкая тьма растекалась повсюду за кругом света ее фонаря, а этого света едва хватало,

чтобы разглядеть края дорожки. Вскоре Рита сошла с нее на траву и, руководствуясь скорее интуицией, чем зрением, направилась к речному берегу. Сквозь пуговичные петли и жиденький вязаный шарф просачивался холод. Она проходила через клубы теплого пара от собственного дыхания и чувствовала, как пар оседает влагой на лице.

Вот и лодка, лежит перевернутая на траве. Рита стянула перчатку и осторожно нащупала пальцами рваный край борта, а затем плоское днище и на него поставила свой фонарь.

Она извлекла из кармана коробочку и несколько секунд подержала ее в зубах, пока – невзирая на холод – подбирала подол юбки и комом записывала его в тот же карман, чтобы не замочить одежду, приседая. Перед ней расстилалось темное пространство реки. Она потянулась вперед и вниз, и ледяная вода обожгла пальцы. Порядок. Открыв коробочку, она вынула оттуда тонкую стеклянную трубку с металлическим блеском на кончике. Поверхность воды в темноте была не видна, так что Рита на ощупь – вместе с рукой – погрузила трубочку в воду и подождала, считая секунды. Затем выпрямилась и со всей осторожностью, на какую были способны онемевшие пальцы, упрятала трубочку в защитный футляр. Обрато к трактиру она спешила как могла, не позаботившись даже расправить юбку.

В постоянной комнате она первым делом поднесла трубочку к лампе – достаточно близко, чтобы прочесть показания, – а потом достала из сумки блокнот с карандашом. И записала температуру воды.

Не бог весть что, конечно. Но хоть какое-то начало.

Она взяла девочку с кровати, перешла к креслу и села, поместив ее к себе на колени. Детская голова пристроилась у нее на груди. «Я сейчас все равно не засну, – подумала она, накрывая одеялом себя и малышку. – Только не после всего этого. Только не в этом кресле».

В процессе этих приготовлений к бессонной ночи, сопровождаемых режью в глазах и болью в пояснице, Рите вспомнилась святая, в честь которой она была названа. Святая Маргарита посвятила свое целомудрие Господу и была так решительно настроена против брака, что предпочла жестокие пытки замужеству. Она считалась покровительницей беременных женщин и деторождения. В своей монастырской юности, стирая грязные, окровавленные простыни и омывая тела женщин, умерших при родах, Рита испытывала облегчение при мысли, что ей самой суждено будущее невесты Христовой. Никогда ей не придется страдать, выталкивая из своего лона младенца. С Богом она распрощалась, но ее приверженность целомудрию осталась неколебимой.

Она закрыла глаза и обхватила руками девочку, которая привалилась к ней всем своим сонным весом. Рита чувствовала, как расширяется и сокращается грудная клетка при дыхании, и постаралась дышать в унисон, так чтобы ее выдох совпадал со вдохом ребенка, а вдох – с выдохом, заполняя освобожденное пространство. Ею овладело какое-то необъяснимо приятное чувство, и в полудреме она попыталась найти ему объяснение, однако не смогла.

Вместо этого из тьмы явилась неожиданная мысль:

«А что, если девочка никак не связана с этим мужчиной? Что, если она никому не нужна? Тогда она могла бы стать моей...»

Но эта мысль не успела как следует отложиться в ее сознании, которое уже заполнил низкий, нескончаемый шум реки. И, унесенная этим шумом с мели бдения, она незаметно для себя начала дрейфовать по речным волнам ночи все дальше... все дальше... в темное море сна.

Впрочем, спали той ночью не все. Бражникам и рассказчикам по выходе из «Лебедя» предстояло еще проделать путь до своих домашних постелей. Один из них свернул с дороги, идущей по берегу реки, и зашагал тропой через поля к расположенной в двух милях конюшне, где он имел обыкновение ночевать в компании лошадей. Он с сожалением думал, что его нынче никто не ждет и по прибытии на место он никого не сможет разбудить со словами: «Ты не поверишь, сегодня *такое* случилось!» Он представил себе, как рассказывает о случившемся лошадям, а те недоверчиво таращат свои большие глаза. И наверняка лошади скажут на своем языке: «Знаем-знаем мы твои байки... Хотя эта и впрямь недурна. Ее стоит запомнить». Но ему хотелось пообщаться с кем-то помимо лошадей; история была слишком хороша, чтобы растрчивать ее на неблагодарных животных. Посему он решил сделать крюк и посетить Гартинс-Филдс – там жила его кузина.

Добравшись до ее дома, он постучал в дверь.

Никто не отозвался, но история не давала ему покоя, и он постучал снова, теперь уже кулаком.

В примыкающем здании распахнулось окно, и наружу явилась женская голова в ночном чепчике, явно настроенная на брань.

– Погодите! – сказал он. – Погодите ругаться, пока не узнаете, что я хочу вам рассказать!

– Это ты, Фред Хэвинс? – Женщина уставилась в том направлении, откуда слышала его голос. – Снова пьяные рассказы, дело ясное! Я уже наслушалась их столько, что хватит до конца моих дней!

– Я не пьян, – заявил он обиженно. – Смотрите! Я могу ходить ровнехонько, как по струнке!

И он начал старательно вышагивать, ставя одну ногу перед другой.

– Тоже мне доказательство! – донесся из ночи ее язвительный смех. – Когда вокруг темень хоть глаз выколи, любой пьянчуга может похвалиться ровной походкой.

Спор был прерван его кузиной, открывшей наконец дверь.

– Фредерик? Что за нелегкая принесла тебя в такой час?

И тут Фред простыми словами, без изысков, рассказал о недавних событиях в «Лебеде».

Соседка, все еще торчавшая в окне, поневоле услышала начало этой истории, а чуть погодя она уже окликала кого-то в глубине дома:

– Иди сюда, Уилфред! Ты только послушай!

Вслед за тем дети кузины были подняты с постелей и в ночных рубашках появились на пороге, а потом число слушателей пополнили соседи со всех сторон.

– Как она выглядит, эта девочка?

Фред образно сравнил белизну ее кожи с глазурованным кувшином на кухонном окне своей бабушки, а ее прямые волосы – с хорошо отвисевшейся занавеской непонятного цвета, причем этот цвет нисколько не изменился, когда мокрые волосы высохли.

– А какого цвета у нее глаза?

– Голубые... Или серые с голубизной.

– Сколько ей лет?

Он пожал плечами. Как он мог это знать?

– Если бы она стала рядом со мной, то была бы макушкой... вот досюда. – Он показал ладонью.

– Стало быть, около четырех. Как думаете?

Женщины обсудили этот вопрос и согласились, что девочке должно быть около четырех лет.

– А как ее зовут?

И вновь он запнулся. Кто бы мог подумать, что для истории потребуются такие подробности, о которых он даже не вспомнил в самый разгар событий?

– Не знаю. Никто и не спрашивал.

– Никто не спросил ее имя?! – возмутились женщины.

– Она была какой-то квёлой. Марго и Рита сказали, что ей нужно поспать. А отца ее зовут Донт. Генри Донт. Мы нашли бумаги в его кармане. Он фотограф.

– Значит, тот мужчина – ее отец?

– Надо полагать... А как иначе, по-вашему? Это ж он ее притащил. Они появились вместе.

– Может, он просто ее фотографировал?

– Так фотографировал, что оба чуть не утонули среди ночи? Вам это не кажется странным?

Тут уже поднялся общий гвалт: соседи перекрикивались от окна к окну, обсуждая рассказ Фреда, находя в нем пробелы и пытаясь их домыслить... В результате Фред начал чувствовать себя отстраненным от своей же истории, которая куда-то ускользала и отклонялась в стороны, им не предусмотренные. Это как если бы он обзавелся живой зверюшкой, но не успел ее приручить, а теперь она сорвалась с поводка и могла быть присвоена кем ни попадя.

Он не сразу расслышал, что кто-то зовет его по имени настойчивым, тревожным шепотом:

– Фред! Фред!

Из окна в первом этаже соседнего коттеджа ему призывно махала женщина. Когда Фред приблизился, она со свечой в руке перегнулась через подоконник; прядь желтых волос выбилась из-под чепца.

– Как она выглядела?

Фред снова начал рассказывать о белой коже и волосах неопределенного цвета, но женщина покачала головой:

– Я о том, *на кого* она похожа? Есть какое-то сходство с тем мужчиной?

– Да как тут поймешь? В его теперешнем виде сходства не найдешь ни с кем на свете.

– А волосы у него такие же вялые, мышинового цвета?

– Нет, они черные и жесткие.

– А! – Женщина многозначительно кивнула и выдержала драматическую паузу, глядя на Фреда. – И она тебе никого не напомнила?

– Занятно, что вы об этом спросили... Вообще-то, было такое чувство, словно она кого-то мне напоминает, но я не могу понять кого.

– Может, это?.. – Она знаком подозвала его ближе и на ухо прошептала имя.

Когда Фред шагнул назад, его глаза были широко раскрыты, а челюсть отвисла.

– Ох! – только и выговорил он.

Женщина смотрела на него многозначительно:

– *Ей* сейчас было бы года четыре, верно?

– Да, но...

– Покамест держи язык за зубами, – сказала она. – Я каждый день хожу туда на работу. Утром я сама им сообщу.

После этого Фреда подзывали другие соседи и задавали вопросы. Как могли мужчина, девочка и фотографическая камера уместиться в лодке настолько маленькой, что она проскочила в щель Чертовой плотины? Фред пояснил, что камеры там не было. Тогда с чего они взяли, что этот тип – фотограф, если при нем не было камеры? Догадались по находкам в его карманах. И что же они там нашли?

Фред уступал их натиску и снова рассказывал всю историю – во второй раз он добавил кое-какие детали, а в третий раз уже предугадывал вопросы до их появления, и точно так же в четвертый. Он выбросил из головы мысль, заложенную туда женщиной с желтыми волосами. Наконец, по истечении часа, продрогший до костей Фред отправился к себе на конюшню.

Там он еще раз, вполголоса, повторил свой рассказ для лошадей. Те открыли глаза, безучастно выслушали начало истории, но уже к ее середине вновь начали сонно клевать мордами, а поближе к финалу заснул и сам рассказчик...

На задворках дома его кухни стоял сарай, почти скрытый разросшимися кустами. На траве за сараем валялась груда тряпья со шляпой на верхушке. И вот эта груда зашевелилась, постепенно обретая вид мужчины – грязного и заросшего до безобразия, – который кое-как поднялся на ноги. Он постоял, прислушиваясь, дабы убедиться в уходе Фредерика Хэвинса, а затем двинулся и сам. В сторону реки.

Оуэн Олбрайт не ощущал холода, идя вдоль реки вниз по течению к своему уютному особняку, который он приобрел в Келмскотте по возвращении из весьма прибыльных заморских странствий. Обычно его вечерняя прогулка от «Лебедя» до дому была временем сожалений – он сожалел об утраченном здоровье (свидетельством чему были адские боли в суставах), сожалел о своих алкогольных излишествах, сожалел, что лучшая часть его жизни миновала и впереди были только физические муки и постепенное угасание вплоть до гробовой доски. Но сегодня, после того как он стал свидетелем чуда, ему начали видаться чудеса повсюду: темное ночное небо, которое до того тысячу раз игнорировали его старческие глаза, сейчас раскинулось над ним во всем своем бескрайнем, вечном и таинственном величии. Он остановился и посмотрел вверх, восхищаясь увиденным. А внизу речные волны плескались о берег с каким-то

серебристо-стеклянным звуком, и этот звук отдавался эхом в тех уголках его души, о существовании которых он доселе даже не подозревал. Он опустил голову, чтобы взглянуть на воду. Впервые за все время, прожитое на берегу реки, он заметил – *по-настоящему* заметил, – что под безлунным небом она излучала свой собственный, переливчатый свет. Свет, который также был тьмой. Или тьму, также бывшую светом.

В те минуты сразу несколько мыслей пришло ему в голову – вроде ничего нового, все это он знал давно, но как-то успел подзабыть за ежедневной рутинной. Мысль об отце, по которому он тосковал, хотя тот умер шестьдесят лет назад, когда Оуэн был еще мальчишкой. Мысль о своем всегдашнем везении, которому он был стольким обязан в этой жизни. Мысль о доброй и любящей женщине, которая ждала его дома в постели. Вдобавок ко всему его колени сейчас болели менее обычного, а грудь дышала свободнее, что напомнило ему о том, каково это быть молодым.

Дома он сразу – еще не сняв верхнюю одежду – растормошил спавшую миссис Коннор.

– Даже не думай о том, о чем ты сейчас думаешь, – проворчала она спросонок. – И не запускай сюда холод.

– Послушай! – сказал он – Ты только послушай!

И залпом выложил всю историю о незнакомце и девочке, мертвой и живой одновременно.

– Сколько ты нынче выпил? – строго спросила миссис Коннор.

– Разве что самую малость.

И он повторил историю от начала до конца, потому что она явно не уловила самое главное.

Она села в постели, чтобы лучше его рассмотреть. Да, это был он – мужчина, на которого она работала последние тридцать лет и с которым спала последние двадцать девять, – и он стоял здесь, все еще одетый, извергая из себя потоки слов. Она не понимала, что к чему. А он, даже завершив свою речь, остался стоять столбом.

Она выбралась из постели, чтобы помочь ему с раздеванием. Оуэну не впервой было набираться до такой степени, что непослушные пальцы не могли совладать с застежками. Однако сейчас он не пошатывался и не хватался за нее для равновесия, а при расстегивании ширинки миссис Коннор обнаружила бодрое напряжение того типа, какого вряд ли дождешься от пьяного в стельку мужчины.

– Ну и ну! – произнесла она с шутливым упреком, а он обнял ее и поцеловал так, как они не целовались с первых лет сожительства.

Последовало несколько минут постельной возни, а когда с этим было

покончено, Оуэн Олбрайт, вместо того чтобы отвернуться и заснуть, как бывало обычно, не разжал объятия и поцеловал ее волосы.

– Будьте моей женой, миссис Коннор.

Она рассмеялась:

– Да что это на вас нашло, мистер Олбрайт?

Он поцеловал ее в щеку, и она почувствовала улыбку в этом поцелуе.

Она уже дремала, когда Оуэн заговорил вновь:

– Я видел это своими собственными глазами. Я стоял рядом и держал свечу. Она была мертва. А потом она ожила!

Она принялась к его дыханию. Он не был пьян. Безумен – возможно.

Вскоре они уснули.

Джонатан не раздевался ко сну и ждал, когда в «Лебеде» все затихнет. Затем покинул свою комнату на втором этаже и спустился во двор по наружной лестнице. Он был без теплой одежды, но это его не заботило. Он согревался историей, которую хранил в своем сердце. Выбранное им направление было противоположно тому, куда ранее удалился Оуэн Олбрайт: он пошел вдоль реки против течения. Голова его была переполнена мыслями, и он шагал быстро, торопясь выложить их человеку, который безусловно захочет узнать все подробности случившегося этой ночью.

Достигнув дома пастора в Баскоте, он громко постучал в дверь. Не дождавшись ответа, постучал вновь и вновь, а потом замолотил уже без остановки, невзирая на столь поздний час.

Дверь отворилась.

– Где преподобный? – крикнул Джонатан. – Мне срочно нужно с ним поговорить!

– Но, Джонатан, – ответила открывшая дверь фигура в ночной рубашке и колпаке, протирая глаза, – я уже перед тобой.

И, стянув с головы колпак, священник обнажил растрепанную копну седеющих волос.

– Ох, теперь я вас узнал.

– Кто-то умирает, Джонатан? Неужели твой отец? Ты хочешь, чтобы я отправился к нему сию минуту?

– Нет!

И Джонатан, спеша объяснить, что причина его появления здесь была прямо противоположной смерти, запутался в словах, так что священник понял только одно: никто не умер.

– Нельзя поднимать людей с постели без веских причин, Джонатан, – прервал он его речь. – И это неподходящая ночь для прогулок – уж очень холодно. Тебе самому давно пора быть в постели. Иди домой и ложись спать.

– Но, преподобный, это все та же древняя история! Она повторяется снова! Как было с Иисусом!

Пастор заметил, что лицо мальчика побелело от холода. Его раскосые глаза слезились, оставляя ледяные дорожки на плоских щеках. При всем том он сиял от счастья видеть священника, тогда как его язык, с трудом помещавшийся во рту и нередко вызывавший речевые затруднения, свесился на нижнюю губу. Это зрелище напомнило пастору, что Джонатан, при всех его добрых качествах, не в состоянии позаботиться о себе. Поэтому он распахнул дверь и пригласил мальчика войти.

На кухне пастор подогрел молоко и подал его гостю вместе с куском хлеба. Джонатан ел и пил – никакие чудеса не могли нарушить его аппетит, – заново выкладывая свою историю. О девочке, умершей и возвратившейся к жизни.

Священник внимательно слушал. Он задал несколько вопросов:

– Когда ты принял решение отправиться ко мне, ты уже лежал в постели и успел перед тем немного вздремнуть?.. Нет?.. А может, это твой отец или мистер Олбрайт рассказывал историю об этом ребенке нынче вечером?

Убедившись, что информация о событии – невообразимом и невозможном, судя по описанию Джонатана, – основана на чем-то в действительности случившемся, а не на его сновидении или вымыслах трактирных сказителей, пастор кивнул:

– Это значит, что на самом деле девочка не была мертвой. Вы все ошиблись, подумав так вначале.

Джонатан яростно замотал головой:

– Я подхватил ее, когда она падала. Я держал ее на руках. Я дотронулся до ее глаза.

Эти слова он сопровождал жестами, изображающими подхват чего-то тяжелого, объятие и осторожное прикосновение пальцем.

– Человек может казаться мертвым после какого-нибудь несчастного случая. Это возможно. Он выглядит мертвым, но в действительности он... просто спит мертвым сном.

– Как Белоснежка? Я ведь ее поцеловал. Может, это ее пробудило?

– Джонатан, это всего лишь сказка.

Джонатан поразмыслил:

– Тогда, как Иисус.

Священник сердито скривился, но не успел подобрать слов для ответа.

– Она была мертвой, – продолжил Джонатан. – Так посчитала Рита.

А вот это стало для пастора неожиданностью. Рита заслуживала доверия более всех известных ему людей.

Джонатан собрал со стола хлебные крошки и отправил их в рот.

Священник поднялся. Все оказалось намного сложнее, чем он мог предположить.

– Уже поздно, и на улице холод. Проведешь остаток ночи здесь, хорошо? Вот тебе одеяло, устраивайся в том кресле. Ты совершенно измотан.

Однако Джонатан не унимался:

– Я ведь прав, преподобный? Это похоже на воскрешение Иисуса?

А пастор уже думал о своей постели, возможно еще сохранившей остатки тепла на примятом пасторском телом матрасе. Он рассеянно кивнул:

– В том виде, как ты это изложил, – пожалуй. Определенное сходство есть. Но не стоит ломать над этим голову сейчас.

Джонатан ухмыльнулся:

– И это я первым сообщил вам новость.

– Я этого не забуду. Ты был первым, от кого я это услышал.

Джонатан с довольным видом откинулся на спинку стула, и его глаза начали слипаться.

Священник устало поднялся по лестнице на второй этаж, в свою спальню. В летние месяцы он бывал совсем другим человеком, бодрым и оживленным, да и выглядел лет на десять моложе своего настоящего возраста; но под темным осенним небом силы его покидали, и уже к декабрю он начинал испытывать хроническую усталость. Ложась в постель, он сразу проваливался в тусклые глубины сна, а по пробуждении не чувствовал себя отдохнувшим.

Он не имел объяснения событиям этой ночи в «Лебеде», но уже понял, что там произошло нечто очень странное. И он решил отправиться туда следующим утром. С этой мыслью он забрался в постель, подумав, что в июне в это время уже светало бы. А ныне впереди были еще долгие часы зимней тьмы.

– Господи, ниспошли здоровье той девочке, если только она существует, – помолился священник. – А мне поскорее ниспошли весну.

Засим он погрузился в сон.

Кутаясь в драное пальтецо, словно оно и впрямь могло защитить его от непогоды, бродяга шел по тропе к реке. В услышанной ненароком истории он почуял запах денег – и уже знал, кто будет готов раскошелиться. Тропа была узкой и малохоженой: из земли выступали камни, о которые вполне мог запнуться даже абсолютно трезвый человек, а на ровных участках попадалась скользкая глина. Поминутно спотыкаясь и поскользываясь, он размахивал руками в поисках равновесия и каким-то чудом всякий раз его находил. Уж не духи ли тьмы поддерживали его под замерзшие руки? Эта мысль показалась бродяге настолько потешной, что он сдавленно хохотнул. Проковылял еще немного, утомился и начал испытывать жажду. Во рту было гадко, – казалось, вместо языка там болтается трупик мыши, издохшей дня три назад. Он сделал остановку, достал из кармана бутылку и, промочив горло, поковылял дальше.

Достигнув реки, он продолжил путь по берегу против течения. Ориентиры терялись во тьме, но едва он подумал, что пора бы уже поравняться с Сивушным островом, как перед ним возник знакомый спуск к воде.

Название этот остров получил недавно. Раньше его называли просто Островом, и этого вполне хватало, благо никто его не посещал, да и смотреть там было не на что. Но когда в Рэдкоте появились новые люди – сначала мистер Воган, а затем и его молодая жена, – одной из перемен, внесенных ими в жизнь округа, стало строительство на этом клочке земли завода, производящего спиртные напитки и серную кислоту. Отсюда и пошло название. Многие акры земли, принадлежавшей мистеру Вогану, были засажены сахарной свеклой, а специально построенная узкоколейка облегчила перевозку свеклы на остров и вывоз оттуда готового бренди. И для всего этого нужно было много рабочих рук. Но что было, то сплыло. По какой-то причине производство остановилось. То ли бренди оказался дрянноват, то ли прибыль маловата, то ли мистер Воган охладел к этому бизнесу... Однако название за островом сохранилось. Заводские корпуса еще стояли на прежнем месте, но все оборудование бездействовало. Узкоколейка подходила к самому краю берега, но мост на остров был разобран, так что ящики призрачного бренди, покидая по рельсам завод-призрак, не могли бы рассчитывать на иной пункт назначения, кроме речного дна...

Бродяга замешкался, не зная, как быть дальше. Изначально он думал просто подойти к воде и криком обратить на себя внимание, но теперь осознал никчемность этой затеи. И тут – представьте, какая удача! – он заметил причаленную к берегу маленькую гребную лодку, с какой могла

управиться и женщина. Кто бы ни оставил ее здесь, лодка оказалась как нельзя кстати. Бродяга порадовался своей удаче – этой ночью небеса ему явно благоволили.

Он залез в лодку, и та опасно закачалась под его весом, но он был слишком пьян, чтобы паниковать, и слишком долго прожил на реке, чтобы так просто взять и перевернуться. Он сел на скамью, и старые навыки сами собой задали работу веслам, пока нос лодки не уткнулся в берег острова. Пусть и не в причал, но это были уже мелочи. Он шагнул через борт, намочив ноги до колен, поднялся по склону и зашагал далее к своей цели. В центре острова маячило трехэтажное главное здание завода. Восточнее находился сернокислотный цех, а за ним – складские строения. Бродяга двигался как можно тише, но все же недостаточно тихо – когда он зацепился ногой за что-то и чуть не упал, из ниоткуда возникла рука и, схватив его сзади за шею, удержала от падения. При этом пальцы сдавили шею очень болезненно.

– Это же я, – просипел бродяга. – Я один!

Хватка ослабла. Более не было сказано ни слова, и бродяга последовал за безмолвным человеком, в темноте ориентируясь по звуку его шагов. Так они добрались до здания склада.

Просторное помещение не имело окон, и воздух внутри был насыщен множеством ароматов. Дрожжи, разные фрукты, приторная сладость с горчинкой – эта смесь была такой густой, что ее приходилось не столько вдыхать, сколько заглатывать порцию за порцией. В свете жаровни виднелись бутылки, медные чаны и бочки, нагроможденные как попало. Жалкое подобие современного цеха, когда-то работавшего на острове, хотя именно оттуда были похищены все детали этого перегонного аппарата, да и цель была той же: производство спиртных напитков.

Человек держался здесь по-хозяйски. Он, в отличие от пришельца, не глазел по сторонам, а сразу опустился на стул, и силуэт его щуплой фигуры четко обозначился на фоне оранжевого огня жаровни. Не поворачивая головы к бродяге, он занялся повторным раскуриванием погасшей трубки под полями низко надвинутой на лоб шляпы. Только сделав первую затяжку и разбавив ароматы помещения вонью дешевого табака, он подал голос:

– Кто видел, как ты сюда добирался?

– Никто.

Молчание.

– На берегу ни души. Слишком холодно, – пояснил бродяга.

Хозяин кивнул:

– Выкладывай.

– Девчонка, – сказал бродяга. – В рэдкотском «Лебеде».

– И что с ней такого?

– Кто-то вытащил ее из реки этой ночью. Говорят, вытащил уже мертвой.

Снова пауза.

– Ну и что?

– Она жива.

Только сейчас лицо хозяина повернулось в его сторону, однако черты не стали лучше различимыми.

– Так мертва или жива? Одно исключает другое.

– Она была мертва. А теперь она жива.

Хозяин медленно покачал головой и произнес безразличным тоном:

– Ты это увидел во сне. Или вообразил с перепоею.

– Это не мои слова. Я только передаю то, что рассказывают другие. Ее достали мертвой из реки, а теперь она живехонька. Сейчас она в «Лебеде».

Хозяин устался в пламя жаровни. Бродяга подождал ответа, но через минуту понял, что его не будет.

– Мне бы хоть самую малость... За мои старания. В такую холодную ночь.

Хозяин хмыкнул. Затем поднялся, отбросив на стену длинную тень, протянул руку куда-то во тьму, выудил оттуда небольшую, заткнутую пробкой флягу и протянул ее пришельцу. Тот спрятал флягу в карман, на прощание дотронулся до края своей шляпы и был таков.

В зимнем зале «Лебеда» приبلудный кот спал, свернувшись калачиком у стенки очага, которая еще не совсем остыла. Его веки нервно подергивались: кот видел свои кошачьи сны, которые, наверно, могли бы удивить и озадачить нас куда сильнее, чем любые сновидения, порождаемые человеческим разумом. Но вот его ухо насторожилось, и сна как не бывало. Послышался звук – очень слабый, всего-то шорох травы под ногами, – и в следующий миг кот был уже на всех четырех лапах. Он быстро пересек комнату и бесшумно запрыгнул на подоконник. Звериное зрение без труда проникло сквозь ночной мрак.

Невысокая худая фигура в низко надвинутой шляпе, крадучись, вышла из-за угла трактира, миновала окно и остановилась перед дверью. Раздался легкий скрип, когда человек надавил на дверную ручку. Замок был заперт. Другие дома в округе могли оставаться незапертыми на ночь, но только не трактир с его многочисленными соблазнами, разлитыми по бутылкам и бочкам. Тогда ночной визитер вернулся к окну. Не подозревая, что за ним

следят, ощупал оконную раму. И здесь незадача. Марго так просто не проведешь. Ее практичный ум никогда не упускал из виду такие детали, как проверка запоров на всех дверях каждый вечер после закрытия, обновление оконной замазки в конце летнего сезона, покраска рам, дабы предохранить их от гниения, и замена треснувших стекол. Облачко пара появилось из-под полей шляпы вместе с досадливым выдохом. Человек застыл в задумчивости. Но ненадолго. В такую погоду долго на месте не постоишь. Он развернулся и пошел прочь, быстро и уверенно. Даже в темноте он точно знал, куда поставить ногу, избегая колдобин и булыжников. Так он добрался до моста, пересек его, а на другой стороне реки сразу свернул с дороги в лес.

Еще долгое время после того, как незваный гость удалился, кот отслеживал звуки его перемещения. Вот ветка скребнула по рукаву шерстяной куртки, вот каблуки звонко прошли по окаменевшей от холода земле, вот запищали потревоженные лесные обитатели... и вот наконец все стихло.

Кот мягко спрыгнул на пол, вернулся к очагу, вновь прижался к его теплой стенке и сладко задремал.

Итак, после невероятных событий, первой изумленной реакции и первых попыток осмыслить случившееся люди разошлись из «Лебедя» в разные стороны, и очень скоро эта история была впервые рассказана. Позднее, когда ночь была еще в силе, а участники тех событий наконец-то заснули, история на свой лад отложилась в сознании всех – свидетелей, рассказчиков и слушателей. Из них в этот поздний час не спала только девочка, вокруг которой, собственно, все и закрутилось. Она легкими вдохами-выдохами провожала уходящие секунды, смотрела в темноту и прислушивалась к близкому шуму реки.

Притоки

Проследить за рекой на карте кажется делом несложным. Наша река берет свое начало на лугу Трусбери-Мид и через двести тридцать шесть миль впадает в море близ Шуберинесса. Но, предприняв путешествие вдоль ее русла на лодке либо пешком – миля за милей, – вы очень скоро заметите, что целеустремленность не относится к числу ее главных достоинств. Невольно возникает впечатление, что эта река не очень-то и стремится достигнуть своего устья. Вместо этого она выписывает петли, отнимая массу времени у добросовестного повторяющего их путника. Она как будто дразнится, меняя курс: неоднократно поворачивает на север, на юг или на запад, словно забывая об основном, восточном направлении – или же оставляя его напоследок. В Эштон-Кейнсе ее русло разбивается на такое количество протоков, что едва ли не каждый дом в этой деревне был вынужден обзавестись собственным мостиком перед крыльцом, а ниже по течению, у Оксфорда, она описывает большую неторопливую дугу вокруг города. В запасе у нее есть и другие трюки: местами она замедляется, раздается вширь и течет едва заметно, чтобы затем вдруг сузиться и резко ускорить бег. В Баскоте она разветвляется на два полноводных рукава, которые отхватывают у местности длинный островной кусок, после чего вновь сходятся в общем русле.

Если все эти детали сложно уяснить с помощью одной лишь карты, то с другими дело обстоит еще сложнее. Во-первых, помимо неизменного движения вперед к устью, река растекается в обе стороны по рукотворным каналам, орошая поля и луга. Ее вода проникает в колодцы и потом используется для стирки белья или заварки чая. Она впитывается корнями растений, клетка за клеткой поднимается по ним к поверхности, насыщает листья кресс-салата и вместе с ними попадает в суповые миски и на шинковочные доски окрестных трактиров. Из чайных чашек и тарелок она перемещается во рты и подпитывает сложные биологические организмы (каковые сами по себе являются отдельными мирами), прежде чем вернуться в почву при посредстве ночного горшка. Где-то в другом месте капли речной воды остаются на листьях прибрежной плакучей ивы, с восходом солнца обращаются в невидимый пар и вполне могут слиться с облаками (по сути огромными, плывущими в небе озерами), чтобы впоследствии выпасть на землю дождем. Все это части общего пути Темзы, оставшиеся за рамками картографии.

Впрочем, и официальным картам можно верить лишь отчасти. В действительности река начинается со своего истока не более, чем история начинается с первой страницы книги. Взять, к примеру, Трусбери-Мид. Помните фотоснимок, с ходу раскритикованный завсегдатаями трактира за недостаточную живописность? Обычный ясеня на краю обычного поля, сказали они, – и на первый взгляд все так и есть. Но присмотритесь внимательнее. Видите небольшое углубление в земле у подножия дерева? Видите канавку – мелкую, узкую и ничем не примечательную, отходящую от этого углубления и исчезающую за краем снимка? Видите на дне канавки какой-то блеск, серебристые пятнышки на сером фоне илистого грунта? Эти проблески – лужицы воды, впервые за очень долгое время оказавшейся под лучами солнца. Вода эта поднялась из глубин земли, где во всевозможных пустотах под нашими ногами – скальных трещинах, проходах, пещерах – тянутся водные пути ничуть не менее многочисленные и разветвленные, чем на поверхности. Так что исток Темзы не является ее началом – точнее, это ее начало только в нашем традиционном понимании.

В любом случае отнюдь не все признают Трусбери-Мид истоком Темзы. Известно мнение, что место истока было определено неверно, а настоящее «начало в нашем понимании» находится в другом месте, именуемом Семью Ключами, откуда вытекает Черн – река, впадающая в Темзу близ Криклеяда. Кто же здесь прав? Не нам судить. Темза, которая то и дело сворачивает на север, на юг или на запад в ущерб восточному направлению, которая тут и там растекается каналами в стороны от главного русла, которая может прихотливо изменять скорость течения, которая на пути к морю отдает часть своих вод небесам, – такая Темза куда интереснее для нас своим движением, нежели своими началами. А если даже у нее и есть конкретное начало, оно скрыто в темном, недоступном нам месте. Посему лучше уж смотреть, куда она течет, чем выяснять, откуда она вытекает.

Да, притоки! В сущности, ради них и был затеян этот разговор. Черн, Ки, Рей, Колн, Лич и Коул – эти речушки в верховьях Темзы текут из разных мест, чтобы подкрепить ее объемом и энергией своих вод. И в нашей истории тоже будут свои притоки. В тихие часы перед рассветом мы можем на время отвлечься от большой реки и от этой долгой ночи, чтобы проследить за малыми притоками. Нет, не вплоть до их начал – загадочных и неведомых, – а всего-навсего до их вчерашнего дня.

Что ты об этом думаешь?

В день накануне появления странной девочки, в половине четвертого пополудни, из задней двери фермерского дома в Келмскотте вышла женщина и торопливо пересекла двор, направляясь к амбару. Ее светлые кудри были тщательно убраны под чепчик, а простое синее платье вполне соответствовало образу работающей фермерской жены, но покроем с претензией на изящество позволял предположить, что душой и сердцем эта женщина все еще молода. При ходьбе она широко расставляла ноги, через шаг наклоняя туловище влево и потом вновь распрямляясь, но это не замедляло ее продвижения. Помехой не была и повязка на ее правом глазу, сделанная из той же синей материи, что и платье, с белой ленточкой вместо обычной тесьмы.

Она достигла дверей амбара. Здесь пахло кровью и железом. Спиной к ней стоял мужчина – необычайно рослый, мощного телосложения, с широкой спиной и жесткими черными волосами. В ту минуту, когда вошедшая положила руку на дверной косяк, мужчина бросил наземь окровавленный кусок ткани и приступил к заточке лезвия. Воздух наполнился пронзительным металлическим визгом. В глубине амбара были рядом аккуратно сложены свиные туши; вытекающая из них кровь искала углубления в земляном полу.

– Милый...

Он обернулся. Коричневый цвет его кожи явно не был следствием работы на свежем воздухе под английским солнцем, сразу наводя на мысль о другом, весьма далеком континенте. Толстые губы и широкий нос подтверждали это впечатление. При виде супруги его карие глаза осветились радостью, а рот растянулся в улыбке.

– Следи за своим подолом, Бесс, – предупредил он, заметив, что ручеек крови продвигается в ее сторону. – И за туфлями – ты же в хороших туфлях. Я здесь почти закончил. Скоро вернусь в дом.

Тут он посмотрел ей в лицо, и визгливый дуэт ножа с точилом прекратился.

– В чем дело?

При всем внешнем различии их лиц, на обоих отразилось одно и то же чувство.

– Кто-то из детей? – спросил он.

Женщина кивнула:

– Робин.

Их старший. Лицо мужчины вытянулось.

– Что на сей раз?

– Вот письмо...

Он перевел взгляд на ее руку, но там оказался не сложенный лист, а пригоршня мелких клочков бумаги.

– Это нашла Сюзи. Робин оставил ей свою порванную куртку, когда заходил к нам в последний раз. Ты же знаешь, как ловко Сюзи управляется с иглой, хотя ей всего двенадцать. Куртка очень хорошая – боюсь даже думать, во сколько она ему обошлась. Рукав был сильно разорван, по словам Сюзи, хотя теперь нет и следов прорехи. Ради нитки нужного цвета ей пришлось распустить шов в кармане. Тогда-то она и нашла это письмо, порванное на кусочки. Я застала Сюзи в гостинной, когда она пыталась сложить их вместе навроде картинки-головоломки.

– Дай мне взглянуть, – сказал он и помог ей подобрать подол платья над лужицей крови, когда они вдвоем перемещались к длинной стойке у внутренней стены.

На эту стойку она выложила обрывки письма.

– «...плата...» – прочла она вслух, ткнув пальцем в один из клочков. У нее были руки труженицы, без перстней и колечек на пальцах (не считая обручального), с короткими, но чистыми и ровно подстриженными ногтями.

– «Любовь...» – прочел он на другом, но до бумаги не дотронулся, поскольку под его ногтями и на пальцах осталась засохшая кровь.

– «...в конечном счете...» Что может быть в конечном счете, как думаешь, Роберт?

– Понятия не имею... Но почему письмо разорвано, да еще так мелко?

– Может, он сам его порвал? Получил письмо, и оно ему не понравилось.

– Попробуй соединить два этих клочка, – предложил он, однако разорванные края не подошли друг к другу. – А почерк-то женский.

– И к тому же красивый. Я не умею так выводить буквы.

– У тебя тоже неплохо получается, милая.

– Нет, ты взгляни, как ровно написаны слова. И ни единой помарки. Ее почерк почти так же хорош, как твой, и это при всех твоих годах обучения. Что ты об этом думаешь, Роберт?

С минуту он молча смотрел на обрывки.

– Полностью мы текст не восстановим, это понятно. Здесь только часть письма. Попробуем сделать так...

Они стали сортировать клочки – ее ловкая рука следовала его указаниям – и в результате разложили их на три группы. Первая состояла из слишком мелких обрывков, не представлявших интереса: части слов, артикли, пустота полей. Эту кучку они отодвинули в сторону.

Вторая группа включала целые слова, которые они прочли вслух.

«Любовь»
«без всякого»
«дитя скоро полностью»
«кроме тебя, помочь некому»
«плата»
«больше ждать»
«отец моего»
«в конечном счете»

Последняя группа состояла из обрывков, на которых повторялось одно и то же слово:

«Алиса»
«Алиса»
«Алиса»

Роберт Армстронг повернулся к своей жене, а та одновременно повернулась к нему. Она глядела встревоженно; его взгляд был мрачен.

– Скажи, любовь моя, – произнес он, – что ты об этом думаешь?

– Эта «Алиса» – я сперва решила, что так зовут женщину, написавшую письмо. Но в письмах люди не упоминают свое имя так часто. Они просто пишут: «я». Значит, эта Алиса – другая женщина.

– Верно.

– «Дитя», – повторила она с удивлением. – «Отец...»

– Да.

– Не понимаю... Неужели у Робина есть ребенок? Неужели у нас есть внук? Но тогда почему он ничего не сказал нам? Кто эта женщина? Что заставило ее написать это письмо? Такое письмо, что его разорвали в мелкие клочки. Боюсь, что...

– Не бойся, Бесс. Что толку в боязни? Допустим, есть ребенок. Допустим, есть женщина. Молодым людям случается допускать ошибки и похуже. Если он влюбился и если от этой связи есть ребенок, мы будем только рады пополнению семейства. Наши сердца достаточно щедры для

этого, не так ли?

– Но почему письмо пытались уничтожить?

– Допустим, случилась беда... Любовь способна справиться со многими бедами, а судя по письму, в любви здесь недостатка нет. Но там, где любовь помочь не может, обычно помогают деньги.

Он долго, не отрываясь, смотрел в ее левый глаз, здоровый голубой глаз. Смотрел и ждал, пока тревожное выражение не сменилось спокойной уверенностью.

– Ты прав. Но что же нам делать? Ты с ним поговоришь?

– Нет. Не сейчас, во всяком случае. – Он вновь повернулся к остаткам письма и указал на один клочок в забракованной группе. – Что ты об этом думаешь?

Она покачала головой. Разрыв прошелся горизонтально вдоль слова, отделив его верхнюю половину от нижней.

– Мне кажется, здесь написано «Бамптон».

– Бамптон? Но это же всего в четырех милях отсюда!

Армстронг сверился с карманными часами:

– Сейчас уже поздно туда отправляться. Я должен навести здесь порядок и убрать эти туши. Если не потороплюсь, потом в темноте будет сложновато, а мне еще надо покормить свиней. Завтра я встану пораньше и сразу отправлюсь в Бамптон.

– Хорошо, Роберт.

Она развернулась в сторону выхода.

– Осторожно с подолом!

Вернувшись в дом, Бесс Армстронг первым делом направилась к своему бюро. Ключ с трудом повернулся в замке. Так было всегда с тех пор, как замок починили. Она вспомнила тот день; Робину было тогда восемь лет. Она пришла домой и обнаружила дверцу бюро взломанной. Бумаги были раскиданы по комнате, деньги и документы исчезли, а Робин взял ее за руку и сказал: «Я спугнул вора, он был похож на бродягу. Смотри, мама, вот открытое окно, через которое он убежал у меня на глазах». Ее муж немедленно отправился на поиски преступника, но она за ним не последовала. Вместо этого она переместила свою повязку на здоровый глаз, открыв другой, который смотрел вкось, но при этом ВИДЕЛ то, что обычным глазам узреть не дано. Она взяла сына за плечи и направила на него свой ВИДЯЩИЙ глаз. А когда Армстронг вернулся, не найдя никаких следов вора-бродяги, она сказала: «Я знала, что ты их не найдешь, потому что такого человека здесь не было. Вором был Робин».

«Нет!» – вскричал Армстронг.

«Это был Робин. Вспомни: он был слишком доволен придуманной им историей. Это сделал Робин».

«Я не верю».

Они так и не пришли к согласию по этому вопросу, больше к нему не возвращались, и с тех пор он казался погребенным под грузом лет. Но каждый раз, поворачивая ключ в замке этого бюро, она вспоминала все.

Она сложила лист бумаги в виде конверта и поместила туда сначала набор нечитаемых обрывков, а следом обрывки со словами. Помедлила, сжав пальцами последние три клочка, но потом поочередно бросила в конверт и их, бормоча имя, как заклинание:

– Алиса...

– Алиса...

– Алиса...

Она открыла ящик бюро, чтобы убрать в него самодельный конверт, и вдруг что-то ее остановило. Не письмо. Не давняя история со взломом бюро. Что-то еще. Возникло такое чувство, будто прозрачный, чуть подернутый рябью поток пересекает комнату прямо перед ней.

Она попыталась поймать это ускользающее чувство и дать ему определение. Чуть не опоздала, но все же в последний миг ухватилась, ибо услышала собственный голос, громко прозвучавший в пустом помещении:

– Скоро кое-что случится.

Тем временем в амбаре Роберт Армстронг закончил точить нож и позвал на помощь своих сыновей, второго и третьего по старшинству, чтобы повесить кровоточащие туши на крючьях над сточными желобами. Они сполоснули руки в кадке с дождевой водой и затем выплеснули эту воду на пол амбара – туда, где после забоя остались самые большие лужи крови. Поручив дальнейшую уборку сыновьям, он отправился в свинарник. Обычно они выполняли такие работы вместе, но, когда ему хотелось о чем-нибудь поразмыслить, он кормил свиней в одиночестве.

Без видимых усилий поднимая мешки, он насыпал зерно в кормушки. Почесал одну свиноматку за ухом, а другой поскреб бок, согласно предпочтениям каждой. Свиньи – замечательные существа, наделенные разумом, хотя большинство людей этого не замечают. Армстронг был убежден, что у каждой свиньи есть свой особый характер, свои таланты, и потому при выборе молодой свиноматки учитывал не только ее физические параметры, но и сообразительность, благоразумие, добрый нрав: качества, необходимые хорошей матери. Он имел привычку беседовать со свиньями

во время кормежки – и сегодня, как водится, поговорил с каждой из них. «С чего это ты нынче не в настроении, Дора?», «Возраст дает себя знать, Полл?». Он давал имена всем племенным свиньям, в отличие от свиней, выращиваемых на убой, – этих он без разбора звал просто «хрюшками». Он завел такое правило: имя каждой новой свиноматки должно начинаться с той же буквы алфавита, что и имя ее матери, – так было проще отслеживать их родословные при дальнейшем скрещивании.

Подошла очередь Марты в самом дальнем конце свинарника. Она должна была опороситься через четыре дня. Он наполнил ее кормушку зерном и налил воды в корытце. Марта поднялась с соломенной подстилки и, тяжело переваливаясь, приблизилась к перегородке, но не спешила набрасываться на еду и питье, а просунула рыло между горизонтальными брусками. Армстронг почесал ее голову между ушами, и она ответила довольным хрюканьем.

– Алиса... – задумчиво произнес он. Все это время письмо не выходило у него из головы. – Что ты об этом думаешь, Марта?

Свинья обратила на него глубокомысленный взор.

– Я и сам не знаю, что думать, – признался он. – Первый внук – неужели? И Робин – что творится с Робинком?

Он тяжело вздохнул.

Марта уделила несколько секунд изучению его ботинок на грязном полу и вновь подняла взгляд – на сей раз пронизательный – на Армстронга.

Он кивнул:

– Ты права. Мод могла бы в этом разобраться. Но Мод здесь нет, верно?

Мод была матерью Марты и лучшей из всех свиноматок, им когда-либо виденных. Она произвела на свет великое множество поросят и ни одного из них не потеряла по случайности или по небрежению. Более того, она всегда выслушивала Армстронга с таким вниманием и участием, какие он не встречал ни у одной другой свиньи. Терпеливая и спокойная, она позволяла ему сколь угодно рассуждать на любые темы; когда он делился с ней радостями, рассказывая о своих детях, глаза ее поблескивали от удовольствия, а когда заводил речь о печальных вещах (Робин – почти всегда это касалось Робина), ее взгляд был полон мудрого сочувствия; и всякий раз он возвращался из свинарника в лучшем расположении духа, чем был до того. В присутствии столь добродушной и дружелюбной слушательницы он мог высказывать вслух любые мысли и порой только таким образом эти мысли в своей голове обнаруживал. Удивительно, каким затуманенным может быть сознание человека, пока у него не появится

слушатель, которому он полностью доверяет, а Мод как раз была из таких. Без ее помощи он никогда не узнал бы многих вещей о себе самом и о своем сыне. На этом самом месте несколько лет назад он поведал Мод о разногласиях между ним и женой касательно Робина и той кражи. Рассказывая Мод эту историю, он как будто увидел ее под новым углом со всеми деталями, которые тогда же мельком зафиксировал, но оставил без внимания. «Я заметил мужчину, – рассказывал Робин. – Я заметил его ботинок, когда он удирал через окно». Армстронг привык видеть в людях самое лучшее и без колебаний поверил мальчику. Но позднее, побуждаемый взглядом Мод, он вспомнил странную, выжидательную паузу, наступившую после слов Робина, и в глубине души понял ее значение: Робин выжидал, проверяя, сработает ли его обман. Как ни больно было Армстронгу это принять, но в данном случае Бесс оказалась права.

Когда они поженились, Робин уже находился в материнской утробе, помещенный туда другим мужчиной. Роберт постарался выбросить из головы этот факт – что было не так уж трудно сделать, поскольку он всем сердцем полюбил мальчика. Он был решительно настроен создать с Бесс единую и дружную семью, никому не оказывая предпочтения и не допуская, чтобы кто-то из ее членов остался чем-нибудь обделенным. Любви хватало на всех. Любовь должна была скреплять их семью. Но когда Армстронг понял, что вором, взломавшим бюро и укравшим его содержимое, был Робин, он разрыдался. Мод смотрела на него вопросительно. Как быть дальше? И он нашел ответ. Надо любить мальчика еще сильнее, и тогда все наладится. Начиная с того дня он заступался за Робина даже с большим пылом, чем прежде.

А Мод смотрела на него и как будто спрашивала: «В самом деле?»

При мысли о Мод к его глазам вдруг подступили слезы. Одна слезинка упала на толстую шею Марты, ненадолго задержалась на рыжей щетине, а потом скатилась в грязь.

Армстронг рукавом вытер влагу со щек.

– Это же глупо, – упрекнул он себя.

Марта смотрела на него из-под рыжих ресниц.

– Но ведь и ты по ней скучаешь, верно?

Ему показалось, что взгляд ее слегка затуманился.

– Сколько уже прошло? – Он сделал подсчет в уме. – Два года и три месяца. Это большой срок. Кто же ее украл? Ты ведь была там, Марта. Почему ты не завизжала, когда чужаки похищали твою маму?

Марта ответила ему долгим пристальным взглядом. Он попытался понять, расшифровать этот взгляд, но в кои-то веки ему это не удалось.

При прощальном почесывании Марта вдруг оторвала голову от перегородки и повернулась к реке.

– В чем дело?

Он тоже посмотрел в ту сторону. Но ничего особенного не увидел и не услышал. Однако что-то там все же было... Человек и свиноматка обменялись взглядами. Такого выражения в ее глазах Армстронг еще никогда не видел, но достаточно было сопоставить это с его собственными ощущениями, чтобы уловить смысл.

– Думаю, ты права, Марта. Скоро кое-что случится.

Миссис Воган и речные гоблины

В уголке глаза бусинкой блестела слеза. Это был глаз молодой женщины, лежавшей на дне лодки. Жидкость скопилась в его розовом уголке, куда выходят каналы хитро устроенной системы слезовыделения. Капля подрагивала вместе с раскачиванием лодки, но сохраняла форму и не скатывалась из глаза, удерживаемая ресничками по его периметру.

– Миссис Воган?

Перед тем молодая женщина продвигалась поперек реки, но сложила весла и позволила течению отнести маленькую лодку к зарослям камыша, в которых она и застряла. К тому моменту, как обращение с берега донеслось до женщины, густой белый туман над рекой выхолостил из него все высокие, тревожные нотки. Слова достигли ее ушей уже вялыми, отяжелевшими от влаги и прозвучали едва ли громче, чем мысли в ее собственной голове.

«Миссис Воган... это ведь я», – подумала Хелена. Но прозвучало это как имя постороннего человека. Она даже смогла представить себе некую миссис Воган, и этот образ ничуть не походил на нее саму. Значительно старше – около тридцати, – с лицом как на портретах в доме ее мужа. Странно было думать, что всего несколько лет назад она была Хеленой Гревилл. Казалось, с той поры прошло гораздо больше времени. Вспоминая сейчас о той девушке, она как будто вспоминала кого-то давно и хорошо знакомого, но уже навсегда исчезнувшего из ее жизни. Хелены Гревилл больше не существовало.

– Слишком холодно для прогулок, миссис Воган!

Холод, да. Хелена Воган сейчас ощущала разные типы холода. Прежде всего, сказывалось отсутствие теплой одежды: пальто, шляпы, перчаток. Сырой холодный воздух пропитывал платье, которое липло к коже, отчего по всему телу, от груди до рук и ног, поползли мурашки. Холод воздуха ощущался и в процессе дыхания, когда он проникал в ее ноздри и легкие, заставляя содрогаться при каждом вдохе. Далее был еще холод самой реки. Этот добрался до нее позднее, медленно принося сквозь толстые доски лодочного днища, зато теперь всю жалил ее лопатки, затылок, ребра, зад и прочие места, которые прижимались к выгнутому деревянному корпусу. Река качала лодку, как колыбель, одновременно вытягивая из Хелены остатки тепла. Она закрыла глаза.

– Вы там, миссис Воган? Дайте ответ, прошу вас!

Ответ... Это слово вызвало в памяти события, происходившие несколько лет назад. В тот раз тетя Элиза ее наставляла: «Подумай как следует, прежде чем дать ответ, потому что такие возможности подворачиваются не каждый день».

Тетя Элиза была младшей сестрой отца Хелены. Овдовев на пятом десятке и не имея детей, она переехала в дом брата, чтобы жить вместе с ним и его дочерью от позднего брака, причиняя им максимум вреда и огорчений, как это виделось Хелене. Ее мать умерла, когда Хелена была еще в младенческом возрасте, и тетя Элиза решила, что племянница нуждается в женском присмотре и строгом контроле. Брат Элизы был эксцентричным человеком и не старался привить дисциплину дочери, да и вообще ее практически не воспитывал. Элиза пыталась этим заняться, однако не особо преуспела. Когда Хелена в первый раз пожаловалась отцу на тетю Элизу, он сказал, подмигивая: «Ей больше некуда податься, Пираточка. Ты просто кивай и соглашайся, что бы она ни говорила, а потом поступай по-своему. Я и сам всегда так делаю». И эта стратегия работала. Отец и дочь жили душа в душу, не допуская вмешательства Элизы в их времяпровождение на реке или в лодочной мастерской.

Но однажды, выйдя вслед за Хеленой в сад, между частыми призывами замедлить шаг тетя Элиза успела поведать множество разных вещей, и без того хорошо ей известных, ибо они касались их семьи. Тетя напомнила Хелене о своей бездетности (как будто об этом было так просто забыть) и далее упомянула о преклонном возрасте и слабом здоровье ее отца. Слушая вполуха, Хелена незаметно для поглощенной своими речами тети Элизы уводила ее в нужном направлении. Так они достигли реки и пошли вдоль берега. Хелена вдыхала бодрящий прохладный воздух и смотрела на уток, которые ныряли за кормом в струящиеся воды Темзы. Плечи ее инстинктивно напряглись при мысли о веслах. Она уже предчувствовала этот первый толчок от берега, эту встречу лодки с течением... «Поплывем вверх или вниз по реке? – обычно спрашивал ее отец. – Если не в одну, так в другую сторону – и в любом случае это будет приключением!»

А тетя меж тем напомнила Хелене о состоянии отцовских финансов, еще более плачевном, чем состояние его здоровья, а чуть погодя (возможно, Хелена что-то пропустила, поскольку течение ее мыслей подстраивалось под течение реки, а не под поток тетиных слов) уже говорила о некоем мистере Вогане, о его доброте, порядочности и о его процветающем бизнесе.

«Хотя, если ты этого не желаешь, только скажи, и вопрос будет снят

раз и навсегда. Я сейчас говорю по поручению твоего отца», – заключила тетя Элиза.

Все это сначала озадачило Хелену, но затем она вдруг поняла, о чем идет речь.

«А который из них мистер Воган?» – уточнила она.

Этот вопрос изумил тетю Элизу.

«Но ты же с ним виделась, и не один раз... Как можно быть настолько невнимательной?»

Однако для Хелены все папины приятели были на одно лицо: старые, блеклые, скучные мужчины. Никто из них не представлял ни малейшего интереса и не мог даже близко сравниться с ее отцом, и Хелена удивлялась тому, что отец тратит время на общение с такими людьми.

«Этот мистер Воган сейчас у папы?»

Она сорвалась с места и побежала обратно к дому, игнорируя протестующие вопли тети Элизы. В саду она перепрыгнула через заросли папоротника и подкралась к окну кабинета. Ей пришлось вскарабкаться на большую цветочную урну и уцепиться за оконный карниз, чтобы заглянуть внутрь, где ее отец курил в обществе какого-то джентльмена.

Мистер Воган оказался не из разряда красноносых седоватых зануд. Теперь она его узнала: с этим улыбчивым, сравнительно молодым человеком ее отец иногда засиживался допоздна под звон бокалов и сигарный дым. Уже в постели она слышала их дружный смех и радовалась тому, что папе есть с кем весело провести вечер. У мистера Вогана были карие глаза, каштановые волосы и такого же цвета борода. Помимо этого, он отличался от остальных папиных друзей странным произношением. Хотя обычно он говорил как все англичане, иногда в его речи проскальзывало что-то непривычное. Заинтересовавшись, Хелена однажды его об этом спросила.

«Я вырос в Новой Зеландии, – объяснил он. – Моя семья владеет там шахтами».

Теперь, сквозь оконное стекло, она внимательно рассмотрела этого вполне обычного человека и не почувствовала к нему неприязни.

Хелена позволила своим подошвам соскользнуть с края урны и повисла, держась за карниз и испытывая приятное ощущение при растяжке мышц рук и плеч. А когда услышала шаги тети Элизы, разжала пальцы и приземлилась под окном.

«Полагаю, мне придется покинуть наш дом, если я выйду за мистера Вогана?» – спросила она.

«Рано или поздно ты покинешь этот дом в любом случае. Твой отец

слаб здоровьем. Твое будущее неясно. Разумеется, он хочет, чтобы ты определилась со своим местом в жизни. Если выйдешь за мистера Вогана, ты переселишься к нему в Баскот-Лодж».

«Баскот-Лодж?» Хелена резко остановилась. Ей был знаком Баскот-Лодж – большой прибрежный особняк на необычно прямом и широком участке реки. Вода там была спокойной и гладкой, а река разделялась, огибая остров, и как будто забывала, что является рекой, воображая себя растянутым в длину озером. Неподдалеку находились водяная мельница, Сент-Джонский мост и просторный эллинг... Как-то раз она подгрестила близко к эллингу, осторожно поднялась на ноги в своей маленькой лодке и заглянула в открытые ворота. Да, там внутри много чего могло поместиться.

«Мне разрешат взять с собой лодку?»

«Хелена, это дело серьезное. Брак не имеет ничего общего с лодками и рекой. Это обязывающий договор – как перед лицом закона, так и пред ликом Господа...»

Но Хелена ее уже не слушала, убегая во всю прыть по направлению к входной двери дома.

При виде Хелены, ворвавшейся в кабинет, глаза ее отца засветились от радости.

«Ну, что ты думаешь об этой странной затее? – спросил он. – Если она кажется тебе полной чушью, так и скажи. С другой стороны, полная чушь может оказаться именно тем, что нужно, если придется по вкусу... Итак, вверх или вниз по реке, Пиратка? Слово за тобой».

Мистер Воган поднялся со стула.

«Можно мне будет взять свою лодку? – обратилась к нему Хелена. – Смогу я каждый день плавать по реке?»

Мистер Воган не смог ей ответить, онемев от удивления.

«Эта лодка доживает последние дни», – заметил ее отец.

«Все не так уж плохо», – возразила Хелен.

«Она сильно протекала, когда я видел ее в последний раз».

Хелен пожала плечами:

«Я вычерпываю воду».

«Да она сплошное решето! Удивляюсь, как ты на ней все еще плаваешь».

«Когда не успеваю вычерпывать, я причаливаю к берегу, переворачиваю лодку, выливаю воду и потом плыву дальше», – пояснила Хелена.

Эти двое обсуждали дырявую посудину так, словно сами были

бессмертными и не могли утонуть ни при каких обстоятельствах.

Мистер Воган переводил взгляд с отца на дочь, слушая их беседу. И понемногу осознавал значимость лодочной темы для его матримониальных планов.

«Я могу отремонтировать ее для вас, – предложил он. – Или куплю вам новую лодку, если хотите».

Хелена подумала. Затем кивнула.

«Это хорошо», – сказала она.

Тетя Элиза, подоспевшая к самому концу разговора, уставилась на Хелену. Похоже, только что они пришли к согласию, но к какому именно? Мистер Воган снизошел до пояснения специально для нее:

«Мисс Гревилл любезно позволила мне приобрести для нее новую лодку. Теперь, покончив с этим делом, мы можем обсудить и менее важные вопросы. Мисс Гревилл, вы не окажете мне честь, став моей женой?»

Что ж, приключение в любом случае...

«Годится», – сказала она и решительно кивнула.

Тетя Элиза почувствовала неладное – предложения руки и сердца не должны делаться и приниматься таким образом – и открыла рот с намерением обратиться к Хелене, но та ее опередила.

«Знаю-знаю: брак – это обязывающий договор пред лицами Господа и закона», – произнесла она, пародируя недавние слова тети. Ей уже случалось видеть, как люди заключают серьезные договоры. И, понимая, что дело сделано, она протянула мистеру Вогану руку для пожатия.

Мистер Воган взял ее руку, повернул ладонью вниз и наклонился, чтобы запечатлеть на ней поцелуй. Настал черед Хелены онеметь.

Ее жених оказался хозяином своего слова. Была заказана новая лодка, а старая отремонтирована, «чтобы пользоваться ею до поры до времени». И вскоре в распоряжении Хелены были уже две лодки, просторный элинг и участок реки, который она могла называть «своим». Плюс к тому у нее появилась новая фамилия. Ее отец после того прожил недолго. Тетя Элиза переехала в дом своего младшего брата в Уоллингфорде. А потом случилось еще много чего, и Хелена Гревилл была унесена течением событий, так что о ней позабыли все, даже миссис Воган.

В тот самый день она воспользовалась старой лодкой – той, что когда-то принадлежала Хелене Гревилл. Плыть далеко она не собиралась. Вверх или вниз по реке? Нет. Она не искала приключений. Она просто гребла, направляясь к противоположному берегу, а потом позволила лодке дрейфовать, пока не уткнется в камыши.

– Ох, ну и туман! Что скажет на это мистер Воган? – вновь послышался пропитанный сыростью голос.

Хелена открыла глаза. Туман сгустился настолько, что сквозь капельку в уголке своего глаза весь мир виделся ей скрытым за матовым стеклом. Не было видно ничего – ни неба, ни деревьев; невидимыми были даже камыши вокруг нее. Она покачивалась вместе с лодкой, вдыхала влагу вместе с воздухом и смотрела на туман, который лениво двигался, как почти стоячая вода в боковых протоках или как реки в ее снах. Весь мир утонул, оставив ее одну замерзающей в лодке Хелены Гревилл, а снизу давила река, шевелясь, как живое существо.

Она моргнула. При этом слезинка сначала вздулась, а потом стала более плоской, но удержалась на месте в своей невидимой оболочке.

До чего же бесстрашной девчонкой была Хелена Гревилл! Отец называл ее Пираткой, и она была пираткой по своей сути. Тетю Элизу она приводила в отчаяние.

«У реки есть обратная сторона, – рассказывала ей тетя Элиза. – Давным-давно жила непослушная маленькая девочка, которая любила играть на берегу, у самой воды. И вот однажды, когда она отвернулась, из реки появился гоблин. Он схватил девочку за волосы и, как она ни брыкалась, утянул в свое гоблинское царство под рекой. А если ты мне не веришь...»

Верила ли она тогда рассказам тети? Сейчас уже и не припомнишь.

«...А если ты мне не веришь, тогда поверь хотя бы своим ушам. Ну же! Слышишь этот плеск воды?»

Хелена кивала. Она всегда была рада узнать что-то новое и необычное. Гоблины, живущие под рекой, в своем гоблинском царстве. Как здорово!

«Прислушайся к звукам между всплесками. Слышишь? Это пузырьки, очень маленькие пузырьки, которые всплывают и лопаются на поверхности. Эти пузырьки несут послания от всех пропавших детей. А если у тебя достаточно острый слух, ты можешь услышать плач той маленькой девочки и других детей, тоскующих по дому, по своим мамам и папам».

Она прислушивалась. Расслышала ли она что-нибудь? Сейчас она уже не могла вспомнить. Но если бы гоблины утянули ее под воду, ее папа подрос бы к ней на помощь. Это было так очевидно, что Хелена Гревилл с пренебрежением отнеслась к рассказам своей тети, не понимающей самых простых вещей.

С годами Хелена Гревилл забыла историю о гоблинах и их мире на обратной, гибельной стороне реке. Но позднее Хелена Воган эту историю

вспомнила. И стала каждый день отплывать от берега на своей старой лодке, чтобы оживить это воспоминание. Вода ненавязчиво, с неправильными интервалами плескала в борт, река лизала и обсасывала лодку. Хелена прислушивалась к этим звукам и к тому, что было в паузах между ними. Не так уж трудно было разобрать голоса пропавших детей. Она слышала их совершенно отчетливо.

– Миссис Воган! Вы там замерзнете насмерть! Плывите сюда, миссис Воган!

Вода плескалась, лодка покачивалась, и далекий тонкий голос беспрерывно взывал к своим родителям из глубин гоблинского мира.

– Все хорошо, – прошептала она белыми губами и напрягла застывшие мышцы, готовясь приподняться. – Мама идет к тебе!

Она перегнулась через борт, лодка дала крен, а слеза наконец вытекла из уголка глаза и слилась с большой водой. Но прежде чем женщина сместила свой вес дальше и последовала за каплей, неведомая сила резко выровняла лодку, отбросив Хелену назад, так что она вновь растянулась навзничь. Она взглянула вверх и увидела смутную серую фигуру, которая нависла над носом лодки и не позволила ей опрокинуться. Затем эта фигура распрямилась в тумане и приняла очертания мужчины, во весь рост стоящего в плоскодонке. Он сделал движение руками, как будто отталкивался шестом от речного дна, и Хелена почувствовала, как ее лодка мощно рванулась вперед. Скорость продвижения странным образом не согласовывалась с тем, как легко орудовал шестом этот призрак. Река ослабила свой захват, и лодка была отбуксирована к берегу так быстро, что Хелена и опомниться не успела.

С последним толчком из тумана выплыли серые очертания пристани. Там ее ждала миссис Клэр, экономка, а рядом с ней стоял садовник. Он дотянулся до лодки и мигом ее пришвартовал. Хелена встала и с помощью миссис Клэр выбралась на пристань.

– Да вы промерзли до костей! Что это на вас нашло, милочка?

Хелена бросила взгляд через плечо:

– Он исчез...

– Кто исчез?

– Паромщик... Это он доставил меня к берегу.

Миссис Клэр посмотрела на нее с недоумением.

– Ты кого-нибудь видел? – понизив голос, обратилась она к садовнику.

Тот покачал головой:

– Разве что... это мог быть Молчун, как думаешь?

Миссис Клэр нахмурилась и сердитым кивком призвала его заткнуться

рот:

– Не забивай ей голову этими сказками! И без того ее дела плохи.

Хелену вдруг начала бить крупная дрожь. Миссис Клэр сняла свое пальто и накинула его на плечи хозяйки.

– Вы нас всех чуть не до смерти напугали, – проворчала она. – Идемте.

Миссис Клэр крепко взяла ее под одну руку, садовник – под другую, и они без остановки проследовали через сад к дому.

Уже на пороге Хелена задержалась и растерянно оглянулась на сад и реку за ним. Дело шло к вечеру, небо начало темнеть, как и туман над водой.

– Что такое? – пробормотала она еле слышно.

– Вы о чем? Что-то услышали?

Миссис Воган отрицательно качнула головой:

– Это не звук. Нет.

– Тогда что?

Хелена склонила голову набок, и ее глаза сфокусировались по-новому, расширив границы восприятия. Экономка последовала ее примеру, и садовник тоже наклонил голову, дивясь происходящему. Это чувство – предвкушение либо нечто вроде того – пришло одновременно ко всем троим, и они произнесли в унисон:

– Скоро кое-что случится.

Старая история

Вот он и на месте. Мистер Воган нерешительно остановился посреди улицы в престижном районе Оксфорда. Посмотрел налево и направо, но шторы в окнах ближайших зданий были слишком плотными, чтобы разглядеть за ними какого-нибудь любопытного созерцателя. Впрочем, с этой шляпой на голове и в такую пасмурную погоду его никто не сможет опознать. В любом случае он не собирался войти внутрь. Он проверил замок саквояжа, тем самым давая себе предлог для задержки, и бросил взгляд из-под полей шляпы на дом под номером семнадцать.

Дом выглядел вполне прилично и солидно, под стать своим соседям. И это стало для него первой неожиданностью. Он предполагал увидеть что-нибудь сразу выделяющее этот дом из общего ряда. Разумеется, каждое здание на улице имело какие-то отличия от прочих, насколько о том позаботились его строители и владельцы. В случае с домом, перед которым он остановился, это был особо изящный фонарь над входом. Но ему представлялись отличия другого рода. Скажем, ярко раскрашенная парадная дверь или нечто фальшиво театральное в складках занавесок на окнах. Однако ничего подобного здесь не обнаружилось. «Они далеко не глупцы, эти люди, – подумал он. – Конечно же, они постарались придать своему жилищу почтенный вид».

Человек, от которого Воган узнал об этом месте, был случайным знакомым, да и тот получил информацию через третьи руки. Из этой уже многократно пересказанной на разные лады истории Воган запомнил следующее: чья-то там жена настолько тяжело переживала кончину своей матери, что стала тенью самой себя – почти не спала, ничего не ела, не реагировала на голоса любимых детей и мужа. Все врачи оказались бессильны, женщина угасала, и тогда ее муж, исчерпав все другие возможности, обратился к некой миссис Константайн. И вот после всего-то пары встреч с этой загадочной особой женщина обрела прежнее здоровье и преспокойно вернулась к исполнению своих домашних и супружеских обязанностей. Конечно, до Вогана эта история дошла в сильно искаженном виде, и на ее правдивость рассчитывать не стоило. Для него это была какая-то галиматья – он никогда не верил в медиумов и тому подобное, – однако, по словам его знакомого: «Какими бы ни были методы этой миссис Константайн, они срабатывают независимо от того, веришь ты в них или нет».

Дом казался безупречно респектабельным. Калитка и дорожка к крыльцу были сама аккуратность. Никакой пузырящейся краски, никаких пятен на дверной ручке, никаких следов грязных ног на ступеньках. Клиенты не должны заметить ни единой мелочи, могущей в последний момент усилить их сомнения, смутить или побудить к отказу от визита. Все сверкало чистотой, и даже самому придирчивому взгляду не за что было зацепиться. Такое место не покажется слишком претенциозным простолюдину или слишком уж скромненьким – богачу. «Да, хозяев дома можно поздравить, – подумал Воган. – Они предусмотрели все».

Положив руку на верхний край калитки, он наклонился вперед, чтобы прочесть имя на бронзовой табличке рядом с дверью: «Профессор Константайн».

Он не смог сдержать улыбки. Не иначе как эта особа выдает себя за супругу университетского светила!

Воган уже почти убрал пальцы с калитки, но замешкался – необъяснимым образом его намерение повернуться и уйти не спешило переходить в соответствующие действия, – когда дверь под номером семнадцать открылась. В проеме возникла служанка с корзиной для покупок. Опрятная, чистенькая, ничем не примечательная – такую мистер Воган и сам бы охотно нанял в услужение. И она произнесла голосом, который был так же опрятен, чист и непримечателен:

– Доброе утро, сэр. Вы пришли к миссис Константайн?

«Нет-нет!» – воскликнул он, да только это восклицание не достигло его собственных ушей, поскольку так и не слетело с его губ. А все попытки объяснить свое появление здесь чистой случайностью были пресечены его собственной рукой, открывшей щеколду калитки, и его ногами, зашагавшими по дорожке к двери. Служанка поставила корзину на пол, и Воган словно со стороны увидел себя подающим ей свой саквояж и свою шляпу, которые она поместила на столик в прихожей. Он уловил запах воска, отметил блеск лестничных перил, почувствовал обволакивающую теплоту – и все это время не переставал удивляться тому, что находится внутри дома вместо того, чтобы идти дальше по улице после якобы случайной остановки по ту сторону ограды под предлогом осмотра саквояжного замка.

– Не угодно ли вам подождать миссис Константайн в гостиной, сэр? – предложила служанка, указывая направление.

Там, за открытой дверью, он заметил огонь камина, вышитую подушку на кожаном кресле и персидский ковер на полу. Войдя в комнату, он тотчас ощутил сильнейшее желание здесь остаться. Он опустил на край

большого дивана, и пышные подушки уютно приняли его в свои объятия. Другой конец дивана был занят крупным рыжим котом, который пробудился и замурлыкал. Мистер Воган протянул руку, чтобы его погладить.

– Добрый день.

Голос был спокойным и мелодичным. Благоприятным. Он обернулся и увидел женщину средних лет, с сединой в волосах, которые были собраны на затылке, открывая широкий гладкий лоб. Синее платье с простым белым воротником придавало голубоватый оттенок ее серым глазам. И внезапно мистера Вогана вспышкой пронзило воспоминание о его матери, хотя она нисколько не походила на эту женщину. Его мама под конец жизни была выше ростом, тоньше, моложавее и чуть смуглее лицом. И она уж точно никогда не была такой аккуратисткой.

Воган встал с дивана и рассыпался в извинениях.

– Вы, должно быть, сочтете меня ужасно бестолковым человеком, – начал он. – Мне крайне неловко, и, что хуже всего, я не знаю, как приступить к объяснению. Я находился снаружи, на улице, но без намерения к вам зайти – не сегодня, во всяком случае, мне надо успеть на поезд... То есть я к тому, что терпеть не могу вокзальные залы ожидания, а поскольку до отправления было еще далеко, я решил убить время, прогулявшись по городу и заодно выяснив, где вы живете, чтобы посетить вас как-нибудь в другой раз, – таковы были мои намерения, но случилось так, что именно в этот момент ваша служанка открыла дверь и, естественно, решила... нет-нет, к ней никаких претензий, это просто нелепое совпадение, любой бы на ее месте решил...

Он еще долго продолжал в том же духе. Пытался нащупать разумный подход, ухватить логическую нить, но фразы сменяли одна другую, а разум и логика не желали иметь с ними ничего общего; он чувствовал, что с каждым словом все дальше и дальше отклоняется от того, что хотел сказать изначально.

Пока он говорил, серые глаза невозмутимо смотрели ему в лицо, и, хотя миссис Константайн не улыбалась, ему чудилось нечто ободряющее в этих выразительных морщинках вокруг ее глаз. Запутавшись окончательно, он умолк.

– Понимаю, – сказала она, кивнув. – Вы не думали беспокоить меня визитом сегодня, а всего лишь прогуливались по этим улицам и захотели уточнить, правильный ли вам дали адрес...

– Совершенно верно!

Обрадованный тем, что все так легко разъяснилось, и теперь готовый

откланяться, он ждал только ее слов, обычно предваряющих вежливое прощание. Он уже видел себя в прихожей со шляпой на голове и саквояжем в руке. Он уже видел себя в дверях, видел свои ноги на плиточной дорожке перед домом, видел свою руку на щеколде калитки. Но потом он увидел деловитую сосредоточенность в этих спокойных серых глазах.

– Однако так уж вышло, что теперь вы здесь, – произнесла она.

Теперь он был здесь. Да. И он вдруг очень явственно ощутил свое присутствие здесь. Казалось, вся комната наполняется этим ощущением, как и он сам.

– Почему бы вам не присесть, мистер?..

– Воган, – сказал он.

По глазам невозможно было понять, знакомо ли ей это имя; она лишь продолжала смотреть на него все с тем же ненавязчивым вниманием. Он сел.

Миссис Константайн налила из графинчика стакан воды, поставила его на столик рядом с Воганом и тоже села – в кресло, расположенное под углом к дивану. И выжидающе улыбнулась.

– Мне нужна ваша помощь, – признался он. – Это касается моей жены. Ее лицо смягчилось выражением скорбного сочувствия.

– Мне очень жаль. Позвольте выразить мои соболезнования...

– Нет! Я не это имел в виду!

Голос его зазвучал раздраженно. И он действительно был раздражен.

– Простите меня, мистер Воган. Дело в том, что незнакомцы обычно появляются здесь после смерти кого-то из близких.

Выражение ее лица не изменилось; оно оставалось спокойным, но не сказать чтобы безучастным, – более того, оно было вполне дружелюбным, однако миссис Константайн всем своим видом давала понять, что посетителю пора бы уже перейти к сути дела.

Он вздохнул:

– Видите ли, мы потеряли дочь.

– Потеряли?

– Точнее, нас лишили дочери.

– Простите меня, мистер Воган, но в английском языке очень много обтекаемых выражений и слов, касающихся смерти. «Потеряли, пропала...» Это можно понять по-разному. Я только что неверно истолковала ваши слова насчет жены и не хочу повторять эту ошибку.

Мистер Воган сглотнул и посмотрел на свою руку, лежавшую на подлокотнике зеленого бархатного дивана. Провел ногтем по материи, оставив полоску на ворсе.

– Возможно, вам известна эта история, если вы читаете газеты. Но даже если не читаете, разговоры шли по всему графству. Это случилось два года назад. В Баскоте.

Она отвела взгляд от собеседника и направила его в пространство, сверяясь со своей памятью. Воган провел пальцем по бархату, заглаживая ворс, так что полоска исчезла. Он ждал, давая ей время вспомнить.

Миссис Константайн вновь посмотрела ему в лицо:

– Думаю, будет лучше, если вы расскажете мне об этом сами.

Плечи Вогана напряглись.

– Я не могу сказать вам больше того, что известно всем.

– Мм... – Звук был неопределенным по интонации: не подтверждал и не противоречил, а лишь обозначал ее участие в разговоре.

Теперь очередь снова была за Воганом.

А он-то рассчитывал, что ему не придется лишний раз это рассказывать. За прошедшие два года у него создалось впечатление, что все и так уже в курсе. Это была одна из тех историй, что с поразительной быстротой распространяются по округе и далеко за ее пределами. Сплошь и рядом на самых разных мероприятиях: деловых встречах, собеседованиях с желающими поступить к нему на службу, собраниях местных землевладельцев, светских раутах в Оксфорде или в Лондоне – при первом появлении в комнате он по взглядам незнакомых ему людей догадывался, что они знают не только его самого, но и его историю. Потом он уже перестал удивляться, хотя привыкнуть к этому так и не смог. «Ужасное несчастье...» – бормотал какой-нибудь имярек, когда их представляли друг другу, и Воган со временем усвоил манеру принимать соболезнования так, что его вежливый ответ одновременно означал: «И больше об этом ни слова».

В первые дни ему пришлось без конца повторяться, описывая те события. В самый первый раз, подняв на ноги слуг, он обрушил на них целый шквал неразборчивых, яростных и стремительных звуков, как будто его слова сами неслись галопом в погоню за похитителями и за его пропавшей дочерью. Соседям, которые прибыли помочь с поисками, он рассказывал о случившемся отрывистыми фразами, испытывая боль в груди при каждом вдохе. В следующие несколько часов он рассказывал это снова и снова, каждому мужчине, каждой женщине, каждому ребенку, которых встречал во время скачки по сельским дорогам: «Мою дочь похитили! Вы видели здесь чужаков, видели кого-нибудь подозрительного с двухлетней девочкой?» На другой день он рассказал это своему банкиру, к которому примчался за деньгами для выкупа, а позднее полицейскому,

прибывшему из Криклейда. Только в последнем случае удалось наконец должным образом восстановить последовательность событий. Они с женой все еще были как в бреду, но в этот раз Хелена приняла участие в разговоре. Они оба ходили туда-сюда по комнате, присаживались, вскакивали и вновь начинали ходить, говорили то по очереди, то одновременно, а порой оба умолкали и глядели друг на друга, не находя слов. Был один эпизод, который он впоследствии очень старался забыть. Хелена описывала момент, когда обнаружилась пропажа их дочери: «Я открыла дверь, вошла, а ее там не было. Ее там не было! Ее там не было!» Она с изумлением, как заводная, повторяла фразу «Ее там не было!», вертя головой по сторонам и обшаривая взглядом верхние углы комнаты, словно малютка могла быть спрятана в стыках перекрытий или где-то за ними, в закутке под стропилами, однако ее не было и там. Казалось, осознание потери затапливало Хелену изнутри, затапливало их обоих, и они пытались с помощью слов вычерпать все это из себя. Но слова были как яичные рюмки, а то, что ими описывалось, было размером с океан, слишком большой, чтобы справиться с ним столь жалкими средствами. Она черпала и черпала, но, сколько бы ни старалась, все усилия были напрасны. «Ее там не было!» – безостановочно повторяла она голосом, какого ему не доводилось слышать ни от одного человеческого существа. Она тонула в своей утрате, а он был словно парализован и не мог ничего сделать или сказать, чтобы ее спасти. К счастью, выручил полисмен. Это он бросил ей спасательный круг, за который утопающая смогла ухватиться; это он вытянул ее на поверхность своим следующим вопросом:

– Но постель была смята, как после сна?

До нее дошел звук произнесенных слов, а затем и смысл вопроса. Приходя в себя, она кивнула и уже своим обычным, хотя и очень слабым голосом ответила:

– Руби уложила ее спать. Руби – это наша няня.

После этого она погрузилась в молчание, и рассказ продолжил Воган.

– Будьте добры, помедленнее, сэр, – попросил его полисмен, который старательно, как прилежный школьник, записывал его слова карандашом в блокнот. – Повторите, пожалуйста, предыдущую фразу.

Он то и дело прерывал их рассказ, чтобы прочесть вслух последние записи, а они его поправляли, припоминали новые подробности, находили нестыковки в своих впечатлениях, согласовывали их и двигались дальше. Любая мелочь могла оказаться важной и навести на след похитителей. Так они потратили несколько часов на то, чтобы составить подробный отчет о нескольких минутах того утра.

Он написал обо всем своему отцу, который жил в Новой Зеландии.

– Не делай этого, – отговаривала его Хелена. – Зачем расстраивать старика, если уже завтра или послезавтра она будет дома?

Но он все же отправил письмо. Вспомнил тот полицейский протокол и взял его за основу при описании случившегося. Среди прочего в письме приводились все основные факты, связанные с исчезновением девочки.

«Неизвестные злодеи пришли среди ночи, – писал он. – Они приставили лестницу к окну детской, проникли туда, забрали девочку и скрылись».

И чуть ниже еще:

«Хотя требование выкупа было получено на следующее утро и выкуп заплачен без промедлений, дочь нам до сих пор не вернули. Мы ведем поиски. Делаем все возможное и не остановимся, пока ее не найдем. Полиция будет задерживать речных цыган и обыскивать их лодки. Как только появятся свежие новости, я тебе сообщу».

В письме не было ничего похожего на его собственные ощущения, когда ему буквально не хватало воздуха и каждый вдох отдавался болью в груди. Там не было ни единого намека на охвативший их ужас. У себя за письменным столом через двое суток после тех событий он сухо излагал самую суть: буквы складывались в слова, а те выстраивались в строчки, формировали предложения, затем абзацы – так и составила история пропажи его дочери. Информация уместилась на паре страниц.

Поставив финальную точку, Энтони Воган перечитал письмо. Сказал ли он все необходимое? Он сказал все, что мог. Убедившись, что к сказанному добавить нечего, он запечатал конверт и звонком вызвал служанку, которая отнесла письмо на почту.

Этот краткий сухой отчет, впоследствии много раз им пересказанный на встречах с деловыми партнерами и прочими полужнакомыми людьми, он выложил и теперь. Хотя уже несколько месяцев ему не было нужды произносить эти фразы, оказалось, что он по-прежнему помнит их слово в слово. Менее минуты ушло на то, чтобы ввести в курс дела женщину с серыми глазами.

Он закончил рассказ и сделал глоток из стоявшего рядом стакана. У воды был неожиданный, освежающий огуречный привкус.

Миссис Константайн взирала на него все так же спокойно и доброжелательно. И он вдруг почувствовал, что здесь что-то не так. Обычно в таких ситуациях люди выглядели потрясенными, предпринимали неуклюжие попытки его утешить, сказать что-нибудь приличествующее случаю или растерянно молчали, пока он сам какой-нибудь фразой не

направлял разговор в другое русло. Но сейчас ничего подобного не произошло.

– Все ясно, – сказала она. И кивнула, как будто ей действительно все было ясно в этом деле. Но что там могло быть ясного? Разумеется, ничего. – А что с вашей женой?

– С моей женой?

– В самом начале разговора вы сказали, что это касается вашей жены.

– Ах да. Так и есть.

Момент его появления в этом доме, обмен первыми фразами с миссис Константайн – все это показалось ему очень давним прошлым, хотя с той поры минуло не более четверти часа. Пришлось напрячься, потирая пальцами глаза и мысленно продвигаясь обратно во времени через множество преград, чтобы наконец вспомнить, зачем он сюда пришел.

– Понимаете, тут вот какое дело. Моя жена – что вполне объяснимо в данных обстоятельствах – была и остается безутешной. Она не может думать ни о чем, кроме возвращения нашей дочери. Ее душевное состояние ухудшается. Она никого не желает видеть. Ничто не может вывести ее из депрессии. Она испытывает отвращение к еде и почти не спит, потому что во сне ее преследуют самые отвратительные кошмары, какие только можно себе вообразить. Поведение ее становится все более странным – настолько, что сейчас она уже представляет опасность для себя самой. Вот вам один пример: она пристрастилась к одиночным плаваниям по реке в гребной лодке и может плавать часами, одеваясь не по погоде и совершенно не думая о своей безопасности. Она и сама не может объяснить, зачем это делает, а это уже совсем никуда не годится. Я предложил ей уехать отсюда, надеясь, что путешествие пойдет ей на пользу. Я даже был готов продать все, чем владею в здешних краях, и начать с нуля в другом месте, где ничто не будет напоминать о нашей утрате.

– И что она ответила?

– Она сказала, что это отличная идея и, когда наша дочь вернется домой, мы непременно так и сделаем. Понимаете? Если ничего не предпринимать, дальше будет только хуже. Ее терзает не горе, заметьте, – тут нечто гораздо более страшное. Я за нее боюсь. Я боюсь, что она станет жертвой какого-нибудь несчастного случая или закончит жизнь в сумасшедшем доме. И я готов сделать все, что угодно, – абсолютно все, – чтобы это предотвратить.

Серые глаза следили за ним безотрывно, и он понимал, что его изучают, прикрываясь маской заинтересованности и дружелюбия. На сей раз он ясно показал интонацией, что теперь ее очередь высказаться

(встречал ли он когда-либо другую столь же малословную женщину?). И она разомкнула уста.

– Вам, должно быть, очень одиноко, – сказала она.

Энтони Воган с трудом скрыл разочарование:

– Речь не обо мне. Я хочу, чтобы вы поговорили с моей женой.

– И что я должна ей сказать?

– Объясните ей, что наша дочь мертва. И что ей необходимо с этим смириться.

Миссис Константайн дважды моргнула. Будь на ее месте кто-то другой, это сошло бы за пустяк, но у такой невозмутимой женщины это могло быть признаком сильного удивления.

– Позвольте пояснить, – сказал он.

– Да уж, сделайте одолжение.

– Я хочу, чтобы вы сказали моей жене, что наша дочь умерла. Скажите ей, что девочка счастлива. Скажите, что она сейчас в раю с ангелами. Используйте потусторонние послания и голоса. Если потребуется, используйте трюки с дымом, зеркалами и чем там еще...

При этих словах он огляделся. Трудно было вообразить эту со вкусом обставленную гостиную в роли помещения для спиритических сеансов, каковые в его сознании ассоциировались со всякими хитрыми магическими штукovinaми, тяжелыми темными портьерами и прочими атрибутами медиумов. Впрочем, она могла проводить сеансы не здесь, а в другой комнате.

– Конечно, не мне вам говорить что и как. Вам виднее, это ваша профессия. Со своей стороны я могу подсказать вещи, которые известны только ей и мне. Вы произведете впечатление, она проникнется к вам доверием и...

– И что дальше?

– Дальше будут печаль, скорбь, слезы и молитвы, после чего...

– После чего ваша жена, оплакав утрату, сможет вернуться к жизни – вернуться к вам?

– Именно так! – Воган испытал благодарное облегчение оттого, что его так быстро и правильно поняли.

Миссис Константайн чуть-чуть склонила голову набок. Улыбнулась ему. Доброй, понимающей улыбкой.

– Боюсь, это невозможно, – сказала она затем.

Энтони Воган вздрогнул от неожиданности:

– Почему невозможно?

Она покачала головой:

– Во-первых, у вас неверные представления – или вас неправильно информировали – относительно характера моих занятий. Эта ошибка легко объяснима. И во-вторых, предлагаемый вами способ все равно не принесет пользы.

– Я заплачу по вашей ставке, какова бы она ни была. Я заплачу вдвое, если понадобится!

– Дело совсем не в деньгах.

– Не понимаю! Тут же нет ничего сложного! Назовите вашу цену, и я заплачу!

– Я глубоко сочувствую вашему горю, мистер Воган. Потеря ребенка – это одно из тяжелейших несчастий, какие могут выпасть на долю человека. – Она слегка нахмурилась. – Но как насчет вас, мистер Воган? Лично вы верите в то, что ваша дочь мертва?

– Иначе просто быть не может, – пробормотал он.

Серые глаза смотрели в упор. В этот миг у Вогана возникло впечатление, что она способна заглянуть в потаенные глубины его души и увидеть то, что было покрыто тьмой даже для него самого. Ему стало не по себе, сердце забилось неровно.

– Вы не назвали мне ее имя.

– Хелена.

– Я не об имени вашей жены. Я о дочери.

Амелия. Имя уже почти слетело с языка, но Воган его проглотил. Почувствовал спазмы в груди, задохнулся, прокашлялся, снова взял стакан и осушил его наполовину. Сделал вдох для проверки: спазмы прекратились.

– Почему? – спросил он. – Почему вы отказываетесь мне помочь?

– Я бы хотела вам помочь. Вы действительно нуждаетесь в помощи. Долго так продолжаться не может. Однако то, о чем вы меня попросили, не только невозможно, но и бесполезно.

Он поднялся с дивана, раздраженно махнув рукой. В какой-то нелепый момент он был близок к тому, чтобы закрыть ладонями лицо и разрыдаться. Но он лишь покачал головой:

– В таком случае я пойду.

Она также поднялась:

– Если когда-нибудь захотите сюда вернуться, добро пожаловать.

– А зачем мне сюда возвращаться? От вас мне никакой помощи не будет. Вы ясно выразились на сей счет.

– Я выразилась несколько иначе. Перед уходом можете освежиться, если хотите. Воду и чистое полотенце найдете вон там.

Когда она покинула гостиную, Воган умылся над тазиком, промокнул

лицо мягким полотенцем и почувствовал себя немного лучше. Взглянул на часы. До отхода поезда оставалось полчаса, пора было на вокзал.

Быстро шагая по улице, Энтони Воган проклинал собственную глупость. А что, если эта женщина приняла бы его предложение? Что, если бы он зря свозил к ней Хелену, да еще об этом пошли бы толки? Подобные вещи могли принести какую-то пользу жене того человека, о которой ему рассказывали, но Хелена... Она не походила на большинство других жен.

На перроне, кроме него, было еще несколько пассажиров, ожидающих поезда. Он держался от них в стороне. Не хотел быть опознанным. Он всячески избегал пустых разговоров с шапочными знакомыми; еще хуже было любопытство людей, которые знали его в лицо, а он, в свою очередь, их не узнавал.

Согласно вокзальным часам, до подхода поезда оставалась пара минут, и, стоя в ожидании, Воган поздравил себя: как-никак, он еще легко отделался. Он не знал, какую игру вела эта особа, отказываясь от его денег, но она, без сомнения, рассчитывала крупно поживиться за его счет.

Он был так поглощен размышлениями о недавней встрече, что с опозданием заметил какую-то перемену, прокрадывающуюся в его сознание. Потом он это заметил, но, все еще обескураженный странностями дома под номером семнадцать, не сразу отделил те странности от нового, также весьма необычного ощущения. И лишь потом, наконец отделив, смог его назвать: это было предчувствие. Он встряхнул головой, отгоняя усталость. День был долгим и трудным. Он ждал поезда, который должен был вот-вот появиться. Только и всего.

Поезд прибыл. Он вошел в вагон, отыскал свободное купе первого класса и сел у окна. Но предчувствие, впервые посетившее его на перроне, исчезать не спешило. Более того, когда поезд покинул Оксфорд и Воган посмотрел в ту сторону, где за сгущающимся, сумеречным туманом скрывалась река, это чувство начало усиливаться. А перестук колес оформился в слова, которые прозвучали в его утомленном сознании столь же отчетливо, как если бы их произнес сидящий рядом невидимый человек:

– Скоро кое-что случится.

Ночной кошмар Лили

На противоположном от особняка Воганов берегу, полумилей ниже по течению, находился клочок земли, слишком болотистый даже для выращивания кресс-салата. Там на небольшом удалении от реки росли три дуба, корни которых получали из почвы вдосталь влаги, но все их упавшие наземь желуди сгнивали в этой сырости раньше, чем успевали прорасти. Это было богом забытое место, годное разве что для избавления от ненужных щенков, но в давнем прошлом река, вероятно, подтапливала его не так сильно, потому что кто-то однажды построил домишко в аккурат между кромкой берега и троицей дубов.

Сооружение это являло собой прямоугольник приземистых стен из замшелого камня с двумя комнатами, двумя окнами и дверью. Спальни как таковой там не было, но на кухне ступеньки вели к помосту, достаточно просторному для соломенного тюфяка. Одним концом это ложе примыкало к печи, и, если огонь в ней был разведен, голова либо ноги спящего пребывали в тепле по крайней мере до середины ночи. Это убогое пристанище пустовало чаще, чем арендовалось, поскольку лишь самые отчаявшиеся бедняки были готовы поселиться в таком холоде и сырости. По своей незначительности оно не заслуживало собственного имени, однако же, как ни странно, имело целых два. Официально его именовали Болотным Приютом, но местные издавна привыкли к другому названию: Лачуга Корзинщика. Во времена оны некий корзинщик обитал здесь на протяжении двух или трех десятков лет (это на усмотрение старожилов-рассказчиков). Летом он заготавливал и сушил камыш, а зимой плел корзины, снабжая ими всю округу. В покупателях недостатка не было, поскольку работал он на совесть и не слишком заламывал цену. У него не было детей, чтобы его расстраивать, не было жены, чтобы донимать его брюзжанием, и не было никакой другой женщины, чтобы разбить ему сердце. Он был тихим, но не угрюмым, всегда вежливо здоровался со всеми и никогда не ссорился ни с кем. Долгов за ним не водилось, как не водилось и грехов, о которых кто-нибудь что-либо знал или хотя бы мог предположить. И вот однажды утром он вошел в реку, предварительно наполнив карманы камнями. После того как его тело наткнулось на баржу, ожидавшую погрузки у причала, люди отправились к лачуге. Там они нашли припасы: картофель россыпью в каменном чане, початую головку сыра, кувшин сидра, а на полке у очага – жестянку с табаком. Его внезапная

кончина повергла всех в недоумение. Он был обеспечен работой и пропитанием, мог себе позволить маленькие радости жизни – что еще нужно простому человеку? Загадочный случай, что и говорить. Тогда-то в одночасье Болотный Приют и превратился в Лачугу Корзинщика.

В последующие годы река методично вгрызалась в берег, вымывая все новые слои грунта. В результате возникали опасные нависающие выступы, которые могли казаться надежными, но на деле зачастую не выдерживали веса человека. А после их неизбежного обрушения преградой для паводков оставался лишь покатый склон, где корешки вербейника, таволги и кипрея тщетно пытались скрепить почву и противостоять натиску водной стихии. Каждое равноденствие, или сильный ливень, или умеренные дожди сразу после жары, или быстрое таяние снегов, или еще какой-нибудь злой каприз погоды – все эти явления сопровождалось разливами реки в низинах. Примерно на середине склона кто-то однажды вкопал в землю столб, который давно прогнул и растрескался после многих погружений в воду, но вырезанные на нем отметки уровня с указанием дат наводнений все еще были видны. Больше всего отметок было в нижней части столба, но немало и в середине, а также наверху. Выше по склону стоял еще один, более поздний водомерный столб. Очевидно, в некоторых случаях первый затапливало полностью. На этом столбе было только две отметки: одна восьми-, другая пятилетней давности.

В этот день близ нижнего столба стояла женщина, глядя на реку. Она зябко куталась в пальтишко, а ее руки без перчаток покраснели от холода. Небрежно заколотые волосы прядями свисали на лицо и сплетались под порывами ветра. От природы они были очень светлыми, и это маскировало пробивавшуюся седину. Но если, судя по волосам, женщине можно было дать меньше ее сорока с лишним лет, то лицо полностью разрушало это впечатление. Невзгоды оставили на нем заметные следы, а морщины на лбу уже стали постоянными. Река, яркая, холодная и быстрая, с тихим шелестящим звуком катила мимо. Порой она всплескивала, а когда после очередного всплеска брызги долетели почти до ее ног, женщина содрогнулась и поспешно сменила позицию, на несколько дюймов удалившись от воды.

Стоя там, она вспомнила историю о корзинщике и поежилась, представляя себе, сколько потребуется смелости, чтобы вот так войти в реку с карманами, полными камней. Она подумала о мертвых душах, якобы обитавших в реке, гадая, кто из них только что проплыл мимо, плюясь в нее брызгами. В который раз она пообещала себе при случае спросить священника об этих мертвых речных душах. В Библии они упомянуты не

были – по крайней мере, ей такие упоминания не встречались, – но это не имело значения. Даже самая большая и великая книга не может вместить абсолютно все, не так ли?

Она развернулась и пошла в сторону дома. Рабочий день зимой был не короче летнего, а вот сумерки наступали гораздо раньше. Ей еще надо было позаботиться о домашней живности.

Лили поселилась в этой лачуге четыре года назад. Она представилась как миссис Уайт, вдова, и местные жители поначалу отнеслись к ней недоверчиво, поскольку она избегала говорить о своем прошлом и очень нервно реагировала на самые обычные проявления вежливого интереса. Но по воскресеньям она исправно посещала церковь, безотказно отсчитывала монетки из своего кошелька, когда проводились сборы пожертвований, и постепенно подозрения рассеивались. Через недолгое время она устроилась прислугой в дом священника, где сначала занималась только стиркой, но по мере того, как она выказывала сноровку и похвальное рвение в других делах, круг ее обязанностей расширялся. А два года назад, после ухода на покой старой экономки, Лили стала ее преемницей, взяв на себя всю ответственность за чистоту, порядок и комфорт в доме. Для проживания экономки там были предусмотрены две уютные комнаты, однако Лили не захотела покидать Лачугу Корзинщика – из-за домашней живности, как объясняла она. Местные к ней привыкли, хотя по-прежнему поговаривали между собой, что с Лили Уайт «не все ладно». Была ли она вдовой на самом деле? Почему она так испуганно вздрагивала при неожиданном обращении? Да и какая здравомыслящая женщина предпочтет жить в сыром уединении Лачуги Корзинщика вместо оклеенных красивыми обоями апартаментов в доме пастора, и все ради какой-то козы и парочки свиней? Однако пастор был доволен работой Лили и полностью ей доверял, что не могло не повлиять на его прихожан, которые теперь относились к ней не столько с подозрением, сколько с сочувствием. Пусть она знала толк в домашнем хозяйстве, но при этом, как шептались люди, у самой Лили Уайт явно не все были дома.

Надо признать, что в пересудах людей о Лили Уайт имелась толика правды. Перед законом и Богом она не могла считаться вдовой. Несколько лет она прожила с неким мистером Уайтом, исполняя все обязанности, какие обычно исполняет супруга для своего мужа: готовила ему еду, мыла его полы, стирала его белье, выносила его ночной горшок и согревала его постель. В свою очередь он исполнял нормальные обязанности мужа: обделял ее деньгами, пил эль за них обоих, пропадал невесть где по ночам, когда у него возникало такое желание, и время от времени ее поколачивал.

Лили считала это полноценным браком во всех отношениях, и посему, когда пять лет назад мистер Уайт исчез при обстоятельствах, о которых ей не хотелось и думать, она без колебаний назвалась его вдовой. При всех его дурных привычках, воровстве и пьянстве, Уайт носил имя более достойное, чем он заслуживал. Она также не заслуживала столь достойного имени и отлично это знала, но ставила его выше всех прочих имен, из каких могла выбирать. Так и появилась «миссис Уайт». Вскоре она покинула прежнее место жительства и, без какой-либо конкретной цели продвигаясь вдоль реки вниз по течению, попала в Баскот. «Лили Уайт, – постоянно напоминала она себе. – Я Лили Уайт». И старалась жить, соответствуя этому имени.

Лили отсыпала рыжей козе ее порцию гнилой картошки, после чего отправилась кормить свиней, которым была выделена половина старого дровяного сарая. Это строение из плитняка, крытое соломой, располагалось на полпути между домом и рекой. Высокая узкая дверь, обращенная в сторону дома, была предназначена для людей, а низкое широкое отверстие в противоположной стене использовалось свиньями для выхода в грязевой загончик. Внутри сарай был разделен на две части невысокой дощатой перегородкой. Ту половину, куда зашла Лили, занимали сложенные вдоль стены дрова, мешок зерна, старый жестяной чан с помоями для свиней и пара ведер, наполненных загодя. На полке вверху потихоньку гнили яблоки.

Лили подняла ведра, вынесла их наружу, обогнула сарай и подошла к загону. Вывалила через ограду в кормушку содержимое одного из ведер: подгнившую капусту и другие овощи, превратившиеся в сплошную коричневую массу. Затем из другого ведра налила пойло в корыто. Из хлева показался хряк и, даже не взглянув на Лили, погрузил рыло в кормушку. Следом вышла свинья.

Эта, по своему обыкновению, потерлась боком об ограду, а когда Лили почесала ее за ушами, подняла взгляд на женщину. Свиньи глазки за рыжими ресницами были еще полусонными. «Интересно, видят ли свиньи сны? – подумала Лили. – Если да, то им должно сниться что-то получше их реальности». Свинья меж тем окончательно пробудилась и теперь уже почти осмысленно взглянула на Лили. Занятные твари эти свиньи. Иной раз так посмотрят, что кажется, будто они все понимают. А может, эта свинья что-то вспоминала? Да, так и есть, решила Лили. У свиньи был такой вид, словно она только что вспоминала о каком-то утерянном счастье, о давних радостях, помраченных нынешним унылым прозябанием.

И Лили когда-то знавала счастливые времена, хотя вспоминать об этом сейчас было мучительно. Отца она не помнила – тот умер слишком рано –

и до своих одиннадцати лет тихо и мирно жила с мамой. С деньгами было туго, еды вечно не хватало, но они вдвоем как-то перебивались, а после вечерней миски супа укутывались одним одеялом, согревая друг друга, чтобы сэкономить на дровах для печи, и Лили по маминому кивку переворачивала страницы детской Библии, пока мама читала вслух. Лили чтение давалось с трудом. Она путала буквы, а слова на странице начинали дрожать и расплываться, едва почуяв на себе ее взгляд, но когда мама читала вслух своим мягким голосом, строчки замирали на месте, и Лили удавалось следить за текстом, беззвучно повторяя слово за словом. Иногда мама рассказывала ей о папе – как он любил свою маленькую дочурку и не мог на нее наглядеться, а перед тем, как болезнь свела его в могилу, сказал: «В ней все, что есть лучшего во мне, Роуз. И оно останется жить в нашем с тобой ребенке». Со временем она стала воспринимать Иисуса и папу как два обличия одного и того же человека, который постоянно незримо присутствовал рядом, оберегая Лили, и не становился менее реальным из-за своей невидимости. То самое одеяло, та книга, мамин голос, Иисус и папа, оба так ее любившие, – воспоминания об этом лишь усугубляли горечь ее последующего существования. Она не могла без отчаяния думать о том счастливом времени и даже начала желать, чтобы его никогда не было вообще. Безнадёжная тоска по утраченному счастью, подмеченная в глазах животного, дала ей представление о том, как выглядит она сама, когда вспоминает прошлое. Если какой-то бог и приглядывал за ней сейчас, то это был очень суровый и гневливый бог; а если папа бы сейчас увидел с небес свою взрослую дочь, то он, скорее всего, поспешил бы отвернуться, глубоко разочарованный.

Свинья продолжала смотреть на Лили, которая сердито отпихнула ее пяточек, пробормотав: «Тупая чушка», – и зашагала обратно вверх по склону.

Дома она развела огонь в печи, подкрепилась кусочком сыра и яблоком. Критически оглядела свечу, от которой остался лишь оплывший огарок, и решила до поры обойтись без нее. Перед очагом стояло продавленное кресло со множеством разномастных заплат в тех местах, где прохудилась обивка. Лили устало опустилась в него, однако нервы ее были напряжены. Может, этой ночью вновь заявится он? Очень вряд ли, поскольку Лили виделась с ним только вчера, хотя случиться могло всякое. Около часа она просидела, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги за дверью, а потом ее глаза начали слипаться, голова опустилась на грудь, и она заснула.

Река выдыхала сложную смесь запахов, которые проникали внутрь

лачуги через щель под дверь. Среди прочего пахло землей, травами, камышом и осокой. Присутствовал и запах сырого камня. И еще чего-то более темного, вязкого, разложившегося.

А чуть погодя река выдохнула ребенка. Маленькую девочку, которая по воздуху вплыла в лачугу, вся синевато-бледная и холодная.

Лили сдвинула брови, не просыпаясь; ее дыхание стало неровным.

Бесцветные волосы девочки прядями липли к черепу и плечам; ее одеяние было цвета грязной пены, что скапливается на кромке речной воды. Вода стекала с ее волос на платье, а с платья на пол. Текла и текла, не ослабевая.

Ужас выдавил из горла Лили булькающий звук.

Кап-кап-кап... Казалось, этому не будет конца: вода будет стекать с нее целую вечность, пока таким образом не осушится вся река. Но вот дите, паря посреди комнаты, направило злобный взор на спящую в кресле женщину и медленно – очень медленно – подняло туманную руку, указывая на нее.

Лили вздрогнула и проснулась...

Речное дитя испарилось.

Несколько мгновений Лили с тревогой всматривалась в ту точку, где ей привиделась девочка.

– Ох! – выдохнула она. – Ох! Ох!

Она прижала ладони к лицу, как будто пытаясь отгородиться от призрака, но при этом подсматривала сквозь пальцы, дабы убедиться, что тот и вправду исчез.

Но легче от этого не стала. Ярость девочки была все еще ощутима. Ах, если бы только она задержалась подольше, чтобы Лили могла к ней обратиться. Чтобы могла сказать ей, как сожалеет обо всем. Сказать, что готова заплатить любую цену, отдать что угодно, сделать что угодно... Но к тому моменту, как Лили вновь обрела дар речи, девочки здесь уже не было.

Лили наклонилась вперед, все еще охваченная страхом, и осмотрела половые доски в том месте, где над ними парило призрачное дитя. В сумеречном свете там можно было различить лишь какие-то темные пятна. Она кое-как выбралась из кресла и на четвереньках поползла по полу. Вытянула руку и кончиками пальцев дотронулась до этой тьмы.

Пол был мокрым.

Лили молитвенно сложила руки:

– Молю, вытащи меня из этой трясины, чтобы я в ней не сгнула. Избавь меня от водных глубин. Не дай мне утонуть в потоке, не дай бездне меня поглотить.

Она торопливо повторяла эти слова, пока ее дыхание не пришло в норму, после чего тяжело поднялась на ноги и сказала: «Аминь».

Однако тревога ее не покидала, и это не было только следствием кошмарного видения. Может, начался паводок? Она подошла к окну. Темное мерцание воды не приблизилось к ее дому.

Тогда это может быть *он*. Неужели придет сейчас? Лили стала высматривать какое-нибудь движение снаружи, напрягла слух. Ничего.

Дело было в чем-то другом.

Но в чем же?

Ответ она получила голосом, который так походил на голос ее мамы, что Лили на несколько мгновений остолбенела и только потом распознала в говорящей саму себя:

– Скоро кое-что случится.

Мистер Армстронг в Бамптоне

«Скоро кое-что случится», – подумали они все. И очень скоро, в редкотском трактире «Лебедь», их предчувствия подтвердились.

А дальше что?

В первое утро после самой длинной ночи в году быстрый цокот копыт по булыжной мостовой возвестил о появлении всадника на улицах Бамптона. Те немногие, кто оказался вне дома в этот ранний час, нахмурились, поворачивая головы в направлении шума. И кого это понесла нелегкая таким аллюром по узким улицам? А когда они увидели лошадь и всадника, недовольство дополнилось удивлением. Они-то грешили на кого-нибудь из местных пустоголовых юнцов, но источником беспокойства оказался чужак, но не обычный чужак: этот, ко всему прочему, был чернокожим. На его лице застыла угрюмая гримаса, а клубы выдыхаемого на морозе пара придавали ему свирепый вид. Когда он перевел лошадь на шаг, немногочисленные зрители, оглядываясь через плечо, шмыгнули от греха подальше в свои дома и крепко заперли двери.

Роберт Армстронг привык к тому впечатлению, которое он производил на незнакомцев. Все ныне близкие ему люди при их первой встрече также держались настороженно. Темная кожа недвусмысленно обозначала его как иноземца, а высокий рост и недюжинная сила, которые были бы преимуществом для любого белого, в его случае лишь порождали тревогу. В то же время животные сразу проникались к нему доверием, инстинктивно чувствуя доброго человека. Взять, к примеру, эту кобылу по имени Флит. Всеми конюхами она была признана слишком норовистой и неукротимой, благодаря чему Армстронг приобрел ее за сущие гроши; но стоило ему сесть в седло, и уже через полчаса они с лошастью были лучшими друзьями. Можно вспомнить и кошку. Тощая тварь с оторванным ухом забрела в его амбар однажды зимним утром, злобно шипя и сверкая глазами на всякого, кто пытался к ней приблизиться, – а сейчас она, едва завидев Армстронга, мчалась к нему через весь двор, радостно мяукая и напрашиваясь на ласку. Даже божьи коровки, летом часто залетающие ему в волосы или ползавшие по лицу, чувствовали свою безнаказанность: в крайнем случае он мог наморщить нос, чтобы согнать самых надоедливых. Ни одно животное в поле или на ферме не пугалось Армстронга, а вот люди – совсем другое дело.

Один ученый незадолго до того написал книгу (Армстронг знал о ней

по рассказам знакомых), в которой выдвинул предположение, что человек – это не более чем разумная обезьяна. Кто-то над ним насмеялся, кто-то негодовал, но Армстронг был склонен ему верить. Он давно заметил, что условный барьер между миром людей и животным царством не является таким уж непроницаемым. Многие из того, что люди считали своими уникальными свойствами: интеллект, доброта, способность к общению, – он также подмечал у свиней, у лошадей и даже у грачей, наблюдая за тем, как они перемещаются скачками либо вальяжно разгуливают по лугу среди его пасущихся коров. И вот что еще интересно: методы, применяемые им к животным, обычно оказывались эффективными и при общении с людьми. В конечном счете ему почти всегда удавалось добиться их расположения.

Но сейчас внезапное исчезновение с улицы людей, всего минутой-другую назад на него глазевших, создавало определенные трудности. Он не ориентировался в Бамптоне. Спешившись, Армстронг дошел до ближайшего перекрестка и там увидел мальчишку, который ползал на карачках по траве рядом с дорожным указателем, чуть не утыкаясь носом в землю. Он играл в марблы сам с собой и так увлекся, изучая расклад шариков после очередного броска, что не замечал холода – и с опозданием заметил подошедшего Армстронга.

Два разных выражения поочередно появились на лице мальчишки. Первое – тревожное – было мимолетным. Оно исчезло, как только в руке Армстронга, словно по волшебству, появился стеклянный шарик. (Армстронг специально заказал одежду со множеством вместительных карманов, в которых он носил разные предметы, помогающие наладить контакт с кем угодно. Там были желуди для свиней, яблоки для лошадей, стеклянные шарики для маленьких мальчиков и фляжка бренди для их старших родственников. В общении с женщинами он больше полагался не на всякие вещицы, а на свои хорошие манеры, правильно подобранные выражения и начищенные до блеска ботинки и пуговицы.) Шарик, показанный им мальчишке, был не простым, а с оранжевыми и желтыми проблесками, похожими на языки пламени, над которым так и тянуло погреть руки. Теперь лицо мальчишки выражало интерес.

Игра возобновилась уже двумя участниками, причем оба действовали с почти профессиональной сосредоточенностью и хладнокровием. Преимуществом мальчика было знание особенностей игровой площадки: какие пучки травы пригнутся и пропустят шарик после удара, а какие будут жестче и отклонят его от изначальной траектории, – и вскоре выигранный шарик перекочевал в его карман, как и было задумано Армстронгом.

– Все по-честному, – признал он. – Победил сильнейший.

А мальчишка выглядел несколько смущенным.

– Это был ваш самый лучший шарик? – спросил он.

– Дома у меня есть другие. Но мне, пожалуй, следует представиться. Я мистер Армстронг, и у меня есть ферма в Келмскотте. Здесь я кое-кого разыскиваю. Ты не мог бы мне подсказать дорогу к дому, в котором живет девочка по имени Алиса?

– Это дом миссис Ивис, там ее мама снимает комнату.

– А ее маму зовут...

– Миссис Армстронг – ох! – это ж точь-в-точь как вас, сэр!

Армстронг почувствовал облегчение. Если женщину зовут миссис Армстронг, следовательно Робин на ней женился. Возможно, все обстояло не настолько плохо, как он себе представлял.

– И где находится дом миссис Ивис? Как мне туда пройти?

– Я вас провожу, сэр, так будет лучше. Я знаю самый короткий путь, каждый день ношу туда мясо.

Они пошли пешком; Армстронг вел кобылу в поводу.

– Я назвал тебе мое имя, а вот эту лошадь зовут Флит. Теперь ты знаешь, кто мы, а как зовут тебя?

– Я Бен, сын мясника.

Армстронг обратил внимание, что Бен имеет привычку делать глубокий вдох перед тем, как начать говорить, и затем произносит всю фразу на одном выдохе.

– Стало быть, Бенджамин. Полагаю, ты младший из сыновей, потому что в Библии Вениамином зовут младшего сына Иакова.

– Да, это значит «последний и самый маленький». Так назвал меня папа, но мама говорит, что одним только названием толку не добьешься, и после меня появились еще трое, а теперь и четвертый на подходе. Это вдобавок к пятерым, которые родились раньше, хотя папе для помощи в лавке хватает одного – это мой старший брат, – а все остальные просто нахлебники, мы проедаем семейные доходы и не приносим никакой пользы.

– А что говорит на этот счет твоя мама?

– Да почти ничего, только иногда в том духе, что проедать доходы все же лучше, чем их пропивать. Тогда папа задает ей взбучку, и мама потом молчит несколько дней.

Искоса поглядывая на мальчишку, Армстронг подметил желтоватые следы синяков на его лбу и запястьях.

– Это нехороший дом, сэр. Я о доме миссис Ивис, – сказал Бен.

– Чем же он так нехорош?

Мальчишка подумал, прежде чем ответить:

– Тем, что он плох, сэр.

Еще через несколько минут они были на месте.

– Я лучше постою здесь и подержу вашу лошадь, сэр.

Армстронг передал Бену поводья и добавил к этому яблоко.

– Если ты поделишься им с Флит, станешь ей другом на всю жизнь, – сказал он и направился к двери большого, но в остальном ничем не примечательного дома.

На его стук дверь слегка приоткрылась, явив лицо, почти такое же узкое, как щель, в которую оно выглядывало. При виде его темного обличья заостренные черты женщины перекошились.

– Прочь! Убирайся, черномазый дьявол! Здесь тебе делать нечего! Ступай своей дорогой!

Она говорила чересчур громко и в то же время слишком медленно, как говорят слабоумные или иностранцы.

Женщина попыталась закрыть дверь, но Армстронг успел вставить в щель носок ботинка. Возможно, ее впечатлил вид блестящей дорогой кожи, а может, ей захотелось озвучить свою предыдущую мысль в еще более сочных выражениях, – так или иначе, дверь снова приотворилась. Но прежде чем женщина успела раскрыть рот, Армстронг перехватил инициативу. Он обратился к ней очень вежливо и уважительно, как будто она никогда не называла его черномазым дьяволом и как будто его нога не торчала сейчас в проеме ее двери.

– Простите меня за вторжение, мадам. Я понимаю, что вы очень заняты, и не отвлеку вас ни минутой дольше, чем это будет необходимо.

Она не могла не отметить произношение высокообразованного человека, стильную шляпу и пальто модного покроя. Армстронг понял, что она сделала надлежащие выводы, когда давление двери на его ботинок прекратилось.

– Что вам? – спросила она.

– Если не ошибаюсь, в вашем доме проживает молодая особа по имени миссис Армстронг?

Гаденькая торжествующая улыбка обозначилась в уголках ее губ.

– Она у меня работает. Новенькая. Обойдется вам дороже других.

Так вот что имел в виду Бен, говоря о «нехорошем доме».

– Я всего лишь хочу с ней побеседовать.

– Должно быть, вы принесли письмо? Она ждет его несколько недель. Уже вся извелась.

И остролицая узкая женщина высунула наружу руку с узкими острыми пальцами. Армстронг взглянул на нее и покачал головой:

– Мне было бы очень желательно увидеться с нею лично, если позволите.

– Так это не письмо?

– У меня нет никаких писем. Проведите меня к ней, будьте добры.

Она повела его наверх по лестнице сначала на второй этаж, затем на третий, бормоча на ходу:

– Понятное дело, я сразу подумала о письме, потому как целый месяц слышу от нее по двадцать раз на дню: «Миссис Ивис, для меня нет писем?» и «Не пришло мое письмо, миссис Ивис?».

Армстронг не говорил ничего, но напускал на себя сочувственно-понимающий вид всякий раз, когда она оборачивалась. Лестничная клетка, в ее нижней части не лишенная претензий на роскошь, по мере подъема становилась все более унылой и обшарпанной. Некоторые из дверей, попадавшихся им по пути, были открыты. Армстронг мельком видел неубранные постели и разбросанные по полу предметы одежды. В одной комнате полуодетая женщина, склонившись, натягивала чулок. Заметив Армстронга, она улыбнулась одним ртом, но не глазами. У него сжалось сердце. Неужели супруга Робина стала такой же?

На самой верхней площадке, где краска лохмотьями свисала со стен, миссис Ивис забарабанила в дверь.

Ни звука в ответ. Она постучала вновь:

– Миссис Армстронг? К вам пришел джентльмен.

Тишина.

Миссис Ивис скривила гримасу:

– Не понимаю... Этим утром она точно не выходила из дома, иначе я бы услышала. – Но еще миг спустя ее осенила ужасная мысль. – Удрала втихаря, вот что она выкинула, мелкая паскудница!

Стремительным движением она выхватила из кармана ключ, повернула его в замке, открыла дверь и ворвалась в комнату.

Заглянув внутрь через плечо миссис Ивис, Армстронг сразу все понял. Грязная смятая простыня на железной койке, а на ее фоне – другая, жуткая белизна: откинута в сторону рука с растопыренными и окостеневшими пальцами.

– О боже, нет! – вскричал он и прикрыл глаза ладонью, хотя было уже поздно спастись от этого зрелища.

Так он и стоял несколько секунд, зажмурившись, с поднесенной к лицу рукой, а миссис Ивис тем временем жалобно стенала:

– Маленькая дрянь! Задолжала мне плату за две недели! «Как только получу письмо, миссис Ивис...» Лживая чертовка! И что мне теперь делать? Она ела мою еду, спала на моем белье! Считала, что слишком хороша для обслуживания клиентов! «Я вышвырну тебя на улицу, если не будешь платить за стол и кров, – предупреждала я. – Мне здесь не нужны приживалки. Если не можешь платить, ты должна *зарабатывать*». И я настояла на своем. Не бывать такому в моем доме, чтобы девчонка жила в долг и отказывалась расплатиться чем может. И она начала работать, в конце концов. Так бывает всегда с ними всеми. А теперь что же мне делать?

Когда Армстронг убрал руку и открыл глаза, это был уже совершенно другой человек. С горечью он оглядел жалкую каморку. Острые, как лезвия, струи ледяного воздуха задували внутрь сквозь щели между досками и трещины в оконном стекле. Штукатурка на стенах покоробилась и местами отвалилась. Все здесь было уныло-бесцветным, без единого намека на тепло и уют. На тумбочке рядом с кроватью стоял коричневый аптечный флакон. Пустой. Армстронг взял его и понюхал горлышко. Вот оно что. Девчонка покончила с собой. Он украдкой опустил флакон в карман. Зачем давать лишний повод для кривотолков? Он уже ничем не мог ей помочь, но хотя бы мог утаить от других способ, которым она ушла из жизни.

– Ну а вы, собственно, кто такой? – обратилась к нему миссис Ивис, и в ее голосе послышались меркантильные нотки. Затем – сама в это не веря, но с надеждой – она высказала предположение: – Вы ее родственник?

Ответа она не получила. Армстронг провел рукой по лицу мертвой девушки, опуская ей веки, после чего склонил голову для краткой молитвы.

Миссис Ивис ждала, досадуя на задержку. Она не присоединилась к его финальному «Аминь» и сразу после молитвы продолжила с того места, где остановилась ранее:

– Если вы каким-то боком приходитеесь ей родней, с вас причитается. Она мне крупно задолжала.

Не моргнув глазом, Армстронг сунул руку за отворот пальто и достал кожаный кошелек. Отсчитал монеты ей на ладонь и уже собрался спрятать кошелек обратно, когда она вскричала: «Три недели, целых три!» С чувством омерзения он добавил денег, и ее пальцы сомкнулись, сжимая добычу.

Потом он повернулся к постели, чтобы еще раз взглянуть на покойницу.

Ее зубы казались слишком крупными, а резко выпирающие скулы заставляли предположить, что, вопреки утверждению миссис Ивис, молодая женщина не очень-то благоденствовала на ее харчах.

– Надо полагать, при жизни она была хороша собой? – печально поинтересовался Армстронг.

Этот вопрос порядком озадачил миссис Ивис. По возрасту мужчина вполне годился в отцы этой девчонке, но белизна ее кожи и его темнотность делали такое допущение крайне маловероятным. Судя по всему, и любовной связи тут тоже не было. Но если эти варианты исключались, если он никогда прежде ее не видел, то зачем платить по ее долгам? Впрочем, раскошелится, и ладно.

Она пожала плечами:

– Ну, это смотря кому как. Она была светленькой. И слишком тощей.

Миссис Ивис вышла на лестничную площадку. Армстронг тяжело вздохнул, бросил последний скорбный взгляд на тело и последовал за хозяйкой дома.

– А где ребенок? – спросил он.

– Утопила, небось, – безразлично отозвалась она, не прерывая спуск по лестнице, и добавила ядовито: – Так что за вторые похороны вам платить не придется. Хоть какое-то утешение.

Утопила? Армстронг застыл на верхней ступеньке. Потом развернулся и снова открыл дверь комнаты. Осмотрел ее всю, сверху донизу, слева и справа, как будто где-нибудь – в щели между половыми досками, за бесполезной, скрученной жгутом занавеской, а то и прямо в промозгом воздухе – могла скрываться частичка жизни. Он стянул с постели мятую простыню – вдруг под ней обнаружится еще одно, крошечное тельце, живое или мертвое? Но там были только кости матери, которые казались слишком крупными по сравнению с худосочной плотью, их облекавшей.

Снаружи Бен гладил гриву своей новой подруги по имени Флит. А когда из дома вышел владелец лошади, он был не похож на себя прежнего. Постаревший. С сединой в волосах.

– Спасибо, – сказал он рассеянно, беря поводья из руки Бена.

Было похоже на то, что любопытство Бена останется неудовлетворенным и он так и не узнает подоплеку всего этого: появления на улице удивительного незнакомца, победной игры с переливчатым шариком в качестве приза, загадочного визита мистера Армстронга в нехороший дом.

Уже сунув ногу в стремя, Армстронг задержался, и у Бена снова пробудилась надежда.

– Ты ведь знаешь маленькую девочку по имени Алиса?

– Алиса? Они редко бывают на улице, и Алиса не отходит от своей

мамы. Она очень робкая: когда думает, что на нее смотрят, сразу прячет лицо за маминой юбкой, но сама оттуда подглядывает – пару раз я это замечал.

– Сколько ей лет, как по-твоему?

– Года четыре.

Армстронг кивнул и задумчиво наморщил лоб. Бен чувствовал, что за этими расспросами скрывается нечто сложное, превосходящее его понимание.

– Когда ты видел ее в последний раз?

– Вчера, ближе к вечеру.

– Где это было?

– Рядом с лавкой Макгрегори. Они вышли оттуда вдвоем с мамой и потом пошли по тропе.

– А чем торгует этот Макгрегори?

– Он аптекарь.

– У матери было что-нибудь в руках?

Бен постарался вспомнить:

– Да, был какой-то сверток.

– Большой?

Мальчик показал руками какой, и Армстронг убедился, что размерами сверток примерно соответствовал флакону, который он унес из комнаты и сейчас хранил в кармане.

– По тропе, говоришь? А куда ведет эта тропа?

– Да, в общем-то, никуда.

– Так не бывает, чтобы тропа совсем никуда не вела.

– В той стороне только река.

Армстронг замолчал. Ему представилась картина: молодая женщина заходит в аптеку, чтобы купить флакон с ядом, а потом ведет свою дочку в сторону реки.

– Ты видел, как они шли обратно?

– Нет.

– Или... может, миссис Армстронг вернулась одна?

– Нет, я тогда уже был дома, проедал семейные доходы.

Бен был сбит с толку. Он уже сообразил, что дело тут нешуточное, но в чем именно было это дело – догадаться не мог. Он взглянул на Армстронга, пытаясь понять, насколько полезной оказалась его информация. Что бы сейчас ни происходило, Бену хотелось в этом поучаствовать вместе с человеком, который кормил яблоками свою породистую лошадь, носил в карманах стеклянные шарики, имел весьма устрашающий вид, но говорил

очень добрым голосом. Однако темнокожий обладатель прекрасной лошади отнюдь не выглядел счастливым, и это огорчало Бена.

– Ты не мог бы показать мне дорогу к аптеке, Бен?

– Я вас провожу.

Когда они шли по улице, мужчина казался погруженным в мрачные раздумья, и Бен, сам того не заметив, также помрачнел и задумался, сознавая свою причастность к какой-то печальной драме.

Так они добрались до маленького кирпичного здания, над запыленным окошком которого кто-то очень давно намалевал слово «Аптека», но с тех пор краска выцвела, и буквы были едва различимы. Человек за прилавком – тщедушный, с клочковатой бородкой – уставился на вошедших. Появление незнакомца его заметно встревожило, но при виде юного Бена он слегка успокоился.

– Чем могу помочь?

– Я насчет вот этого.

Аптекарь мельком взглянул на предъявленный флакон:

– Наполнить повторно?

– Я не хочу *больше* этой дряни. Думаю, всем пошло бы только на пользу, будь ее *поменьше*.

Аптекарь уставился на него пустым взглядом, но предпочел обойтись без комментариев.

Армстронг вынул затычку из горлышка и поднес флакон к носу аптекаря. Там на донышке еще была жидкость. Вполне достаточно, чтобы ее резкий запах проник в ноздри и послал срочное предупреждение мозгу. И не было нужды уточнять, чего именно следует опасаться. Запах сам по себе был тревожным сигналом.

Теперь аптекарь занервничал.

– Вы помните, кому это продали?

– Я много чего продаю. Люди покупают вот это... – он кивком указал на флакон, поставленный Армстронгом на прилавок, – для самых разных целей.

– Например?

Аптекарь пожал плечами:

– Травят тлю.

– Тлю? В декабре?

Человечек с притворно невинным видом поднял глаза на Армстронга:

– А кто говорил о декабре?

– Я говорю о декабре. Вы не далее как *вчера* продали это молодой женщине.

Адамово яблоко аптекаря заходило ходуном.

– Вы друг этой молодой женщины, да? Не то чтобы я ее запомнил. То есть я точно не помню, которая из них... Они заходят, покупают и уходят. Им нужны самые разные вещи. Для всевозможных надобностей. Насколько понимаю, вы не приходите к ней родным отцом... – Он сделал паузу, но не дождался ответа и продолжил: – Тогда, видимо, вы ее *покровитель*?

Армстронг был джентльменом до мозга костей, но при необходимости умел предстать в далеко не джентльменском образе. И теперь он по-особенному взглянул на аптекаря, который мигом струхнул.

– Что вы, собственно, хотите?

– Узнать правду.

– Спрашивайте.

– Ребенок был с ней?

– Маленькая девочка? – Он как будто удивился. – Да.

– В какую сторону они направились после аптеки?

Аптекарь указал пальцем.

– К реке?

Тот пожал плечами:

– Откуда мне знать, куда именно?

Армстронг продолжил допрос негромко и спокойно, но угроза в его голосе была недвусмысленной:

– Отчаявшаяся молодая мать приходит к вам со своим ребенком, покупает яд, и вы не задаетесь вопросом, куда она отправится потом и что планирует сделать? Или несколько лишних пенсов для вас важнее любых последствий этой сделки?

– Сэр, если неизвестная мне женщина находится в затруднительном положении, кто должен прийти ей на помощь, как по-вашему? Я или в первую очередь тот, кто ее до этого довел? Если она для вас что-то значит, мистер... мистер Как-вас-там, обращайтесь по другому адресу – к тому, кто ее охмурил и бросил. Это он в ответе за все, а я и знать не хочу, что там случилось. Я простой торговец, мое дело сторона.

– То есть ты невинно сбываешь отраву девчонкам, которым вдруг приспичило бороться с тлей на розах в середине декабря?

У аптекаря хватило такта стыдливо потупить взор, хотя неизвестно, что стало побудительной причиной: чувство стыда или же страх перед непредсказуемым Армстронгом.

– Наши законы не обязывают аптекаря знать повадки садовых вредителей, – только и сказал он.

– Куда теперь, сэр? – с готовностью спросил Бен, когда они снова оказались на улице.

– Думаю, здесь я с делами покончил. На сегодня, во всяком случае. Давай-ка прогуляемся до реки.

По дороге туда Бен начал отставать; походка его сделалась нетвердой. Первым достигнув реки, Армстронг оглянулся в поисках мальчика и увидел, что тот стоит с позеленевшим лицом, опираясь на ствол дерева.

– В чем дело, Бен?

Тот всхлипнул:

– Простите, сэр, я съел часть зеленого яблока, которое вы дали мне для Флит, и теперь у меня скрутило живот...

– Неудивительно, эти яблоки очень кислые. Что ты сегодня ел?

– Ничего, сэр.

– Ты не завтракал?

Бен отрицательно мотнул головой. Армстронг про себя обругал мясника, не следившего за питанием своих детей.

– На пустой желудок хуже нет этой кислятины. – Армстронг достал из кармана фляжку. – На, попей.

Мальчишка сделал глоток и скривился:

– Какая гадость, сэр, меня от нее сейчас вывернет.

– В том и задумка. Холодный чай поможет тебе очистить желудок. Пей до дна.

Бен запрокинул фляжку и с гримасой отвращения допил чай. И его тут же вырвало на траву.

– Хорошо. Еще что-то осталось? Да? Продолжай, пусть все выйдет.

Пока он корчился и стонал на берегу реки под наблюдением Флит, Армстронг успел сходить на главную улицу, купил там три сдобные булочки и по возвращении дал две из них Бену («Вот, наполни желудок»), а третью съел сам.

Оба уселись на склоне; мальчишка подкреплялся булочками, а мужчина созерцал мощное движение воды. В таком полноводном состоянии река была менее шумной, чем при медленном, еле заметном течении. Никакого ленивого плеска мелких волн о берег; только единый целеустремленный поток, сопровождаемый легким журчанием, когда вода омывала камни на береговой кромке. Сквозь это журчание проступал низкий гул сродни тому, что остается у вас в ушах после удара колокола, когда сам звон уже угас. Это был скорее отзвук, чем настоящий звук, – как нераскрашенный карандашный набросок по сравнению с картиной. Армстронг прислушивался к нему и в своем воображении плыл вместе с

потоком.

Неподалеку находился простой деревянный мост. Под ним река текла особенно быстро, готовая подхватить и унести прочь любой брошенный в воду предмет. И Армстронг представил себе женщину с маленькой девочкой на этом мосту темным холодным вечером. Он не решился даже в мыслях воссоздать сцену с утоплением ребенка, но все равно ощутил отчаяние и душевное смятение женщины, и его сердце сжалось от горя и ужаса. Армстронг отрешенно обвел взглядом пространство реки выше и ниже по течению, сам не зная, что ожидал там увидеть. Не ребенка, конечно, – только не сейчас.

Придя в себя, он заметил, как сильно похолодало за последние часы. Его тело плохо переносило зимнюю стужу, чувствуя ее кожей даже сквозь шерстяное пальто и слои одежды под ним. В густых прибрежных зарослях таился сумрак. Коричневые и золотые краски осени давно исчезли, а до весеннего потепления было еще далеко. Казалось, только чудо способно оживить голые черные ветви, опустить вершины деревьев зеленью молодой листвы. Глядя на эти ветви сейчас, можно было подумать, что жизнь покинула их навсегда.

Он попытался отвлечься от печальных мыслей. Повернулся к Бену, который теперь был уже больше похож на прежнего себя:

– Когда подрастешь, будешь помогать отцу в мясной лавке?

Бен мотнул головой:

– Не, я сбегу из дома.

– По-твоему, это хороший план?

– Это семейная традиция. Так сделал мой второй по старшинству брат, а потом третий, и следующая очередь моя, потому что папе хватает одного помощника в лавке. Мы, все остальные, ему не нужны, так что я скоро сбегу – дождусь только теплой погоды. Может, повезет в других местах.

– И каким делом ты хотел бы заняться?

– Это я пойму, как только найду дело по душе.

– Вот что, Бен, когда наступит время сбегать из дома, ты можешь прийти ко мне. У меня ферма в Келмскотте, где всегда найдется работа для честного малого, если он не боится запачкать руки. Просто доберись до Келмскотта и там спроси дорогу к дому Армстронгов.

В первый миг Бен даже не поверил такой нежданно подвернувшейся удаче. Затем он сделал долгий глубокий вдох и на одном выдохе выпалил многократное:

– Спасибо, сэр! Спасибо, сэр! Спасибо!..

Новые друзья пожали руки, закрепляя договоренность, и на том

расстались.

В приподнятом настроении Бен отправился домой. Еще не было и десяти часов, но этот едва начавшийся день оказался богатым на события, как никакой другой. Внезапно его юную голову посетила догадка, объяснявшая, почему Армстронг был так печален.

– Сэр? – позвал он, бегом возвращаясь к Армстронгу, который уже сел на свою лошадь.

– Что такое?

– Алиса – он ведь умерла, да?

Армстронг посмотрел на реку, на ее быстрое, неослабевающее течение.

Была ли девочка мертва?

Он ослабил поводья и поглубже вставил ноги в стремена.

– Я не знаю, Бен. Но очень хотел бы это узнать. А вот ее мама действительно мертва.

Бен подождал, не добавит ли он что-нибудь к сказанному, но не дождался и, развернувшись, вновь зашагал к своему дому. Мистер Армстронг, фермер из Келмскотта. Когда наступит подходящее время, он сбежит от своей родни – и станет частью этой истории.

Армстронг послал Флит вперед легкой рысью. Сидя в седле, он плакал, горюя о потере внучки, которую никогда не видел.

Он всегда тяжело переживал страдания любых живых существ. Забивая животных на своей ферме, он старался не причинять им боль и потому делал это собственноручно вместо того, чтобы поручить забой кому-нибудь из работников. Он тщательно затачивал нож, успокаивал свиней добрым словом, отвлекал их внимание желудями, а затем – одно быстрое, выверенное движение лезвием, и все. Ни страха, ни боли они не испытывали. Но утопить ребенка? Такое он просто не мог себе представить. Некоторые фермеры убивали заболевших животных, ну а топить лишних котят и щенков в мешках было и вовсе обычным делом, но он никогда так не поступал. Смерть может быть необходимостью в фермерском хозяйстве, но страдания – ни в коем случае.

Армстронг плакал, и, как водится, одна утрата повлекла за собой воспоминания о других. Он подумал о своей любимице, о самой умной и доброжелательной из всех свиней, каких он знал на протяжении тридцати лет фермерства, и вновь пережил боль тех утренних часов двухлетней давности, когда обнаружил ее исчезновение.

– Что случилось с Мод в ту ночь, Флит? Меня до сих пор гнетет неизвестность. Понятно, что кто-то похитил ее, но как похитителям

удалось сделать это так тихо? Ты же знаешь, какой она была, Флит. Она сразу подняла бы шум при появлении чужаков. И зачем кому-то красть именно свиноматку? Я еще могу понять кражу свиньи, выращенной на убой, – чего только люди не сделают с голоду, – но у племенных свиней мясо жесткое и невкусное, разве они этого не знали? Зачем кому-то понадобилась огромная старая Мод, когда рядом было много молодых упитанных хрюшек?

В этой связи его терзала еще одна невыносимая мысль: человек, настолько бестолковый, что похитил самую крупную и старую свинью вместо более молодых, с нежным мясом, наверняка владел мясницким ножом не лучше, чем разбирался в свиньях, и потому вряд ли смог забить свою добычу, не причинив ей страданий.

Армстронг считал себя вполне удачливым человеком: природа наделила его крепким здоровьем, силой и умом, а необычность происхождения – он был сыном графа и чернокожей служанки – обернулась не только сложностями, но и кое-какими преимуществами. В детстве он был одинок, но получил отличное образование, а когда пришло время выбирать свой путь в жизни, ему выделили на это приличный стартовый капитал. Сейчас он владел участком плодородной земли; он добился любви Бесс и вместе с ней создал большую, в основном счастливую семью. Он умел ценить подарки судьбы и от души радоваться успехам, но он также очень болезненно переживал потери, и сейчас был как раз такой случай.

Дитя, тонущее в реке; Мод, бьющаяся под тупым ножом неловкого живодера...

Его преследовали мрачные картины. Так всегда: одно несчастье неизбежно вызывает в памяти другие, более давние. Разбередив старую рану воспоминаниями о Мод, он перешел к самой горькой потере из всех, и слезы сильнее потекли по лицу.

– Ох, Робин... Где я допустил ошибку, Флит? Робин, сын мой.

Сейчас он был, как никогда, далек от своего старшего ребенка, и сожаление тяжким грузом лежало на сердце. Двадцать два года любви, и что теперь? Уже четыре года Робин жил не на ферме, а в Оксфорде, отдельно от братьев и сестер. Они не видели его месяцами, а если он и приезжал, то лишь когда ему было что-то нужно.

– Я старался, Флит, – но достаточно ли я старался? Что еще я должен был сделать? Неужели теперь уже слишком поздно?

Размышления о Робине вернули его к мысли о ребенке – дочери Робина, – и все пошло по новому кругу.

Через какое-то время он заметил впереди пожилого мужчину, который стоял, опираясь на трость. Армстронг рукавом вытер слезы с лица и, приблизившись к старику, остановился.

– В Бамптоне пропала маленькая девочка, – сказал он. – Четырех лет. Вы не могли бы известить об этом всех, кого встретите? Я Армстронг, моя ферма находится в Келмскотте...

После первых же его слов старик переменялся в лице.

– В таком случае у меня для вас печальные новости, мистер Армстронг. Я узнал об этом прошлой ночью на петушиных боях от одного парня, спешившего в Лечлейд, чтобы поспеть на утренний поезд. Он что-то говорил о маленькой утопленнице, которую намерен выловить в реке.

Итак, она погибла. Этого и следовало ожидать.

– Где это случилось?

– В Рэдкоте, близ трактира «Лебедь».

Старик был человеком незлобивым. Видя, как горюет Армстронг, он добавил, чтобы его подбодрить:

– Но я не уверен, что это та самая девочка, которую вы ищете. Может статься, это совсем другая утопленница.

Но когда Армстронг галопом умчался по дороге в Рэдкот, старик покачал головой и печально скривил губы. Простой ночью он потерял на петушиных боях свой недельный заработок, и все же кое-кому, видать, было еще хуже, чем ему.

Три претензии

Лич, Колн и Черн начинаются в разных местах и по отдельности преодолевают путь до слияния с Темзой. Примерно так же Воганы, Армстронги и Лили Уайт имели свои собственные, отдельные истории в годы и дни до того, как они стали частями данного повествования. Но это произошло, и теперь пора рассказать о слиянии этих притоков с главным руслом.

Рано утром, еще до рассвета, кое-кто был уже на ногах и быстро продвигался вдоль берега реки – приземистая фигура, кутаясь в пальто и выдыхая пар, спешила к Рэдкотскому мосту.

Перед самым мостом она остановилась.

Как правило, если у людей возникает желание остановиться на арочном мосту, они делают это на самой вершине арки. Это настолько естественно, что на большинстве таких мостов – даже сравнительно недавних, построенных всего пару-другую сотен лет назад – камни сильнее всего стерты подошвами в их самой высокой части, где прохожие задерживались и топтались на месте либо переходили от одних перил к другим и поочередно глазели в обе стороны. Лили к числу таких людей не принадлежала и не могла их понять. И она остановилась на берегу перед опорным камнем – одной из массивных глыб, которые не позволяют обрушиться всей конструкции. Лили ничего не смыслила в строительстве и полагала неестественным, что камни могут вот так висеть в воздухе и что арка моста почему-то не падает в реку. Ей казалось, что эта иллюзия может в любой момент рассеяться, и, если сама Лили в этот несчастливый момент очутится посреди моста, она полетит вниз, упадет в воду и присоединится к душам сгинувших до нее утопленников. Посему она по возможности избегала мостов, но в некоторых случаях все же была вынуждена ими пользоваться. Вот и сейчас она намотала на кулаки края своей юбки, набрала в легкие воздуха и во весь дух помчалась через мост...

В то утро Марго проснулась раньше всех в доме, разбуженная громким стуком в дверь. Судя по силе и частоте ударов, дело не терпело отлагательств; посему она встала с постели, накинула халат и спустилась на первый этаж – узнать, кто заявился в такую рань. На ступеньках лестницы воспоминания о странностях прошедшей ночи избавились от налета сновидений, возвращая ее в реальность. И Марго с удивлением

встрянула головой, прежде чем отпереть дверь.

– Где она? – сразу спросила женщина, стоявшая на пороге. – Она здесь? Я слышала, что...

– Вы миссис Уайт, не так ли? С другого берега реки? Заходите, дорогая. В чем дело? – промолвила Марго, одновременно думая: «Что с ней не так?»

– Где она?

– Полагаю, спит. А почему такая спешка? Погодите, я найду и зажгу свечу.

– У меня есть свеча, – услышался голос Риты. Также разбуженная стуком в дверь, она вышла из постоянной комнаты.

– А это кто? – нервно спросила Лили.

– Это я – Рита Сандей. Доброе утро. А вы миссис Уайт? Кажется, вы работаете у пастора Хабгуда?

Когда свеча разгорелась, Лили начала в волнении беспорядочно перемещаться по залу, заглядывая во все углы.

– Эта девочка... – вновь заговорила она, но при взгляде на Марго и Риту запнулась, и на ее лице отразилась неуверенность. – Я подумала... Может, мне это приснилось?.. Я не... Пожалуй, мне лучше уйти.

Но тут раздались легкие шаги, и из-за спины Риты вышла девочка, покачиваясь и протирая глаза.

– Ох! – воскликнула Лили уже совсем другим голосом. – Ох!

Даже при слабом освещении было заметно, как она побледнела. Ладонь ее взметнулась ко рту, когда она потрясенно вглядывалась в лицо девочки.

– Анна! – громко вскричала она в избытке чувств. – Прости меня, Анна! Скажи, что прощаешь меня, дорогая сестренка!

Лили упала на колени, протягивая дрожащую руку к девочке, но не решаясь до нее дотронуться.

– Ты вернулась! Хвала небесам! Скажи, что прощаешь меня...

Она с мольбой смотрела на девочку, но та не реагировала.

– Анна? – умоляюще спросила Лили.

Никто ей не ответил.

– Анна? – Она перешла на шепот, содрогаясь всем телом.

Девочка по-прежнему молчала.

Рита и Марго изумленно переглянулись, а затем Рита положила руки на трясущиеся плечи женщины.

– Миссис Уайт, успокойтесь, – сказала она.

– Откуда этот запах? – крикнула Лили. – Я знаю, так пахнет река!

– Ее нашли в реке прошлой ночью. Мы еще не помыли ей волосы – она была слишком слаба.

Лили вновь перевела взгляд на ребенка, и в этом взгляде попеременно отражались любовь и ужас.

– Я хочу уйти, – прошептала она. – Скорее убраться отсюда!

Пошатываясь, она встала на ноги и со всей возможной поспешностью покинула дом, бормоча извинения.

– Ну и ну! – с недоумением прокомментировала ее визит Марго. – Поди пойми, что все это значит. Приготовлю-ка я чай. Это лучшее, что я сейчас могу сделать.

– Да, чашка чая была бы в самый раз.

Однако Марго не пошла на кухню заваривать чай. По крайней мере, не сразу пошла, поскольку увидела за окном Лили, которая, невзирая на холод, стояла в коленопреклоненной позе, молитвенно сложив руки.

– Она все еще там. Похоже, молится. Молится и глядит в нашу сторону. Что ты об этом скажешь?

Рита поразмыслила:

– Может ли у миссис Уайт быть такая юная сестра? Сколько ей лет, на твой взгляд? Сорок?

Марго кивнула.

– А этой девочке сколько – года четыре?

– Около того.

Марго посчитала на пальцах, как привыкла делать подсчеты в своей трактирной бухгалтерии.

– Разница в тридцать шесть лет. Допустим, мать миссис Уайт родила ее в шестнадцать лет. Плюс тридцать шесть – это будет пятьдесят два. – Она покачала головой. – Верится с трудом.

В постылой комнате Рита взяла руку бесчувственного пациента и посчитала пульс.

– Он поправится? – спросила Марго.

– Признаки благоприятные.

– А она?

– Что она?

– Она... ей станет лучше? Потому что сейчас она не в порядке, разве не видишь? За все время не сказала ни слова. – Марго повернулась к девочке. – Как тебя зовут, куколка? Кто ты такая? Поздоровайся с тетушкой Марго!

Девочка оставалась безучастной.

Марго взяла ее на руки и по-матерински ласково замурлыкала в ухо:

– Ну же, крошка. Улыбнись хоть чуть-чуть. Взгляни на меня. Никакой реакции.

– Она вообще меня слышит?

– Я и сама об этом гадаю.

– Может, у нее отбило мозги при падении?

– Я не нашла следов удара по голове.

– А может, она слабоумная? – предположила Марго. – Уж я-то знаю, каково это: иметь ребенка, непохожего на других.

Она нежно погладила девочку по голове:

– Я когда-нибудь рассказывала тебе про рождение Джонатана?

Невозможно было прожить всю жизнь в «Лебеде», впитывая традиции многих поколений здешних завсегдатаев, и не овладеть искусством рассказчика; и хотя Марго всегда была слишком занята для этого, на сей раз, учитывая необычность ситуации, она изменила своим правилам.

– Ты помнишь Битти Ридделл, которая была здесь повитухой до тебя?

– Я приехала уже после ее смерти.

– Битти принимала всех моих детей. С девочками не было никаких сложностей, но потом настал черед Джонатана, и – как-никак, я была уже в возрасте – роды прошли не так гладко. После дюжины девчонок мы с Джо все еще надеялись на мальчика, и, когда наконец Битти мне его показала, я первым делом увидела его крошечный членик! «Джо будет рад», – подумала я, да и сама была ох как рада! Я потянулась, чтобы взять его на руки, но она отложила его в сторону и как-то вся передернулась. «Я знаю, что делать, – сказала она. – Не волнуйтесь, миссис Окуэлл. Тут нет ничего сложного, это проверенный метод. Мы мигом его обменяем обратно, не сомневайтесь». И тогда я увидела. Эти его узкие глаза, смешное круглое лицо, уши странной формы... Какой-то чудной был младенец... это мелкое существо... и я подумала: «Неужели это мой ребенок? Неужели это действительно вышло из моего чрева? Как оно там оказалось?» Я никогда не видела таких младенцев. Но Битти знала, что это такое.

В ходе рассказа Марго покачивала на руках девочку с такой легкостью, как будто та весила совсем ничего, подобно новорожденному.

– Дайте угадать, – сказала Рита. – Вы говорите о подменыше?

Марго кивнула:

– Битти пошла на кухню, чтобы развести огонь. Думаю, ты в курсе, что делают в таких случаях: держат младенца над огнем, пока он не начнет вопить во всю мочь, и тогда подменившая его потусторонняя нечисть явится, чтобы забрать его себе и вернуть моего похищенного ребенка. Битти крикнула снизу: «Мне нужно больше щепы для растопки и котел

покрупнее». Слышно было, как она вышла из дома за дровами. А я все не могла оторвать глаз от него, от этого малютки. Он моргнул одним глазом, и его веко – ты же знаешь, какие у него веки, не прямые, как у нас с тобой, а наискось, – его веко сомкнулось над глазом не так, как у нормальных детей, но в целом похоже. И я подумала: «Каким ему кажется этот странный мир, в который его отправили? Какой кажусь ему я, его подменная мать?» Он пошевелил ручонками – не совсем как мои новорожденные девочки, а более размашисто, словно пытался плыть. Потом он наморщил лобик, и я подумала: «Сейчас он закричит. Ему холодно». Битти его даже не завернула. «Дети всяких там эльфов повадками не так уж сильно отличаются от людских, – подумала я. – Вот сейчас я могу сказать точно, что он мерзнет». Я дотронулась пальцами до его щеки – ты бы видела, как он удивился! А когда я убрала пальцы, его маленький рот открылся, и он замяукал, как котенок, – просил грудь. И я почувствовала, что у меня вот-вот начнет сочиться молоко. Битти прервала крестное знамение, когда вернулась и обнаружила его сосущим грудь. Человеческое молоко! «Ну, теперь уже слишком поздно», – только и сказала она. Так все и вышло.

– И хорошо, что так вышло, – сказала Рита. – Я слышала истории о подменьшах, и все они заканчиваются примерно так же. Джонатан не был подкинут эльфами. Просто иногда дети рождаются такими. Возможно, Битти раньше с этим не сталкивалась, а мне случалось. В разных странах иногда рождаются дети вроде Джонатана – с раскосыми глазами, слишком большим языком и очень гибкими конечностями. Некоторые врачи называют их «монголами», потому что они похожи на жителей той далекой части мира.

Марго кивнула:

– Он человеческое дитя, верно? Теперь я это знаю. Он наш сын, мой и Джо. Но сейчас я об этом подумала из-за девочки. Она не такая, как Джонатан, верно? Она не... как ты это назвала – «монгол»? Она тоже отличается от других детей, но на свой манер. Совсем не просто растить ребенка, непохожего на других. Но у меня есть такой опыт. Я знаю, как это делается. Так что даже если она глухая и немая... – Марго крепче прижала к груди ребенка и собралась закончить фразу, но внезапно вспомнила о мужчине на кровати. – Хотя, судя по всему, у нее есть отец.

– Мы это скоро узнаем. Он должен очнуться в ближайшее время.

– Но что там делает Лили? Надо бы привести ее в дом. Слишком холодно, чтобы молиться на улице, – так недолго и заоченеть.

Все еще с ребенком на руках, она подошла к окну.

Марго это почувствовала, а Рита это заметила со стороны: девочка

внезапно оживилась. Она подняла голову. Ее сонный взгляд вмиг сделался осмысленным. Теперь она внимательно, с явным интересом, рассматривала пейзаж за окном.

– Что такое? – сказала Рита, быстро направляясь к ним через комнату. – Что-то с миссис Уайт?

– Она ушла, – сообщила Марго. – Снаружи ничего особенного. Только река.

Рита подошла и стала рядом. Посмотрела на девочку, взгляд которой оставался таким напряженным, словно она собиралась глазами досуха выпить реку.

– Может, там была птица? Лебедь? Что могло привлечь ее внимание?

Марго недоуменно покачала головой.

Рита вздохнула.

– Быть может, ее привлек дневной свет, – предположила она.

Она еще немного постояла у окна, надеясь увидеть хоть что-нибудь особенное. Но Марго была права. За окном была только река.

Марго оделась, подняла с постели мужа, обнаружила, что Джонатан встал еще раньше и куда-то ушел, вздохнула – он никогда не соблюдал общепринятые часы сна и бодрствования – и занялась приготовлением чая и овсяной каши на завтрак. Она помешивала кашу в кастрюле, когда в дверь опять постучали. Для бражников было рановато, но после ночных событий самые любопытные могли явиться в трактир с утра пораньше. Она открыла дверь уже с приветствием на языке, но вместо этого молча попятилась. Человек на пороге был чернокожим, на голову выше большинства мужчин и богатырского телосложения. Как тут не встревожиться? Она открыла рот, чтобы позвать супруга, но еще раньше прищелец снял шляпу и весьма учтиво поклонился.

– Сожалею, что вынужден побеспокоить вас в столь ранний час, мадам, – произнес он.

На его ресницах вдруг появились слезы, которые он не успел сдержать и теперь смахнул быстрым движением руки.

– Что с вами случилось? – спросила она и, уже не опасаясь, впустила его в дом. – Присядьте вот здесь.

Он приставил большой и указательный пальцы к внутренним уголкам глаз, надавил на них, шмыгнув носом и сглотнул.

– Прошу прощения, – сказал он, и Марго удивилась тому, что он говорил как джентльмен, причем это касалось не только употребляемых слов, но и произношения. – Насколько мне известно, в этот дом прошлой ночью доставили ребенка. Утонувшего в реке ребенка.

– Это верно.

Он тяжело вздохнул:

– У меня есть основания полагать, что речь идет о моей внучке. Если не возражаете, я бы хотел на нее взглянуть.

– Она в соседней комнате вместе со своим отцом.

– Мой сын? Мой сын здесь?!

Сердце подпрыгнуло у него в груди, и сам он подпрыгнул вместе с ним.

Марго оторопела. Без сомнения, этот темнокожий мужчина не мог быть отцом человека, лежавшего в постели.

– С ними медсестра, – сказала она, хотя это и не было ответом на его вопросительный вопль. – Отец и дочь неважно себя чувствуют.

Мужчина последовал за ней в постоянную комнату.

– Это не мой сын, – сказал он сразу. – Мой сын не такой рослый и не такой широкий в плечах. И он всегда гладко выбрит. У него светло-русые волосы, которые не вьются, как эти.

– Стало быть, мистер Донт не ваш сын.

– Моего сына зовут мистер Армстронг. Как и меня.

Марго повернулась к Рите:

– Этот джентльмен пришел из-за девочки. Он подумал, что она может оказаться его внучкой.

Рита шагнула в сторону, и гость наконец увидел ребенка.

– Так-так! – издал неопределенный возглас Армстронг. – Что...

Он не знал, что сказать. Почему-то в его сознании – только теперь он понял нелепость этого – сформировался образ темнокожего ребенка, вроде него самого. Но, конечно же, ребенок не мог быть таким, если его родителем был Робин. В первый миг сбитый с толку бесцветными волосами и белой кожей девочки, он тем не менее с удивлением отметил в ней что-то знакомое. Что именно, он понять не мог. Ее нос не очень походил на нос Робина – разве что самую малость... А ее скулы... Он попытался вспомнить лицо мертвой женщины, которую видел несколько часов назад, но сравнивать его с лицом этой девочки было сложно. Может, это удалось бы, если бы он хоть раз видел ее при жизни, но смерть быстро меняет человека, и он не мог представить черты ее лица в обычной обстановке. И все же ему чудилась какая-то связь между этим дитем и той женщиной, хотя ничего конкретного найти не удалось.

Армстронг почувствовал, что женщины ждут от него какой-то реакции.

– Проблема в том, что я до сих пор не видел своей внучки. Мой сын

жил в Бамптоне с девочкой и ее матерью, отдельно от остальной семьи. Мне бы хотелось совсем иного, но так уж все сложилось.

– Семейная жизнь... Это не всегда легко и просто, – попыталась утешить его Марго. После первоначального испуга она обнаружила, что вполне может поладить с этим большим темнокожим мужчиной.

Он отвесил ей благодарный полупоклон:

– Вчера до меня дошла тревожная информация, и сегодня рано утром я нашел молодую женщину, которая была ее матерью...

Он прервался и с беспокойством посмотрел на девочку. Он привык к любопытным взглядам детей, но эти глаза не задерживались на черном незнакомце, а скользили дальше, как будто он был для нее предметом обстановки. Возможно, так проявлялась ее стеснительность. Кошки тоже не любят встречаться глазами с чужими людьми – они смотрят в вашу сторону и тут же отворачиваются. В кармане у него имелся кусок бечевки с привязанным к ней перышком – очень эффективное средство общения с котятами. А для маленьких девочек он держал при себе миниатюрную куклу, сделанную из штыря от вешалки, с нарисованным лицом и шубейкой из кроличьего меха. И сейчас он достал ее из кармана и положил на колени девочке. Она почувствовала прикосновение и посмотрела вниз. Ее рука сомкнулась на кукле. Рита и Марго наблюдали за ней с не меньшим интересом, чем Армстронг. Они переглянулись.

– Вы начали рассказывать о матери бедной крошки... – шепотом напомнила Марго, и, пока девочка была занята куклой, Армстронг вполголоса продолжил:

– Эта женщина скончалась вчера вечером. О том, где находится ребенок, у меня не было никаких сведений. На тропе у реки я завел разговор с первым встречным, и он направил меня к вам. Только он все перепутал, и я прибыл сюда в уверенности, что девочка утонула.

– Она действительно утонула, – сказала Марго. – Но позднее, когда Рита перенесла ее сюда, она ожила.

Сколько бы раз ее язык ни повторял эти слова, для ее ушей они представлялись каким-то бредом.

Армстронг озадаченно наморщил лоб и повернулся за разъяснением к Рите. Та сохраняла спокойствие.

– По всем признакам она была мертва, но потом оказалось, что это не так, – пояснила она.

Краткость формулировки позволяла обойтись без невероятных подробностей, и Рита пошла по этому пути. Чересчур лаконично, пожалуй, зато правдиво. А при попытке рассказать об этом подробнее вы рисковали

очень скоро вступить в противоречие со здравым смыслом.

– Понимаю, – сказал Армстронг, хотя на самом деле ничего не понял.

Все трое вновь посмотрели на девочку. Та уже отложила в сторону куклу и впала в прежнюю апатию.

– Малышка немного не в себе, – печально сказала Марго. – Это признают все, кто ее видел. Но при всем том к ней как-то сразу привязываешься – чем это объяснить, я не знаю. Прошлой ночью даже гравийщики – а уж этих чувствительными не назовешь, – даже гравийщики к ней прониклись. Не так ли, Рита? Хиггс уже был готов взять ее к себе домой, как потерявшегося щенка. Да и я сама, при всех моих детях и внуках, о которых нужно заботиться, не откажусь оставить ее у себя, если выяснится, что ей некуда податься. И ты, наверное, тоже – да, Рита?

Рита не ответила.

– Мы полагали, что он – ее отец. Я о мужчине, который принес девочку, – продолжила Марго. – Однако из ваших слов я поняла, что...

– Как он, этот мистер Донт?

– Он поправится. Его травмы выглядят хуже, чем есть на самом деле. Дыхание ровное, а цвет лица улучшается с каждым часом. Думаю, скоро он придет в сознание.

– В таком случае я отправлюсь в Оксфорд и найду своего сына. Ближе к вечеру он будет здесь, и еще до темноты данный вопрос разрешится.

После этих слов Армстронг откланялся.

Марго начала готовить трактир к предстоящему дню. А день обещал быть хлопотным, учитывая, как быстро разносились по округе слухи. Она даже начала подумывать об открытии для публики большого летнего зала. Рита занималась ребенком и следила за состоянием второго пациента. Джо вызвался ей помочь. Пока он наливал чай в чашку Риты и поправлял штору, чтобы свет не потревожил спящего, девочка неотрывно следила за каждым его движением. А когда он покончил с этими делами и подошел к ней, она протянула руки ему навстречу.

– Ну и дела! – воскликнул Джо. – Занятная ты девчонка! Похоже, тебе приглянулся старина Джо.

Рита уступила Джо свое место и посадила к нему на колени девочку, которая уставилась снизу вверх ему в лицо.

– Какого цвета у нее глаза, как по-твоему? – спросил он у Риты. – Голубые? Серые?

– Может, серо-зеленые? – предположила она. – Это зависит еще и от освещения.

Они обсуждали цвет ее глаз, когда раздался уже третий за это утро стук в дверь. Оба вздрогнули.

– Да сколько можно?! – послышался возглас Марго, сопровождаемый сердитым топотом, когда она двинулась через зал ко входной двери. – Кого еще там принесло?

Затем раздался скрип дверных петель, и...

– О! – вскричала Марго. – О!

Папочка!

Мистер Воган находился на Сивушном острове, в сернокислотном цехе, где производил опись имущества, готовясь к его продаже с аукциона. Эту скучную работу он мог бы поручить своим помощникам, но как раз сейчас хотелось занять себя какой-нибудь рутиной. При других обстоятельствах ему было бы больно расставаться с этим проектом. Воган вложил в него немало сил и средств: приобрел особняк в Баскоте с прилегающими землями и островом, оплатил планирование и исследования, перегородил запрудой протоку, засадил обширные поля сахарной свеклой, построил железную дорогу и мост для подвоза свеклы... И все это помимо главного: строительства завода на острове. У него хватало энергии на столь амбициозное начинание в ту пору, когда он был еще холост, и позднее, когда женился и стал отцом. По правде говоря, он решил свернуть проект не по причине его бесперспективности (как раз с этим все было в порядке), а просто потому, что больше не хотел им заниматься. С потерей дочери он потерял и интерес к работе. Другие его предприятия – принадлежавшие ему фермы и доля в отцовской горнорудной компании – приносили достаточно прибыли; так стоило ли напрягаться, решая текущие проблемы и развивая производство, если проще было все это забросить? Воган даже получал своеобразное удовлетворение от демонтажа, распродажи, переплавки и окончательной ликвидации целого мира, на создание которого он потратил так много времени и денег. Кропотливое составление описи давало ему возможность забыться. Он подсчитывал, измерял, заносил в реестр – и это его успокаивало. Это помогало ему не думать об Амелии.

Этим утром он тотчас по пробуждении попытался вспомнить ускользающий сон, но так и не смог, хотя подозревал, что это был тот самый, невыразимо жуткий сон, который часто посещал его в первые дни после исчезновения дочери. Осталось только чувство опустошенности. Чуть позже, когда он шел через двор, ветерок донес до него издали высокий детский голос. Разумеется, все детские голоса на большом расстоянии звучат очень похоже. Он это знал. Но два этих утренних события выбили его из колеи, так что срочно потребовалось занять себя чем-нибудь однообразно методичным.

Но и здесь, в одном из складских помещений, его взгляд случайно наткнулся на нечто, открывшее перед ним лазейку в прошлое, и он

вздрагнул от неожиданности. Это была большая банка с леденцами из ячменного сахара, забытая в пыльном углу. И тотчас видением возникла она – запуская пальцы внутрь банки и очень довольная, когда попадались два слипшихся леденца и ей разрешали отправить в рот оба. Его сердце бешено застучало, банка выскользнула из пальцев и разбилась на бетонном полу. Все пошло прахом: ему уже не восстановить душевное спокойствие до конца этого дня, как и ей не материализоваться сейчас в этой комнате.

Он громко позвал кого-нибудь, чтобы убрать мусор, и вскоре услышал топот, но, к удивлению Вогана, в дверях появился не его помощник с метлой, а человек из его домашней прислуги: садовник Ньюмен. Он начал говорить, даже не переведя дух, отчего речь его вышла сбивчивой и трудной для понимания. Среди прочего Воган уловил слово «утонула».

– Отдышись, Ньюмен, и повтори спокойно.

Садовник начал заново и на сей раз более-менее внятно рассказал историю о девочке, утонувшей в реке и потом чудесно ожившей.

– Сейчас она в рэдкотском «Лебеде», – заключил он. И уже почти шепотом, словно едва осмеливаясь произнести такое, добавил: – Говорят, ей на вид около четырех лет.

– Боже правый! – Его руки взметнулись вверх, но замерли на полпути. – Пусть моя жена до поры об этом не знает, хорошо? – попросил он и тут же по лицу садовника догадался, что запоздал с этой просьбой.

– Миссис Воган уже отправилась туда. Новость сообщила миссис Джеллико, наша прачка, а ей рассказал об этом прошлой ночью один из посетителей «Лебеда», видевший все своими глазами. Мы не догадывались, о чем она хочет поговорить с хозяйкой, – иначе мы бы ее и близко не подпустили. Но мы подумали, что она хочет попросить расчет. А потом вдруг видим: миссис Воган бежит к эллингу, да так быстро, что за ней не угонишься. Когда мы туда подоспели, она уже отчалила в своей старой лодке и почти скрылась из глаз.

Воган поспешил домой, где юный подручный конюха, предугадав его желание, уже оседлал коня.

– Вам придется лететь во весь опор, чтобы ее нагнать, – предупредил он.

Воган сел в седло и пустил коня галопом в сторону Рэдкота. Но через несколько минут скачки сменил аллюр на рысь. «Лететь? – подумал он, вспомнив слова мальчишки. – Я все равно ее не догоню». В самом начале их семейной жизни он несколько раз плавал с ней на лодке и имел возможность убедиться, что с веслами она управляется не хуже любого

известного ему мужчины. Она была стройной – и, соответственно, легкой, – но притом очень сильной. Отец пристрастил ее к лодочным прогулкам еще до того, как она научилась ходить по земле; ее весла погружались в воду без брызг и так же чисто выныривали после гребка, подобно прыгающим рыбам. Там, где другие багровели и обливались потом, у нее лишь чуть прибавлялось румянца на щеках, и она буквально сияла от удовольствия, ощущая упругий контакт с водой. Некоторых женщин горе делает более мягкими, но в Хелене оно выжгло ту немногую мягкость, что начала формироваться после рождения дочери, и сделало ее еще более жесткой, чем прежде. И сейчас, получив это известие, она вся была сгустком жил и мускулов, устремленным к цели; к тому же она имела получасовую фору. «Лететь и нагнать ее?» Он не имел ни единого шанса. Хелена была недосыгаема. И такой она была для него уже давно.

Именно надежда помогала ей всегда быть намного впереди Вогана. Сам он расстался с надеждой уже давно, и если бы Хелена поступила так же, то через какое-то время – он так думал – счастье могло вернуться в их семью. Но она вместо этого подпитывала огонек надежды, используя в качестве топлива любую подвернувшуюся мелочь, а когда топить было совсем нечем, она удерживала этот огонек от угасания лишь силой своей веры. Тщетно он пытался ее утешить и успокоить, тщетно рисовал картины другого будущего, другой жизни.

«Мы можем уехать за границу и какое-то время пожить в другой стране», – предлагал он. Эта тема впервые возникла вскоре после их свадьбы и периодически поднималась в последующие годы. «Почему бы нет?» – говорила она в ту пору, еще до исчезновения Амелии, как и раньше, еще до ее рождения. И недавно он предложил это снова. Они могли бы переехать в Новую Зеландию – на год или на два. А то и навсегда. Возвращаться было незачем. Новая Зеландия – это вполне подходящее место для работы и для жизни...

Но теперь Хелена встретила это предложение в штыки: «Как же Амелия отыщет нас там?»

Он заводил речь о других детях – они с самого начала хотели иметь нескольких детей. Но будущие дети были для его жены нематериальными, абстрактными. А ему они порой виделись во плоти – но лишь во снах или в первые секунды по пробуждении. Супружеская близость, прекратившаяся в ночь исчезновения их дочери, так и не возобновлялась впоследствии. До Хелены он много лет вел холостяцкую и более-менее воздержанную жизнь. Если другие холостяки покупали женские ласки за деньги или заводили интрижки, чтобы потом бросить возлюбленных, он ложился спать в

одиночестве и при нужде обходился подручными средствами. Возобновлять такой образ жизни ему не хотелось. Если жена больше не могла дарить ему плотскую любовь, он предпочел обходиться без всяких утех вообще. Его пыл угасал. Он больше не ждал никаких наслаждений ни от ее тела, ни от своего собственного. Надежды покидали его одна за другой.

Она винила его. И он сам винил себя. Одна из обязанностей отца – оберегать детей от любой опасности, – и он с этой обязанностью не справился.

Воган вдруг осознал, что стоит на месте. Его конь опустил морду, вороша сухой зимний папоротник.

– Для тебя там ничего нет. Как и для меня.

Он ощутил тяжелейшую усталость. Возникла мысль: уж не болен ли он? Способен ли двигаться дальше? Вспомнились чьи-то слова, сказанные совсем недавно: «Долго так продолжаться не может». Ах да, та самая женщина в Оксфорде. Миссис Константайн. Как глупо все получилось с тем визитом. Но в данном случае она была права. Он не мог продолжать в том же духе.

И он продолжил путь.

В «Лебеде» он обнаружил необычно большое для этого времени дня и времени года скопление клиентов. И все они воззрились на Вогана с любопытством людей, ставших свидетелями необычайных событий и закономерно ожидающих еще чего-нибудь интересного. Он не уделил им никакого внимания и направился напрямиком к барной стойке, где женщина, едва взглянув на него, сказала:

– Следуйте за мной.

Она провела его коротким коридором к старинной дубовой двери. Открыла ее и шагнула в сторону, пропуская его вперед.

Потрясений было слишком много сразу, и тогда он не смог отделить их одно от другого. Лишь позднее, задним числом, ему удалось разобраться со всеми нахлынувшими тогда впечатлениями, дать им названия и выстроить их по порядку. Первым было недоумение – оттого, что в комнате не оказалось его жены, хотя он был совершенно уверен, что застанет ее там. За этим последовало замешательство при виде очень знакомого, но давно забытого лица. Это была молодая женщина, скорее даже юная девушка, которой он когда-то сделал предложение и она ответила «да», смеясь: «Да, если мне разрешат взять с собой лодку». Она повернула к нему сияющее лицо и широко, счастливо улыбнулась, а ее глаза ярко светились любовью.

Воган замер как вкопанный. Хелена. Его жена – полная энергии, веселая и прекрасная, как в былые дни. До пропажи дочери.

Она рассмеялась:

– Ох, Энтони! Да что с тобой такое?

Она взглянула вниз и что-то приподняла с постели, говоря певуче-ласкательным голосом, который был знаком ему по другим, лучшим временам.

– Погляди, – сказала она, обращаясь к кому-то, но не к нему. – Погляди, кто пришел!

И тут случилось третье потрясение.

Она повернула ребенка лицом к Вогану:

– Папочка пришел!

Спящий просыпается

Пока происходили все эти события, человек с разбитым лицом и черными пятнами на кончиках пальцев продолжал спать в постылой комнате трактира «Лебедь». Он лежал на спине, с пуховой подушкой под головой, и не шевелился, если не считать ритмичного поднятия и опускания грудной клетки.

Существует множество представлений о природе сна, но ни одно из них нельзя назвать абсолютно верным. Нам не дано знать наверняка, как происходит погружение в сон, потому что, погрузившись в него, мы одновременно теряем связь с реальной памятью. Зато всем нам знакомо чувство этого самого «погружения» – как бы плавного ухода в глубину, – которое непосредственно предшествует засыпанию.

Когда Генри Донту было десять лет, он увидел во сне ясеневое дерево и родник у его корней, связанный с подземной рекой, в которой обитали русалки и наяды, именуемые Девами Судьбы. Когда он размышлял о процессе погружения в сон, ему представлялось нечто вроде этого подземного потока. Дремоту он ощущал как долгий заплыв, медленное перемещение в необычайно плотной воде, когда он мог одним легким, приятным движением придать своему телу то или иное направление – просто так, ибо у заплыва не было конкретной цели. Иногда поверхность воды была совсем рядом, над самой его головой; и дневной мир, со всеми его тревогами и радостями, давал о себе знать с той стороны. В таких случаях он по пробуждении чувствовал усталость, словно не спал вообще. Впрочем, обычно он спал хорошо, пробуждаясь свежим и отдохнувшим, порой со счастливым ощущением, что повидал во сне своих друзей или получил весточку от своей любящей (ныне покойной) мамы. Против этого он ничего не имел. Другое дело, когда пробуждение прерывало какой-нибудь захватывающий, полный приключений сон, следы которого тут же смывались приливом повседневности.

Но в трактире «Лебедь» с ним не происходило ничего из описанного выше. Пока жизнь теплилась в его теле, покрывая корочкой раны и выполняя сложную работу внутри черепа, пострадавшего от столкновения с Чертовой плотиной, Генри Донт просто тонул – непрерывно опускался в мрачные глубины гигантской подводной пещеры, где не было никакого движения, а были только тьма и тишина, как в могиле. Так продолжалось неизмеримо долгое время, но в конце концов память начала пробуждаться,

и в застывших глубинах наметилось какое-то оживление.

Беспорядочно появлялись и исчезали сцены из прошлого, никак не связанные между собой.

Горечь обманутых надежд после его неудачного брака.

Жалящий холод родниковой воды, который он ощущал днем ранее на лугу Трусбери-Мид, когда указательным пальцем перекрыл тоненький ручеек, дающий начало Темзе, и ждал, пока вода не скопилась в достаточном количестве, чтобы преодолеть эту «запруду».

Скольжение на грани падения, ощущаемое всем телом, когда он в двадцатилетнем возрасте катался на коньках по замерзшей Темзе; в тот день он встретил свою будущую жену, и это скольжение-падение затянулось на много недель, на всю зиму, вплоть до их свадьбы в самом начале весны.

Сильнейшее изумление, как удар по мозгам, когда он увидел пустоту на месте старой будки привратника у входа в монастырь, – ему тогда было шесть лет, и он впервые обнаружил, что физический мир может подвергнуться столь разительным переменам.

Звон разбитого стекла во дворе и громкая ругань его отца, стекольщика по профессии.

Таким вот образом содержимое его черепной коробки проверяло само себя, удостоверяясь, что все было на месте и в целости, ничего существенного не пропало.

Напоследок появился образ, отличный от всех прочих. Нечто совсем иного рода. Этот образ также был ему знаком: он часто – и не упомнишь, сколько раз, – видел его во снах, но всегда размыто, не в фокусе, потому что не встречал его в реальном мире, только в своем воображении. Это был образ ребенка. Его, Донта, собственного ребенка. Того самого, которого он не завел с Мириам и даже не пытался завести с другими женщинами. Образ его будущего ребенка. Он проплыл перед глазами и начал удаляться, вызвав ответную реакцию у спящего мужчины, который попытался поднять руки, чтобы его ухватить. Но образ уже был за пределами досягаемости, хотя на сей раз оставил ощущение чего-то более конкретного, более близкого к реальности. Кажется, это была девочка? Однако видение уже исчезло.

А в сознании спящего произошла новая перемена. Появился пейзаж, незнакомый и жутковатый, но притом как будто имеющий самое непосредственное отношение к Генри Донту. Какая-то жестоко изуродованная местность. Зазубренные скалистые утесы. Тут и там рваные расселины или пузырьчатые вздутия. Что здесь произошло – война? Или землетрясение?

Сознание начало просветляться, и в голове Генри Донта шевельнулась мысль. Этот пейзаж не был по-настоящему видимым... Это были не зрительные образы, а информация, передаваемая в мозг – ну да, кончиком его же собственного языка... И вот уже скалы превратились в обломки зубов, а искореженная земля оказалась месивом в его ротовой полости.

Он проснулся.

И тревожно замер. Острая боль пронзила конечности, застигнув его врасплох.

Что случилось?

Он открыл глаза – и увидел лишь тьму. Тьму? Или... или он *ослеп*?

В панике он поднес руки к лицу (боль усилилась) и на этом месте обнаружил что-то чужеродное. Его лицевые кости покрывало что-то мягкое, превосходящее толщиной кожу и нечувствительное при касании. Он принялся отчаянно нащупывать край этого покрытия, чтобы от него избавиться, но его пальцы были такими толстыми и неловкими...

Затем раздался звук. Женский голос:

– Мистер Донт!

Его руки были перехвачены чужими, на удивление сильными руками, которые не дали ему сорвать с глаз этот покров.

– Не трогайте свое лицо! Вы получили травму. Вероятно, вы ощущаете онемение. Сейчас вы в безопасности. Это трактир «Лебедь» в Рэдкоте. Произошел несчастный случай. Вы это помните?

Слово возникло в его сознании и мигом перенеслось на язык, но дальше застряло в развороченной полости рта, и, когда все же вышло наружу, он сам его не узнал. Он сделал новую попытку и на сей раз выговорил:

– *Глаза!*

– У вас оба глаза заплыли. От сильного удара головой при столкновении. Но когда опухоль спадет, вы будете видеть нормально.

Женщина убрала его руки от лица. Он услышал звук льющейся жидкости, но уши не могли подсказать ему цвет этой жидкости, форму кувшина или вид наполняемого сосуда. Он почувствовал наклон матраца – кто-то сел на край постели, но как выглядит этот человек, он узнать не мог. Окружающий мир сделался непознаваемым, и в этом мире он был беспомощным пленником.

– Мои глаза!

Женщина снова перехватила его руки:

– Это всего лишь опухоль. Она пройдет, и зрение вернется. Вот, выпейте. Будет непривычно, потому что вы не почувствуете край кружки

губами, но я поднесу ее аккуратно.

Она оказалась права. Не было никакого предупреждающего прикосновения к губам, перед тем как в его рот вдруг потекла сладковатая жидкость. Мычанием он попросил лить сильнее, но услышал в ответ:

– Пейте маленькими глотками.

Когда пациент утолил жажду, женщина спросила:

– Вы помните, как сюда попали?

Он задумался. Память отказывалась ему служить. На поверхности мельтешили обрывки каких-то случайных воспоминаний. Он издал невнятный звук, сопроводив его неопределенным жестом.

– А девочка, которую вы сюда принесли, – вы можете сказать, кто она?

В этот самый миг, судя по шуму, открылась дверь комнаты.

– То-то мне показалось, я слышу разговор, – раздался новый голос. –

Она здесь.

Матрас вернулся в прежнее положение, когда женщина встала на ноги.

Он поднес руку к лицу, теперь уже зная, что нечувствительный слой был его онемевшей кожей, и наткнулся на ряд швов. Нащупал кончики ресниц, сдавленных распухшими, воспаленными веками. Неловко подцепил пальцами верхнее и нижнее веко и потянул их в разные стороны...

– Нет! – крикнула женщина, но было уже поздно.

Яркая игла света вонзилась в зрачок, и у Донга перехватило дыхание. Но не только от боли, ибо с этим светом ему явился образ, который он видел во сне. Девочка, плывущая в воздухе; его будущий ребенок; дитя его воображения.

– Это *ваша* девочка? – обратился к нему только что вошедший человек.

Глаза ребенка цветом напоминали воды Темзы и были столь же безучастно-нев्यразительны.

«Да, – ответило его сердце. – Да. Да!»

– Нет, – промолвил он.

Трагическая история

На протяжении дня собравшаяся в «Лебеде» компания обсуждала последние события. Всем было известно, что в маленькой гостиной Марго и Джо в глубине дома сидят мистер и миссис Воган, только что воссоединившиеся со своей дочерью Амелией. Также прошел слух о богаче-негре, Роберте Армстронге из Келмскотта, который побывал в трактире рано утром, а его сын должен был появиться здесь ближе к вечеру. И прозвучало имя Робина Армстронга.

Занавес был поднят в персональном театре каждого записного сказителя, и их фантазия включилась в работу. Главными действующими лицами во всех сценах были те же четверо: мистер Воган, миссис Воган, Робин Армстронг и девочка. Что касается жанра, то все рассказчики тяготели к трагической мелодраме. Повествование для пущей убедительности иллюстрировалось гневным блеском очей, мрачными взглядами исподлобья или хитроватым, недобрый прищуром. Слова произносились многозначительным полупшепотом, а ближе к финалу звучали все громче и тревожнее. Девочка попеременно присуждалась то одним, то другим претендентам, подобно кукле, выхватываемой друг у друга спорящими детьми. Один работяга с практическим складом ума додумался до аукциона с девочкой в качестве лота, а несколько горластых забияк, временно переместившихся в «Лебедь» из своего мордобойного «Плуга», увлеченно спорили о виде оружия – револьвере? кинжале? – которое непременно выхватит из-за пазухи мистер Воган, чтобы с воистину родительским пылом отправить мистера Армстронга к праотцам. Какой-то особо одаренный лицедей сделал упор на эмоциональную реакцию девочки в самый критический момент: «Папа!» воскликнет она, протягивая руки к мистеру Армстронгу, и тем самым навсегда похоронит надежды Воганов, которые с рыданиями падут в объятия друг друга. Кстати говоря, роль миссис Воган практически во всех этих представлениях сводилась к проливанью слез – иногда сидя в кресле, а зачастую распростершись на полу – и почти всегда завершалась обмороком. Один юный сборщик салата в порыве вдохновения, коим сам был безмерно горд, придумал роль и для бессознательного человека в постели: он вдруг приходит в сознание, слышит спор в соседней комнате, появляется там и – в классическом соломоновом стиле – предлагает решить вопрос путем рассечения спорного объекта пополам: полдевочки Воганам, полдевочки Армстронгам. И

никаких проблем.

В шестом часу пополудни, когда остатки дневного света растаяли в небе, отразившись последним мерцанием в быстрых водах реки, к «Лебедю» подъехал и спешил всадник. В зимнем зале было очень шумно, и никто не обратил внимания на нового посетителя. Он вошел, затворил за собой дверь и замер у порога, неожиданно расслышав в общем гвалте свое имя. Немногие наконец-то его заметившие, разумеется, не догадались, что это был именно тот человек, прибытия которого они ждали. Уже наслышанные о необычном облике Армстронга-старшего – поговаривали, что он был внебрачным сыном принца от черной рабыни, – все настроились лицезреть темнокожего здоровяка, с каковым не имел решительно ничего общего этот бледный худощавый юноша со светлорусыми волосами, которые мягкими локонами спускались на воротник. В его облике еще чувствовалось что-то мальчишеское; его глаза, при чуть заметной голубизне, казались застывшим отражением дневного света, а кожа у него была нежная, как у девушки. Первой его увидела Марго, и в ней тотчас шевельнулся то ли самочно-женский, то ли материнский инстинкт – она и сама не могла бы сказать, в каком качестве, мужчины или мальчика, воспринимает приглянувшегося гостя.

Он пробрался через толпу к стойке и вполголоса назвал Марго свое имя, после чего она быстро увлекла его из общего зала в коридорчик, освещенный единственной свечой.

– Даже не знаю, что вам сказать, мистер Армстронг. У вас и так большое горе, вы потеряли супругу. Видите ли, с тех пор, как здесь этим утром побывал ваш отец...

Он прервал ее:

– Мне все известно. Неподалеку отсюда я встретил местного священника. Он меня окликнул, по направлению и поспешности моего движения догадавшись, кто я и куда еду, и... – Он сделал паузу, и в полумраке коридора Марго показалось, что он смахивает слезу перед тем, как продолжить. – И все мне объяснил. Выходит, это не Алиса. Девочку опознала другая семья. – Он опустил голову. – Я решил все же к вам заглянуть потому, что был уже близко, и потому, что вы меня ждали. Ну а теперь я вас покидаю. Пожалуйста, передайте мистеру и миссис Воган, что я очень... – тут его голос дрогнул, – что я *очень* рад за них.

– Ох, ну вы же не уедете, не подкрепившись чем-нибудь? Кружечкой эля? Или горячего пунша? После такой длительной поездки вам нужно хоть немного отдохнуть. Мистер и миссис Воган находятся в гостиной и надеются принести вам свои соблезнования...

Она отворила дверь в конце коридора и пропустила его вперед.

Робин Армстронг вошел в комнату бочком, с понурым и скорбным видом. Обезоруженный таким смирением, мистер Воган рефлекторно шагнул навстречу и протянул ему руку.

– Мне жаль, – произнесли они одновременно, а затем, опять в унисон: – Как неловко...

Миссис Воган взяла себя в руки раньше, чем это удалось мужчинам:

– Мы очень сожалеем, мистер Армстронг. Мы слышали о вашей утрате.

Мистер Армстронг повернулся к ней и...

– Что? – спросила она. – Что такое?

Он смотрел на девочку, сидевшую у нее на коленях.

Еще через пару секунд ноги Армстронга-младшего подкосились, и он навалился всем телом на Марго, а потом рухнул в кресло, вовремя подставленное Воганом. Глаза его закрылись, – судя по всему, он лишился чувств.

– Святые угодники! – вскричала Марго и поспешила за Ритой, которая дежурила у постели фотографа в постоянной комнате.

– Он проделал долгий путь, – сказала Хелена, участливо склоняясь над мистером Армстронгом. – Он так надеялся, а оказалось, что его дочери здесь нет... Это его и подкосило.

– Хелена, – произнес мистер Воган с предупреждающей ноткой.

– Медсестра знает, как привести его в чувство...

– Хелена.

– У нее должна быть нюхательная соль...

– Хелена!

Хелена повернулась к мужу:

– В чем дело?

Лицо ее было безмятежно, глаза прозрачны.

– Дорогая, – произнес он дрогнувшим голосом, – а тебе не кажется, что у его обморока может быть другая причина?

– Какая причина?

Он не решался продолжить, видя это невинное удивление на ее лице.

– Предположим... – Он умолк и сделал жест в сторону девочки, которая сидела в кресле с сонно-безразличным видом. – Предположим, что...

Распахнулась дверь, и в комнату быстро вошла Марго в сопровождении Риты, которая спокойно, без суеты, склонилась над молодым человеком и взяла его за кисть. В другой руке она держала часы,

следуя за стрелкой на циферблате.

– Он приходит в себя, – сообщила Марго, заметив, как шевельнулись веки Армстронга, и начала растирать ладонями его другую, безжизненно вялую руку.

Молодой человек открыл глаза. Сделал пару легких, неровных вдохов и поднял ладони к лицу в попытке скрыть свое смятение от присутствующих. А когда руки опустились, он уже снова был самим собой.

Он еще раз посмотрел на девочку.

– Рассудок подсказывает, что это не Алиса, – произнес он с запинкой. – Это ваш ребенок. Так сказал мне пастор. Так говорите вы. Значит, так и есть.

Хелена кивком подтвердила его слова и сморгнула слезы сочувствия к молодому отцу.

– Без сомнения, вы удивлены тем, что я мог так ошибиться и принять чужого ребенка за собственную дочь. Но я не видел ее уже почти год. Полагаю, вам неизвестна предыстория моего нынешнего положения. Посему считаю своим долгом объяснить.

Наш брак был заключен тайно. Когда семья моей жены узнала о наших близких отношениях и планах пожениться, они начали нам всячески препятствовать. Мы были молоды и неразумны. Никто из нас не понимал, какой вред мы наносим себе и нашим семьям, вступая в тайный брак. Мы просто сделали это, и все. Жена сбежала из родного дома, чтобы жить со мной, и менее чем через год у нас родился ребенок. Мы надеялись – мы даже были уверены, – что появление внука смягчит ее родителей, но все было напрасно: они остались столь же непреклонными. А моя жена день ото дня становилась все более раздражительной, тоскуя по комфорту, к которому привыкла с детства. Ей было трудно растить ребенка без помощи нянек и слуг. Я всячески старался ее подбодрить, убеждал верить в нашу любовь, но она вбила себе в голову, что единственным выходом из этого положения будет мой отъезд в Оксфорд, где у меня были влиятельные друзья. Там я мог бы сделать карьеру, заработать побольше денег и через пару лет обеспечить ей возвращение к привычной безбедной жизни. С тяжелым сердцем я покинул Бамптон и снял квартиру в Оксфорде... Мне повезло. Я нашел неплохую работу, мои доходы росли. Я очень скучал по жене и дочери, но убеждал себя, что все делается к лучшему. Писала она нечасто, но, судя по тону писем, ее жизнь в мое отсутствие понемногу наладилась. При каждой возможности я ездил их навестить, и так продолжалось месяцев шесть. И вот однажды, около года назад, я по служебным делам оказался в верховьях реки и решил удивить их обоих

неожиданным визитом.

Он сглотнул комок в горле и сместился на край кресла.

– Тогда-то я и сделал открытие, которое навсегда изменило наши с ней отношения. Я застал у нее другого мужчину – чем меньше будет о нем сказано, тем лучше. По тому, как с ним общалась моя дочь, было понятно, что он уже стал в их доме своим человеком. Мы наговорили друг другу грубостей, и я ушел, хлопнув дверью. А через несколько дней, когда я все еще был как в тумане, не зная, что делать, от нее пришло письмо. Она писала, что намерена жить с этим мужчиной как его жена, а со мной впредь видаться не желает. Конечно, я мог бы заявить протест. Я мог бы настоять на соблюдении брачных обетов. Задним числом я понимаю, что так и следовало поступить. Так было бы лучше для всех. Но в моем тогдашнем смятенном состоянии я ответил согласием, раз таково было ее желание. И еще я написал, что, как только заработаю достаточно денег для содержания приличного дома, я приеду и заберу Алису к себе. Я поставил себе целью сделать это до конца года и с того дня трудился как проклятый, чтобы уложиться в срок... Жену я после того случая больше не видел, а совсем недавно снял дом и занялся его обустройством, чтобы жить там с ребенком. Я рассчитывал, что одна из моих сестер переедет к нам и сможет заменить девочке родную мать. Все уже было почти готово, когда этим утром мой отец привез известие о смерти жены. Он также сказал, что Алиса пропала. Из других источников я узнал, что любовник моей жены бросил ее еще несколько месяцев назад и что с той поры они с девочкой сильно нуждались. Думаю, стыд помешал ей обратиться за помощью ко мне.

Все это время взгляд Робина Армстронга был прикован к лицу девочки. Неоднократно он терял нить повествования и был вынужден отвести глаза, чтобы сосредоточиться и продолжить с того места, где остановился, но уже через несколько фраз снова смотрел на нее.

Он тяжело вздохнул:

– Моя история не из тех, какие хочется поведать посторонним людям, тем более что она выставляет в дурном свете не только мою несчастную жену, совершившую глупость, но и меня самого. Не судите ее строго, ведь она была так молода. Это я поддержал ее затею с тайным браком, это я проявил слабость в тяжелой ситуации, хотя мог предотвратить ее моральное падение и смерть, а также потерю нашей дочери. Эта трагическая история не предназначена для ушей таких порядочных людей, как вы. Наверно, мне следовало подать ее как-то деликатнее. Если бы я смог привести свои мысли в порядок, я бы высказался не так резко и прямолинейно, но сейчас я просто не успел оправиться от шока. Посему

прошу меня простить, вероятно, за неуместную откровенность, но имейте в виду, что она была вызвана необходимостью объяснить вам причину моей странной реакции при виде этой девочки. Дело в том, что мне на миг показалось, будто я встретил мою Алису. Но она меня не узнаёт, это очевидно. И хотя она похожа – поразительно похожа – на Алису, я напоминаю себе, что не виделся с ней почти год, а дети в этом возрасте очень быстро меняются, не так ли?

Он повернулся к Марго:

– Без сомнения, у вас есть собственные дети, мадам. Полагаю, вы подтвердите правоту моих слов?

Марго вздрогнула, услышав, что к ней обращаются. Она утерла слезу, набухшую в уголке глаза под впечатлением от рассказа Робина, но что-то помешало ей ответить незамедлительно.

– Так я прав или нет? – повторил он. – Вы согласны, что в первые годы жизни внешность детей быстро меняется?

– Ну... Да, они меняются, конечно... – пробормотала Марго.

Робин Армстронг встал с кресла и обратился к Воганам:

– Я принял вашу девочку за свою дочь только потому, что горечь утраты затмила мой разум. Извините за причиненное беспокойство, это вышло непроизвольно.

Он приложил кончики пальцев к своим губам, а затем вытянул руку вперед, взглядом испросил разрешения у Хелены и легким касанием перенес поцелуй на щеку девочки. Глаза его наполнились слезами, но прежде, чем они пролились, он отвесил поклон дамам, попрощался и был таков.

В наступившей после его ухода тишине мистер Воган повернулся к окну и устремил взгляд наружу. Голые ветви вязов чернели на фоне хмурого неба, и его мысли, казалось, безнадежно запутались в этих переплетающихся кронах.

Марго несколько раз открывала рот с намерением заговорить, но тут же его закрывала, растерянно моргая.

Хелена Воган притянула девочку к себе и покачала ее на коленях.

– Бедный, бедный мистер Армстронг, – произнесла она негромко. – Нам остается только молиться в надежде, что он найдет свою Алису, – как мы обрели нашу Амелию.

А Рита никуда не устремляла взор, не моргала и не подавала реплик. Когда Робин Армстронг излагал свою историю, она сидела на табурете в углу комнаты, слушая и наблюдая. Там она и оставалась сейчас, погруженная в непростые раздумья. «Что реально представляет собой

человек, – думала она, – который вдруг падает в обморок и затем приходит в себя, но при этом *его пульс все время остается ровным?*»

Через некоторое время Рита, видимо, пришла к какому-то выводу – она стряхнула с себя задумчивость и поднялась на ноги.

– Мне нужно проверить, как там мистер Донт, – сказала она и тихонько покинула комнату.

История паромщика

Генри Донт спал, просыпался и засыпал снова. И при каждом новом пробуждении он чуть быстрее прежнего вспоминал, кто он такой и где находится. Для сравнения тут не годилось даже страшнейшее похмелье в его жизни, но из всего им когда-либо испытанного то состояние было самым похожим. Видеть он по-прежнему не мог из-за распухших век, которые плотно примыкали друг к другу и давили на глазные яблоки.

До пятилетнего возраста Генри Донт постоянно плакал по ночам. Его мама, раз за разом просыпавшаяся из-за безутешных рыданий сына, долгое время ошибочно считала причиной этого обычную боязнь темноты. «Я ничего не вижу», – всхлипывая, твердил он, пока до нее наконец не дошло. «Само собой, ты ничего не можешь видеть, потому что сейчас ночь, – объясняла она. – Ночь предназначена для сна». Но убедить его не удавалось. Его отец сокрушенно вздыхал: «Мальчик был рожден с открытыми глазами и с тех пор не закрывал их никогда». И все же именно отец нашел решение проблемы. «Попробуй следить за узорами внутри твоих век, – посоветовал он. – Красивые такие, плывущие узоры, и все разных цветов». Генри осторожно, опасаясь подвоха, опустил веки – и обомлел.

Впоследствии он научился, закрыв глаза, извлекать из памяти разные видения так же легко, как если бы наблюдал их в реальности при дневном свете. Даже еще легче. А через несколько лет нафантазировал себе Дев Судьбы, которые стали его главным развлечением в ночные часы. Эти русалки возникали из бурлящих подземных вод, и округлые изгибы их тел сливались с волнами – или с их длинными волнистыми локонами, – а может (если ты был подростком четырнадцати лет), и не сливались ни с чем, а были самыми натуральными изгибами их самых натуральных грудей. Один образ являлся ему среди ночи особенно часто. Полуженщина-полурека с густыми струящимися волосами откровенно с ним заигрывала, и ее ласки влияли на него так же, как могла бы повлиять настоящая женщина, окажись она рядом. Генри сжимал рукой собственную плоть, твердую, как весло. И всего нескольких гребков этим веслом ему хватало, чтобы влиться в поток, сделаться частью потока, раствориться в блаженстве...

Думая об этом сейчас и вспоминая тех Дев Судьбы, он попробовал угадать, как выглядит Рита Сандей. Он чувствовал ее присутствие в

комнате. У изножья кровати со стороны окна вполоборота к нему стояло кресло. Генри давно уже определил это на слух. И сейчас Рита находилась в этом кресле, молчаливая и неподвижная, – должно быть, считала его спящим. Он попытался создать в голове ее образ. Он помнил ее жесткую хватку, когда она отводила его руки от лица. Стало быть, силы ей не занимать. И роста она немаленького – когда она разговаривала стоя, голос доносился с довольно высокой точки над ним. Ее твердая поступь и уверенные движения указывали на то, что она уже не очень молода, но и никак не стара. Блондинка или брюнетка? Красавица или дурнушка? Скорее всего, дурнушка, решил он. Иначе она была бы замужем, а будь она замужем, не проводила бы столько времени наедине с незнакомым мужчиной, пусть даже больным. Возможно, она читала книгу, сидя в своем кресле. Или размышляла. О чем она могла сейчас думать? По всей вероятности, об этой странной истории с девочкой. Он бы тоже поразмыслил на эту тему, если бы знал, с чего начать.

– Что вы скажете обо всем этом? – спросила она.

– Как вы догадались, что я не сплю? – откликнулся он после паузы, вызванной подозрением, что эта женщина может читать его мысли.

– По изменившемуся ритму дыхания. Расскажите, что случилось прошлой ночью. Начиная с несчастного случая.

Так что же тогда случилось?

Хорошо плыть по реке в одиночку. Возникает чувство свободы. Ты находишься ни в одном, ни в другом месте, а в движении между ними. Ты независим, ты сам по себе. Донт вспомнил это приятное ощущение, когда тело вступает в контакт с водой и воздухом, то действуя с ними заодно, то им противясь; когда ты удерживаешь неустойчивое равновесие в утлой посудине, а река бросает тебе вызов, и твои мышцы на него откликаются. Так было и вчера. Он забыл думать о себе. Его глаза видели только реку, разум был поглощен предугадыванием ее капризов, а руки уподобились послушным механизмам, откликающимся на любую внезапную перемену. То были минуты триумфа, когда его тело, лодка и река сошлись в прихотливом танце задержек и ускорений, напряженных усилий и расслабленных пауз, сопротивления и содействия... Он приблизился к совершенству, но всякое совершенство – вещь очень зыбкая.

Он не забыл о Чертовой плотине. Он заранее прикидывал, как обогнуть ее волоком, и гадал, найдутся ли помощники на берегу. Но ему был известен и другой способ. В зимнюю пору перепад уровней воды там бывает минимальным, а то и вообще никакого перепада... Он знал, как надо проходить плотину: точно нацелиться в створ, сложить весла (но быть

готовым сразу пустить их в ход на той стороне, выравнивая лодку) и одновременно быстрым движением откинуться назад, распластаться ниже кромки бортов. Чуть зазеваешься, и получишь в результате либо разбитую голову, либо сломанные весла, либо и то и другое в комплекте. Но Генри не был новичком в таких вещах. Он уже проделывал это раньше.

Тогда что же пошло не так? Завороженный рекой, он поддался эйфории – вот в чем была ошибка. Но и тогда еще он бы мог справиться, если бы – теперь он это вспомнил – не совпали по времени три обстоятельства.

Во-первых, как-то совершенно незаметно для него день подошел к концу и сгустились сумерки.

Во-вторых, его взгляд вдруг зацепился за что-то странное – он не успел понять, что именно, – и это отвлекло его как раз в тот момент, когда требовалась предельная концентрация внимания.

Третьим обстоятельством стало появление Чертовой плотины. Прямо перед ним. И совершенно внезапно.

Течение подхватило лодку, он поспешно откинулся назад, река вздулась мощными бурунами, перекрытие плотины – черно-мокрое и монолитное, как цельный ствол дерева, – нацелилось ему в переносицу, и он даже не успел охнуть, как...

Он постарался более-менее связно изложить все это медсестре. Сказать нужно было многое, а собственный рот стал ему чужим, каждое слово складывалось с трудом и долго искало выход наружу. Начал он медленно и неуклюже, восполняя пробелы в речи жестами. Иногда Рита предугадывала, что он хочет сказать, и заканчивала фразу за него, а он мычал в подтверждение. Но постепенно он осваивал новую артикуляцию звуков, и речь становилась более живой и связной.

– Значит, там вы ее и нашли? На Чертовой плотине?

– Нет. Позднее.

Он очнулся в лодке под ночным небом. Холод притупил боль, но инстинкт подсказывал, что он серьезно ранен. Чтобы выжить, надо было срочно добраться до теплого сухого места. Очень осторожно, чтобы не уйти с головой в ледяную воду, он перелез через борт и нащупал ногами дно. Именно тогда он и увидел что-то белое, плывущее прямо к нему. В следующий миг он понял, что это тело ребенка. Он вытянул руки вперед, и река аккуратно вложила в них свою ношу.

– И вы сочли ее мертвой.

Он издал утвердительный звук.

– Хм... – задумчиво выдохнула она и отложила возникшую мысль на

потом. – Но как вы добрались от плотины до этого трактира? Человек с такими травмами на поврежденной лодке – в одиночку вы бы не справились.

Он покачал головой, сам не понимая, как это произошло.

– А что там со странной вещью, которую вы увидели, подплывая к Чертовой плотине?

Воспоминания Донта складывались не столько из движущихся образов, сколько из множества последовательных картин. Он отыскал одну: бледная луна над рекой. Потом другую: близкий массив плотины на фоне темнеющего неба. И там было что-то еще. Он напряженно сморщился, и это откликнулось болью в разбитом лице. Обычно его память, подобно фотографической пластине, отображала четкие очертания предметов, детали, оттенки, ракурсы. Но здесь он обнаружил только расплывчатое пятно. Это напоминало неудачную фотографию человека, который вместо того, чтобы замереть в определенной позе, беспрестанно шевелится во время пятнадцатисекундной выдержки, которая нужна для создания иллюзии мгновенного снимка. Как бы он хотел вернуться в прошлое и заново пережить тот момент, растянуть его и замедлить, чтобы мутное пятно на сетчатке успело превратиться в нечто узнаваемое!

Он раздраженно тряхнул головой и снова вздрогнул от боли.

– Это был человек? Возможно, кто-то видел, что случилось, и помог вам?

Могло такое быть? Он ответил слабым, неуверенным кивком.

– На берегу?

– Нет, на воде.

Вот в этом он был уверен.

– Может, речные цыгане? В это время года их полно в наших краях.

– Там было что-то одиночное.

– Гребная лодка?

– Нет.

– Баржа?

Для баржи объект был явно маловат, едва заметен...

– Может, плоскодонка? – Едва он высказал вслух эту догадку, как образ в его памяти несколько прояснился: то было низкое вытянутое судно с долговязой фигурой на корме...

– Да, похоже на то.

Он услышал смешок медсестры.

– Советую не напирать на это в разговорах с местными. Они подумают, что вы встретили Молчуна.

– Кого?

– Молчуна. Паромщика. Говорят, он спасает людей, попавших в беду на реке. Если только не настал их срок покинуть этот мир. Тех же, чей срок настал, он переправляет *на обратную сторону реки*.

Последние слова она произнесла комически-мрачным тоном.

Он усмехнулся, но боль в разорванной губе тотчас подавила смех.

Шаги. Влажная ткань, легонько прижатая к его лицу. И ощущение приятной прохлады.

– Лучше вам повременить с разговорами, – сказала она.

– Сами виноваты. Не надо было меня смешить.

Однако тема его заинтересовала.

– Расскажите мне про Молчуна.

Судя по звукам, она вернулась на свое место в кресле, где он и представил себе эту женщину – высокую, сильную, не очень привлекательную внешне, не старую и не молодую.

– Существует более дюжины версий этой истории. Я начну рассказ, а дальше уж как получится... Много лет назад, когда мостов через Темзу было меньше, чем сейчас, неподалеку отсюда жило семейство Молчунов. Так получилось, что все мужчины в их роду были немыми. Оттого их и прозвали Молчунами, а их настоящая фамилия со временем забылась. Они строили лодки на продажу, а также зарабатывали перевозом путников через реку напротив своей пристани – с другого берега их обычно подзывали криком. Их дом и лодочная мастерская передавались по наследству от отца к сыну на протяжении многих поколений, как и наследственная немота.

Вы можете подумать, что с таким недостатком сложно создать семью, но все Молчуны отличались незлобивым, покладистым нравом, а некоторым женщинам по душе тишина и покой. И в каждом поколении для них находились спутницы жизни, готовые мириться с безмолвием супруга и производить на свет следующее поколение лодочников, в котором все девочки обладали даром речи, а все мальчики были этого дара лишены.

Молчун, о котором пойдет речь в этой истории, имел дочь. Он ее боготворил, да и вся родня в ней души не чаяла. И вот однажды девочка пропала среди бела дня. Они искали ее повсюду, подняли на ноги соседей, и до глубокой ночи весь берег оглашался призывными криками ее матери и других людей. Но ее не нашли ни тогда, ни на следующий день. И только через три дня маленькое тело обнаружилось в заводи ниже по течению. Они ее похоронили, как положено.

Время шло своим чередом. Остаток зимы, весну, лето и осень отец девочки провел как обычно: строил плоскодонки, перевозил людей через

реку, а по вечерам курил трубку перед камином. Однако характер его немоты изменился. Если раньше за этим молчанием ощущались дружелюбие и добродушие, то теперь он был мрачнее тучи. Так миновал ровно год после исчезновения его дочери.

В этот день супруга Молчуна возвратилась домой с рынка и застала на крыльце путника. «Если хотите переправиться через реку, обратитесь к моему мужу. Он сейчас должен быть на пристани», – сказала она. Но путник (чрезвычайно бледный, как ей запоздало бросилось в глаза) ответил: «Я с ним уже повидался. Он довез меня до середины реки, а на самом глубоком месте передал мне шест и шагнул из лодки в воду».

Рита сделала паузу, чтобы глотнуть чая.

– И его призрак обитает в реке до сих пор? – спросил Донт.

– Это еще не конец истории. Три дня спустя, в полночь, жена Молчуна пролиwała слезы перед очагом, когда раздался стук в дверь. Она не представляла, кто может явиться в такой час. Может, кому-то до зарезу приспичило перебраться на другой берег? Она подошла к двери, но из предосторожности не стала ее отпирать.

«Уже слишком поздно, – сказала она. – Подождите до утра, и мой свекор вас перевезет». А в ответ раздалось: «Мама! Впусти меня! Тут очень холодно!»

Трясущимися руками она открыла засов и увидела на крыльце собственную дочь – ту, которую они похоронили год назад, – живой и невредимой. А за спиной девочки стоял ее отец, Молчун. Она сжала дочь в объятиях, настолько ошалев от радости, что в первую минуту даже не удивилась такому обороту событий. Но потом пришла мысль: «Этого не может быть». Женщина взяла девочку за плечи, отодвинула от себя на длину рук, взгляделась в ее лицо – да, это была та самая дочь, которую она потеряла двенадцать месяцев назад.

«Откуда ты взялась?» – изумленно спросила она.

«Из того места на обратной стороне реки, – ответила девочка. – Папа забрал меня оттуда».

Женщина перевела взгляд на своего мужа. Молчун стоял позади девочки, но не на крыльце, а на дорожке перед ним.

«Заходи, милый», – сказала она, распахивая дверь и жестом приглашая его в дом, где был разведен огонь, а его старая трубка, как обычно, лежала на каминной полке. Но Молчун не сдвинулся с места. Он был не похож на прежнего Молчуна, хотя трудно было сказать, в чем конкретно заключалась перемена. Возможно, стал более худым и бледным, а глаза потемнели по сравнению с их прежним цветом.

«Заходи же!» – вновь позвала она, но Молчун только покачал головой.

И тогда жена поняла, что он уже никогда не сможет вернуться к себе домой. Она быстро втянула дочку внутрь и закрыла дверь. Впоследствии многие люди встречали Молчуна на реке. Возвращение дочери имело свою цену, и он ее заплатил. С той поры ему суждено вечно плавать по реке и помогать попавшим в беду людям, доставляя их на берег, если еще не пришло их время умирать. А тех, чье время пришло, он перемещает в потусторонний мир, куда сам однажды отправился за своей дочерью и потом уже не смог вернуться.

Рассказчица и слушатель немного помолчали, ибо здесь напрашивалась пауза, а затем Донт произнес:

– Стало быть, мое время еще не пришло, раз Молчун доставил меня в Рэдкот.

– Да, если верить этой истории.

– А вы ей верите?

– Разумеется, нет.

– И все же история хорошая. Любящий отец спасает дочь ценой собственной жизни.

– Цена была еще выше, – сказала Рита. – Это стоило ему не только жизни, но и смерти. Теперь Молчуну вовеки не знать покоя. Он всегда будет существовать между двумя мирами, наблюдая за происходящим на их пограничье.

– Ладно, вы этому не верите, – сказал он. – А другие верят?

– Мастер Безант верит. Он утверждает, что лично видел паромщика, когда еще юнцом однажды поскользнулся и упал в воду с пристани. А сборщики салата думают, что Молчун оберегает их во время паводков, когда река затапливает прибрежные луга. Один из гравийщиков был настроен очень скептически вплоть до того дня, когда во время купания его нога запуталась в старой сети. Теперь он божится, что его освободил от пут именно Молчун.

Этот случай вновь напомнил Донту о девочке.

– Я посчитал ее мертвой, – сказал он. – Течение принесло ее прямо мне в руки, белую, холодную, с закрытыми глазами... Готов поклясться, она была мертва.

– И здесь все тоже так подумали.

– Но только не вы.

– И я в том числе. Я была в этом уверена.

Оба замолчали. У Донта уже были готовы новые вопросы, но он придержал язык. Что-то подсказывало ему, что можно будет узнать больше,

если подождать, когда Рита заговорит сама; и он оказался прав.

– Вы фотограф, мистер Донт, и, стало быть, человек научного склада ума. Я медсестра и тоже имею отношение к науке, но я не нахожу научного объяснения тому, с чем столкнулась прошлой ночью. – Рита говорила с подчеркнутым спокойствием, тщательно подбирая слова. – Она не дышала. Пульс отсутствовал. Зрачки были расширены. Тело уже остыло. Кожа побелела. По всем признакам, указанным в медицинских учебниках, она была мертва. Сомнений в этом у меня не оставалось. Я еще раз все перепроверила и могла со спокойной совестью уйти оттуда. Не знаю, почему я этого не сделала; меня словно что-то удерживало. Минуты две-три я простояла рядом, держа ее руку в своих и при этом пальцем касаясь запястья. И вот этим пальцем я вдруг что-то почувствовала. Что-то похожее на слабый толчок под кожей. Однако я знала, что такое невозможно, – ведь она была мертва. В принципе, можно спутать собственный пульс с пульсом пациента, потому что кровь пульсирует и в кончиках пальцев. Позвольте, я вам продемонстрирую.

Он услышал шуршание платья и звук шагов, когда Рита встала из кресла и подошла к кровати. Она взяла руку Донта и поместила ее между своими ладонями, при этом касаясь пальцами внутренней стороны его запястья.

– Вот сейчас я чувствую ваш пульс. – (Прикосновение заставило его сердце биться быстрее.) – Но в то же время чувствую и свой. На кончиках пальцев он еле различим, но это точно мой собственный пульс.

Он издал горловой звук, изображая понимание, и напряг все органы чувств, пытаясь уловить пульсацию ее крови. Но тщетно.

– Чтобы с этим разобраться, я сделала следующее... – Ее ладони исчезли, оставив руку Донта на покрывале; он огорчился, но тут же был вознагражден прикосновением к мягкой точке под ухом. – Это хорошее место для проверки пульса. Я плотно прижала пальцы, подождала с минуту. И ничего не почувствовала. Ничего, ничего, опять ничего. И я сказала себе, что это безумие: стоять в темноте и холоде, дожидаясь биения пульса у мертвого ребенка. И вдруг этот толчок повторился.

– Как медленно может биться сердце?

– Детские сердца работают быстрее, чем у взрослых. Сто ударов в минуту – это вполне нормально. Шестьдесят – уже опасное замедление. А сорок – это совсем плохо. При сорока дело идет к летальному исходу.

На внутренней стороне своих век он узрел собственные мысли, похожие на голубые клубящиеся облака. А чуть выше виднелись ее мысли, темно-бордовыми и зелеными полосами перемещавшиеся горизонтально

слева направо вдоль поля его зрения, как замедленные, целенаправленные разряды молний.

– Один удар в минуту... Я никогда не слышала о детском пульсе ниже сорока ударов в минуту, разве что когда он уже стремился к нулю.

Ее палец не прерывал контакта с его кожей. Но в любой момент она могла выйти из задумчивости и убрать его. Донт попытался удержать ее в этом состоянии.

– Если ниже сорока, они умирают?

– Да, по моему опыту.

– Но эта девочка не умерла.

– Она была живой.

– При одном ударе в минуту? Это невозможно.

– Но если она не могла быть живой и не могла быть мертвой, кем же она тогда была?

Голубые облака его мыслей рассеялись. Набухшие полосы цвета листвы и спелых слив сместились вправо за пределы видимости. Она разочарованно вздохнула, убрала палец от его шеи, и на экранах своих век он увидел взметнувшиеся бронзовые искры, как при подбрасывании углей в огонь.

Молчание прервал Донт:

– Она побывала там, где находится Молчун. Меж двух миров.

Вместо ответа раздалось фырканье, а затем короткий смешок.

Он также рассмеялся, но болезненное натяжение кожи превратило смех в стон.

– Ой! – вскричал он. – Ох!

Это переключило внимание Риты на пациента, и она вновь дотронулась кончиками пальцев до его кожи. И пока она промокала его лицо влажной прохладной тканью, Донт осознал, что в ходе этого разговора образ Риты Сандей в его представлениях изменился. Теперь в ней наметилось определенное сходство с Девами Судьбы из его снов.

Неужели все закончилось?

Зимний зал полнился голосами и был битком набит бражниками, многим из которых пришлось стоять, поскольку стульев на всех не хватило. Марго вышла из полутемного коридорчика, наткнулась на их спины и начала проталкиваться вперед со словами: «Расступитесь, пожалуйста, дайте дорогу». Люди пятились в стороны и освобождали проход, а сразу за Марго шел мистер Воган с девочкой на руках, завернутой в одеяло. Замыкала эту процессию миссис Воган, кивая налево и направо в порядке благодарности за поздравления.

При виде ребенка первые говоруны притихли. Другие, находившиеся дальше в зале, начали обращать внимание на внезапную тишину позади себя, оборачивались, замечали Марго с ее сопровождением и умолкали в свою очередь. Голова девочки лежала на плече Вогана, уткнувшись лбом ему в шею; глаза ее были закрыты. Судя по обмякшему телу, она спала. Тишина добиралась до самых дальних стен быстрее, чем продвигались вперед Воганы, и уже на середине их пути к двери стала такой же оглушительной, каким был недавний шум. Ближайшие зрители наклонялись, дальние вставали на цыпочки, чтобы получше разглядеть лицо спящей девочки, а за их спинами несколько человек с той же целью взобрались на столы и стулья. Марго уже не было нужды толкаться – проход перед ней освобождался сам собой, а когда Воганы достигли двери, там уже стоял наготове матрос, дабы услужливо распахнуть ее перед ними.

И они вышли наружу.

Марго кивком велела матросу закрыть дверь. Все замерли на своих местах. Там, где толпа расступилась, по-прежнему были видны доски пола. После нескольких секунд безмолвия и неподвижности раздалось покашливание, зашаркали ноги, толпа разом сомкнулась, и голоса зазвучали громче прежнего.

Около часа продолжалось обсуждение дневных событий во всех подробностях. Взвешивались и сопоставлялись факты, сдобренные предположениями, догадками и гипотезами, а добрая порция слухов и сплетен играла роль дрожжей для этого теста, чтобы оно хорошо поднялось.

Понемногу к ним пришло осознание того факта, что история разрастается. Теперь она принадлежала не только рэдкотскому «Лебедю», но и большому миру за его стенами. И бражники вспомнили об этом

внешнем мире: о своих женах и детях, о соседях и друзьях, многие из которых все еще ничего не слышали о Воганах и молодом Армстронге. И вот – сначала по одному или по двое, а затем уже массово – клиенты начали отбывать восвояси. Марго поручала относительно трезвым сопровождать самых пьяных на тропе вдоль реки, чтобы они не свалились в воду.

Когда закрылась дверь за последним из них и зимний зал опустел, Джо начал подметать пол. Он был еще слаб и часто останавливался передохнуть, опираясь на метлу. Джонатан принес охапку поленьев. Когда он складывал их в дровницу рядом с камином, Джо подметил в раскосых глазах сына нехарактерное для него меланхолическое выражение:

– В чем дело, сынок?

Мальчик вздохнул:

– Я хотел, чтобы она осталась с нами.

Отец улыбнулся и взъерошил его волосы:

– Знаю, что тебе этого хотелось. Но у нее есть своя семья.

Джонатан отправился за следующей охапкой, но у двери остановился, так и не успокоенный.

– Неужели все закончилось, папа?

– Закончилось?

Джонатан внимательно следил за тем, как его отец склоняет голову набок и устремляет взор в тот темный верхний угол, который якобы служил ему источником новых сюжетов. Затем он снова взглянул на Джонатана и покачал головой:

– Это только начало истории, сынок. Все еще впереди.

Часть 2

Что-то не сходится

Сидя на краю помоста, Лили пыталась засунуть правую ногу в ботинок. Придержала рукой язычок, чтобы он не сползал под шнуровкой, но при этом чулок собрался полудюжиной морщин на пятке, не давая ей плотно прилечь к заднику. Она вздохнула. Ботинки никогда не были с ней на дружеской ноге. Вечно старались как-нибудь подгадить. То жали в пальцах, то натирали пятки; и, сколько бы сухой соломы она ни набивала в них по вечерам, утром они всегда были сырыми и холодными. Она вытащила ногу обратно, расправила чулок и приступила к следующей попытке...

Когда с надеванием обуви было покончено, Лили застегнула пальто и обмотала шею шарфом. Перчатками она не пользовалась за неимением таковых. На улице стужа быстро просочилась под худую одежонку и начала колоть ее кожу леденистыми иглами, но Лили не обращала внимания. Она давно к этому притерпелась.

Ее утренний ритуал никогда не менялся. Сначала она вышла к реке. В этот день уровень воды – не очень высокий, но и не низкий – соответствовал ее ожиданиям. Ни гневливого бурления, ни опасной, обманчивой вялости. Река текла себе мимо, без рева или напряженного шелеста, и не плевалась брызгами на подол ее юбки. Равномерный, спокойный, сосредоточенный на собственном движении поток не проявлял ни малейшего интереса к Лили и ее сухопутным делам. Она отвернулась от реки и пошла к сараю, кормить свиней.

Лили наполнила одно ведро зерном, а другое – пойлом с отрубями. В воздухе разлился сладковатый гниlostный аромат. Свинья, как всегда, приблизилась к невысокой перегородке и, задрав рыло, начала тереться о жердину. Лили почесала ее за ушами. Свинья довольно хрюкнула, глядя на нее из-под рыжих ресниц. Лили подняла ведра и, пошатываясь от тяжести, перенесла их к загончику с задней стороны сарая. Поочередно опорожнила ведра в кормушки и закрыла дощатую дверцу загона. Потом достала из кармана свой завтрак – наименее испорченное яблоко с верхней полки в сарае – и вонзила в него зубы. Почему бы не позавтракать тут же, за компанию? Первым наружу явился хряк – обычное дело, самцы всюду лезут вперед – и сразу зачавкал, уткнувшись рылом в корыто. Свинья вышла следом, все так же поглядывая на Лили, которая привычно задалась вопросом: что мог означать этот взгляд? Очень странный, почти

человеческий, словно животное хотело что-то ей сообщить.

Лили доела мякоть яблока и незаметно от хряка зашвырнула огрызок подальше внутрь загона. Свинка бросила на нее последний взгляд, выражавший непонятно что – сожаление? разочарование? сочувствие? – а затем ковырнула пяточком грязь, и огрызок исчез в ее пасти.

Лили очистила ведра от остатков корма и отнесла их обратно в сарай. Небо совсем посветлело, и ей пора было отправляться на работу в дом пастора, но оставалось еще одно дельце. Переложив несколько поленьев в штабеле, она добралась до одного в третьем сверху ряду. Вроде бы самое обыкновенное полено, да только с тыльной стороны в нем было дупло, из которого Лили вытряхнула на ладонь несколько монет. Аккуратно восстановив поленицу в прежнем виде, она вернулась в дом и вынула из печной стенки незакрепленный кирпич, внешне неотличимый от остальных. За кирпичом имелся небольшой тайник. Она спрятала туда деньги, воткнула кирпич на место и удостоверилась, что он не выделяется на общем фоне кладки. Выходя, притворила за собой дверь, но не заперла ее – по той простой причине, что ни замка, ни ключа там не было. Все знали, что в доме Лили Уайт ничем стоящим не поживишься. Теперь можно было и уходить.

Дул резкий холодный ветер, но среди черноты голой почвы и ржавой желтизны остатков прошлогодней растительности уже проглядывала первая молодая зелень. Лили шагала быстро, благо затвердевшая на морозе слякоть не могла промочить ее ноги сквозь дыры в ботинках. Приближаясь к Баскоту, она все чаще поглядывала через реку на усадьбу Воганов. Там было безлюдно.

«Она, должно быть, сейчас в доме, греется у огня», – подумала Лили, представив себе гостиную, массивный камин и пляшущее в нем яркое пламя.

– Только не лезь близко к огню, Анна, – шепотом предупредила она. – Обожжешься.

Впрочем, там наверняка есть ажурный каминный экран – богатеи могут себе такое позволить. Она кивнула своим мыслям. Да, это хорошо. Она представила Анну в синем бархатном платье – нет, в шерстяном, оно теплее. В своем воображении Лили свободно разгуливала по роскошному особняку, где в действительности не бывала ни разу. Детская находится на втором этаже, и там тоже растоплен очаг, хорошо прогревающий комнату. Матрас на кровати набит не соломой, а чистой овечьей шерстью. Одеяла там толстые, теплые и – красные? Да, ярко-красные, а на подушке лежит кукла с косичками. Пол покрыт турецким ковром, и Анна не застудит босые

ноги, вставая по утрам с постели. Кладовая в том доме наполнена копченостями, душистыми яблоками и сырами; тамошняя кухарка мастерица готовить варенья и печь пироги; в чуланчике рядом стоят кувшины с медом, а в буфете – полдюжины банок с леденцовыми палочками в желто-белую полоску.

Лили мысленно обследовала новое жилище Анны и осталась довольна увиденным. Воображаемые интерьеры Баскот-Лоджа уступили место реальному миру лишь перед самой дверью пасторского дома.

«Все правильно, – подумала она. – Анна должна жить с Воганами в Баскот-Лодже. Там она будет в безопасности. Может, даже будет счастлива. Так будет лучше для нее».

Священник находился в своем кабинете. Лили явилась позже обычного, но не слишком поздно – потрогав чайник, она убедилась, что пастор еще не заваривал свой чай. Сняв треклятые ботинки, она сунула ноги в серые войлочные тапки, которые дожидались ее под кухонным шкафом. Вот в этой обуви ей было комфортно. В свое время, более-менее освоившись здесь после двух месяцев работы, она попросила разрешения завести домашнюю обувь. «Я буду прятать тапочки под шкафом, чтобы никому не мозолили глаза, – пообещала она пастору. – Кроме того, мягкая обувь будет меньше истирать ваши ковры». Получив его согласие и небольшую сумму из ее собственных сбережений, которые пастор хранил у себя, Лили сразу же отправилась в лавку и вернулась оттуда с удачным приобретением. Порой у себя в лачуге, когда ее терзали холод и страх перед призраками, она вспоминала о серых войлочных тапках под шкафом в пасторской кухне, и от одной мысли о них ей становилось теплее и уютнее.

Лили вскипятила воду, сервировала чайный поднос и, когда все было готово, постучалась в дверь кабинета.

– Войдите!

Священник склонился над письменным столом, обратив ко входу плешивую макушку, и покрывал лист бумаги словами с быстротой, которая неизменно поражала Лили. Добравшись до конца предложения, он поднял голову:

– А, миссис Уайт!

Это приветствие было одной из самых приятных вещей, происходивших с ней на службе у пастора. Он никогда не употреблял безличные «Доброе утро!» или «Добрый день!», а всегда «А, миссис Уайт!». И это «Уайт» в устах священника звучало как благословение.

Она поставила поднос на стол:

– Приготовить вам тосты, преподобный отец?

– Да, хорошо, но попозже. – Он прочистил горло и продолжил уже другим тоном: – Миссис Уайт...

Лили вздрогнула, а озабоченное выражение на добродушном лице пастора лишь усугубило ее тревогу.

– Что за странные слухи дошли меня про вас и ту девочку в «Лебеде»?

Сердце замерло в груди Лили. Что ему ответить? Удивительное дело: вроде бы все проще простого, но так трудно сказать это вслух. Она несколько раз открывала рот, но не издала ни звука.

И вновь заговорил пастор:

– Насколько я понял, вы заявили в «Лебеде», что она ваша сестра?

Голос его был мягок, но легкие Лили как будто окостенели от ужаса. Она начала задыхаться. Но потом все же смогла глотнуть воздуха, и на выдохе слова полились потоком.

– У меня и в мыслях не было ничего дурного, не увольняйте меня, пожалуйста, преподобный отец. Больше я никого не побеспокою, честное слово.

Озабоченности во взгляде пастора не убавилось.

– Полагаю, это значит, что девочка не приходится вам родней? То есть мы можем считать случившееся простым недоразумением?

Его губы сложились в подобие улыбки – неуверенной, пробной улыбки, но она была готова превратиться в настоящую, если только Лили кивнет в знак согласия.

Лили не любила врать. Ей много раз приходилось это делать, но она так и не привыкла ко лжи, не научилась врать убедительно и, главное, терпеть не могла это делать. У себя в лачуге это было бы еще куда ни шло, но здесь, в пасторском доме – который хоть и не был в полной мере домом Господним, но святостью уступал только храму, – ложь казалась гораздо большим грехом. Лили не хотела лишиться работы... Она долго колебалась между правдой и ложью, будучи не в состоянии трезво оценить опасности того и другого, но под конец ее природа взяла верх.

– Это действительно моя сестра.

Лили опустила взгляд. Из-под края юбки выглядывали носки войлочных тапок. На глаза навернулись слезы, и она вытерла их тыльной стороной кисти.

– Это моя единственная сестра, ее зовут Анна. Я узнала ее, пастор Хабгуд.

На смену первым слезам пришли новые, слишком обильные, чтобы их утирать. Они капали со щек и оставляли темные пятна на войлочных

тапках.

– Ну-ну, успокойтесь, миссис Уайт, – произнес пастор не вполне спокойным голосом. – Почему бы вам не присесть?

Лили покачала головой. За все время службы в пасторском доме она ни разу не позволила себе сесть. Она здесь работала; она стояла, ходила, ползала на коленях с половой тряпкой; она носила, скребла и мыла, и все это давало ей ощущение принадлежности к месту. Но, сев на стул, она уравнила бы себя с обычными прихожанами, нуждающимися в помощи.

– Нет, – пробормотала. – Нет, благодарю вас.

– Раз так, я тоже постою с вами за компанию.

Священник поднялся, вышел из-за стола и задумчиво посмотрел на свою экономку:

– Давайте обсудим это вместе, вы не против? Как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Начнем с вашего возраста. Сколько вам лет, миссис Уайт?

Лили уставилась на него в замешательстве:

– Я... я не могу сказать точно. Помнится, мне было тридцать с чем-то, но с тех пор прошло несколько лет. Думаю, мне сейчас за сорок.

– Хм. А сколько, по-вашему, лет той девочке из «Лебедя»?

– Четыре года.

– Вы очень уверенно это сказали.

– Потому что таков ее возраст.

Пастор поморщился:

– Допустим, вам сорок четыре года, миссис Уайт. Точно мы не знаем, но, если вы говорите, что вам идет пятый десяток, сорок четыре года – это вполне допустимо. Вы согласны? В качестве приемлемого варианта?

Она кивнула, не понимая, к чему он клонит.

– Разрыв между четырьмя и сорока четырьмя составляет сорок лет, миссис Уайт.

Она нахмурила брови.

– Сколько лет было вашей матушке, когда она вас родила?

Лили задрожала.

– Ладно, попробуем по-другому. Когда вы в последний раз видели свою маму? Давно или сравнительно недавно?

– Давно, – прошептала она.

Пастор, предчувствуя впереди очередной тупик, выбрал новый маршрут:

– Предположим, ваша мать родила вас в шестнадцатилетнем возрасте. Тогда эту девочку она должна была бы родить сорок лет спустя, в свои

пятьдесят шесть. То есть будучи на двенадцать лет старше, чем вы сейчас.

Лили моргала, пытаясь понять, к чему он забивает ей голову всеми этими цифрами.

– Догадываетесь, что я хочу сказать, приводя эти вычисления, миссис Уайт? Эта маленькая девочка *не может* быть вашей сестрой. Чтобы женщина имела двух дочерей с такой большой разницей в возрасте – это невероятно, это практически невозможно.

Лили смотрела вниз, на свои тапочки.

– А как насчет вашего отца? Сколько ему лет?

Лили вздрогнула:

– Он умер. Много лет назад.

– Что ж, тогда давайте посмотрим фактам в лицо. Ваша мать не могла родить эту девочку, для этого она была бы слишком старой. А ваш отец давно умер, так что и он не мог произвести ее на свет. Таким образом, она не может быть вашей сестрой.

Лили не отрывала взгляда от мокрых пятен на своих тапочках.

– Она моя сестра.

Пастор устало вздохнул и оглядел комнату в поисках нового источника вдохновения. Но увидел только свою недописанную проповедь на столе.

– Вам известно, что девочка поселилась в Баскот-Лодже с мистером и миссис Воган?

– Да, я это знаю.

– Если вы и впредь будете утверждать, что она ваша сестра, ничем хорошим это не закончится, миссис Уайт. И уж точно это не пойдет на пользу самой девочке. Подумайте об этом.

Лили вспомнила красные одеяла и полосатые желто-белые леденцовые палочки. И наконец-то подняла голову:

– Я это знаю. И я рада, что она там. Воганы могут позаботиться об Анне лучше, чем смогла бы я.

– Девочку зовут Амелия, – мягко поправил ее пастор. – Это их дочь, которая была похищена два года назад.

Лили растерянно заморгала.

– Пусть называют ее как хотят, – сказала она. – Я никому не доставлю неприятностей. Ни Воганам, ни ей.

– Вот и славно, – промолвил пастор, но морщины на его лбу так и не разгладились. – Вот и славно.

Разговор, похоже, подошел к концу.

– Вы меня уволите, преподобный отец?

– Уволить? Боже мой, нет!

Она сложила руки в районе сердца и неловко поклонилась – для реверансов ее колени были недостаточно гибкими.

– Благодарю вас, преподобный. В таком случае могу я заняться стиркой?

К тому моменту пастор уже вернулся за стол и начал просматривать написанный текст.

– Стиркой?.. Да, миссис Уайт.

Она постирала белье (а также погладила простыни, заправила постель, подмела полы, выбила пыль из ковриков, отмыла налет с кафельной плитки, наполнила поленьями обе дровницы, выгребла золу из очага, стерла пыль с мебели, вытряхнула шторы, взбила подушки, прошлась мягкой метелочкой по картинам и рамам, до блеска начистила с уксусом все краны, приготовила пастору обед, оставив его на столе под салфеткой, вымыла плиту и навела идеальный порядок в кухне), после чего вновь постучалась в дверь кабинета.

Священник отсчитал недельную плату, выкладывая деньги ей на ладонь. Лили оставила себе несколько монет, а остальные, как обычно, вернула на хранение хозяину дома. Он достал из ящика письменного стола жестяную коробку со сбережениями Лили, открыл ее и развернул лежавший поверх денег листок бумаги. Там были отмечены все ее взносы с указанием дат – как пастор когда-то, еще в самом начале, объяснил Лили. Он сделал запись под сегодняшним числом и подвел промежуточный итог:

– Получается кругленький капиталец, миссис Уайт.

Она кивнула и коротко, нервно улыбнулась.

– У вас нет намерения потратить часть этих денег? Например, купить пару перчаток? На улице сейчас очень холодно.

Она покачала головой.

– Что ж, тогда попробуем что-нибудь вам подыскать... – Он ненадолго покинул комнату и, вернувшись, протянул ей шерстяные перчатки. – Старые, но еще могут сослужить службу. Ни к чему им пылиться здесь без пользы, когда у вас мерзнут руки. Вот, берите.

Она взяла и осмотрела перчатки, связанные из толстой зеленой шерсти и прохудившиеся лишь в двух-трех местах. Эти дырочки легко можно было заштопать. Она уже заранее чувствовала, как тепло будет ее рукам во время утренних стояний у кромки воды.

– Спасибо, преподобный отец, вы очень добры. Но я все равно их где-нибудь потеряю.

Она положила перчатки на угол стола, попрощалась и вышла.

Обратный путь вдоль берега до лачуги получился более долгим, чем обычно. Ей пришлось заглянуть во множество мест, собирая объедки для свиней, притом что ее ноги страдальчески реагировали на каждый новый шаг. Руки, конечно же, замерзли. В детстве у нее имелись варежки. Ее мама связала их из алой пряжи и соединила длинным шнурком, продетым через оба рукава, чтобы их невозможно было потерять. Но Лили все равно их лишилась. Нет, не потеряла – их у нее отобрали.

До лачуги она доковыляла уже в сумерках, промерзшая до костей. Болела каждая частица тела, способная испытывать боль. Мимоходом она взглянула на нижний водомерный столб. Река поднялась за время отсутствия Лили, злонамеренно продвинувшись на несколько дюймов ближе к ее дому.

Она покормила свиней, вновь почувствовала на себе взгляд рыжей свиньи, но была слишком утомлена в этот вечер, чтобы гадать о настроениях домашней живности. И за ушами свинью чесать не стала, хотя та фыркала и хрюкала в попытках привлечь ее внимание.

Ведра в сарае, утром ею опустошенные, теперь уже не были пустыми – в них обнаружилась дюжина заткнутых пробками бутылок.

В тревоге она приблизилась к лачуге, приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Никого. Она проверила тайник за кирпичом. Ни единой монетки. Значит, он здесь побывал. И уже ушел.

Лили собралась зажечь свечу – хоть огонек составит компанию, – но в подсвечнике ее не оказалось. Как не оказалось и куска сыра, которым она рассчитывала поужинать, а от краюхи хлеба осталась только черствая корочка.

Она села на ступеньку помоста, чтобы снять обувь. Как обычно, с этим пришлось помучиться. А потом она, в пальто и чулках, еще долго сидела там, созерцая невысыхающее пятно от речной воды, бесконечно струившейся на пол с одежды ее призрачной сестры.

Лили всегда была тугодумкой, с самого раннего детства. Она позволяла жизни течь своим чередом, а сама просто плыла по течению, заботясь только о насущно необходимых мелочах. Все события, все повороты ее судьбы ни в коей мере не были результатами целенаправленных действий Лили, а происходили по воле случая, направлялись десницей Господа – чьи пути, как известно, неисповедимы – или же зависели от решений других людей. Она впадала в панику при каждой такой перемене и безропотно подчинялась ходу вещей. На протяжении многих лет она смела надеяться лишь на то, что дела не пойдут

еще хуже, но и эти скромные надежды, как правило, не оправдывались. Осмысление пережитого давалось ей с трудом. И вот сейчас, когда она оправилась от первого шока после внезапного возвращения Анны, в глубинах ее сознания попытался оформиться вопрос.

Анна из ее кошмаров была злобной, мстительной фурией с темным взором и гневно указующим перстом. Но Анна в рэдкотском «Лебеде» – и Анна из ее недавних видений в интерьере дома Воганов – была совсем другой. Она была спокойной. Она не таращила глаза, не тыкала в Лили пальцем, не корчила свирепые рожи. Судя по ее виду, она не желала зла Лили, да и вообще никому не желала зла. Эта вернувшаяся Анна куда больше походила на прежнюю Анну из ее воспоминаний.

Два часа просидела она на ступеньке. Небо за окном темнело, шум реки стоял у нее в ушах. Она думала о той Анне, что явилась из реки воплощением ужаса, который по капле стекал с нее на доски пола. Она думала о другой Анне, в синем шерстяном платье сидевшей перед камином в Баксот-Лодже. Но к тому времени, когда мокрое пятно на полу растворилось в общем сумраке, ее недоумение так и не смогло оформиться в конкретный вопрос, а говорить о каких-либо ответах и вовсе не приходилось. И когда она, с трудом распрямив затекшее тело, поднялась, чтобы снять пальто и улечься на соломенный тюфяк, единственным плодом ее раздумий было признание абсолютной непостижимости этой тайны.

Материнский взгляд

Что-то случилось, потом случилось еще кое-что, а потом начали случаться всевозможные вещи, ожидаемые и неожиданные, заурядные и необыкновенные. Одним из вполне ожидаемых и заурядных последствий случившегося в «Лебеде» стала дружба, которая завязалась между Ритой и миссис Воган. Все началось однажды со стука в ее дверь, отворив которую она увидела мистера Вогана.

– Хочу поблагодарить вас за все сделанное той ночью. Если бы не вы, если бы не ваши умелые действия – страшно даже подумать, что было бы тогда. – Он положил на ее стол конверт. – Это в знак нашей благодарности!

Затем он пригласил ее в Баскот-Лодж, чтобы еще раз проверить состояние здоровья девочки.

– Мы съездили в Оксфорд к врачу, и тот нашел ее совершенно здоровой, но все же, думается, еженедельное обследование не повредит, как по-вашему? На этом настаивает моя супруга – хотя бы ради нашего с ней душевного спокойствия.

Рита согласовала с ним день и час, а после его ухода вскрыла конверт. Вознаграждение оказалось достаточно щедрым, чтобы продемонстрировать богатство Воганов и ценность жизни их дочери, но и не настолько большим, чтобы вызвать чувство неловкости у получателя. Словом, сумма была в самый раз.

День ее визита в Баскот-Лодж выдался очень дождливым и ветреным. Порыв за порывом тугие струи секли поверхность реки, изменяя ее характер и структуру. По прибытии к Воганам ее препроводили в симпатичную гостиную: солнечно-желтые обои радовали глаз, мягкие кресла были развернуты к уютному огню, большое эркерное окно выходило в сад. Миссис Воган растянулась на ковре перед камином и показывала девочке книгу с картинками. Завидев Риту, она встала одним энергичным движением и взяла ее руки в свои:

– Как нам вас отблагодарить? Оксфордский врач задавал те же самые вопросы, что и вы, а все его действия при обследовании полностью совпали с вашими. Я тогда сказала мужу: «Ты понимаешь, что это значит? Выходит, Рита ничем не хуже дипломированного доктора! Надо будет с ней договориться о визитах раз в неделю, чтобы следить за состоянием девочки». И вот сейчас вы здесь!

– Вполне естественно, что после всего случившегося вы хотите

перестраховаться.

У Хелены Воган никогда не было близкой подруги. Редкие посиделки в гостиных со взрослыми женщинами не вызывали у нее никакого энтузиазма. Благопристойность и светские манеры не годились для девчонки, с утра до вечера пропадавшей на реке или на лодочном пирсе, и как раз это привлекло к ней внимание Вогана – ее непосредственность и тяга к здоровым развлечениям под открытым небом напомнили ему девочек, с которыми он рос в новозеландской глубинке. Но интересы Риты простирались далеко за пределы общения в гостиных, и Хелена тотчас это почувствовала. Несмотря на дюжину лет разницы и множество других несовпадений, общаться с Ритой ей было легко и приятно – как и Рите с ней.

Девочка – сейчас такая нарядная, в синем платье с белым воротником, в сине-белых вышитых тапочках, – быстро повернулась на звук открывающейся двери, словно кого-то ждала, но при виде Риты вспыхнувший было в ее глазах огонек угас, а внимание переключилось обратно на картинку.

– Вы продолжайте заниматься книгой, а я тем временем проверю ее пульс, пока она в состоянии покоя, – предложила Рита. – Хотя в этом и нет особой нужды – сразу видно, что девочка вполне здорова.

Она была права. Некогда тусклые волосы теперь шелковисто блестели, а некогда бледные щеки слегка, но все же заметно порозовели. Она лежала на животе рядом с миссис Воган, упираясь локтями в пол и согнув ноги в коленях, так что ее вышитые тапочки покачивались в воздухе. Она не издала ни звука, но с явным интересом разглядывала картинку и слушала пояснения миссис Воган.

Присев в ближайшее кресло, Рита в наклоне дотянулась до запястья девочки. Та взглянула на нее с удивлением, но вскоре уже вновь смотрела в книгу. Ее кожа была теплой на ощупь, а пульс – ровным и четким. Рита считала удары, следя за стрелкой своих часов, и тут же невольно пробудилось воспоминание о том, как она задремала в кресле с этой девочкой на коленях.

– Все в полном порядке, – сказала она, отпуская теплую маленькую руку.

– Задержитесь еще ненадолго, – попросила Хелена. – Сейчас кухарка принесет яйца всмятку и тосты. Не составите нам компанию за столом?

В ходе завтрака они продолжали обсуждать здоровье девочки.

– Как я поняла со слов вашего супруга, она до сих пор не заговорила?

– Пока нет. – В голосе миссис Воган не слышалось беспокойности. –

Оксфордский доктор сказал, что голос к ней вернется. Это может занять до полугода, но все будет хорошо.

Рита прекрасно знала, что врачи крайне неохотно употребляют фразу: «Не знаю». Если у них нет правильного ответа, они скорее дадут заведомо неправильный, чем откажутся отвечать совсем. Но миссис Воган она этого не сказала.

– А до похищения Амелия разговаривала?

– О да. Лопотала, как многие малыши в двухлетнем возрасте. Посторонним было трудно ее понять, но мы-то всегда понимали друг друга, верно, Амелия?

Разговаривая, Хелена не сводила глаз с девочки и не переставала улыбаться независимо от смысла сказанного, – похоже, она чувствовала себя счастливой от одного лишь вида дочери. Она нарезала тост узкими ломтиками, которые было удобнее макать в яичный желток. Девочка поглощала пищу серьезно и деловито. Когда весь желток был вычищен, Хелена вложила в детские пальцы ложечку, и Амелия принялась неловко ковырять белок на внутренних стенках скорлупы. Хелена с огромным удовлетворением наблюдала за ее действиями, а улыбка оставалась неизменной и в те моменты, когда она поворачивалась лицом к Рите. Та полностью разделяла радость матери, любующейся своим чадом, но, когда эта улыбка адресовалась и ей, к радости примешивалось недоброе предчувствие. В обычной ситуации было бы очень приятно видеть молодую женщину такой счастливой, особенно после тяжелой депрессии, но в данном случае Рита испытывала что-то больше похожее на страх. Ей совсем не хотелось омрачать настроение миссис Воган, однако чувство долга побудило ее напомнить о сложностях, связанных с этим делом.

– Есть какие-нибудь новости о мистере Армстронге и его пропавшей дочери?

– Бедный мистер Армстронг. – Миловидное лицо Хелены омрачилось. – Очень ему сочувствую. А новостей о той девочке нет никаких.

Судя по печальному вздоху, ее сочувствие было искренним, но в то же время Рите показалось, что она не видит ни малейшей связи между горем Армстронга и своей радостью.

– Как думаете, отец переживает это так же, как мать? – спросила Хелена. – Я говорю о потере ребенка. О неведении.

– Ну, это смотря какой отец. И смотря какая мать.

– Пожалуй, вы правы. Мой папа был бы в отчаянии, если бы я пропала. И мистер Армстронг показался мне очень... – Она запнулась,

подыскивая слово. – Очень чувствительным молодым человеком. Вы со мной согласны?

Рите вспомнился его спокойный пульс во время давешней сцены в трактире:

– Об этом трудно судить по одной встрече с человеком. Вероятно, в те минуты никто из нас не владел собой в полной мере. Вы виделись с ним потом?

– Он приходил сюда, чтобы снова посмотреть на девочку, уже менее пристрастным взглядом.

Последние слова она произнесла с ноткой сомнения.

– Ну и как? Смог он окончательно определиться?

– В этом я не уверена, – задумчиво ответила Хелена, а потом быстро взглянула на Риту и понизила голос. – Вы знаете, что его жена утопила ребенка? После чего приняла яд. По крайней мере, так говорят местные. – Она тяжело вздохнула. – Рано или поздно ее найдут. Я так и сказала Энтони: она должна быть найдена, только тогда для мистера Армстронга этот вопрос будет закрыт.

– Но поиски слишком затянулись. Вы думаете, еще есть шансы на успех?

– Они обязаны это сделать. Иначе бедняга так и продолжит мучиться неизвестностью. Понятно, что живой ее найдут вряд ли. Сколько недель прошло? Четыре? – Она произвела подсчет в уме, по-детски загибая пальцы. – Почти пять. Хотелось бы надеяться на лучшее, но... На мой взгляд – могу я быть с вами откровенной?

Рита кивнула.

– На мой взгляд, он не желает мириться с фактом гибели Алисы и, чтобы избавиться себя от терзаний, цепляется за мысль, что Амелия может быть его дочерью. Несчастный...

– Больше он у вас не появлялся?

– Ну как же, появлялся. Дважды. Через десять дней после того визита и потом еще раз через десять дней.

Рита молчала, не торопясь с комментариями, и Хелена продолжила:

– Оба раза внезапно, без предупреждения. Но не давать же ему от ворот поворот? В смысле – разве могли мы так поступить? Они с мужем выпили по бокалу портвейна, мы поболтали о том о сем, и он не упоминал в разговоре Амелию, но, когда она вошла в комнату, так и впился в нее глазами... Однако он не говорил, что пришел ради нее. Объявился как бы мимоходом, этак запросто, словно мы давние хорошие знакомые... Что нам оставалось, как не пригласить его в дом?

– Понимаю.

– И вот сейчас, полагаю, мы действительно стали его знакомыми – во всяком случае, так это выглядит.

– Значит, он не заводил речь об Амелии? Или об Алисе?

– Он говорил об урожае, о лошадях, о погоде. Это раздражает Энтони – ему не по нутру праздная болтовня, – но что мы можем сделать? Не выставлять же за дверь человека, когда у него такая душевная травма.

– Мне это кажется несколько странным, – призналась Рита.

– Не вам одной так кажется, – сказала Хелена, а в следующий миг снова расплылась в улыбке при взгляде на девочку и принялась вытирать салфеткой остатки еды с ее губ. – Что теперь? Не составите нам компанию на прогулке? – спросила она.

– Мне пора домой. Если кто-нибудь заболит и пришлет за мной...

– В таком случае мы прогуляемся вместе в сторону вашего дома. Это по дороге вдоль реки, а мы любим гулять у реки, правда, Амелия?

При упоминании реки девочка – которая по завершении трапезы откинулась на спинку стула и сидела с безучастным, сонливым видом – мгновенно оживилась. Где бы ни блуждали ее мысли перед тем, сейчас она обрела цель и приступила к действиям, первым делом соскользнув со стула.

Как только они покинули дом, направляясь через сад к реке, девочка умчалась вперед.

– Она любит реку, – сказала Хелена. – В детстве я была такой же. И мой отец тоже. Я вижу в Амелии много общего с ним. Каждый день мы приходим сюда, и она сразу бежит к воде.

– Значит, она совсем не боится воды? После того несчастного случая?

– Ни капельки. Это ее стихия. Сами увидите.

Действительно, когда они подошли к реке, девочка стояла на самой кромке берега – стояла прочно, удерживая равновесие, но при этом находясь как можно ближе к струящейся воде. У Риты возникло инстинктивное желание схватить ее за воротник, чтобы предохранить от падения. Хелена рассмеялась:

– Она рождена для этого. Я же сказала, это ее стихия.

И действительно, все ее внимание было сосредоточено на реке. Она смотрела куда-то вверх по течению, чуть приподняв брови и открыв рот. Рита попыталась понять, что скрывается за этим взглядом. Может быть, ожидание? Девочка повернула голову в другую сторону и оглядела горизонт ниже по течению. Что бы она ни надеялась там увидеть, ее ждало разочарование, явственно отразившееся на лице. Но она тут же приободрилась и побежала вдоль берега к ближайшей излучине.

Миссис Воган не спускала глаз с девочки все это время, разговаривая о своем муже, об отце или о чем-либо еще. Это был мощный поток любви, нежности и счастья, и, когда она на миг отвлекалась, чтобы взглянуть на Риту, поток между делом омывал и ее, с ног до головы. Нечто похожее она испытывала, глядя в глаза пациента, получившего ударную дозу морфина, или пьянчуги, перебравшего крепкого самогона в немаркированных бутылках, торгующая которым с недавних пор цвела в округе пышным цветом.

Они двинулись в направлении дома Риты. Девочка снова убежала вперед, а Хелена, убедившись, что она не сможет их услышать, перевела разговор в иную плоскость:

– Та история, которую рассказывают в «Лебеде»... что она была мертвой, а потом ожила...

– И что?

– По словам Энтони, в «Лебеде» особая публика – они там все завязтые выдумщики, всегда готовые увидеть что-то необычное в любом событии, а потом еще сильнее переиначить это в своих рассказах. Он говорит, что со временем все утрясется и забудется. Но меня беспокоит эта история. А вы что скажете?

Рита задумалась. Стоило ли давать еще один повод для волнений женщине, и без того предельно озабоченной судьбой своего ребенка? С другой стороны, она всегда была против «утешительной лжи», практикуемой многими врачами. Вместо этого она старалась облекать правду в такие выражения, чтобы пациент при желании мог отыскать в ее словах то, что ему хотелось услышать. После того люди могли задать уточняющие вопросы, а могли удовольствоваться и этим. Все зависело от них самих. И сейчас она прибегла к той же стратегии. Паузу, необходимую для обдумывания, она замаскировала преувеличенным вниманием к подолу своей юбки, обходя грязевую лужу. А когда была готова, дала тщательно сформулированный правдивый ответ:

– Ее спасению из реки в самом деле сопутствовали необычные обстоятельства. И люди в трактире решили, что она мертва. Ее кожа была очень бледной. Зрачки оставались расширенными независимо от освещения. Пульс не прощупывался. Признаки дыхания также отсутствовали. Все это я отметила и сама, когда туда прибыла. Сначала я не нашла пульс, но потом мне это удалось. Все-таки она была жива.

В ходе этого краткого отчета она следила за реакцией Хелены. Там были недосказанности, которые слушатель мог заметить, а мог пропустить или же домыслить самостоятельно. Могли возникнуть дополнительные

вопросы. Например: «Что это за дыхание, если его признаки отсутствуют?» Или: «Так пульс был или его не было, если он сначала не прощупывался?» И еще слово «потом», которое она использовала вместо более выразительного «наконец-то»: «Сначала я не нашла пульс, но *потом* мне это удалось». Если речь идет о секундах, это вполне безобидное слово. А если прошли минуты? Что из этого следует?

Но Хелена мыслила не в стиле Риты и восполняла недосказанное на свой лад. Идя рядом, Рита по мимике спутницы могла судить о том, как в ее голове созревают выводы; а материнский взгляд тем временем не отрывался от девочки, которая уверенно шагала впереди, не обращая внимания на порывы ветра с дождем. Она была жива, что не подлежало сомнению; и для Хелены один этот факт легко перевешивал все остальные.

– Выходит, они сочли Амелию мертвой, но это было не так. Они ошиблись. А потом состряпали из этого историю.

Судя по категоричному тону, подтверждения ей не требовалось. И Рита промолчала.

– Представить только, что она была так близка к смерти! Что она нашлась и едва не была потеряна вновь! – Она на миг отвлеклась от созерцания девочки, чтобы одарить взглядом Риту. – Хвала небесам, что там оказались вы!

Они приближались к коттеджу Риты.

– Сегодня нам нужно вернуться домой пораньше, – вспомнила Хелена. – После обеда придет мастер устанавливать замки на окна.

– На окна?

– У меня такое чувство, будто за девочкой следят. Предосторожности не бывают лишними.

– К ней многие проявляют интерес, это естественно. Понемногу их любопытство угаснет.

– Я не говорю о ее появлениях на людях. Подглядывают, когда она гуляет в саду или у реки. Тайком.

– Вы кого-нибудь заметили?

– Нет. Но готова поклясться, кто-то там есть.

– О похитителях ничего нового, полагаю? Ее возвращение никому не развязало язык?

Хелена покачала головой.

– У вас есть какие-нибудь догадки насчет того, где она провела последние два года? Поговаривали о причастности к этому речных цыган. Полиция обыскивала их лодки, насколько мне известно.

– Да, они делали это всякий раз, как удавалось их задержать. Но

ничего не обнаружили.

– Но она нашлась как раз в то время, когда цыгане вновь объявились на реке...

– Судя по ее неумелому обращению с ножом и вилкой, можно предположить, что она провела это время с цыганами. Но, если честно, мне даже думать об этом не хочется.

Ветер сдувал с гребней волн пену и мелкие брызги, которые после недолгого полета покрывали поверхность реки беспрестанно меняющимися узорами. Наблюдая за ними, Рита пыталась найти причины, по которым речные цыгане стали бы похищать ребенка и два года спустя подкидывать его на прежнее место практически мертвым. Ничего не придумалось.

А Хелена была занята собственными мыслями:

– Будь моя воля, я бы полностью вычеркнула эти два года из своей жизни. А иногда мне кажется, что возвращение Амелии – просто плод моей фантазии... Или что только моя тоска по ней – и ничто другое – вытянула ее из того неведомого мрака, где она находилась. Чтобы ее вернуть, я была готова продать свою душу, отдать свою жизнь. Такая была боль... И теперь я временами спрашиваю себя: а что, если я так и сделала? Что, если она *не совсем реальна?*

Она повернулась к Рите, и та на мгновение уловила в лице этой женщины намек на безмерное отчаяние, не покидавшее ее на протяжении двух последних лет. Намек был столь жутким, что Рита невольно отшатнулась.

– Но затем, стоит мне только взглянуть на нее... – Молодая женщина сморгнула воспоминание и посмотрела на девочку. Теперь ее взор вновь был полон любви. – Это Амелия. Это моя дочь.

Хелена сделала глубокий, счастливый вдох.

– Нам пора домой, – сказала она. – Здесь мы прощаемся, Рита, но вы ведь не откажетесь навестить нас еще раз? Может, через неделю?

– Если вы этого хотите. Девочка здорова. У вас нет причин для беспокойства.

– Приходите все равно. Вы нам нравитесь, правда, Амелия?

Она улыбнулась Рите, вновь по инерции накрыв ее волной материнской любви, такой лучезарной, обворожительной – и в немалой степени устрашающей.

Продолжив путь уже в одиночку, Рита дошла до места, где густые заросли боярышника на изгибе тропы затрудняли обзор. Из задумчивости

ее вывел неожиданный запах – фруктов? дрожжей? – но, когда она распознала в темной тени под ветвями человеческую фигуру, было уже поздно. Она по инерции сделала еще пару шагов, человек выскочил из засады, мигом заломил ей руку за спину и приставил к горлу нож.

– У меня есть брошь, можете ее забрать. И кошелек с деньгами, – сказала она тихо, не пытаясь вырваться.

Брошь была оловянная со стекляшками, но злоумышленник мог о том не догадаться. А если бы и догадался, деньги – тоже неплохая пожива.

Но его, как оказалось, интересовало другое.

– Она может говорить? – спросил он.

Сейчас, вблизи, резкий запах бил в ноздри Рите.

– Вы о ком?

– О девочке. Она может говорить?

Мужчина встряхнул Риту, и она почувствовала, как что-то твердое ткнулось ей в шею ниже затылка.

– Девочка Воганов? Нет, она не разговаривает.

– Есть лекарства, которые помогут ей заговорить?

– Нет.

– То есть она останется немой на всю жизнь? Что говорят врачи?

– Возможно, речь восстановится сама собой. Доктор сказал, это может случиться в ближайшие полгода – или не случится никогда.

Она ждала новых вопросов, но их не последовало.

– Брось кошелек на землю.

Трясущейся рукой она достала из кармана матерчатый кошелек – в нем были деньги, подаренные ей Воганами, – и уронила его под ноги. В следующий момент она получила сильный удар в спину, полетела вперед и растянулась на тропе; мелкие камешки больно вонзились в ладони.

«Вроде обошлось без травм», – успокоила она себя, а когда собралась с силами и встала на ноги, грабитель уже исчез вместе с добычей.

Рита поспешила домой, одолеваемая тяжкими раздумьями.

Который из отцов?

Энтони Воган приблизил лицо к зеркалу, примерился и провел лезвием бритвы по намыленной щеке. Встретившись взглядом со своим отражением, еще раз попытался привести в порядок мысли. Начал там, где начинал всегда: с мысли, что найденная девочка не была его дочерью. На этом, собственно, можно было бы и закончить, но поставить точку не получалось. Само по себе признание одного факта не указывало ему путь, а, напротив, заводило в трясину сомнений, какое бы направление он ни выбрал. Его уверенность колебалась и ослабевала, и поддерживать ее день ото дня было все труднее. А подрывала его уверенность прежде всего Хелена. Каждая улыбка на лице жены, каждый взрыв ее смеха, каждое радостное слово настоятельно побуждало его отвергнуть эту мысль. За те два месяца, что девочка была с ними, Хелена расцвела, похорошела и восстановила свой нормальный вес; волосы приобрели здоровый блеск, на щеках появился румянец. Лицо ее светилось любовью – и не только к дочери, но и к супругу.

Но проблема не сводилась к одной Хелене. Она была и в самой девочке.

Взгляд Вогана подолгу задерживался на ее лице. Во время завтрака, когда она уписывала джем за обе щеки, он присматривался к форме ее подбородка; среди дня его занимала линия роста волос на ее лбу, а по вечерам, вернувшись домой с Сивушного острова, он не мог оторвать глаз от завитков ее ушной раковины. Он изучил ее внешность лучше, чем свою собственную или внешность своей жены. Было в ее чертах что-то, вызывавшее у него смутную тревогу, вот только что именно, он понять не мог. Теперь она виделась ему, даже не будучи рядом. В поезде, глядя на проплывающий за окном пейзаж, он замечал ее лицо в контурах облаков и далеких деревьев. А за работой в конторе вдруг замечал ее образ, водяными знаками проступающий на деловых бумагах. Она преследовала Вогана даже во сне. Любой персонаж сновидений мог обладать ее чертами. Однажды ему приснилась Амелия – настоящая, его Амелия, – но даже у нее было лицо этой девочки. Он пробудился, захлебываясь слезами.

Это бесконечное физиономическое исследование, начавшееся как попытка понять, кто она такая на самом деле, постепенно переросло в попытку объяснить свою странную одержимость. Ему уже казалось, что лицо этой девочки послужило исходной моделью для всех вообще

человеческих лиц, включая и его собственное. В результате постоянного созерцания ее лицо сгладилось до зеркальности, так что он всякий раз видел в нем свое отражение. Он не мог сказать об этом Хелене. Все равно она бы услышала в его словах то, чего он не подразумевал: что он якобы видит себя в своей дочери.

А было ли в действительности какое-нибудь сходство? Он пытался внушить себе, что ощущение чего-то знакомого при взгляде на ее лицо было естественным отголоском того первого раза, когда он увидел девочку после рождения. Не этим ли узнаванием объяснялся столь пристальный интерес к ее внешности? Просто-напросто она была похожа на саму себя и потому казалась ему знакомой. Но в глубине души он понимал, что все отнюдь не так просто. Его ощущение не было непосредственно связано с памятью. Скорее, это дитя порождало в нем что-то по форме сходное с воспоминанием, но не настоящим, а каким-то вывернутым наизнанку. Некое подобие воспоминания – его двойник или, может, оборотная сторона.

Хелена знала, что он не считает эту девочку их дочерью. Она знала, потому что он сам сказал это в первый же вечер после возвращения из «Лебеда», когда они уложили ребенка в постель и остались вдвоем. Это заявление ее удивило, но не более того.

– Два года – это большой срок для маленькой девочки, – ответила она безмятежно. – Тебе нужно набраться терпения. Придет время, и ты сердцем почувствуешь, что это она и есть.

С этими словами она накрыла ладонью его руку – впервые за два года жена прикасалась к нему просто так, сидя в гостиной, и смотрела на него с любовью.

– А до того времени просто доверься мне, – сказала она. – Я ее узнала сразу же.

Впоследствии, когда эта тема всплывала в их разговорах, она относилась к его неверию с благодушной терпимостью: ведь это был всего лишь ее заурядный, непоследовательный, милейший, глуповатый муженек, элементарно не поспевающий за развитием событий. И Хелена не прилагала особых усилий к тому, чтобы его переубедить.

– Она по-прежнему любит мед! – заметила она однажды за завтраком.

– Ну вот, мы все так же не любим причесываться! – сказала она в другой раз, когда девочка недовольно отпихнула расческу.

Но по большей части она пребывала в беспечной уверенности, что рано или поздно муж образумится. Всей своей манерой держаться она показывала, что его сомнения легковесны и наверняка будут развеяны первым же дуновением свежего ветра. Свои странные ощущения

касательно внешности девочки Воган жене не описывал. Не то чтобы он боялся ее расстроить, как раз напротив: он предугадывал ее реакцию. «Вот видишь, – скажет она в ответ, – все-таки ты ее узнал. Так понемногу восстанавливается твоя память».

Это напоминало узел, который ты пытаешься распутать, но в итоге только затягиваешь еще туже. Неоднократно Воган обдумывал самый простой выход из ситуации. Почему бы не поверить в то, что она его дочь? Появление в их доме этой девочки сняло проклятие, вернуло былые счастливые времена. Канули в прошлое мучительные годы, когда их тяготило общество друг друга. Для Хелены дитя стало источником чистой, незамутненной радости, а у него вызывало более сложное чувство, но Воган этим чувством дорожил, хоть и затруднялся дать ему определение. Очень скоро обнаружилось, что его беспокоят малейшие ухудшения аппетита или ночные пробуждения девочки, и в то же время радуют моменты, когда она протягивает к нему руку.

Амелия исчезла, и вместо нее появилась другая девочка. Его жена считала ее Амелией. Она имела некоторое сходство с их дочерью. Жизнь, бывшая невыносимой до ее появления, теперь наладилась. Благодаря ей он снова обрел жену, да и самой девочке нашлось место в его сердце. Хотел бы он видеть в ней свою Амелию? Да. С одной стороны, любовь, спокойствие, семейное счастье. С другой – возвращение к прежнему, тягостному существованию... В таком случае, почему он упорно продолжал считать ее чужой, почему сопротивлялся благоприятному течению, вместо того чтобы отдаться на его волю?

Тому была лишь одна причина. Робин Армстронг.

– Они найдут тело, – твердила Хелена. – Его жена утопила ребенка, это знают все, а когда тело найдут, это будет вынужден признать и он.

Но по прошествии двух месяцев тело так и не было найдено.

До сих пор Воган ничего не предпринимал. Он был хорошим человеком. Честным и порядочным. И впредь намеревался поступать честно и порядочно. Был он, и был Робин Армстронг, но были еще Хелена и девочка. И нужен был выход из ситуации, приемлемый для них всех. Так не могло продолжаться бесконечно – неопределенность шла во вред им всем. Решение назревало, и в этот день он собирался сделать первый шаг.

Он сполоснул лицо после бритья, вытерся полотенцем и начал поспешно одеваться. Надо было успеть на поезд.

Среди местных эта фирма была известна как «Монти и Митч», но, если человек со стороны мог заподозрить по названию, что речь идет о

провинциальном бродячем цирке, подозрение развеивалось при одном взгляде на внушительную бронзовую табличку рядом со входом в георгианский особняк: «Монтгомери и Митчелл, юридические и коммерческие услуги». Из окон здания нельзя было увидеть Темзу, но ее присутствие ощущалось в каждой комнате. И не только в комнатах, но и в каждом шкафу, в каждой картотеке, ибо услугами этой фирмы пользовались все деловые люди, чьи интересы так или иначе были связаны с рекой в самом Оксфорде и на много миль вверх по течению. Сам мистер Монтгомери не был ни лодочником, ни рыбаком, ни малевателем речных пейзажей; более того, он годами вообще не появлялся на речном берегу, но при всем том можно было без малейшего преувеличения сказать, что он жил и дышал рекой. Вот только в представлении мистера Монтгомери Темза была не водным, а сугубо денежным потоком, в котором шелест купюр и ценных бумаг заменял плеск волн; и часть этого потока ежегодно перенаправлялась на его банковские счета, за что он был искренне благодарен реке. Он проводил свои дни за скрупулезным составлением договоров о грузоперевозках и оформлением аккредитивов, а если подвораживалась редкая и выгодная возможность поучаствовать в разрешении сложного вопроса при форс-мажорных обстоятельствах, это был просто праздник, и сердце его ликовало.

На крыльце Воган взялся за дверной колокольчик, но звонить пока не спешил, бормоча себе под нос.

– Амелия... – произнес он не очень уверенно, а потом повторил уже с излишней энергией: – Амелия!

Он постоянно практиковался в произнесении ее имени, поскольку это давалось ему с трудом, а из-за прилагаемых усилий оно звучало как-то неестественно даже для него самого.

– Амелия, – повторил он в третий раз и, сочтя эту попытку чуть более удачной, наконец позвонил.

О своем визите Воган предупредил письмом, и его ждали. Юнец, открывший дверь и принявший его пальто, был тем же самым, который встречал его здесь два года назад, когда Воган приходил по делу, связанному с похищением его дочери. В ту пору совсем еще мальчишка, он растерялся при виде человека, совершенно убитого горем. И Вогану, даже в тогдашнем состоянии, захотелось как-то его приободрить – ведь и не всякий взрослый слуга смог бы сохранить спокойствие, глядя в глаза безумцу, только что потерявшему единственного ребенка. На сей раз мальчишка – он еще не вышел из подросткового возраста – поначалу был невозмутимо вежлив, но, повесив пальто Вогана на крючок, все-таки не

сдержался:

– Я слышал чудесные новости, сэр! Да об этом прямо хоть книгу пиши! Представляю, как вы сейчас рады – вы и миссис Воган, сэр!

Рукопожатия между клиентами «Монти и Митча» и прислугой здесь не практиковались, но уж больно знаменательным – с точки зрения юнца – выдался момент, и Воган не стал противиться, когда его руку внезапно схватили и начали с энтузиазмом трясти.

– Спасибо, – пробормотал он, и даже если это прозвучало суховато на фоне столь сердечных поздравлений, слуга был еще слишком юн, чтобы подмечать такие нюансы.

Широко улыбаясь, мальчишка провел Вогана в кабинет мистера Монтгомери.

Мистер Монтгомери приветствовал его с профессиональным радушием:

– Счастлив видеть вас снова, мистер Воган. Отлично выглядите, скажу я вам.

– Благодарю. Вы получили мое письмо?

– Разумеется. Присаживайтесь и расскажите мне все по порядку. Но сначала – как насчет бокала портвейна?

– Не откажусь.

Воган заметил свое письмо на столе Монтгомери. Он постарался составить его в самых общих выражениях, но сейчас, увидев письмо развернутым и наверняка внимательно изученным, подумал, что даже эти выражения могли сообщить получателю больше, чем намеревался сказать отправитель. Почерк у Вогана был крупный и четкий – такой нетрудно разобрать даже вверх ногами, – и сейчас, пока Монтгомери отвлекся на возню с бокалами, он смог прочесть некоторые из своих вчерашних оборотов. «*Обнаруженный ребенок... девочка на нашем попечении... могут потребоваться ваши услуги по вопросам, связанным...*» Что и говорить, не очень-то похоже на письмо счастливец, который только что вновь обрел свое единственное дитя.

На столе перед ним появился бокал. Воган сделал глоток, и мужчины обсудили качество портвейна, как принято у деловых людей перед началом серьезного разговора. Монтгомери начинать его не спешил, но в подходящий момент сделал паузу, предлагая Вогану высказаться по существу дела.

– В своем письме я обрисовал недавние события, не пояснив, какое конкретно содействие может понадобиться с вашей стороны, – начал он. – Некоторые вещи лучше обсуждать с глазу на глаз.

– Совершенно с вами согласен.

– Видите ли, есть вероятность – очень малая, но все же стоящая внимания вероятность, – что права на ребенка предъявит еще одна сторона.

Монтгомери кивнул, несколько не удивленный, будто именно это и ожидал услышать. Хотя мистеру Монтгомери пошел уже седьмой десяток, лицо у него было гладкое, как у младенца. Долгие переговоры с клиентами требовали выдержки и хладнокровия на уровне опытного игрока в покер, и после сорока лет в офисе его лицевые мышцы, у большинства людей непроизвольно реагирующие на их душевные движения, атрофировались настолько, что сейчас лицо Монтгомери в любой ситуации выражало только доброжелательный интерес к собеседнику.

– Один молодой человек, проживающий в Оксфорде, претендует – или, по крайней мере, *может* претендовать – на отцовство ребенка. Его супруга, с которой он жил отдельно, скончалась в Бамптоне, а местонахождение их дочери до сих пор неизвестно. Эта девочка, Алиса, одного возраста с нашей, и она исчезла незадолго до того, как была обнаружена... – Воган предвидел затруднение с именем и был к нему готов, – *Амелия*. Это несчастное совпадение и породило нынешнюю неопределенность...

– Неопределенность?..

– С его точки зрения.

– А, с его точки зрения. Да. Понятно.

Монтгомери снова умолк, весь внимание.

– Этот молодой человек – его зовут Армстронг – долгое время не виделся с женой и дочерью. Отсюда и его неспособность однозначно опознать ребенка.

– В то время как вы, со своей стороны, абсолютно уверены... – выражение лица Монтгомери не изменилось ни на йоту, – в том, что она ваша дочь?

Воган сглотнул:

– Разумеется.

Монтгомери вежливо улыбнулся. Тактичность не позволяла ему давить на клиента, пользуясь его замешательством.

– Стало быть, этот ребенок – ваша дочь.

Фраза прозвучала как констатация факта, но Воган, сам в этом не уверенный, расслышал в ней вопрос.

– Да, это... – тут снова случилась заминка, – *Амелия*.

Монтгомери улыбался.

– В этом нет ни тени сомнения, – добавил Воган.

Все та же улыбка.

Воган почувствовал необходимость чем-то подкрепить свое заявление.

– Материнский инстинкт не обманешь, – сказал он.

– Материнский инстинкт! – бодро воскликнул Монтгомери. – Что может быть более убедительным? Конечно же! – При этом выражение его лица оставалось неизменным. – Отцы могут предъявлять права на ребенка, но есть еще материнский инстинкт! Он превьше всего!

Воган вновь сглотнул и собрался с духом.

– Это Амелия, – произнес он решительно. – Я знаю.

Монтгомери – круглощекий, с чистым гладким лбом – посмотрел на него и удовлетворенно кивнул.

– Превосходно, – сказал он. – Превосходно. У меня большой опыт по разбору конкурирующих претензий на грузы, которые иногда попадают не по адресу. Надеюсь, вас не обидит, если я применю этот опыт – полагаю, аналогия здесь уместна – для выяснения, насколько сильны позиции Армстронга в этом деле против вас.

– Дело еще не заведено. Ничего официального. Девочка живет с нами уже два месяца, а этот тип повадился ходить к нам в гости. Он приходит и просто смотрит на нее, не заявляя о своих правах, но и не отказываясь от них. Каждый раз я жду, что он с этим определится, но ничего не происходит. Сам я не хочу ускорять события – это не в моих интересах, ведь пока он не скажет: «Она моя дочь», есть вероятность того, что он ее таковой не считает. Я предпочитаю его не провоцировать, однако ситуация действует нам на нервы. Моя жена...

Он замялся.

– Да, что ваша жена?

– Моя жена с самого начала была уверена, что это продлится до тех пор, пока не будет найдена настоящая дочь Армстронга. День за днем мы ожидали услышать о найденном ребенке – или о его теле в реке, – но так и не дождались. И чем дальше, тем больше это нас угнетает. Однако Хелена сочувствует Армстронгу, слишком хорошо зная, как мучительна для родителя потеря ребенка. Она терпит его повторяющиеся бесплодные визиты, хотя это затянулось уже сверх всякой меры. Я вот чего боюсь: поскольку дитя Армстронга исчезло без следа, его отчаявшийся разум способен сыграть с ним дурную шутку и убедить его в том, что Амелия... – препятствие было успешно преодолено с разгона, – что Амелия и есть его пропавшая дочь. Горе может подвигнуть человека на самые невероятные поступки. Он может вообразить все что угодно, лишь бы не признавать тот факт, что его дитя – единственное дитя – потеряно навсегда.

– Я смотрю, вы глубоко вникли в его положение и в его психологию, мистер Воган. Однако нам следует изучить фактическую сторону дела, ибо только факты имеют значение для суда. Нужно выяснить, насколько сильной будет его позиция в тяжбе, если он начнет таковую, и подготовить ответные ходы на этот случай. Кстати, а что говорит по этому поводу сама девочка?

– Ничего. Она до сих пор не промолвила ни слова.

Мистер Монтгомери невозмутимо кивнул, словно ничего не могло быть естественнее этого.

– А до ее исчезновения она разговаривала?

Воган кивнул.

– А дочь мистера Армстронга – она могла говорить?

– Да.

– Понятно. Итак, – помните, я вас просил не обижаться на сравнение, – если бы мне пришлось рассматривать маленькую Амелию как спорный груз, утерянный при транспортировке и затем вновь найденный, я бы подошел к делу следующим образом. Насколько я знаю, в подобных случаях первостепенное значение придается двум вещам: обстоятельствам пропажи груза и обстоятельствам его обнаружения. Исходя из этого, можно делать предположения о судьбе груза в тот период, когда его маршрут не отслеживался. А если к этому добавить максимально подробные описания спорного объекта как до его утери, так и после его обретения, мы получим достаточно информации для того, чтобы разрешить эту головоломку и установить законного владельца.

Далее он начал задавать вопросы. Спрашивал об Амелии до ее похищения. Спрашивал, что Вогану известно об исчезновении Алисы Армстронг. Расспросил о подробностях обнаружения груза – «именуемого Амелией», как он неоднократно подчеркивал. Кивал и делал записи.

– Дочь Армстронга, насколько мы можем судить, исчезла неизвестно куда. Такое порой случается. Ваша дочь появилась неизвестно откуда. Что случается гораздо реже. Где она была все это время? Почему она вернулась – или была возвращена – именно сейчас? На эти вопросы у нас ответов нет. А раз их нет, мы должны полагаться на другие источники. У вас есть фотографии Амелии до ее похищения?

– Есть.

– А сейчас она похожа на ту девочку со старых фото?

Воган пожал плечами:

– Думаю, да... Насколько девочки четырех лет напоминают самих себя в двухлетнем возрасте.

– То есть?

– Материнский взгляд всегда распознает свое дитя.

– Но другой, посторонний взгляд?

Воган не нашелся с ответом, а Монтгомери, словно не замечая этой заминки, преспокойно продолжил:

– Я полностью согласен с вами насчет детей. Они меняются с годами. Партия сыра, утерянная в среду, не превратится в аналогичную по весу партию табака, будучи найдена в субботу, но ребенок – это другое дело. Тут я вас понимаю. И все же на всякий случай сохраните старые фотографии и не упускайте из виду никакие, даже вроде бы незначительные детали, которые могут подтвердить, что нынешняя Амелия и та Амелия двухлетней давности – один и тот же ребенок. Тогда вы будете готовы к любому развитию событий.

Он посмотрел на угрюмое лицо Вогана и ободряюще улыбнулся:

– Помимо этого, мой вам совет, мистер Воган: не беспокойтесь насчет молодого мистера Армстронга. И своей супруге скажите, чтобы не беспокоилась. Все беспокойство берет на себя фирма «Монтгомери и Митчелл». Мы позаботимся о том, чтобы это дело завершилось благополучно для вас – и для Амелии. Тем более что есть одно немаловажное обстоятельство, которое играет вам на руку.

– И что это за обстоятельство?

– Если дело дойдет до суда, процесс затянется надолго и будет продвигаться очень медленно. Вы слышали о «Великой тяжбе о Темзе» между Коронай и Корпорацией лондонского Сити?

– Признаться, впервые слышу.

– Это спор о том, кому из них принадлежит Темза. По утверждению королевских юристов, поскольку ее величество периодически совершает поездки по Темзе и эта водная артерия имеет стратегическое значение для обороны страны, река является владением Короны. Со своей стороны, Корпорация заявляет, что поскольку она осуществляет юрисдикцию над всеми грузоперевозками вверх и вниз по реке, это дает ей право собственности на Темзу.

– И чем завершилась тяжба? Кто сейчас владеет Темзой?

– Она до сих пор не завершилась. Процесс длится дюжину лет, и впереди еще как минимум столько же лет разбирательств. Что есть река? Это вода. А откуда берется вода? По большей части выпадает в виде дождя. А что такое дождь? Погодное явление, конечно же! А кто владеет погодой? Туча, которая сейчас проплывает над нами, – где она прольется дождем? Над левым берегом, над правым или над самой рекой? Тучи пригоняет

ветер, который не принадлежит никому, и они беспрепятственно пролетают над границами стран. Дождь из этой тучи может пойти в Оксфордшире или Беркшире, а может подпортить прически мамзелей в Париже, с него станется. А те дожди, что питают Темзу, могут быть принесены тучами откуда угодно. Из Испании, из России или... из Занзибара! Если, конечно, у них там в Занзибаре бывают тучи. Следовательно, дождь не может принадлежать никому, будь то королева Англии или Корпорация Лондона, – равно как молния не может быть поймана и помещена в банковский сейф, – но это не мешает им вести бесконечные споры в суде!

Лицо Монтгомери слегка оживилось намеком на веселье. Это было впервые, когда Воган заметил у него что-то похожее на естественную эмоцию.

– Я рассказал вам об этом случае, чтобы проиллюстрировать, насколько долгими могут быть судебные процессы. Если этот Армстронг вздумает претендовать на отцовство девочки, постарайтесь решить вопрос в досудебном порядке. Заплатите столько, сколько он попросит за отказ от претензии. В любом случае судебные издержки обойдутся вам в куда большую сумму. Ну а если откупиться от него не выйдет, пусть вам послужит утешением пример процесса «Корона против Корпорации». Ваше дело затянется на многие годы, а то и до бесконечности, и за это время ребенок успеет вырасти. «Груз», упомянутый мною в начале, – то есть малышка Амелия – перейдет в обладание супруга задолго до того, как суд решит вопрос, который из двух отцов является законным. Так что будьте спокойны!

Воган стоял на перроне оксфордского вокзала в ожидании поезда. Мысли о Монтгомери постепенно сменились воспоминаниями о его предыдущем посещении Оксфорда, когда он ждал обратный поезд на этом же самом месте. В тот раз он приезжал для встречи с потенциальным покупателем заброшенной узкоколейки, по которой ранее доставлялась сахарная свекла с полей на его завод. А после деловой встречи решил мимоходом уточнить местоположение дома миссис Константайн. Уточнил. И оказался внутри, сам себе удивляясь. Это было совсем недавно – пару месяцев назад, – но как много всего случилось с тех пор! Что она тогда ему сказала? «Долго так продолжаться не может». Именно. И он тоже это чувствовал – спинным мозгом чувствовал, что она права. Наведался бы он в тот дом еще раз, как она предполагала? Нет, конечно. Хотя, кто знает... Просто ему это уже не понадобилось. Все устроилось само собой – неожиданно, прямо-таки чудесно. На протяжении двух лет он был глубоко

несчастлив, но теперь – если сбросить со счетов Армстронга – все обстояло как нельзя лучше. «Будьте спокойны!» – сказал ему Монтгомери. И Воган решил следовать его совету.

Он уже настроился выкинуть из головы миссис Константайн, но вдруг отчетливо вспомнил ее лицо. Ее взгляд, который будто плыл против течения его слов и проникал в его сознание, в его мысли... «Все ясно», – сказала она так, словно поняла не только все им сказанное, но и то, о чем он умолчал.

Сейчас, вспоминая об этом, он затылком ощутил присутствие этой женщины, ее внимательный взгляд и обернулся, готовый увидеть ее на платформе.

Но там никого не было.

– Миссис Воган укладывает Амелию, – сообщила служанка, когда он прибыл домой.

Он прошел в желтую гостиную; шторы были опущены, в камине ярко горел огонь. С недавних пор две старые фотографии Амелии в застекленных рамках вновь появились на столике в нише. В первые дни после похищения она продолжала взирать оттуда на комнату. Этот призрачный взгляд сквозь отблески стекла приводил Вогана в смятение. Наконец, не в силах больше это выносить, он убрал снимки в выдвижной ящик стола, лицевой стороной вниз, и постарался о них забыть. Еще чуть погодя они исчезли из ящика, и Воган предположил, что Хелена забрала их к себе в комнату. К тому времени он уже перестал посещать комнату жены. Ночами они скорбели порознь, каждый по-своему, и он чувствовал, что в ее личное пространство лучше не вторгаться, ибо ничем хорошим это не закончится. Но сейчас, когда девочка вновь была дома, фотографии вернулись на прежнее место.

Он рассеянно скользнул по ним взглядом. С другого конца комнаты были видны только общие контуры фигур: классический фотопортрет сидящей Амелии и семейный снимок, где Хелена сидела с дочкой на коленях, а Воган стоял позади них. Он подошел ближе. Взял в руки портрет Амелии и на минуту прикрыл глаза, настраиваясь на его внимательное изучение.

Скрипнув, отворилась дверь.

– Ты уже дома! Дорогой? Что-то случилось?

Прежде чем обернуться, он постарался придать лицу безмятежное выражение:

– Что? А, нет, все в порядке. Сегодня я был по делам у Монтгомери и

между прочим упомянул о ситуации с мистером Армстронгом.

Она смотрела на него непонимающе.

– Мы обсудили возможность – чисто гипотетическую – того, что он попытается отобрать у нас девочку через суд.

– Это исключено! Когда они найдут...

– Тело его дочери? Хелена, сколько можно носиться с этой идеей? Прошло два месяца! Если ее не нашли до сих пор, почему ты думаешь, что ее вообще когда-нибудь найдут?

– Но та девочка *утонула*! Тело ребенка не может просто так *исчезнуть*!

Воган резко вдохнул, но задержал воздух в легких. Он не хотел продолжать разговор в таком ключе. Нужно было сохранять спокойствие. Он медленно выдохнул.

– И все же тело не найдено. Хочешь не хочешь, придется взглянуть фактам в лицо. Есть вероятность – даже *ты* должна это признать, – что ее тело не найдут никогда. – Он уловил раздражение в своем голосе и попытался его смягчить. – Послушай, дорогая, я лишь хочу сказать, что нам не помешает принять меры. На всякий случай.

Она глядела на него в задумчивости. От нее не ускользнули эти резкие нотки; обычно муж не разговаривал с ней в таком тоне.

– Ты боишься ее потерять, да? – Она пересекла комнату, положила руку ему на сердце и нежно улыбнулась. – Тебе невыносима мысль о том, чтобы потерять ее *снова*. Ох, Энтони! – Ее глаза наполнились слезами. – Ты ее *узнал*. Наконец-то ты узнал свою дочь!

Прежде чем заключить жену в объятия, Воган попытался освободиться от снимка, вернув его на место, но Хелена заметила и прервала это движение.

Забрав у мужа фотографию, она посмотрела на нее с любовью:

– Энтони, пожалуйста, не волнуйся. Все доказательства, которые нам могут понадобиться, находятся здесь.

С улыбкой она повертела в руках фото, собираясь пристроить его на столике, и вдруг издала удивленный возглас.

– Что такое?

– Смотри!

Она ткнула пальцем в надпись на обратной стороне рамки.

– Боже мой! «Генри Донт из Оксфорда – портреты, пейзажи, городские и сельские виды», – прочел он вслух. – Это он! Тот самый человек, который ее нашел!

– В «Лебеде» мы не могли его опознать с такими синяками и ранами.

Однако это очень странно... Надо будет с ним повидаться. Он ведь сделал больше снимков, ты помнишь? Мы выбрали два самых лучших, но была еще парочка. Возможно, они до сих пор хранятся у него.

– Наверное, те снимки не удались, иначе мы бы взяли их тоже.

– Не обязательно. – Она поместила фото на столик. – Если фото в целом получилось лучше других, это еще не значит, что на нем удачнее вышло лицо Амелии. Возможно, это я дернулась во время съемки... – Она исполнила танцевальное па в порядке преувеличенной демонстрации. – Или ты скорчил постную рожу... – Ее пальцы растянули губы Вогана в кривую гримасу.

Он попытался ответить смешком на эту игривую выходку.

– Ну вот, ты снова улыбаешься, – удовлетворенно заявила она. – Почему бы нам не раздобыть остальные снимки, если это еще возможно? Они могут пригодиться. Уверена, мистер Монтгомери это одобрил бы.

Воган согласно кивнул.

Хелена обвила рукой его торс, и он ощутил под лопаткой нажим ее широко расставленных пальцев. После долгого перерыва он еще не успел привыкнуть к ее прикосновениям, и сейчас – даже сквозь твидовый пиджак и поплиновую рубашку – это было волнующе.

– И мы можем попросить его сделать новые фото.

Другая ладонь Хелены легла сзади на его шею, и большой палец скользнул по узкой полоске открытой кожи между воротником и линией волос.

Воган поцеловал жену в мягкие приоткрытые губы.

– Я так рада, – пробормотала она, прильнув к нему всем телом. – Я долго ждала этого момента. Теперь мы по-настоящему снова вместе.

Он издал тихий стон, вдыхая запах ее волос.

– Наша малышка крепко спит, – шепнула она. – Да и я сегодня легла бы пораньше.

Воган уткнулся носом в ложбинку над ее ключицей, втянул воздух.

– Да, – произнес он. И повторил: – Да.

Слухом земля полнится

Прошло несколько недель после того, как загадочная девочка – сначала мертвая, потом живая – была найдена в Темзе, и все это время трактир «Лебедь» преуспевал сверх всяких ожиданий. Эта история передавалась из уст в уста на сельских рынках и на городских улицах. Она попадала в семейную переписку – от матери к дочери, от кухни к кухне. Ею обменивались как солидные незнакомцы на перронах станций, так и нищие бродяги при случайной встрече на каком-нибудь перекрестке. И всякий ее услышавший считал нужным поделиться новостью со своими знакомыми, пока в трех графствах не осталось никого, кто не знал бы ее в той или иной версии. Многие из этих людей не довольствовались одними слухами и норовили лично посетить трактир, в котором все началось, а также осмотреть место на речном берегу, где была найдена девочка, и флигель, куда ее поместили, сочтя мертвой.

Марго пришлось открыть летний зал в неурочный сезон. Она привлекла к работе своих дочерей, которые приходили попарно и помогали с обслуживанием клиентов. Последние очень скоро привыкли к постоянному присутствию Марготок. Джонатан изводил мать и сестер просьбой послушать его рассказы – он всерьез настроился овладеть искусством сказителя, – но родным было недосуг: они и так едва справлялись с наплывом посетителей.

– А ведь я в этот раз превзошел сам себя, – вздыхал Джонатан и начинал вполголоса рассказывать историю сам себе, но вскоре сбивался и путался, ставил развязку в начало, завязку в конец, а что касается кульминации, то она и вовсе пропадала невесть куда.

Джо растапливал камин в одиннадцать утра и поддерживал огонь до полуночи, когда сборище бражников обычно начинало рассасываться.

Завсегдатаи повадились пить на дармовщинку, благо от желающих угостить их за рассказ не было отбоя. Со временем они научились соблюдать очередность – иначе, будь на то воля слушателей, каждый очевидец событий той ночи проводил бы все время в бесконечных перемещениях от стола к столу в летнем зале, говоря без умолку. Но как очень верно заметил один престарелый сборщик салата: «При таком раскладе мы скоро забудем, каково это – спокойно посидеть и пропустить стаканчик». И тогда они составили график, согласно которому завсегдатаи по двое отправлялись в большой зал и в течение часа ублажали публику,

после чего «сдавали вахту» следующей паре и возвращались в зимний зал промочить горло.

Фред Хэвинс дополнил свою версию истории шутливым послесловием, в котором описывались его ночные блуждания после ухода из «Лебеда», а завершалось все ударной фразой: «„He-e-et!“ – сказала лошадь». Подобные дополнения шли на ура после десяти вечера, когда все факты были уже многократно изложены, а слушатели основательно приняли на грудь. С другой стороны, заслуженное угощение оборачивалось для рассказчика тяжким похмельем, и Фред стал так часто опаздывать по утрам на работу, что ему грозились дать расчет.

Ньюмен, садовник Воганов, прежде бывший завсегдатаем «Красного льва», где он каждую пятницу до хрипоты горланил песни, теперь переметнулся в «Лебедь» и пробовал себя в качестве рассказчика. Прежде чем выйти на публику в летний зал, он решил попрактиковаться перед завсегдатаями. Садовник описывал лишь ту часть истории, свидетелем коей он был, – поспешное отбытие миссис Воган из Баскот-Лоджа после того, как ей сообщили о найденной девочке, – и он постарался вложить в свой рассказ максимум экспрессии.

– Я видел это своими глазами. Она стрелой промчалась до лодочного сарая, а оттуда выплыла на лодке – на своей старой маленькой лодке – и опрометью припустила против течения. Сроду не видел, чтобы гребная лодка шпарила с такой скоростью.

– Опрометью припустила против течения? – переспросил один из батраков.

– Вот именно. А ведь она худенькая девчонка! Где это видано, чтобы женщина так мощно работала веслами?

– Но... ты сказал «опрометью припустила»?

– Ну да. Как заяц из-под кочки, когда его нечаянно спугнешь.

– Я знаю это выражение. Но оно здесь не подходит.

– Почему?

– А ты когда-нибудь видел зайца, гребущего веслами?

Последовал взрыв смеха, сбивший садовника с толку.

– Заяц на веслах? Что за чушь!

– Так можно выразиться про бег, но не про греблю. Миссис Воган не могла «опрометью припустить против течения», разве что она бежала по воде, аки посуху. Сам подумай.

– Никогда не вдавался в такие тонкости. А как сказать правильно?

– Можно представить какую-нибудь водную тварь, быстро плывущую по реке, и использовать сравнение с ней. Чем не способ?

Завсегдатаи одобрили его слова.

– Как насчет выдры? – предложил молодой лодочник. – Они чертовски шустрые твари.

На лице Ньюмена отразилось сомнение.

– Миссис Воган шустрой выдрой... – начал он.

Батрак покачал головой.

– Это звучит ничуть не лучше, – сказал он.

– Да это вообще никуда не годится!

– Что же мне тогда сказать? – озадачился садовник. – Так не годится, эдак тоже... Но что-то ведь сказать нужно.

– И то верно, – согласился лодочник, поддержанный троицей гравийщиков. – Человеку нужно хоть что-то сказать.

Все повернулись к Оуэну Олбрайту, ожидая, что старый сказитель поделится с ними мудростью.

– Думаю, здесь можно выразиться и попроще, – промолвил он. – Например: «Она села в лодку и стрелой помчалась против течения».

– Но он уже использовал этот оборот, – напомнил батрак. – У него было так: «Она стрелой промчалась до лодочного сарая...» Но она не могла стрелой промчаться до сарая и сразу после того стрелой помчаться по реке.

– Но ведь она так и сделала, – возразил Ньюмен.

– Нет!

– Еще как сделала! Я был там и все видел собственными глазами!

– Да, все могло выглядеть именно так, но ты не можешь так *рассказывать*.

– То есть я не могу рассказывать, как оно было на самом деле? К чему вы клоните? Я уже начинаю жалеть, что вообще заговорил. Не думал, что это будет так трудно.

– Это целое искусство, – сказал Олбрайт. – Со временем наловчишься.

– Я дожил до тридцати семи лет, просто открывая рот и произнося слова, когда было нужно. Никогда не имел с этим проблем, пока не пришел сюда, к вам. Не уверен, что хотел бы наловчиться. Уж лучше я буду продолжать по старинке, а там как получится. Если я говорю, что она опрометью припустила против течения, значит так тому и быть. А коли не нравится, тогда вы от меня вообще ничего не услышите.

Завсегдатаи обменялись взглядами, и один из гравийщиков выразил общее мнение:

– Пусть рассказывает, как умеет. Все ж таки он очевидец.

Ньюмену разрешили продолжить, и он уже без помех своими словами описал события того дня, когда миссис Воган в спешке покинула дом.

Ньюмен и Хэвинс были не одиноки в попытках взглянуть на эту историю под особым углом. По мере того как очевидцы многократно рассказывали свои версии друг другу и посторонней публике, всплывали все новые подробности. Воспоминания сопоставлялись, а потом одобрялись или отвергались. Порой прийти к согласию не удавалось. Так, некоторые утверждали, что перед отправкой девочки в холодный флигель к ее губам подносилось перышко, хотя, по словам других, этот способ проверки дыхания применялся только к мужчине. Немало копий было сломано при обсуждении разных гипотез, объясняющих, каким образом Генри Донт сумел добраться от Чертовой плотины до Рэдкота в такой холод и на такой разбитой лодке. Рассказчики постоянно оттачивали свои повествования, намечали подходящие моменты для выверенных жестов, способных вызвать слезы у слушателей, и для эффектных пауз, дабы поддержать публику в напряжении. Но никто из них так и не смог сформулировать убедительную концовку. После того эпизода в «Лебеде», когда девочка покинула трактир вместе с мистером и миссис Воган, история беспомощно зависала. «Так она вправду Амелия Воган или та, другая?» – спрашивал кто-нибудь из слушателей. Или: «Как это понимать: сперва была мертвой, а потом снова стала живой?»

Готовых ответов у них не было.

По первому из этих вопросов – чья это была дочь? – мнение подавляющего большинства склонялось в пользу Воганов. Возвращение ребенка, пропавшего два года назад, – ребенка, которого многие из них видели ранее, – импонировало им куда больше, чем возвращение никому не известной девочки, отсутствовавшей всего-то один день. Новая загадка пробудила интерес к событиям двухлетней давности, и похищение обсуждалось так живо, словно это произошло только вчера.

– Где же она могла пропадать целых – сколько? – два года?

– Рано или поздно она должна заговорить, и тогда все прояснится.

– Ох и не поздоровится тогда ее похитителям!

– Тут замешана ее няня, готов держать пари на всю свою получку.

Помните ее?

– Та самая Руби, которая среди ночи вышла из дома?

– Это она так говорит. Мол, прогуливалась на берегу в полночь. Да кто ей поверит? Какая девица ни с того ни с сего пойдет гулять к реке в самый темный час самой долгой ночи в году?

– И как раз в эти дни здесь каждый год появляются речные цыгане. Она с ними стакнулась, не иначе. Руби и цыгане были заодно, попомните мои слова. Когда малышка заговорит, кое-кому придется несладко...

История с похищением, как и история найденной девочки, оставалась в подвешенном состоянии, но если бы удалось связать их между собой, это пошло бы на пользу обеим, придав им хоть какую-то завершенность.

Что касается второго вопроса, то он был предметом более продолжительных и, соответственно, более пьяных дискуссий.

Некоторым из этих людей мир казался настолько сложно утроенным, что они просто дивились ему, не считая нужным ломать голову над разгадками. Непознаваемость стала для них фундаментальным свойством бытия. Таким человеком был, в частности, гравийщик Хиггс. Его недельный заработок, в пятницу вечером казавшийся вполне достаточным для безбедного проживания, почему-то иссякал уже ко вторнику; в «Лебеде» на его счет вечно было записано больше пинт эля, чем он помнил употребленными внутрь; жена, которую он поколачивал разве что субботними вечерами – да и то через раз, – по совершенно непонятным причинам его бросила и теперь жила с кузенком местного торговца сыром; лицо, которое он видел отраженным в воде, когда сидел на берегу без крошки хлеба в желудке, без глотка эля, чтобы приглушить голод, и без теплой жены под боком, – это лицо принадлежало не ему, а его отцу. Жизнь представлялась ему непроходимыми дебрями, в которые не стоило углубляться даже на полшага, а нестыковки между причинами и следствиями он воспринимал скорее как должное, ничуть этому не удивляясь. И вот на фоне всяческих каждодневных загадок история умершей и воскресшей девочки неожиданно стала для него своеобразным утешением, доказывая абсолютную непостижимость всего сущего и бесполезность любых попыток хоть что-то понять в этом мире.

Отдельные личности, особо одаренные фантазией или не особо отягощенные совестью, в поисках удовлетворительного ответа на этот вопрос доходили до откровенных измышлений. Так, у одного из лодочников был брат, той ночью гулявший на стороне и оставшийся за бортом великих событий. Поначалу сильно огорченный таким упущением, он впоследствии попытался обратить это в свою пользу и придумал собственную версию, согласно которой, окажись он тогда в «Лебеде», рациональное объяснение было бы тут же найдено.

– Да она и не была мертва ни секундоочки! Жаль, меня тогда с вами не было, а то я бы с ходу смекнул, что к чему. Весь фокус тут в глазах. Ежели взглядеться мертвяку в глаза, мигом поймешь, натурально он очурился или нет. У живых особые, зрячие глаза, и я могу распознать это запросто.

При этих словах завсегда и встрепонулись и наострили уши. Появился шанс избавиться от тягостного чувства, знакомого многим

сказителям, когда их истории грешат явными недомолвками, неправдоподобием, искажением реальности. И кое-кто поспешил ухватиться за эту возможность, выдвинув обновленную версию событий.

– Помнится, она чуть дышала, когда ее принесли в трактир, – сказал кое-кто в порядке эксперимента, но множество неодобрительных взглядов и скривившихся губ вынудили его заткнуться и больше не развивать эту тему.

В «Лебеде» существовали негласные правила, не позволявшие смешивать разные вещи: одно дело история, основанная на фактах, другое дело сочинительство – то есть чистой воды вранье. Они сами были на месте в ту ночь и сами все видели.

Хотя история рассказывалась и пересказывалась уже месяцами, интерес к ней не ослабевал. Напротив, она все больше волновала умы, оставаясь незавершенной, неразгаданной, то есть не такой, какой должна быть правильная история. В «Лебеде» говорили о Воганах, говорили об Армстронгах, говорили о смерти и говорили о жизни. Они обсуждали сильные и слабые стороны каждого из претендентов. Они рассматривали историю под разными углами, они выворачивали ее наизнанку и возвращали в первоначальный вид, но в конечном счете всегда оказывались там же, откуда начали.

– Это как бульон из костей, – заметил однажды вечером мастер Безант. – Когда чувствуешь его аромат, у тебя текут слюнки, но там нет ни кусочка мяса, и, даже выпив семь чашек пустого бульона, ты встанешь из-за стола таким же голодным, каким за него садился.

Они могли бы все бросить. Могли бы забыть об этой истории, как о других ей подобных, которые возникают из ниоткуда и исчезают в никуда. Но в конце фраз и между словами, когда голоса стихали и разговоры сходили на нет, в задумчивой тишине, подкрепляющей любое сказание, продолжала присутствовать девочка. В этой комнате, в этом трактире они видели ее мертвой, а потом видели ее живой. Невероятно, непонятно, непостижимо, но деваться от этого было некуда: она уже стала частью их собственной истории.

Секундные дела

Двадцатью пятью милями ниже по течению, в офисе крупнейшей оксфордской речной верфи, мастер поставил чернильную закорючку в расписке, подтверждая оплату, и подвинул через прилавок связку блестящих бронзовых ключей. Генри Донт накрыл их ладонью...

Сразу по возвращении в Оксфорд после всех событий на реке и в Рэдкоте Донт развил бурную активность. Он сдал в аренду дом, в котором ранее жил с супругой, и переселился в мансарду над своей фотомастерской на Брод-стрит. Обстановка там была спартанская, но для холостяцкого существования большего и не требовалось: кровать, ночной горшок, стол, кувшин и тазик для умывания. Питался он в трактире за углом. А все свои сбережения и всю арендную плату за дом тратил на строительство яхты. Ибо у Донта имелся план.

В двухдневный период беспомыслия, совпавший с зимним солнцестоянием, его сознание словно бы обновилось, и в результате, когда он, очнувшись, отлеживался в «Лебеде», его осенила блестящая идея. Она позволяла объединить в одном проекте его главные привязанности: любовь к фотографии и любовь к реке. Он задумал выпустить фотоальбом о путешествии по Темзе от самого истока до устья. Или хотя бы до Лондона. Собственно, задумка предполагала многотомное издание, и первый том должен был включать речные пейзажи от Трусбери-Мида до Оксфорда. Для этого прежде всего требовались две вещи: собственный транспорт и темная проявочная комната. По счастью, эти две вещи вполне можно было совместить. Еще толком не оправившись после катастрофы – его лицо пестрело зеленоватыми, черными и фиолетовыми пятнами, а от губы тянулся багровый шрам, – он явился на верфь и объяснил мастеру, какое судно ему нужно. Как это нередко случается, на стапеле как раз стояла почти готовая яхта, заказчик которой не смог внести окончательный платеж. Донту она вполне подходила по габаритам, так что оставались только отделка и переустройство каюты в соответствии с его специфическими требованиями. И без малого три месяца спустя настал долгожданный момент: Генри Донт (чье лицо уже обрело естественный цвет, а шрам стал бледно-розовым, с чуть заметными точками от снятых швов) сжимал в руке ключи от своей плавучей лаборатории.

Продвигаясь вверх по реке, Донт и его яхта повсеместно наталкивались на любопытные взгляды. Свежая сине-белая окраска

корпуса и начищенные до блеска медные детали сами по себе привлекали внимание, но тут они дополнялись какими-то невиданными новшествами.

– «Кол-ло-ди-он»? – читали по складам владевшие грамотой. – Что за название такое?

Донт жестом обводил каллиграфическую желтовато-оранжевую надпись на борту, помимо названия яхты включавшую его собственное имя и профессию буквами помельче.

– Вот он, цвет коллодиона. Это очень опасное вещество. Известны случаи, когда оно самовозгоралось и даже взрывалось по непонятным причинам. И еще оно ядовито – горе тем, кто сверх меры надышится его паров. Но если нанести его тонким слоем на стекло и выставить на свет, тогда – о, тогда! – начинается волшебство! Коллодион – это важнейший ингредиент моего искусства и моей науки. Без него не существовало бы такой вещи, как фотография.

– А там что такое? – спрашивали зеваки, указывая на ящики и кронштейны, аккуратно закрепленные на внешних стенах каюты, и он объяснял, что это его фотографическое оборудование.

– Ну а эта штуковина? – не унимались они, имея в виду четырехколесный велосипед расцветкой под стать яхте, принайтовленный к крыше каюты.

– Это чтобы перемещаться по суше. А вон ту коробку я использую как кузов, чтобы перевозить свои инструменты.

Самые глазастые примечали, что окна каюты снабжены не только шторами, но и глухими внутренними ставнями.

– Это моя лаборатория, – пояснял он. – Во время проявки туда не должен проникать ни единый лучик света, иначе фотографии будут испорчены.

Он так часто останавливался и вел подобные беседы, раздал так много визитных карточек и получил такое множество заказов, что на подходе к Баскоту и Рэдкоту с удовлетворением прикинул: такими темпами «Коллодион» окупится скорее, чем можно было ожидать. Но до начала нового проекта следовало рассчитаться по старым долгам: он прибыл в эти места, чтобы отблагодарить людей, спасших ему жизнь. Он направлялся в «Лебедь», но прежде решил заглянуть еще в одно место.

Это был маленький уютный коттедж близ речной заводи. Ухоженный садик, зеленая входная дверь, дымок над трубой. В двадцати ярдах – небольшая пристань. Он пришвартовался и пошел к дому, хлопками разогревая руки, которые мерзли даже в перчатках.

Когда дверь открылась на его стук, он увидел пару симметричных

бровей над крупным прямым носом, резко очерченные скулы и нижнюю челюсть.

– Мисс Сандей?

Донт в первый миг растерялся, поскольку представлял ее не такой... Он сделал шагок в сторону, чтобы она повернула голову, и угол освещения изменился. По ее щеке расплылась тень, и он вдруг ощутил необъяснимое волнение.

– Мистер Донт!

Рита шагнула вперед, не отрывая взгляда от его лица. В первый миг могло показаться, будто она хочет его обнять, но она всего лишь изучала шрам на его щеке. Потом дотронулась кончиком пальца до его кожи, проверяя выпуклость рубца, и удовлетворенно кивнула.

– Хорошо, – заключила она, отступая вглубь дома.

Его мозг был перегружен зрительными впечатлениями, но он напрягся и выдал из себя несколько слов:

– Я пришел вас поблагодарить.

– Вы уже давно это сделали.

Так оно и было. Он из Оксфорда отправил ей деньги и письмо с благодарностью за лечение и уход, а также с просьбой сообщить о судьбе найденной им девочки. В ответном письме Рита очень ясно и четко изложила все, что ей было известно о ребенке. На этом их общение могло бы и закончиться, но он не переставал думать об этой женщине, визуально так и оставшейся для него загадкой, поскольку его забрал из «Лебеда» и отвез домой один из работников фотомастерской еще до того, как он мог приоткрыть распухшие веки. Позднее ему пришло в голову, что хозяев трактира можно отблагодарить за гостеприимство, бесплатно сделав их фото, а в этой связи совершенно естественным будет выглядеть и его визит к Рите.

– Я подумал, что вы будете не прочь сфотографироваться, – сказал он. – Это в знак благодарности.

– Вы выбрали неподходящий день, – ответила она таким знакомым Донту ровным, спокойным голосом. – Сегодня я занята.

Он заметил, что тень от ее носа падает на щеку, и с трудом удержался от попытки прикрыть ее лицо с боков ладонями для равномерного затенения.

– Свет сейчас самый подходящий для съемки.

– А я долго ждала подходящей температуры, – сказала она. – Сегодня как раз такой день. И мне нельзя его упустить.

– Что вы собираетесь делать?

- Хочу провести эксперимент.
- И сколько времени это займет?
- Шестьдесят секунд.

– А мне нужно всего пятнадцать. Неужели в этом дне не найдется каких-то семидесяти пяти секунд, которых будет достаточно нам обоим?

– Полагаю, ваши пятнадцать секунд – это длительность выдержки. А сколько времени займет подготовка? И потом проявление фотографии?

- Вы поможете мне, а я помогу вам. Вдвоем мы справимся быстрее.

Она склонила голову набок и смерила его оценивающим взглядом:

- Вы предлагаете помочь с моим экспериментом?
- Да, в обмен на ваше фото.

Теперь этот снимок значил для него больше, чем просто подарок Рите. Теперь он хотел сделать его для себя.

- Что ж, это возможно. Даже желательно. Но если вы не уверены...
- Я уверен.

Чуть заметное движение мышц ее лица при взгляде на Донта подсказало ему, что она подавляет улыбку.

– Значит, вы согласны стать объектом моего эксперимента, если я соглашусь стать объектом вашего фото?

- Именно так.

– Вы отважны и глупы, мистер Донт. Но пусть будет так. Начнем с фотографирования, хорошо? Свет может измениться в любую минуту, а колебания температуры не происходят так быстро.

Гостиная Риты представляла собой комнату с белыми стенами, множеством книжных полок и одним синим креслом. Простой обеденный стол у окна был завален книгами и стопками листов, сплошь исписанных размашистым почерком. Она помогла принести ящики с «Коллодиона», а потом с интересом наблюдала за установкой аппаратуры. Когда все было готово, он усадил Риту за стол так, чтобы позади нее оказался чистый участок стены.

– Чуть наклонитесь в мою сторону... Попробуйте подпереть кулаком подбородок. Да, вот так.

В одеянии Риты отсутствовали нарядные мелочи, какие обычно старались выставить напоказ его клиенты, типа некстати бликующей серебряной броши, белого отложного воротника или кружевных манжет. Ее платье было простым и темным. Никаких украшений – да они и не требовались. Только симметричные линии висков, ярко выраженные надбровные дуги, тени под ними – и вдумчивый взгляд из глубины.

- Не шевелитесь, пока я веду отсчет.

Пятнадцать секунд она сидела неподвижно, а он смотрел на нее через видеоискатель.

Его лучшие – самые жизненные – фотопортреты получались, когда объектами съемки были люди по натуре спокойные, не подверженные резким переменам настроения. А вот энергичные, непоседливые люди зачастую выходили неудачно: их сущность плохо поддавалась фиксации, и на снимке они напоминали восковые копии, внешне похожие на оригиналы, но лишенные их природной живости.

Рита не выпучивала глаза и не моргала без остановки, в отличие от многих клиентов, впервые очутившихся перед камерой. Она просто смотрела в объектив. Из-под темной накидки он видел, как меняется выражение ее глаз вместе со сменой мыслей, тогда как ее лицевые мышцы оставались неподвижными. По истечении пятнадцати секунд он понял, что одной фотографией не ограничится. Тут нужна была тысяча фотографий.

– Готово, – сказал он, вынимая из аппарата пластинку в светонепроницаемой кассете. – Теперь я хочу показать вам процесс проявления.

Они быстрым шагом добрались до «Коллодиона». Он бережно нес пластинку и не смог подать ей руку, но Рита и не нуждалась в помощи для подъема на борт. В каюте, уже заранее затемненной, он зажег свечу и накрыл ее плафоном из красного стекла. По тесному помещению разлился багровый свет. Он стояли рядом в узком пространстве между складным столом, приведенным в рабочее положение, и скамьей, которую он использовал в качестве кровати, когда ночевал на яхте. Их макушки были всего в нескольких дюймах от потолка, а палубу под их ногами чуть заметно покачивала река. Донт старался не думать об изменчивости разделявшего их тела расстоянии, которое уменьшалось с изгибом ее бедра, увеличивалось напротив талии и почти исчезало в районе локтя.

Он смешал жидкости из трех флаконов в неглубокой ванночке, и воздух наполнился ароматом яблочного уксуса в смеси с запахом ржавого металла.

– Железный купорос? – спросила Рита, принимаясь.

– С уксусной кислотой и водой. Этот раствор на самом деле красный, а не просто кажется таким из-за освещения.

Он извлек пластинку из кассеты и, удерживая ее в левой руке, аккуратно вылил на нее небольшое количество красноватой жидкости – так, чтобы она распределилась по всей поверхности. Одним изящным, быстрым, выверенным движением.

– Смотрите. Изображение начнет проявляться почти сразу – сперва

более светлые детали, только здесь они будут темными... Вот линия вашей скулы, освещенной со стороны окна... Теперь все остальное, пока еще расплывчато, но потом...

Он умолк, вместе с ней наблюдая, как лицо Риты возникает на стекле. Они стояли близко друг к другу, следя за тенями и линиями, которые постепенно сливались в узнаваемые контуры, и у Донта в животе возникло ощущение, как при полете вниз с большой высоты. Похожее чувство он испытал в детстве, когда прыгнул в реку с центральной, самой высокой арки моста. Со своей женой он познакомился, катаясь на коньках по замерзшей Темзе. И вместе с ней гладко, сам того не заметив, вкатился в любовь – если только там была настоящая любовь, а не какое-то ее подобие. Но этот раз напоминал падение в пропасть – и тут уже ошибиться было невозможно.

Теперь Рита полностью отобразилась на пластинке. Лицо, прорисованное светом и тьмой, тени в глазных впадинах и зрачки, исполненные тайны. Он чувствовал, что вот-вот расплачется. Это был лучший фотопортрет из всех, им когда-либо сделанных.

– Я должен сфотографировать вас снова, – сказал он, опуская пластинку в ванну.

– Что-то не получилось?

Напротив. Он хотел фотографировать ее под всеми возможными ракурсами, при разном освещении, в разных настроениях и позах. Он хотел фотографировать ее с распущенными волосами и с прической, собранной сзади; в простом белом платье с открытой шеей и в накидке из темной складчатой ткани; он хотел сделать ее снимки на фоне реки, прислонившейся к стволу дерева или лежащей на траве... Тысяча фотографий – и ему нужны были они все.

– Получилось как раз отлично. Потому я и хотел бы сделать новые фото.

Он опустил снимок в ванночку с синеродистым калием:

– Это избавит его от синеватого налета. Видите? Фото становится черно-белым и в дальнейшем сохранится в таком виде.

Стоя с ним рядом под красным светом, она с любопытством следила за всеми изменениями, тогда как ее глаза на стеклянной пластинке продолжали смотреть сквозь вязкую прозрачную жидкость все так же задумчиво, и им суждено было оставаться такими, пока будет существовать этот снимок.

– О чем вы задумались, когда я вел отсчет? – спросил он.

Она быстро взглянула в его сторону («Мне нужно заснять этот

взгляд», – подумал он) и что-то прикинула в уме («И это выражение лица тоже»).

– Вы связаны с этой историей изначально, – сказала она. – Полагаю, девочки не было бы с нами, если бы не вы...

И она подробно, без лишних эмоций, описала свою встречу с незнакомым грабителем на тропе у реки, случившуюся несколькими неделями ранее.

Донт слушал очень внимательно. Он обнаружил, что сама мысль о нападении на Риту какого-то мерзавца выводит его из себя, и в первую минуту хотел предложить свою помощь и поддержку; однако на фоне ее спокойного, обстоятельного рассказа такое рыцарское предложение выглядело бы не очень уместным. И все же он не мог оставить это без какого-то проявления заботы.

– Он вас поранил?

– Был синяк повыше локтя и ссадины на ладонях. Но это пустяки.

– Вы сообщили местным жителям о том, что здесь бродит преступник?

– Я рассказала об этом в «Лебеде» и еще Воганам, потому что нападавший интересовался их девочкой. Они еще ранее подумывали об установке замков на окна, а мое сообщение поторопило их с этим делом.

Не имея возможности выказать себя галантным кавалером, Донт позволил Рите втянуть его в анализ происшествия.

– Этот запах дрожжей и фруктов... – промолвила она.

– Грабитель-пекарь? С трудом в это верится. Может, самогонщик?

– Вот и я подумала о том же.

– Кто из местных этим занимается?

Она улыбнулась:

– На этот вопрос ответить будет нелегко. Полагаю, все и никто.

– А самогона продается много?

Она кивнула:

– Больше, чем прежде, по словам Марго. И неизвестно, откуда он берется в таких количествах. А кому известно, те не скажут.

– И вы не смогли разглядеть нападавшего? – Для Донта зрительные ощущения были важнейшими из всех.

– У него необычно маленькие руки, и он примерно на голову ниже меня.

Он посмотрел на нее вопросительно.

– Синяки от пальцев в том месте, где он сжал мою руку, были на меньшем расстоянии друг от друга, чем при захвате обычной мужской руки. Его голос раздавался ниже моего уха, а край его шляпы уперся мне

вот сюда. – Она показала, куда именно.

– Да, для мужчины он мелковат.

– Но при этом очень силен.

– А что вы скажете о его расспросах?

Рита посмотрела на снимок:

– Как раз об этом я и думала, когда вы меня фотографировали. Если его беспокоило, не заговорила ли девочка, значит он опасается того, что она может рассказать. То есть ему есть что скрывать. А это наводит на мысль о его связи со случившимся на реке той ночью.

В ее тоне чувствовалась какая-то недосказанность. Донт ждал. И она продолжила, медленно и тщательно подбирая слова, как будто все еще размышляла и пока что не пришла к заключению.

– Его прежде всего интересовало, когда к ней вернется дар речи. Возможно, его заботит не то, что уже случилось, а какие-то будущее события. Допустим, у него есть план, для осуществления которого важно, чтобы девочка продолжала молчать.

Она сделала паузу, приводя в порядок свои мысли.

– Где разгадка, в прошлом или будущем? Может быть, в первом, но лично я склоняюсь в пользу второго. Придется ждать до летнего солнцестояния – только тогда что-то может проясниться.

– Почему до солнцестояния?

– Он верит, что к тому времени станет понятно, сможет ли девочка говорить вообще. Оксфордский доктор сказал, что ее немота либо пройдет через полгода, либо уже не пройдет никогда. Это, конечно, полная чушь, но нападавший не спросил моего мнения, а я не видела причин просвещать его в этом вопросе. Я только передала ему слова доктора. Шесть месяцев после утопления – если это можно так назвать – выпадают на летнее солнцестояние. Заговорит она до того или нет – от этого будут зависеть его дальнейшие действия.

Их глаза встретились при мерцающем красном свете.

– Не хочу, чтобы с девочкой случилось что-то плохое, – сказал он. – Когда я впервые ее увидел, я подумал... мне захотелось...

– Вам захотелось ее удочерить.

– Как вы догадались?

– То же самое происходит со всеми. Ее хотят Воганы, ее хотят Армстронги, ее хочет Лили Уайт. Джонатан плакал, когда она покинула «Лебедь», а Марго охотно оставила бы ее у себя. Да что там говорить, если батраки с салатных плантаций были готовы взять ее к себе и растить, как родную, если не найдутся другие претенденты. Даже я...

На миг что-то промелькнуло в ее глазах. «Я особенно хотела этого», – подумала она, но не произнесла вслух.

– Так что в вашем желании нет ничего удивительного, – продолжила Рита. – Ее хотят удочерить буквально все.

– Позвольте сфотографировать вас еще раз, пока не начало темнеть.

Он поднял плафон и задул свечу, а Рита тем временем открыла ставни. Снаружи было пасмурно, сыро и холодно.

– Не забывайте, вы обещали помочь с моим экспериментом.

– Что я должен сделать?

– Когда узнаете, можете передумать.

И действительно, когда она рассказала ему о своих намерениях, Донт не смог скрыть изумления:

– Зачем вам это нужно?

– А сами не догадываетесь?

И он, конечно, догадался:

– Все из-за девочки, да? У нее замедлилось сердцебиение, и вы хотите понять, как это произошло.

– Так вы мне поможете?

Первая часть эксперимента оказалась несложной. Они уселись за кухонный стол в доме; на плите грелась вода; Рита взялась одной рукой за Донтово запястье, а в другой держала свои карманные часы. Шестьдесят секунд они провели в молчании, пока замерялся пульс. Потом она сделала пометку в блокноте карандашиком, который носила на шнурке, как кулон.

– Восемьдесят ударов в минуту. Многовато. Вероятно, вы волнуетесь из-за предстоящей процедуры.

Она долила воду из кастрюли в большой жестяной чан рядом с плитой.

– Не так уж и горячо, – сказал он, попробовав воду пальцем.

– Тепловатая подходит больше. Вы готовы? Тогда я отворачиваюсь.

Пока она смотрела в окно, Донт разделся до нижней рубашки и подштанников, а затем накинул пальто.

– Готово, – сказал он.

Земля на улице промерзла, и холод начал быстро подниматься по телу от босых ног. Поверхность реки впереди казалась гладкой, но местами появлялась мелкая рябь, выдавая глубинное течение. Рита села в свою лодочку, отплыла на пару ярдов и загнала посудину носом в камыши. Потом на несколько секунд опустила в воду термометр и занесла в блокнот его показания.

– Отлично! – сказала она. – Я готова, дело за вами.

– Как долго это займет? – спросил с берега Донт.

– Думаю, не больше минуты.

Он снял пальто, затем рубашку и остался в одних подштанниках. Невольно вспомнилось, как в первые дни своего вдовства он пытался представить себя раздетым в присутствии другой женщины, но ничего подобного ему и в голову не могло прийти.

– Начинайте, – сказала она все тем же спокойным голосом, не отрывая взгляда от циферблата часов.

Он вошел в реку.

При первом контакте с водой его суставы заныли от холода. Он сжал челюсти и сделал еще три шага. Линия замерзания ползла по ногам все выше. Донт не стал ждать, когда она доползет до паха, и предпочел быстро погрузиться сразу по шею, опустившись на корточки. Он вдохнул и удивился тому, что его грудная клетка еще может расширяться в ледяных объятиях реки. Потом несколькими гребками преодолел расстояние до лодки и ухватился за борт.

– Ваше запястье, – скомандовала она.

Он поднял руку. Рита взяла ее и молча стала считать удары, глядя на часы.

Так продолжалось, по его ощущениям, как минимум минуту. Она продолжала смотреть на стрелку, изредка моргая. Он вытерпел еще примерно столько же:

– Боже, когда это закончится?

– Если я собьюсь со счета, придется начинать снова, – пробормотала Рита, сосредоточенная на своем занятии.

Он вытерпел целую вечность.

Он вытерпел еще одну вечность.

Он вытерпел тысячу вечностей – и только тогда она отпустила его запястье, взяла карандаш и сделала пометку в блокноте. Он поднялся во весь рост, отфыркиваясь и обтекая, добрал до берега и там уже бегом устремился к дому, к приготовленной теплой ванне. Погрузившись в нее, он убедился в правоте Риты: теперь вода казалась горячей, и тепло разлилось по всему телу.

Когда Рита вошла в кухню, над водой торчали только его нос и рот.

– Самочувствие в порядке? – спросила она.

Стуча зубами, Донт шевельнул головой в знак согласия, а потом его сознание на время притупилось, чтобы направить все силы организма на восстановление от ледяного шока. Чуть позже придя в себя, он посмотрел в сторону стола, за которым сидела Рита и с озадаченным видом смотрела на

угасающий за окном день. Карандаш не висел у нее на шее, а был засунут за ухо; шнурок лежал на плече. «Мне нужно это заснять», – подумал он.

– Ну и как?

– Восемьдесят четыре. – Она показала блокнот с записанными цифрами. – Ваш пульс ускорился при погружении в холодную воду.

– Ускорился?!

– Да.

– Но ведь пульс девочки был очень слабым... Мы получили результат, прямо противоположный ожидаемому.

– Да.

– Выходит, все было напрасно.

Она медленно покачала головой:

– Не напрасно. У меня появилась гипотеза, а это уже прогресс.

– И в чем суть этой гипотезы?

Она задрала голову, глядя в потолок, подняла руку, так что локоть согнулся поверх головы, испустила долгий сокрушенный выдох и сказала:

– Не знаю.

Ночной визитер

Лили Уайт не спала, но и не бодрствовала. Она пребывала в том пограничном состоянии, когда тени вздымаются волнами, а свет – бледный и загадочный – то появляется, то исчезает, как лучи солнца, проникающие глубоко под воду. И вдруг она резко пробудилась на своей постели в Лачуге Корзинщика.

Что это было?

Он двигался крадучись по-кошачьи, беззвучно открыл дверь и легко ступал по половицам, ни одна из которых не скрипнула. Но Лили узнала запах – дымный, сладковатый, дрожжевой запах, всегда ему сопутствовавший. Именно это и вывело ее из полудремы. Лачуга насквозь пропиталась сырыми речными миазмами, но даже они не могли перебить этот запах. Потом она расслышала и звук: камень скребнул о камень. Значит, он полез в тайник за деньгами.

Внезапно вспыхнула спичка. Со своего высокого помоста она увидела огонек и руку, всю в синяках и шрамах, подносящую его к свече. Фитиль занялся, образуя мерцающий круг света.

– Что ты припасла для меня? – спросил он.

– Есть сыр и немного ветчины, какую ты любишь. Хлеб в корзине.

– Свежий?

– Вчерашний.

Свет переместился в другой конец комнаты, оттуда донеслись шорохи и недовольное ворчание.

– Он уже начал плесневеть. Не могла найти посвежее?

– Я ведь не знала, что ты придешь сегодня.

Свеча двинулась в обратную сторону и задержалась на столе. Минуту-другую были слышны только жадное, торопливое чавканье и натужные глотательные звуки. Лили тихо лежала в темноте; сердце билось тревожно.

– Что еще у тебя есть?

– Яблоки, если хочешь.

– Яблоки! На кой мне сдались твои яблоки?

Огонек вновь поднялся над столом и завис сначала над одной пустой полкой, затем над другой. Далее переместился к шкафу и обследовал тамошнюю пустоту, сунулся во все углы, но нигде ничего не нашел.

– Сколько он тебе платит, этот святоша?

– Маловато. Ты уже об этом спрашивал.

Лили постаралась не думать о своих сбережениях, надежно хранимых в столе пастора, опасаясь, что этот зыбкий свет может прочесть ее мысли.

Он раздраженно прищелкнул языком:

– Почему у тебя нет ничего сладкого? Что ты подаешь на стол святоше? Небось, яблочный пирог? Хлебный пудинг со сливовым джемом? Кучу всякой вкуснятины, готов поспорить.

– В другой раз что-нибудь принесу.

– Только не забудь.

– Не забуду.

Глаза Лили привыкли к полумраку, и теперь она разглядела очертания его фигуры. Он сидел за столом спиной к ней, не сняв широкополую шляпу; куртка висела на худых плечах как на вешалке. Судя по звону монет, теперь он пересчитывал деньги. Лили затаила дыхание.

Всякий раз, когда сумма не соответствовала его ожиданиям, он винил в этом Лили. *Сколько она украла? Где спрятала украденное? Что за подлый план она замышляет? И как ей можно доверять после такого?* Любой ее ответ на эти вопросы приводил его в ярость, после чего в ход шли кулаки. Естественно, она никогда не брала его деньги – пусть она была глупой, но не настолько же! У нее самой давно накопились вопросы касательно этих денег, только задать их она не осмеливалась. Об их источнике догадаться было нетрудно. В ночь, совпадающую с его очередным визитом, в сарае появлялись бутылки или бочонки, наполненные крепким самодельным пойлом. Они оставались там в течение дня и исчезали следующей ночью, а вместо них появлялись деньги – плата за очередную партию. Но что он делал с деньгами, взятыми из тайника? За одну ночь он получал больше, чем Лили за месяц работы на пастора, а ведь ее жилище наверняка было не единственным местом, где он проворачивал свои сделки. Он ютился в каком-то укромном логове, за которое не нужно было платить; он не играл в карты и не тратил деньги на женщин. Он и к выпивке не притрагивался, а только подбивал других гробить свое здоровье, взамен облегчая их кошельки. Лили пыталась прикинуть его годовой доход, удваивая, утраивая, а то и умножая на семь проходившую через ее руки выручку, но от таких чисел у нее голова шла кругом. Впрочем, даже не определившись с итоговой суммой, она представляла, насколько это должно его обогатить; однако во время визитов к ней один-два раза в неделю он был все в той же старой, провонявшей самогоном куртке, вечно голодный и тощий как скелет. Он ел ее пищу и жег ее свечи. Она не решалась хранить в лачуге хоть одну хорошую вещь, не важно какую, потому что он непременно забрал бы ее и продал, а деньги пропали бы бесследно. Даже пара зеленых

шерстяных перчаток с дырками на пальцах исчезла бы в его карманах. В жизни Вика была какая-то тайна, которая высасывала из него все средства, а заодно и опустошала дом Лили. У нее оставался лишь капиталец, сохраненный священником. Все это было выше ее понимания.

Он довольно хмыкнул, и Лили слегка успокоилась. На сей раз сумма была верной. Покончив с этим, он откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул. Он обычно расслаблялся после подсчета денег. Но ей расслабляться не следовало.

– Я всегда поступал с тобой по справедливости, верно, Лил?

– Всегда, – ответила она, успев до ответа попросить у Господа прощения за ложь. Бог понимал, что в некоторых случаях человек просто не может сказать правду.

– Я заботился о тебе даже лучше, чем когда-то твоя старая мамаша, не так ли?

– Да, заботился.

Он издал горловой клекот, заменявший ему смех.

– А почему ты продолжаешь называть себя Лили Уайт?

У Лили сжалось сердце.

– Ты же сам сказал не использовать твое имя, когда я здесь поселилась. Ты сказал, что нас ничто не должно связывать...

– Но почему именно Уайт? Ты могла взять любое имя из всех, какие существуют в мире. И потом, тот Уайт вовсе не был твоим мужем. Только не в глазах Господа. Твой пастор знает об этом?

– Нет.

– Не знает, – повторил он довольно. – Так я и думал. – Он дал ей время почувствовать скрытую угрозу, прежде чем продолжить. – Я ведь не дурак, Лил. Я знаю, почему ты выбрала это имя. Сказать тебе?

– Скажи.

– Ты цепляешься за это имя, как никогда не цеплялась за человека, который его носил. Лили Уайт. Такое невинное и непорочное, как белые лилии на лугу. Вот что тебе было нужно, не так ли?

Она сглотнула комок в горле.

– Ну же, отвечай громче, Лил! Я тебя не слышу. Названия не изменяют сути вещей. Ты цепляешься за это имя, будто оно может тебя очистить, как ты отскабливаешь от грязи этот стол или моешь полы у пастора. Как будто это искупает твои грехи... Я ведь прав, Лил?

Он принял ее молчание за согласие:

– Вот видишь, я знаю тебя как облупленную. Хитрить бесполезно, некоторые вещи пристают к тебе навсегда, и ты их ничем не отмоешь.

Все, что ей до поры удавалось, – это плакать беззвучно, но затем она не справилась, и следующий спазм рыданий разнесся по комнате.

– Не надо так расстраиваться, – сказал он спокойно. – Могло быть и хуже. Ты меня понимаешь, да?

Она кивнула.

– Не слышу.

– Да, Вик.

– Я вот о чем думаю: стоит ли вообще иметь с тобой дело? Временами ты меня подводишь, Лил.

– Мне жаль, Вик.

– Это ты сейчас так говоришь. Много раз ты меня разочаровывала. Сбежала с этим Уайтом. У меня ушли годы на то, чтобы тебя разыскать. Любой другой давно бы уже махнул на тебя рукой, но я так не сделал.

– Спасибо, Вик.

– Ты мне благодарна, Лил?

– Конечно же!

– В самом деле?

– Это правда!

– Тогда почему ты снова меня подводишь? Эта девчонка в «Лебеде»...

– Они не позволяют мне ее забрать, Вик. Я пыталась. Я старалась, как могла, но их там было двое и...

Он ее не слушал:

– С ней можно было бы сколотить состояние, разъезжая по ярмаркам. «Мертвая девочка ожила». Публика будет валить толпами. Ты сможешь бросить работу у святоши, а твоя честная простецкая физиономия обеспечит нам очереди длиной в милю. Но вместо этого девчонка досталась Воганам, как я слыхал.

Лили кивнула. Он погрузился в размышления. «Быть может, на сегодня этим и закончится, – с надеждой подумала Лили. – Может, он отвлечется на свои мысли, как с ним бывает, когда набьет брюхо и успокоится насчет денег. Начнет строить всякие планы и забудет обо мне».

Но тут он снова подал голос:

– Мы должны держаться вместе, ты и я, понимаешь?

– Да, Вик.

– Это как прочная нить, которая нас связывает. Не важно, на какой срок мы расстаемся и как далеко друг от друга находимся, нить есть всегда. Ты это знаешь, потому что иногда чувствуешь ее рывки... Тебе ведь знакомо это чувство, Лил? Правда, это больше напоминает не рывок, а сильный удар под дых.

Ей это было знакомо. Она испытывала это много раз.

– Да, Вик.

– И мы оба знаем, что это такое, верно?

– Да, Вик.

– Родная кровь! – выдохнул он с удовлетворением.

Теперь он уже встал из-за стола, и круг света поднимался по ступенькам ее помоста. Потом свеча приблизилась к ее лицу. Она сощурила глаза. Виктор был позади слепящего пламени, и это мешало разглядеть его лицо. Лили почувствовала, как с нее сползает одеяло, после чего свет немного поиграл со складками ночной рубашки на ее груди.

– Я привык думать, что ты все та же девчонка, какой была когда-то. Да, запустила ты себя. Кожа да кости. А ведь была хорошенькой. В те годы. До того, как сбежала.

Он растянулся на матрасе. Лили подвинулась к стене; он занял освободившиеся дюймы пространства и обхватил ее рукой. Сквозь куртку чувствовалось, как худа эта рука, но она хорошо знала ее силу.

Он стал дышать глубже и вскоре захрапел. Она получила отсрочку – пусть и ненадолго, – но сердце продолжало колотиться в груди.

Лили не двигалась. Она лежала без сна и старалась дышать как можно тише из страха его разбудить.

Прошло около часа, свеча догорела и погасла, а в комнату начал просачиваться первый утренний свет. Он не ворочался и не потягивался, как обычно делают люди при пробуждении. Он не шевельнул даже пальцем, а просто открыл глаза и спросил:

– Сколько тебе платит пастор?

– Немного, – произнесла она как можно более слабым, якобы полусонным голосом.

Он достал из-под ее подушки кошелек, сел и вытряхнул монеты себе на ладонь.

– Должна же я на что-то покупать для тебя сыр. И ветчину, – жалобно сказала она. – Оставь мне что-нибудь. Хоть немножко.

Он хмыкнул:

– Ты сама не можешь толком распорядиться своими деньгами. Или ты мне не доверяешь?

– Доверяю, конечно.

– Хорошо. Это все для твоего же блага, и ты это знаешь.

Она слабо кивнула.

– Все это, – добавил он с широким жестом, так что она не поняла, говорит ли он о лачуге, о складе спиртного в сарае или о чем-то большем и

не столь заметном, но включающем и все названное. – Все это не для меня, Лил.

Она смотрела на него. Приходилось смотреть. Имея дело с Виком, нельзя было упускать из виду даже мелочи.

– Это для нас. Для нашей семьи. Подожди, и однажды тебе не надо будет горбатиться на старого святошу. Ты будешь жить в большом белом доме, в десять раз лучше этого. Ты, я и...

Тут он прервал свою речь, но мысли его неслись дальше. Лили заметила, как смягчился его взор при виде картин будущего, которые он хранил в тайне, не поверяя никому.

– Вот это... – Он взмахнул кулаком, и она услышала звон зажатых в нем монеток. – Это твой вклад. Ты слышала, что я рассказывал о моем плане?

– Слышу об этом уже пять лет.

Эта тема всплывала регулярно. Вне зависимости от его настроения и от количества денег, им полученных, разговор об этом плане всегда его успокаивал. Его голос звучал тише, а взгляд становился не таким острым. Иногда при упоминании плана его тонкие губы кривились таким образом, что, окажись на их месте чей-то другой рот, это могло бы превратиться в улыбку. Однако он держал в секрете суть своего плана, как и все с ним связанное, и сейчас ей было известно не больше, чем в тот день, когда он в первый раз о нем упомянул.

– На самом деле плану гораздо больше пяти лет. – Ностальгия придавала его голосу что-то вроде музыкальности. – Это тебе я сообщил о нем пять лет назад, а первым задумкам уже лет двадцать. А то и больше, если вспомнить хорошенько! – Это прозвучало так, словно он уже поздравлял себя с успехом. – И скоро время для него придет. Так что не волнуйся насчет своих пенни, Лил, они в надежных руках. Это все... – Его рот вновь скривился. – Это все ради семьи!

Он сунул пару монет обратно в кошелек, бросил его на постель и спустился с помоста.

– Я оставил в сарае ящик, – произнес он уже будничным тоном. – Кто-то придет и его заберет. Как всегда. И еще пара бочонков на обычном месте. Ты не видела, как они появились, и не должна видеть, как они исчезнут.

– Да, Вик.

Прихватив по пути три ее новых свечи, он покинул дом.

Она лежала, думая о его плане. Перестать работать на священника? Жить в большом белом доме вместе с Виком? Она нахмурилась. Эта лачуга

была сырой и холодной, но, по крайней мере, она могла проводить дни в пасторском доме, а ночью уединяться здесь. И кто еще там будет жить вместе с ними? Она вспомнила его слова: «Ты, я и...»

Кого он имел в виду? Неужели Анну? «Ради семьи», – сказал он. Тогда это может быть только Анна. Неспроста же он в тот раз явился среди ночи и приказал Лили идти в «Лебедь», чтобы забрать оттуда девочку, которая была сначала мертвой, а потом живой.

Она подумала о своей сестренке в доме Воганов, где у нее была отдельная комната с красным одеялом, картинами на стенах и всегдашним запасом дров для камина.

«Нет, – решила Лили. – Он не должен ее заполучить».

Исчезновения, или Мистер Армстронг едет в Бамптон

– Что я могу сделать? – в сотый раз спрашивал Армстронг, рассказывая перед камином в своей гостиной.

Бесс вязала, сидя ближе к огню. И в сотый раз она покачала головой со словами: «Не знаю».

– Я поеду в Оксфорд. Поговорю с ним начистоту.

Бесс вздохнула:

– Он тебе уж точно рад не будет. Ты можешь сделать только хуже.

– Пусть так, но хоть что-то сделать я должен. Воганы держат девочку в своем доме и с каждым днем привязываются к ней все больше, а Робин и не чешется! Почему он тянет время? В чем причина такой задержки?

Бесс оторвалась от своей работы и посмотрела на него с сомнением:

– Он ничего тебе не скажет, пока сам не примет какое-то решение. А возможно, не скажет и тогда.

– Но здесь особый случай. Речь о ребенке.

Она вздохнула:

– Алиса. Наша первая внучка... – Но мечтательное выражение продержалось на ее лице недолго. – Если это она, конечно... Только не начинай выяснять отношения с Робинсом, это к добру не приведет. Ты же его знаешь.

– Тогда я снова поеду в Бамптон.

При взгляде на мужа она убедилась, что тот настроен серьезно:

– И что ты будешь там делать?

– Отыщу кого-нибудь, кто знал Алису в лицо. Привезу этих людей в Баскот. Сведу их с этой девочкой, и тогда станет ясно, кто она такая.

Бесс нахмурилась:

– Ты думаешь, Воганы тебе это позволят?

Армстронг открыл было рот, но помедлил, сделал беспомощный жест и признал:

– Ты права.

И все же он не мог это так оставить:

– По крайней мере, если я туда поеду и найду кого-нибудь, способного ее опознать, у меня появится повод откровенно поговорить с Робинсом насчет Воганов, а дальше... даже не представляю, что дальше. Я запутался, Бесс. Но я не могу просто бездействовать.

Она с любовью посмотрела на мужа:

– Это верно, бездействовать ты не умел никогда.

Большой дом в Бамптоне выглядел все так же – то есть не очень презентабельно, – однако настроение внутри было заметно веселее, чем во время прошлого визита Армстронга. Из открытого окна на втором этаже неслись разудалые звуки скрипки, сопровождаемые гулким аритмичным топотом, какой можно услышать, когда компания нетрезвых людей всюю отплясывает на дощатом полу, с которого удалены ковры. Взрывы женского смеха перемежались аплодисментами, и в целом шум стоял такой, что Армстронгу пришлось звонить дважды, чтобы его расслышали.

– Входи, красавчик! – воскликнула открывшая дверь босоногая женщина с раскрасневшимся от непомерных усилий либо возлияний лицом.

Не дожидаясь ответа, она развернулась, жестом поманила Армстронга и двинулась вверх по лестнице.

Он последовал за ней, вспоминая, как поднимался по этой лестнице в прошлый раз, когда несчастная мертвая женщина наверху была для него всего лишь автором письма, а имя «Алиса» было просто именем. Провожатая завела его в зал на втором этаже, где множество женщин и мужчин скакали в немудреном сельском танце, а скрипач подгонял их, наигрывая все быстрее. Она протянула ему бокал с прозрачной жидкостью, а когда он отказался, предложила потанцевать.

– Нет, спасибо. Я, собственно, пришел к миссис Ивис.

– Ее сейчас нет, и в этом тебе повезло! Без нее не в пример веселее, мой сладенький!

Она вновь попыталась затянуть его в толпу танцующих, схватив за руки, но попытка вышла слабой, поскольку она сама не без труда сохраняла вертикальное положение.

– Я не хочу надолго отбирать вас у ваших друзей, мисс, но не могли бы вы сообщить, где мне ее найти?

– Она исчезла.

– Уехала?

Женщина скорчила таинственную гримасу:

– Ага, невесть куда.

После чего громкими хлопками в ладоши привлекла внимание танцоров и закричала, перекрывая музыку:

– Этот джентльмен ищет миссис Ивис!

– Она исчезла! – одновременно крикнули два или три голоса,

сопроводив это громким хохотом, и компания пустилась в пляс с удвоенной энергией, очевидно празднуя исчезновение хозяйки.

– Когда это случилось?

Задавая вопрос, Армстронг достал свой кошелек и щелкнул замочком, привлекая внимание собеседницы. Вид кошелька протрезвил ее настолько, что она сподобилась на максимально развернутый ответ:

– Где-то шесть или семь недель назад. К ней приехал какой-то тип – так мне рассказывали, – и они вдвоем проторчали в ее комнате весь вечер, а после его отъезда она несколько дней ходила с таким надутым видом, словно знает какой-то великий секрет. А однажды к дверям подкатила двуколка, ее чемоданы уже были собраны, и она в два счета отчалила.

– Скажите, а вы были здесь накануне Рождества? Тогда в этом доме проживала некая миссис Армстронг с дочерью по имени Алиса.

– Это которая умерла? – Она покачала головой. – Мы все появились тут позже. Когда делами заправляла миссис Ивис, люди у нее надолго не задерживались – поди уживись с этой стервой! А стоило ей отчалить, как все задолжавшие ей девчонки подхватились и – поминай как звали!

– Что вы можете сказать о миссис Армстронг?

– Говорят, ей здесь туго пришлось. Готовила еду на всех, делала уборку. Была вроде бы собой недурна, хотя слишком костлява, но некоторым мужчинам такие нравятся – о вкусах не спорят, чего уж там. Иногда она попадалась на глаза клиентам, и среди них были желающие урвать кусочек от этого сухаря. Но она упиралась, и ни в какую. Тогда-то старуха Ивис на нее и взелась. Сказала, что не допустит тут всяких воображалистых гордячек. И дала ключ от ее комнаты одному джентльмену, чтобы тот преподавал ей урок. А на другой день она сделала то, что сделала.

– Вам известно что-нибудь об ее любовнике? О том, который ее бросил?

– Я слыхала только о бросившем ее муже. Хотя какая разница – мужья, любовники. Девушке лучше всего, когда она сама по себе. Даешь им то, что они хотят, получаешь с них деньги, и все, пока-пока. Но она была другого сорта. Неподходящего сорта для такой жизни.

Армстронг нахмурился:

– А когда миссис Ивис вернется?

– Этого не знает никто. Надеюсь, что нескоро. Как только она объявится, я сразу смоюсь отсюда, уж будь уверен.

– И о причине ее отъезда ничего не известно?

– Да почитай что ничего. Слух был, что ей перепало денег по

наследству. Это все, что я знаю.

Армстронг дал женщине несколько монет, а она снова предложила ему выпивку, или танцы, или «все, что душа пожелает, красавчик». Он вежливо отказался и покинул развеселую компанию.

«Перепало денег по наследству? Что ж, нельзя исключать и такое», – думал он, спускаясь по лестнице, однако неприятный осадок от первого визита в этот дом вынуждал его брать под сомнение все, что касалось миссис Ивис.

Выйдя на улицу, он пожалел, что приехал сюда. Впустую потратил время, только лошадь утомил. И тут он вспомнил о другой идее, которую рассматривал ранее и отверг. Но сейчас она выглядела более перспективной, чем поиски миссис Ивис. Он решил отыскать Бена, сына мясника. Этот мальчик запомнил Алису и мог бы с первого взгляда определить, она или не она попала в дом Воганов. Конечно, слово ребенка будет иметь мало веса при судебном разбирательстве, но Армстронг сейчас думал не о суде. Он считал, что его собственная уверенность в этом вопросе, как минимум, даст ему моральное право на дальнейшие действия. Если Бен опознает девочку как Алису, он получит солидные основания для разговора начистоту со своим сыном. А если не опознает, Армстронг поделится этой информацией с Воганами и тем самым снимет с них груз неопределенности, а Робин уже не сможет разыгрывать свою карту, что бы он там ни замышлял.

Он прошелся по главной улице Бамптона, надеясь просто наткнуться на Бена, как случилось в его прошлый приезд. Но мальчика не оказалось ни на травяном бугорке, где он ранее играл в марблы, ни в лавке мясника, куда Армстронг мимоходом бросил взгляд через окно, ни где-либо на улице. Обследовав все боковые аллеи и заглянув в окна всех торговых заведений, Армстронг наконец остановил мальчишку-рассыльного из бакалеи, с виду ровесника Бена, и справился насчет последнего.

– Он удрал из дома, – сообщил мальчишка.

– Когда это случилось?

– Несколько недель назад. Его папаша так его отдубасил, что на Бене живого места не было. И на другой день он дал деру.

– Не знаешь, куда он мог пойти?

– Вроде на какую-то ферму в Келмскотте. Он как-то раз похвастался, что тамошний богач обещал ему хорошую работу. Мол, хлеба и меда навалом, свое место для ночлега и плата на руки по пятницам. – В голосе мальчишки слышалась зависть, да оно и понятно: не каждому так подфартит. – Только я ему все равно не поверил.

Армстронг дал ему монету и направился к мяснику. Там за прилавком стоял молодой человек, орудуя увесистым, потемневшим от крови ножом. Он разделял филейную часть свиньи на рубленые котлеты и, услышав звук дверного колокольчика, поднял голову. Он очень походил на Бена чертами лица, но только не его угрюмым выражением.

– Что нужно?

Армстронг привык к проявлениям враждебности и научился с ходу определять ее степень в каждом встречном. Чаще всего люди выказывали ее в отрывисто-грубых обращениях к необычным чужакам вроде него. Это чувствовалось сразу, и те, кто с этим сталкивался, обычно отвечали грубостью на грубость. Но ему во многих случаях удавалось обезоружить собеседника, отвечая вежливо и дружелюбно. Глаза велели этим людям опасаться Армстронга, но их уши получали утешающий сигнал. Однако имелись и такие, кто каждый день ходил как бы закованным в броню и был готов обнажить меч против кого угодно. Для них враждебным был весь окружающий мир. С подобной антипатией он справиться не мог и именно ее встретил здесь. Посему он даже не попытался войти в доверие к этому парню, а просто сказал:

– Я ищу вашего брата Бена. Вы не знаете, где он?

– Зачем он вам? Что он натворил?

– Ничего, насколько мне известно. У меня есть для него работа.

Из арочного проема в глубине лавки донесся более взрослый голос:

– Этот малец ни на что не годен, кроме как проедать доходы.

Речь звучала так, будто рот говорившего был набит едой.

Армстронг пригнулся, чтобы через проем заглянуть в заднюю комнату. Там в замызганном кресле восседал человек примерно его возраста. На столе рядом с ним лежали булка хлеба и большой кусок ветчины с несколькими отрезанными ломтями. Щеки мясника были розовыми и жирными под стать ветчине. На краю пепельницы лежала трубка. Стоявший тут же стакан был наполовину заполнен некой жидкостью, а откупоренная бутылка с этим же напитком покоилась на колене мужчины, надежно подпираемая округлым брюшком.

– Есть идеи, куда он мог уйти? – спросил Армстронг.

– Да плевать я хотел на этого ленивого гаденьша!

Мужчина подцепил вилкой очередной ломоть ветчины и целиком запихнул его себе в рот.

Армстронг уже было направился к выходу, но тут в заднюю комнату шаркающей походкой вошла сухонькая женщина с метлой в руках. Он шагнул в сторону, пропуская ее из комнаты в лавку, где она начала

подметать пол. Голову она держала так низко, что Армстронг не смог разглядеть ее лицо.

– Прошу прощения, мэ...м...

Она подняла голову и оказалась моложе, чем он сначала решил, судя по ее замедленным движениям. Глаза ее нервно бегали.

– Я ищу Бена, вашего сына.

Эти слова не вызвали у нее никакой реакции.

– Как по-вашему, где он может быть сейчас?

Она лишь вяло шевельнула головой, как будто не в силах выдавить из себя хоть слово.

Армстронг вздохнул:

– Что ж... спасибо.

Он был рад вновь очутиться на свежем воздухе.

Армстронг напоил свою лошадь в ближайшей конюшне и, ведя ее в поводу, спустился к реке. На этом участке Темза была прямой и широкой, а ее гладкая поверхность создавала впечатление неподвижной монолитной массы, пока вы не бросали туда что-нибудь – веточку или огрызок яблока, – чтобы увидеть, с какой мощной скоростью река унесет этот предмет. Усевшись на поваленное дерево неподалеку от моста, он развернул свой обед и приступил к еде. Мясо было вкусным, как и хлеб, однако вид обжоры-мясника лишил его аппетита. Он покрошил хлеб и раскидал его вокруг для тотчас слетевшихся птиц, а потом долго сидел, не шевелясь и глядя на воду. В окружении дроздов и малиновок он размышлял о неудачах этого дня.

Исчезновение миссис Ивис было плохой новостью, но исчезновение Бена расстроило Армстронга еще больше. Он вспомнил его заботливое отношение к Флит и то, как изголодавшийся Бен накиннулся на принесенные им булочки. Вспомнил веселый и жизнерадостный характер мальчика. Вспомнил мрачную атмосферу мясной лавки, жуткого папашу, забитую мать, мрачнолицего старшего сына и подивился неиссякаемому оптимизму Бена. Куда он мог деться? Если, как сказал тот рассыльный, Бен отправился в Келмскотт – а значит, на ферму Армстронга, – то почему он туда не прибыл? От Бамптона до Келмскотта самое большее миль шесть по дороге – мальчишка преодолел бы это расстояние за пару часов. Что же с ним случилось?

Затем он подумал о девочке. Что еще он мог сделать, чтобы продвинуться к разгадке? Его сердце сжалось при мысли о ребенке, на которого претендовали две семьи, и о невозможности выяснить наверняка, кто из них прав. Следующая мысль была уже о Робине, и тут его сердце

едва не разорвалось от горя. Он вспомнил, как впервые взял его на руки. Младенец был таким крошечным и легким, но при этом за шевелением его конечностей уже таилась целая жизнь. Когда жена была еще на сносях, Армстронг твердо вознамерился окружить ребенка любовью и заботой; он ждал этого дня с нетерпением и все же, когда это случилось, оказался не готов к столь бурному наплыву чувств. Этот младенец отныне стал для него превыше всего остального на свете, и Армстронг поклялся уберечь его от голода, одиночества и любых опасностей. Он поклялся любить и защищать этого ребенка, который должен был расти вдали от всех печалей и невзгод. И сейчас он вспомнил и заново испытал то же чувство.

Армстронг смахнул слезы с глаз. Это внезапное движение доселе неподвижного объекта спугнуло птиц, которые шумно взмыли в воздух и унеслись прочь. Он поднялся на ноги, погладил и слегка похлопал Флит в ответ на ее приветствие.

– Мы с тобой оба староваты для верховой поездки до самого Оксфорда, да и времени на это у меня нет. Поэтому поедем в Лечлейд. Там я оставлю тебя в конюшне рядом со станцией, а сам сяду на поезд. Дома мальчишки догадаются покормить свиней, когда поймут, что я задерживаюсь.

Флит негромко фыркнула.

– Ты считаешь это глупой затеей? – Он помедлил, уже занеся ногу в стремя. – Очень может быть. Но что еще мне остается? Я не могу бездействовать.

Он сел в седло и направил лошадь по тропе против течения реки.

Поиски съемной квартиры сына завели Армстронга в ту часть Оксфорда, где улицы были шире, а дома больше и наряднее обычного. Добравшись до дома под номером восемь – по этому адресу он отправлял письма два последних года, – он в нерешительности замер перед воротами. Большое белое здание выглядело слишком уж роскошно. Его собственный фермерский дом был получше многих в округе, ибо он не жалел средств на благоустройство и комфортные условия жизни для своей семьи, но это великолепие было совсем другого порядка. Армстронгу еще в юности доводилось посещать аристократические виллы – обстоятельства рождения обеспечили ему доступ в несколько таких домов, – и его не могло смутить выставленное напоказ богатство, однако мысль о том, что его сын живет в подобном месте, вызвала у него беспокойство. Где он мог взять столько денег? Разве что снимал каморку где-нибудь в мансарде. Или – возможно ли это вообще? – где-то в другой части города имелась еще одна улица с точно таким же названием.

Армстронг прошел через калитку, от которой вела дорожка к задней стороне дома, и постучал в дверь кухни. Ему открыла затюканного вида жидковолосая девчонка лет одиннадцати-двенадцати, которая отрицательно мотнула головой в ответ на его предположение, что в городе есть другая улица, одноименная этой.

– В таком случае мне хотелось бы знать, не проживает ли здесь мистер Робин Армстронг?

Девчонка не спешила отвечать. Она как-то вся съежилась, при этом глядя на него с возросшим интересом. Без сомнения, это имя было ей знакомо, и Армстронг уже прикидывал, как ее разговорить, но тут за спиной девчонки возникла женщина лет тридцати.

– Что вам угодно? – спросила она резким голосом.

Она держалась очень прямо, скрестив на груди руки, а ее лицо было из тех, какие невозможно представить улыбающимися. Но уже через пару секунд наметились некоторые перемены. Чуть-чуть изменилась линия плеч, что-то промелькнуло во взгляде. Ее губы оставались крепко сжатыми, но у Армстронга возникло ощущение, что, если правильно повести разговор, она может смягчиться. Чаще всего люди при первом взгляде на Армстронга удивлялись цвету его кожи и потом уже не видели ничего другого, но были и такие – как правило, зрелые женщины, – кто подмечал в его лице признаки непростого происхождения.

Армстронг не стал улыбаться и разбавлять свой голос толикой лести. Он держал при себе яблоки для лошадей и шарики для мальчишек, но в общении с женщинами подобного типа был слишком осторожен, чтобы прибегать к уловкам.

– Вы хозяйка этого дома?

– В некотором роде.

– Экономка?

Легкий кивок.

– Я ищу мистера Армстронга, – произнес он самым обыденным тоном.

Она посмотрела на него вызывающе, ожидая, не попытается ли этот приличного вида незнакомец перед ней заискивать, но, встретив его спокойный, ровный взгляд, пожала плечами:

– Здесь нет никаких мистеров Армстронгов.

И закрыла дверь.

Разгуливать по фешенебельному району Оксфорда, поминутно привлекая к себе внимание, было бы неразумно, и Армстронг перемещался по более тихим параллельным улицам. На каждом перекрестке он смотрел влево и вправо, понимая, что рискует упустить свою цель, но, когда

минутная стрелка его часов описала полный круг и добралась до половины следующего, он заметил неподалеку субтильную фигуру с тощей косичкой на спине. Армстронг ускорил шаг, чтобы ее нагнать.

– Мисс! Прошу прощения, мисс!

Девчонка обернулась:

– Ох! Это вы.

На открытом пространстве она выглядела еще более щуплой и жалкой, чем в дверях кухни.

– Не хочу вас задерживать, – сказал он. – Следуйте по своим делам, и мы побеседуем на ходу.

– Не знаю, почему она не сказала вам правду, – начала девчонка еще до того, как он задал вопрос. – Это ведь вы присылаете ему письма?

– Да, я пишу ему на этот адрес.

– Но он здесь не живет.

– Неужели?

Теперь Армстронг озадачился не на шутку. Он получал ответы на свои письма. Очень краткие – обычно просьбы выслать деньги, – но со ссылками на его предыдущие послания. То есть Робин их все-таки получал.

Девчонка зябко шмыгнула носом и на углу резко повернула. Передвигалась она с изрядной скоростью для такой пигалицы.

– Мистер Фишер всякий раз говорит: «Не беспокойтесь насчет этих писем» – и кладет их себе в карман, – добавила она.

– Вот как?

Это была хоть какая-то зацепка. Может, стоит вернуться к дому, позвонить у парадного входа и спросить мистера Фишера?

Как будто прочитав его мысли, девчонка сообщила:

– Мистер Фишер появится дома еще не скоро. Он встает с постели не раньше полудня, а по вечерам допоздна засиживается в «Зеленом драконе».

– А кто он такой, этот мистер Фишер?

– Гнусный скряга. Не платит мне уже семь недель. А что вам от него нужно? Он вам задолжал? Тогда плакали ваши денежки.

– Я никогда не встречался с мистером Фишером. Я отец мистера Армстронга. Полагаю, они деловые партнеры.

Быстрый взгляд девчонки сказал ему все, что следовало знать о мистере Фишере и его деловых партнерах. Потом он заметил в детских глазах зародившееся подозрение. Если ей так не нравился мистер Фишер с его партнерами, то что она должна была подумать об отце одного из них?

– Дело в том, – поспешил он ее разуверить, – что меня беспокоит связь моего мальчика с этим Фишером. Я хочу увести сына с этого гибельного

пути, вот только не знаю, получится ли? Скажите, среди приятелей мистера Фишера вы не видели молодого человека двадцати четырех лет со светлыми волосами, которые этак выются на концах, у воротника? Он иногда носит синий пиджак.

Девчонка остановилась как вкопанная. Армстронг с разгона прошел чуть дальше и потом повернулся к ней. В ее и без того бледном лице не осталось ни кровинки.

– Вы же сказали, что вы отец мистера Армстронга! – произнесла она внезапно осипшим голосом.

– Так и есть. Хотя внешне мы с ним не похожи, это верно.

– Но человек... которого вы сейчас описали...

– Да, и что с ним?

– *Это и есть мистер Фишер!*

Она бросила эти слова ему в лицо со злостью обманутого ребенка. И тут же злость сменилась испугом.

– Только не говорите ему, что узнали это от меня! Я не сказала вам ни словечка! Я вам никогда ничего не говорила!

В ее голосе была мольба, а в глазах – слезы.

Заметив, что она готова пуститься наутек, Армстронг достал из кармана пригоршню монет. Девчонка сдержала инстинктивный порыв к бегству и впиалась глазами в деньги.

– Сколько он вам задолжал? – мягко спросил Армстронг. – Этого хватит?

Ее взгляд несколько раз переместился с монет на его лицо и обратно. Она воспринимала происходящее с подозрением и опаской, словно имела дело с кошмарным чудовищем, а деньги, скорее всего, были обманным трюком. Ее следующее действие застигло Армстронга врасплох. В мгновение ока монеты исчезли с его ладони, а схватившая их девчонка припустила прочь – косичка и завязки передника развевались у нее за спиной – и вскоре исчезла за поворотом.

Армстронг покинул квартал богачей, добрался до шумной улицы со множеством лавок и мастерских и зашел в первый подвернувшийся паб. Взял пинту пива себе и еще одну – для слепого старика, сидевшего поближе к очагу. Обменявшись с ним парой фраз об этом пабе, он непринужденно перевел разговор на тему питейных заведений вообще и «Зеленого дракона» в частности.

– С мая по сентябрь там неплохо, – сообщил слепой. – В это время они выставляют столики на свежий воздух и нанимают официанток. Хотя пиво у них разбавлено водой, а цены завышены, публика с этим мирится ради

красивых вьющихся роз, которые там повсюду.

– А в зимний период?

– Зимой это место хуже некуда. Сырые дрова чадят. Крыша нуждалась в починке еще в ту пору, когда я мог видеть, а это было двадцать лет назад. Говорят, оконные рамы там до того растрескались, что только слой грязи не дает им рассыпаться.

– Ну а публика?

– Самого дрянного пошиба. В «Зеленом драконе» можно продать и купить все что угодно: бриллианты, женщин, людские души. Если кому надо чужими руками утрясти какое дельце, он всегда найдет с кем сговориться в «Зеленом драконе» между началом сентября и серединой апреля. По сходной цене. Я это слышал от разных людей и не вижу причин им не верить.

– А как быть тому, кто нуждается в подобных услугах весной или летом?

– Ему придется ждать до сентября. Или решать свои проблемы без посредников.

– И где находится это место? – спросил Армстронг, когда слепец осушил свою кружку.

– Вам там делать нечего. Не таковский вы человек. Пусть глаза меня подводят, но слух пока что нет. У вас голос честного джентльмена, а честным джентльменам в том притоне не место.

– Там может оказаться человек, которого я разыскиваю.

– А он хочет быть найденным?

– Только не мной.

– Он должен вам денег? Поверьте, здоровье дороже.

– Деньги тут ни при чем. Это семейное дело.

– Семейное?

Слепец как будто задумался.

– Речь о моем сыне, – пояснил Армстронг. – Боюсь, он попал в дурную компанию.

Старик через стол протянул ему раскрытую ладонь, Армстронг ответил на рукопожатие и одновременно почувствовал, как другая рука слепого ощупывает его бицепс.

– Похоже, вы способны за себя постоять.

– Да, если потребуется.

– Ну, раз такое дело, я расскажу вам, как добраться до «Зеленого дракона». Ради вашего сына.

Следуя его указаниям, Армстронг вновь пересек весь город из конца в конец. В пути его застал дождь. Когда он достиг обширного луга, небо на западе уже окрасилось в абрикосово-розовые тона. За лугом была река, которую он перешел по мосту и двинулся против течения. Тропу окаймляли густые заросли ежевики и ивняка, ронявшие дождевые капли на его шляпу, а его ноги то и дело цеплялись за узловатые корни старых деревьев. Свет становился все более тусклым, вполне соответствуя его безрадостным мыслям. Но вот впереди, за переплетениями ветвей тиса, падуба и бузины, замаячили контуры здания с квадратами слабо освещенных окон. Без сомнения, это и было искомое место, ибо весь его вид недвусмысленно говорил о том, что здешние обитатели предпочитают обделывать свои делишки вдали от посторонних глаз и под покровом тьмы. Армстронг задержался у окна и заглянул внутрь сквозь толстое стекло.

Он увидел низкое помещение с провисающим посередине потолком, который поддерживал столб из ствола дуба толщиной с троицу стоящих вплотную мужчин. Несколько газовых ламп силились разогнать сумрак, в чем им пытались помочь реденько расставленные на столах свечи. Еще даже не наступил вечер, но казалось, что внутри царит глубокая ночь. Несколько одиночных выпивох рассредоточились в полутьме, за столами вдоль стен, а лучше всего было освещено пространство перед очагом с горящими поленьями. За ближайшим к очагу столом сидели пятеро мужчин. Четверо уткнулись в свои карты, тогда как пятый откинулся назад вместе со стулом, упираясь спиной в стену. Глаза его были закрыты, но по повороту головы Армстронг догадался, что это притворство. Сквозь щелочки между веками его сын – ибо это был Робин – пытался разглядеть карты остальных.

Армстронг прошел вдоль стены и отворил входную дверь. Когда он перешагнул порог, все пятеро игроков дружно повернули голову в его сторону, но от них он был частично скрыт столбом в центре зала и клубами табачного дыма, а посему до поры остался неузнанным. Робин вернул свой стул в нормальное положение и сделал знак кому-то в темном углу, продолжая с прищуром глядеть сквозь дымовую завесу туда, где стоял Армстронг.

Мгновение спустя локти Армстронга были схвачены сзади кем-то ему невидимым. Нападавший был намного ниже его ростом, с тонкими руками, но эти руки держали его крепко, как петля из стального троса. Само по себе ощущение, когда тебя удерживают против твоей воли, было для Армстронга в новинку. При этом он отнюдь не был уверен, что сможет вырваться, хотя человек позади него был так мал, что поля его шляпы

упирались в спину Армстронга между лопатками. Второй человек – с черными, очень низко посаженными и плотно сросшимися бровями – приблизился спереди и начал придиричиво разглядывать Армстронга.

– Чудной какой-то тип. Впервые его вижу, – заключил он.

– Избавьтесь от него, – приказал Робин.

Охранники попытались развернуть его лицом к выходу, но Армстронг уперся.

– Добрый вечер, джентльмены! – громко произнес он, по опыту зная, что одно звучание его голоса способно в корне изменить ситуацию. Он почувствовал удивление человека сзади по перемене его хватки, однако сама хватка ничуть не ослабла.

Однобровый взгляделся в него еще раз, не пришел ни к какому выводу и обернулся к столу картежников, но слишком поздно, чтобы заметить то, что заметил Армстронг: изумленное выражение на лице Робина, уже в следующий момент им подавленное.

– Полагаю, ваш мистер Фишер не откажется со мной побеседовать, – продолжил Армстронг.

Робин встал со стула, кивнул охранникам, и стальной захват локтей Армстронга разжался.

Эта парочка отступила обратно в тень, а Робин двинулся к нему через зал. На лице его было то самое выражение, которое Армстронг видел тысячу раз, начиная с его раннего детства. Это была ярость капризного ребенка, на пути которого встал его родитель. И сейчас Армстронг с изумлением обнаружил, насколько пугающей выглядит эта гримаса на лице взрослого человека. Не будь он отцом Робина, не будь он крупным и физически сильным мужчиной, он бы, наверное, струхнул.

– Выйдем, – сквозь зубы процедил Робин.

На улице смеркалось. Далеко они не ушли, остановившись на галечном склоне между трактиром и рекой.

– Так вот куда уходят посылаемые тебе деньги? На карточные игры? Или на содержание роскошного дома? Ты живешь не по средствам.

Робин презрительно фыркнул.

– Как ты меня нашел? – спросил он бесцветным голосом.

Старший сын не переставал удивлять Армстронга. Чего бы он ни ожидал перед каждой новой встречей, всякий раз действительность превосходила его наихудшие ожидания.

– Не нашлось другого приветствия для собственного отца?

– Зачем ты здесь?

– А твоя мать – почему ты не спросил о ней?

– Ты бы сразу сказал, если бы что-то было неладно.
– Что-то *и впрямь* неладно. Но не с твоей матерью.
– Дождь моросит. Выкладывай поскорее, зачем пришел, чтобы я мог вернуться в дом.

– Каковы твои намерения насчет ребенка?

– Ха! Только и всего?

– Только и всего?! Робин, мы говорим о маленькой девочке. И о счастье двух семей. С такими вещами не шутят. Почему ты ничего не предпринимаешь?

При угасающем свете Армстронгу показалось, что губы его сына скривились в циничной усмешке.

– Она твоя дочь или нет? Если да, что ты думаешь с этим делать? А если нет...

– Это тебя не касается.

Армстронг вздохнул. Покачал головой и начал с другого конца:

– Я сегодня ездил в Бамптон.

Робин взглянул на отца уже с интересом, но ничего не сказал.

– Побывал в доме, где снимала комнату твоя жена. И где она умерла.

Робин по-прежнему молчал, и от него все так же веяло враждебностью.

– Насчет любовника, который якобы был у твоей жены, – об этом никто и слыхом не слыхал.

Долгая пауза.

– Кто тебе это сказал? – В голосе Робина прозвучала угроза.

– Я хотел свозить хозяйку того дома в Баскот, чтобы она опознала ребенка, но оказалось...

– Как ты смеешь?! Это касается только меня и никого больше. Предупреждаю: не суйся в мои дела!

Армстронгу потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя после этого выпада.

– *Твои* дела? Робин, речь идет о будущем ребенка. Если она твоя дочь, значит она моя внучка. Если нет, она дочь Воганов. В любом случае нельзя утверждать, что это касается только тебя и никого больше. Так или иначе, это семейное дело.

– Семья! – Робин выплюнул это слово, как проклятье.

– Кто ее отец, Робин? Ребенку нужен отец.

– Лично я в нем никогда не нуждался.

Робин крутнулся на месте, разметав каблуками гальку, и уже сделал шаг в сторону «Зеленого дракона», но Армстронг схватил его за плечо.

Нельзя сказать, что он был так уж удивлен последовавшей реакцией сына, который ответил яростным ударом с разворота. Армстронг инстинктивно выбросил вперед руку для защиты, но еще до того, как кулак Робина завершил свою траекторию, его собственный кулак неожиданно вступил в контакт с мягкой плотью и зубами. Робин грязно выругался.

– Прости меня, – поспешил сказать Армстронг. – Робин, я не хотел... Тебе сильно досталось?

Вместо ответа Робин обрушил на отца град пинков и ударов. При этом Армстронг держал его за плечи на расстоянии вытянутых рук, так что ноги и кулаки Робина достигали цели уже на излете и не причиняли существенного вреда. Эта сцена повторялась много раз в пору детства и юности Робина; тогда Армстронг заботился лишь о том, чтобы сын в приступе ярости не нанес травму самому себе. Сейчас он бил грамотнее и сильнее прежнего, но все равно ничего не мог противопоставить физическому превосходству отца. Разлеталась галька, сыпались проклятья – все это не могло не привлечь внимания людей в трактире.

Конец этой неловкой стычке положил скрип отворяемой двери.

– Эй, там все в порядке? – донесся до них чей-то голос.

Робин мгновенно остановился.

– Да, порядок, – ответил он.

Дверь не захлопнулась, – вероятно, кто-то продолжал следить за ними из проема.

Его сын развернулся и, не прощаясь, пошел к дому.

– Робин! – вполголоса окликнул его Армстронг. Затем, еще больше понизив голос: – Сын!

Робин остановился в нескольких шагах и заговорил так же тихо, еле слышимый сквозь шум дождя, но его слова достигли цели и ударили намного сильнее, чем могли бы сделать его кулаки.

– Ты не мой отец, и я тебе не сын!

Он дошел до двери, перебросился парой слов со стоявшим там человеком, и оба исчезли внутри дома, не оглянувшись.

Армстронг двинулся в обратный путь вдоль берега реки. В полутьме наткнулся на ветви ивы, потом чуть не упал, зацепившись ногой за корень. Дождевая вода струйками стекала ему за шиворот. Саднили содранные костяшки на руке, которой он ударил Робина. Тогда он даже не заметил повреждения, но теперь оно ощущалось весьма болезненно. Тот удар пришелся по губам и зубам. Приблизив кулак к лицу, он уловил запах крови. Своей или сына?

Растревоженная дождем река все быстрее неслась мимо Армстронга,

который молча стоял на берегу, погрузившись в раздумье. «Ты не мой отец, и я тебе не сын». Он бы все отдал, чтобы вернуть тот момент. Что он мог сделать иначе? Что он мог сказать, чтобы все исправить? Он допустил грубую ошибку и, по всей вероятности, окончательно разорвал связи, которые в ином случае когда-нибудь – спустя недели, месяцы или годы – еще могли бы снова обрести прежние теплоту и сердечность. Он ощущал это как конец всему. Он потерял своего сына, а вместе с ним и весь мир.

Дождевая вода смешивалась со слезами, а слова вновь и вновь повторялись в его сознании. «Ты не мой отец, и я тебе не сын».

Наконец, промокший и замерзший, он встряхнул головой.

– Робин, – произнес он голосом, который слышала только река, – пусть ты и не хочешь быть моим сыном, но я не могу не быть твоим отцом.

И, вернувшись на тропу, пустился в долгий обратный путь.

История не для рассказа

Существуют истории, которые можно рассказывать во всеуслышание, другие истории могут быть рассказаны только шепотом, а есть и такие, что вообще не предназначены для чужих ушей. История брака мистера и миссис Армстронг относилась к последней из упомянутых категорий, будучи в полной мере известна лишь двум ее непосредственным участникам, да еще, конечно же, реке. Хотя, если вы являетесь тайными визитерами извне, свободно пересекающими границы между мирами, ничто не помешает вам, сидя на берегу, прислушаться к ее журчащей речи, и, таким образом, вы тоже все узнаете.

Когда Роберту Армстронгу исполнился двадцать один год, его отец вознамерился купить для него ферму. Агент предложил на выбор несколько земельных участков, и Роберт посетил их все. Больше других ему приглянулись владения некоего Фредерика Мэя. Ферма мистера Мэя процветала, но он не имел сына-наследника, а когда дочери повыходили замуж, выяснилось, что и его зятьям эта земля не нужна: у них и своей было предостаточно. Только младшая дочь-калека продолжала жить с родителями. В конечном счете стареющий мистер Мэй посоветовался с женой и решил продать ферму – всю, за исключением маленького коттеджа неподалеку от главной усадьбы. В этом коттедже они планировали провести остаток своих дней, выращивая цветы и овощи на огорожке, а об остальных угодьях и строениях пускай заботится их новый хозяин. Вырученная сумма должна была гарантировать им спокойную старость и, кроме того, послужить приданым для их младшей дочери, а если у той с браком не заладится, хотя бы обеспечить ее благополучие после их смерти.

Прибыв на ферму мистера Мэя, Роберт Армстронг обнаружил, что его угодья примыкают к реке. Поэтому он первым делом убедился, что берега в этом месте не подмыты, а русло не засорено водорослями и плавником. Дальнейший осмотр показал, что зеленые изгороди повсюду аккуратно подстрижены, скот на лугах сыто лоснится, а свежевспаханные поля чернеют безупречно ровными бороздами. «Хорошо, – сказал он. – Я согласен».

«Негоже продавать землю чужаку, да еще *такому*», – увещевали мистера Мэя местные доброхоты. Но все другие потенциальные покупатели отчаянно пытались сбить цену, пускаясь на всяческие уловки, а этот чернокожий посчитал цену справедливой и не стал торговаться. Более

того, обходя с ним ферму, мистер Мэй не мог не заметить, как он со знанием дела проверяет качество вспашки и оценивает состояние коров и овец; так что старик очень скоро и думать забыл о цвете кожи мистера Армстронга, убедившись в одном: если он хочет передать свою землю и свой скот в надежные руки, то Армстронг подходит для этого как нельзя лучше.

– А что будет с людьми, которые работали на меня столько лет? – спросил мистер Мэй.

– Те, кто пожелает остаться, пусть остаются и, если будут работать хорошо, получают прибавку к жалованью, а если плохо – получают расчет после осенней страды, – сказал Армстронг; на том и порешили.

Несколько человек решительно отказались подчиняться какому-то негру, но другие согласились, ограничившись недовольным брюзжанием. Впоследствии, ежедневно общаясь со своим новым боссом, многие из них с удивлением обнаружили, что под темной кожей скрывается вполне нормальный человек, не хуже прочих, а то и даже чуток получше. Лишь трое-четверо молодых парней гнули прежнюю линию: нагло хихикали ему в лицо и показывали неприличные жесты за его спиной. Этим презрением они оправдывали собственную нерадивость – «Кому охота вкалывать на черномазого босса?», – однако за получкой по пятницам приходили исправно, чтобы потом, пропивая эти деньги в келмскоттских трактирах, всю прохаживаться на его счет. Он делал вид, что ничего не замечает, хотя на самом деле внимательно за ними следил, надеясь, что они когда-нибудь все же образумятся.

Так или иначе, но Роберту Армстронгу нужно было обзаводиться друзьями. А поскольку в этих краях он был более-менее близко знаком только с одним человеком – тем самым, у которого купил ферму, – он завел обыкновение раз в неделю посещать коттедж мистера Мэя, благо до него от усадьбы было рукой подать. Во время этих визитов, обычно длившихся около часа, старик был счастлив поговорить о работе, которой посвятил всю свою жизнь и которой уже не мог заниматься по слабости здоровья. Миссис Мэй сидела в уголке с вязаньем; и чем дольше она слушала голос гостя, образованностью превосходившего большинство известных ей людей, чем чаще звучал его добродушный раскатистый смех, неизменно заражавший и ее мужа, тем больше ей был по душе Роберт Армстронг. Время от времени в гостиной появлялась их дочь с чайным подносом или булочками.

Бесси Мэй в раннем детстве перенесла тяжелую болезнь, следствием чего стало нарушение походки: она раскачивалась и заметно припадала на

левую ногу. Посему неудивительно, что на нее косились случайные прохожие, и даже давние знакомые их семьи порой ворчали, что «лучше бы ей сидеть дома, чем этак расхаживать по улице». Будь дело только в походке, они, может, ворчали бы меньше, но был еще и глаз. Она носила повязку на правом глазу – не одну и ту же все время, но разные, в зависимости от цвета ее платья. Судя по всему, повязок у нее было ровно столько же, сколько платьев, – нередко они делались из обрезков той же самой материи и держались на голове с помощью ленточек, исчезавших под ее прекрасными белокурыми волосами. Она всегда была опрятной и следила за своей внешностью, что опять же вызывало раздражение у многих. Им не нравилось, что она ведет себя так же, как любая другая девушка ее возраста, будто у нее и вправду есть какие-то перспективы в жизни. По их мнению, ей следовало бы запереться в четырех стенах родительского дома и не высовывать носа, тем самым признав то, что было давно уже ясно всем: она обречена навеки остаться старой девой. Она же на глазах у всей паствы преспокойно ковыляла по центральному проходу церкви и занимала место в средних рядах, вместо того чтобы незаметно приткнуться где-нибудь в уголке и просидеть всю службу тихой мышкой. В хорошую погоду она, дохромав до скамейки посреди газона, располагалась там с книгой или вышивкой, а зимой, надев перчатки, отправлялась гулять, выбирая места поровнее и с завистью поглядывая на обладателей здоровых ног, которые рискованно скользили по ледяным лужам. А за спиной Бесси кривлялись, пародируя ее походку, все те же пакостные юнцы, что кривлялись и за спиной Армстронга. Люди, знавшие ее с детских лет – когда она еще не носила повязку, – говорили, что ее глаз был каким-то чересчур белым, а зрачок располагался не по центру радужки, смещаясь кверху и вбок. Невозможно понять, куда она смотрит и что она видит, говорили они.

В детстве у Бесси Мэй были подруги: несколько соседских девочек, которые стайкой шли в школу и возвращались оттуда, ходили в гости друг к другу или просто гуляли, взявшись за руки. Но по мере превращения девочек в юных женщин эти дружеские связи слабели и обрывались. Возможно, они боялись, что изуродовавшая Бесси болезнь может быть заразной или что парни станут обходить их стороной, увидев ее в их компании. И к тому времени, когда Роберт Армстронг приобрел ферму, подруг у Бесси уже не осталось. Но она, несмотря ни на что, всегда высоко держала голову и улыбалась. Ее отношение к окружающему миру как будто ничуть не изменилось, однако она чувствовала, что этот мир изменил свое отношение к ней.

Вскоре определенные перемены начали происходить и в поведении местных парней. В свои шестнадцать лет, со светлыми кудрями, приятной улыбкой и обозначившейся под платьем грудью, Бесси была не лишена привлекательности. Если бы кто-то незнакомый впервые увидел ее сидящей – причем с той стороны, где не было повязки, – он бы посчитал ее самой красивой девушкой в округе. Это обстоятельство не ускользнуло и от внимания парней, чьи шуточки в ее адрес становились все более сальными. А когда презрение и похоть уживаются в одном сердце, это воистину дьявольская смесь. Встречая Бесси где-нибудь на пустынной лужайке, они похабно ухмылялись и норовили ее облапать или толкнуть, зная, что увечье не позволит ей быстро уклониться от расставленных рук. Неоднократно она приходила домой в запачканной юбке и с грязными руками, объясняя это тем, что «споткнулась».

Роберт Армстронг знал, что о нем думают некоторые молодые работники его фермы. Исподтишка за ними наблюдая, он вскоре узнал и об их отношении к Бесси. Однажды вечером, когда он пришел с обычным визитом в коттедж, мистер Мэй не пригласил его войти. «Не сегодня, Армстронг». Заметив трясущиеся руки и слезы в его глазах, Роберт понял, что случилась какая-то беда. Он тут же вспомнил кучку хохочущих парней на ферме и обрывки разговора: один из них чем-то бахвалился, упоминая имя Бесси и сопровождая это вульгарной жестикуляцией. Сопоставив факты, нетрудно было догадаться, что именно случилось.

В последующие несколько дней он не видел Бесси. Она не посещала церковь, не сидела на своей любимой скамейке, не ходила с поручениями родителей в деревню, не работала в саду. А когда она все-таки появилась на людях, стала заметна происшедшая в ней перемена. Внешне она была все такой же опрятной и энергичной, однако ясный открытый взгляд, каким она раньше смотрела на мир, сменился чем-то более сумрачным. Упрямым нежеланием сдаваться.

Почти всю ночь он провел в раздумьях и, приняв решение, уснул, а когда поутру проснулся, это решение все еще казалось ему правильным. Днем, когда Бесси несла обед своему отцу, Армстронг перехватил ее в тихом месте на речном берегу, где заросли боярышника смыкаются с кустами лещины. Он заметил, как она вздрогнула, осознав, что в пределах видимости нет других людей. Обратившись к ней по имени, он убрал руки за спину и опустил глаза:

– Мисс Мэй, до сих пор мы с вами почти не разговаривали, но вы знаете, кто я такой. Вы знаете, что я друг вашего отца и владелец его бывшей фермы. Вы в курсе, что я всегда вовремя плачу по счетам. У меня

мало друзей, но сам я не враг никому. И если вам когда-нибудь понадобится чья-то поддержка, умоляю вас обратиться ко мне. Больше всего на свете я хотел бы сделать вас счастливой. В каком качестве – друга или мужа, – это решать вам. Но знайте, что я всегда к вашим услугам.

Он поднял голову, встретил ее потрясенный взгляд, отвесил легкий поклон и удалился.

На следующий день он в то же время явился на то же место и увидел, что она уже его ждет.

– Мистер Армстронг, – начала она, – я не умею выражаться так же складно, как вы. Прежде чем сказать что-либо по поводу ваших вчерашних слов, я должна кое-что сделать. Я сделаю это прямо сейчас, и тогда ваше отношение ко мне может измениться.

Он молча кивнул.

Она нагнула голову, оттянула пальцами повязку и переместила ее на здоровый глаз, так что другой глаз оказался открытым. И этим правым глазом она посмотрела на Армстронга.

Он, в свою очередь, изучал глаз Бесси, который как будто жил своей собственной, отдельной жизнью. Радужка была голубой, как и на левом глазу, но под ней перемещались какие-то более темные тени. Зрачок – вроде бы такая привычная вещь в глазу любого человека – у Бесси был как-то странно смещен в сторону. Внезапно Армстронг осознал, что на самом деле это не он, а его изучают. Под ее взглядом он вдруг почувствовал себя обнаженным и расчленяемым на мелкие кусочки. Почему-то вдруг вспомнились самые постыдные моменты из его детства и юности. Моменты, когда он вел себя не так достойно, как хотелось бы. Вспомнились случаи, когда он проявлял неблагодарность. И, терзаемый жгучим стыдом, он мысленно дал себе клятву никогда больше так не поступать. А потом – уже с облегчением – подумал, что эти, в сущности, мелкие проступки были всем, о чем ему приходится сожалеть в своей жизни.

Продлилось это недолго. Сделав свое дело, Бесси вернула повязку на прежнее место. А когда она снова посмотрела на него, ее лицо заметно изменилось. Теперь оно выражало удивление и что-то еще, отчего у него стало тепло на душе, а сердце радостно затрепетало. В ее здоровом глазу он увидел зарождающееся чувство, даже что-то вроде восхищения. И это чувство – если только он не обманывал сам себя – вполне могло со временем перерасти в любовь.

– Вы хороший человек, мистер Армстронг. Я это вижу. Но вам надо узнать обо мне кое-что еще.

Она говорила тихо, с запинкой.

– Я уже знаю.

– Я не об этом. – Она указала на свою повязку.

– И я не об этом. И не о вашей хромоте.

Она уставилась на него с удивлением:

– Но откуда вы знаете?

– Этот человек работает на моей ферме. Я догадался.

– И тем не менее вы хотите на мне жениться?

– Да.

– Но что, если...

– Если будет ребенок?

Она кивнула, залилась краской и смущенно опустила голову.

– Не краснейте, Бесси. Вам нечего стыдиться. Вина и стыд полностью лежат на нем. А если появится ребенок, мы с вами будем растить и любить его так же, как наших общих детей.

Она подняла лицо и встретилась с ним взглядом:

– В таком случае я согласна, мистер Армстронг. Да, я буду вашей женой.

Они не целовались и даже не прикоснулись друг к другу. Армстронг лишь попросил ее передать отцу, что он завтра ближе к вечеру нанесет им визит.

– Я ему передам.

Армстронг нанес этот визит и получил от мистера Мэя согласие на брак с его дочерью.

А когда на следующее утро тот самый молодой человек, который доставил много неприятностей Армстронгу и несравнимо хуже поступил с Бесси, явился на работу со своей обычной нагловатой ухмылочкой, Армстронг его уже ждал. Он выдал парню полный расчет и сказал, что тот уволен.

– И если я еще когда-либо услышу, что ты появился ближе чем в двадцати милях отсюда, то пеняй на себя, – добавил он.

Причем сказано это было таким спокойным тоном, что молодой человек с изумлением взгляделся в его лицо, дабы убедиться, правильно ли он понял. Однако взгляд Армстронга ясно дал понять, что он не ослышался, и уже готовый сорваться с языка дерзкий ответ так и не прозвучал, а парень удалился тихо, оставив все свои проклятья при себе.

Было объявлено о помолвке, а вскоре состоялась и свадьба. Было много пересудов, как всегда в таких случаях. В церковь набилось полно желающих взглянуть на бракосочетание темнокожего фермера с

бледнолицей калекой. Конечно, все дело в деньгах, рассуждали они, – и уж с этим у нее все в порядке. И потом, ее голубые глаза, белокурые волосы, изящная фигура – по крайней мере в этом плане он тоже не прогадал, да и вряд ли мог рассчитывать на что-то лучшее. Но даже их искренние поздравления были сдобрены нотками жалости, и никто молодоженам не завидовал. Общее мнение было таково: при ничтожных шансах каждого из них найти себе пару это был вполне разумный выход. А холостые парни и незамужние девушки испытывали приятное чувство особого рода: слава богу, уж им-то никогда в жизни не придется делать столь тягостный выбор. Уж лучше выйти за нищего батрака, чем за богатого сына негритянки; уж лучше жениться на простой прачке, чем на фермерской дочери с кривым глазом и хромотой.

Через несколько месяцев после свадьбы живот Бесси заметно округлился, и сразу пошли кривотолки. Каким будет этот младенец? Наверняка жутким уродом. Детвора начала дразнить Бесси на улицах, и она перестала выходить за пределы фермы. Она с тревогой ждала положенного срока, и Армстронг пытался ее успокоить. Звук его голоса и вправду действовал на нее благотворно, а когда он, положив руки на ее живот, говорил: «Все будет хорошо», она не могла ему не верить.

Повитуха, принимавшая роды, сразу после того отправилась к своим приятельницам, а те быстро разносили весть по всей округе. Так что же за чудовище явилось из утробы косоглазой Бесси, зародившись от ее черного супружника? Те, кто предсказывал трехглазого курчавого уродца с недоразвитыми конечностями, были горько разочарованы. Ребенок оказался нормальным. И не просто нормальным.

– Прямо-таки писаный красавчик! – рассказывала повитуха. – И кто бы мог подумать? Это самый прелестный ребенок из всех, кого я принимала!

А со временем и прочие смогли убедиться в ее правоте. Армстронг разъезжал верхом в окрестностях фермы, пристроив ребенка перед собой, и все они его видели: легкие светлые кудряшки, миловидное личико и улыбка настолько ангельская, что просто невозможно было не улыбнуться в ответ.

– Пусть зовется Робертом, – сказал Армстронг. – Как и я.

Так его и окрестили, а в малолетстве называли Робинот. Мальчик рос, но уменьшительное имя Робин пристало к нему прочно – к тому же так удобнее было различать отца и сына. За ним последовали другие дети, девочки и мальчики, все как на подбор здоровые и бодрые. У одних кожа была потемнее, у других посветлее; были и почти совсем белые, но никто в такой степени, как Робин.

Армстронг и Бесси были счастливы. Им удалось создать счастливую

СЕМЬЮ.

Фото Амелии

Во второй половине марта настал день весеннего равноденствия. Свет сравнялся с тьмой, день и ночь были идеально сбалансированы, и даже людские дела на короткое время пришли в благополучное равновесие. Река была полноводной – в равноденствие реки всегда полноводны.

Воган пробудился первым. Было уже позднее утро – они проспали переключку птиц и предрассветные сумерки, и теперь в щель между шторами пробивался дневной свет.

Хелена рядом с ним еще спала, закинув руку за голову поверх подушки. Он поцеловал нежную кожу на внутренней стороне ее предплечья. Не открывая глаз, она улыбнулась и прижалась к его теплому боку. Она все еще была нагой после ночи любви. В последние дни они переходили от наслаждений ко сну и от сна обратно к наслаждениям. Его рука под простыней нащупала ее ребра, скользнула по изгибам груди и бедра. Она пальцами ноги пощекотала его ступню...

Какое-то время спустя он сказал:

– Поспи еще часок, если хочешь. Я сам ее покормлю.

Она кивнула, улыбнулась и вновь закрыла глаза. Теперь они оба могли спать подолгу, часов по девять-десять подряд, добирая свое после двух лет бессонницы. И все это благодаря девочке. Это она изменила их ночи, изменила в целом их брак.

Воган и девочка завтракали в компанейском молчании. Когда за столом присутствовала Хелена, она без конца обращалась к девочке, но Воган даже не пытался с ней заговорить или как-то привлечь ее внимание. Он намазывал ее тост маслом и клал сверху толстый слой джема, а она следила за каждым его движением. Ела она сосредоточенно, занятая какими-то своими мыслями, пока часть джема не свалилась с края тоста на скатерть. Она быстро взглянула на Вогана – не заметил ли он эту оплошность. Ее глаза – которые Хелена называла зелеными, а он считал голубыми и глубина которых не поддавалась измерению – встретились с его глазами, и он ответил легкой, доброй, ободряющей улыбкой. Ее губы, в свою очередь, мимолетно раздвинулись, и, хотя такое уже случалось и раньше, его сердце вздрогнуло от неожиданности.

То же самое происходило с ним всякий раз, когда девочка обращалась к нему за поддержкой. Абсолютно бесстрашная на берегу реки, она чувствовала себя неуверенно в любой другой обстановке. Ее могли

напугать стук подков по мостовой, громко хлопнувшая дверь, попытка слишком фамильярного незнакомца потрепать ее по щеке, выбивание пыли из ковров – и в таких случаях она оглядывалась на Вогана. В любой непривычной ситуации она тянулась именно к нему с молчаливой просьбой взять ее на руки и защитить от возможной опасности. Два года назад он не смог защитить Амелию, и сейчас это воспринималось им как второй шанс. Каждое такое «спасение» по крупицам возвращало ему веру в себя.

Девочка по-прежнему не разговаривала, часто бывала рассеянной, иногда – апатичной, и все же ее присутствие радовало Вогана. Сто раз на дню он сравнивал настоящую Амелию с этой девочкой или эту девочку – с настоящей Амелией. В результате между ними сформировалась настолько прочная связь, что он уже не мог думать об одной из них отдельно от другой. Они стали как бы двумя сторонами одной и той же мысли.

Пришла служанка убирать посуду.

– В половине одиннадцатого придет фотограф, – напомнил ей Воган. – Первым делом надо будет подать кофе.

– Сегодня еще должна прийти медсестра – для нее тоже приготовить кофе?

– Да, кофе для всех.

Служанка с некоторым беспокойством посмотрела на спутанные после сна волосы девочки.

– Может, мне причесать мисс Амелию перед фотографированием? – неуверенно предложила она.

– Предоставим это миссис Воган, когда она проснется.

На лице служанки отразилось облегчение.

У Вогана было намечено еще одно дело, с которым он хотел разобраться до прибытия фотографа.

– Пойдем, малышка, – сказал он.

Взяв ее на руки, он переместился в гостиную, сел за письменный стол и пристроил девочку на коленях так, чтобы она могла смотреть на сад за окном.

Потом взял фотографию, на которой были изображены Амелия, Хелена и он сам.

После появления в их доме этого ребенка его страх перед воспоминаниями – прежде столь сильный, что он намеренно старался забыть лицо своей дочери, – несколько уменьшился. Временами у него возникало такое чувство – игра фантазии, конечно же, – будто Амелия смотрит на него откуда-то издалека и ждет, что он встретится с ней взглядом. Через ужасающую пропасть между ними. Но сейчас, когда

момент проверки настал, задача уже не казалась такой трудной, как он думал вначале.

Он повернул снимок лицевой стороной к себе и взгляделся в него сквозь пряди растрепанных волос девочки.

Традиционная композиция для семейных фото. Хелена с Амелией на коленях. Воган чуть позади них. Сознывая, что малейшее движение лицевых мышц может привести к повторению всей процедуры, к недопустимой потере времени, денег и усилий, Воган так напряженно смотрел в объектив, что незнакомым людям его вид мог бы показаться угрожающим, а тем, кто его знал, – комичным. Хелена так и не смогла подавить улыбку, но сохраняла ее неизменной на протяжении фотосъемки, и камера смогла запечатлеть ее красоту во всех подробностях. А у нее на коленях сидела она: Амелия.

На снимке размером три на пять дюймов лицо его дочери вышло крошечным – даже меньше ногтя на большом пальце вот этой живой девочки. Ко всему прочему она не смогла просидеть смирно необходимые фотографу секунды. Слегка смазанные черты придали ей некую универсальность, и сейчас в этом лице легко можно было найти сходство как с девочкой у него на коленях, так и с его дочерью, образ которой он так долго старался забыть. Должно быть, она шевелила и ногами: они также получились нечеткими, какими-то бескостными, как у парящего в воздухе привидения. Платице на ее маленьком теле по краям размылось вплоть до прозрачности, напоминая пену, в которой совсем затерялись ее руки.

Девочка шевельнулась, и он посмотрел вниз. На ее руке появилась прозрачная капля. Она слизнула ее, поднеся руку ко рту, а потом с любопытством взглянула на Вогана.

Он плакал.

– Глупый папочка, – сказал он и наклонился с намерением поцеловать ее в макушку, но девочка уже соскользнула на пол.

Она подошла к двери, повернулась и протянула ему руку. Воган последовал за ней из дому, через сад и вниз по склону к реке.

– Для чего это все? – удивлялся он вслух. – Я от этого должен почувствовать себя лучше?

Она посмотрела вверх по течению, потом вниз, но ничего интересного там не заметила. Тогда, оглядевшись, нашла крепкую прямую палку и несколько раз ковырнула ею ил у самой кромки воды. Потом передала палку Вогану, чтобы он продолжал в том же духе, а сама выбрала несколько довольно крупных камней среди гальки на склоне и принялась обмывать их в реке. Цель и смысл этих действий ускользали от понимания Вогана, но

чуть погодя он вдруг вспомнил, что однажды такое уже было: он стоял на этом самом месте и смотрел, как Амелия моет камни. Ну как же, конечно, – больше двух лет назад они вдвоем гуляли у берега, и она точно так же непонятно зачем возилась с камнями и тыкала палкой в ил на мелководье. Он посмотрел вдаль, пытаясь сообразить, настоящее ли это воспоминание или какая-то странная проекция на прошлое нынешних действий девочки.

А она между тем отложила в сторону свои камни, опустилась на четвереньки и посмотрела в гладкую поверхность воды, как в зеркало. Оттуда на нее смотрела другая девочка – и вот ее он хорошо знал.

– Амелия!

Он протянул к ней руку, но в результате отраженный образ исчез, а его пальцы намокли.

Девочка приподнялась и направила на него взгляд своих странных, таких переменчивых глаз. Казалось, она была чем-то слегка озадачена.

– Кто ты такая? Я знаю, что ты не она, и все же... Если ты все-таки она – я что, схожу с ума?

Она вручила ему палку и энергичным движением показала, что он должен с ее помощью вырыть канавку. Когда это было сделано, она разложила вдоль канавки свои камни. Она очень старалась, чтобы линия камней вышла как можно более ровной, и несколько раз их поправляла. Далее, как понял Воган, им оставалось только наблюдать. И они наблюдали за тем, как вода проникает в канавку и заглаживает ее края. В считанные минуты река полностью уничтожила плоды трудов мужчины и ребенка.

Пить кофе решили на свежем воздухе, рядом с лодочным домиком. Все согласились, что речной пейзаж будет куда интереснее снимка в помещении и что грех не воспользоваться моментом, пока держится сухая погода.

Выбрав позицию и установив камеру на треногу, Донт отправился готовить первую фотопластинку.

– Пока я этим занимаюсь, можете посмотреть ваши старые снимки, – сказал он. – Те, что я сделал в прошлый раз.

Хелена открыла деревянную коробочку, изнутри выложенную фетром. Там, каждая в своем гнезде, находились две стеклянные пластинки.

– Ох! Как странно! – произнесла Хелена, посмотрев первую пластинку на свет.

– Не ожидали такого? – сказала Рита. – Здесь свет и тень поменялись местами.

Она взяла пластинку из рук Хелены и посмотрела сама:

– Похоже, мистер Донт был прав: те снимки, которые у вас уже есть, были самыми удачными. Этот порядком размыт.

– Что скажешь, дорогой? – обратилась Хелена к мужу, передавая негатив ему.

Он мельком увидел мутное пятно вместо лица ребенка и сразу отвел взгляд.

– Вы хорошо себя чувствуете? – спросила Рита.

Он кивнул:

– Должно быть, выпил слишком много кофе.

Хелена достала вторую пластинку и начала изучать ее:

– Тоже размыто, но не настолько, чтобы не разглядеть самое для нас важное. Да, сходство несомненно. Это Амелия.

В ее голосе не было ни малейшего напряжения, никаких тревожных ноток. Он звучал спокойно, даже мягко.

– Что бы там ни задумал мистер Армстронг, он все равно ничего не добьется, однако юрист посоветовал нам быть готовыми. На всякий случай.

– Мистер Армстронг продолжает вас навещать?

– Да, продолжает, – невозмутимо промолвила Хелена.

Рита успела заметить мимолетную гримасу на лице Вогана при упоминании этого имени.

Но тут появился Донт. Хелена убрала пластинки в коробку и, широко улыбаясь, взяла девочку на руки:

– Где нам встать?

Донт посмотрел на небо, уточняя положение солнца, и показал рукой:

– Вон там.

Девочка сопротивлялась и вертелась, поворачивала голову и сучила ногами, вследствие чего ценные пластинки отбраковывались одна за другой, поскольку проявлять их не имело смысла.

Когда они уже почти отчаялись, Рита выдвинула свежую идею:

– Посадите ее в лодку. На воде она успокоится, а волн сейчас нет совсем.

Донт окинул взглядом реку. Течение было плавным. Он пожал плечами и кивнул в знак согласия. Попробовать стоило.

Они перенесли камеру на берег. Хелена подогнала к пристани маленькую лодку времен своего девичества и крепко привязала ее к свае.

Равномерное течение натянуло веревку, и лодка застыла на месте. Девочка шагнула в нее с пристани. Лодка даже не покачнулась, так что ей не было нужды балансировать. Так она и стояла, легко сохраняя равновесие

над потоком воды.

Донт хотел сказать ей, чтобы села, но тут наступил один из тех редких моментов, какие превыше всего ценятся фотографами, и ему стало уже не до этого. Ветер отогнал от солнца тяжелую тучу, заменив ее тонкой белесой пеленой, которая смягчила свет и размыва тени. В свою очередь, водная гладь уподобилась чистому перламутру, а девочка в тот же самый момент повернулась и устремила взгляд против течения – как раз туда, куда нужно было камере. Идеально.

Донт сорвал крышку с объектива и замер, мысленно умоляя солнце, ветер и реку немного потерпеть. Одна. Две. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать.

Получилось!

– Вы когда-нибудь видели, как проявляют снимок? – обратился Донт к Вогану. – Нет? Идемте, я вам покажу. Заодно увидите, как я оборудовал свою темную комнату.

– Эта туча уходит, – сказала Хелена, подняв голову к небу после того, как мужчины скрылись в плавучей лаборатории Донта. – Как насчет лодочной прогулки?

– Пожалуй, у нас есть немного времени.

Они вернули утлую лодчонку под навес и взяли там другую, побольше, способную вместить двух гребцов и ребенка. Когда Рита шагнула через борт, лодка опасно закачалась, и ей пришлось взмахнуть руками, чтобы удержать равновесие. Хелена проделала то же самое ловко и уверенно, почти не качнув лодку, и развернулась, чтобы принять девочку, но та уже стояла с ней рядом, переместившись с суши на воду так, словно для нее не было ничего более естественного.

Они распределились – девочка на носу, за ней Хелена, потом Рита. Как только отчалили, Рита сразу почувствовала необычайную силу гребков своей напарницы.

– Амелия! Да сядь же ты! – со смехом крикнула Хелена. – Она упорно не желает садиться в лодке. Если так пойдет и дальше, надо будет приобрести для нее плоскодонку или гондолу!

Спина девочки напряглась, когда она подняла голову, глядя вперед, но в такую плохую погоду на реке никого не было, кроме их лодки, и, когда плечи девочки печально опустились, Рита почувствовала всю горечь ее разочарования.

– Что она там высматривает? – спросила она.

Хелена пожала плечами:

– Она всегда очень интересовалась рекой. Дай ей волю, будет торчать у воды с утра до вечера. В ее годы я была такой же. Это у нас в крови.

Она не ответила прямо на вопрос Риты, но в этом не было умысла. Хотя Хелена постоянно и очень пристально смотрела на девочку, у Риты сложилось впечатление, что в некотором смысле она не видит ее по-настоящему. Она видела в ней Амелию, свою Амелию, потому что испытывала в этом настоящую потребность. А Рита замечала немало странностей и в самой девочке. В частности, ей казалось ненормальным, что маленький ребенок совсем не просится на руки к родителям, чтобы те его приласкали. Такое поведение также вызывало вопросы, однако сейчас она попыталась отвлечься, сменив тему:

– Все еще неизвестно, где она была все это время?

– Главное, что теперь она здесь. И это все, что имеет значение.

Рита сделала еще одну попытку:

– Есть новости о похитителях?

– Никаких.

– А замки на окнах – с ними вы чувствуете себя в безопасности?

– Мне по-прежнему кажется, что кто-то за нами следит.

– Помните, я рассказывала вам о человеке, который на меня напал? Который спрашивал, может ли девочка говорить и каковы прогнозы врачей?

– Вы видели его снова?

– Нет. Но его заинтересованность в том, чтобы она не заговорила в течение ближайших шести месяцев, заставляет думать, что к тому времени он еще объявится.

– То есть в летнее солнцестояние.

– Да. Расскажите мне о няне, которая была у Амелии в те дни... Что с ней произошло потом?

– Для Руби стало хорошей новостью возвращение Амелии. После того случая ей было трудно устроиться на работу. Слишком много ходило гнусных сплетен.

– Полагаю, люди считали ее причастной к похищению? Потому что ее не оказалось дома в тот самый час?

– Да, но...

Хелена прекратила грести. Рита уже порядком устала и была рада передышке. Они позволили течению нести лодку; Хелена лишь подравнивала ее легкими гребками.

– Руби лучшая няня из всех мне известных, – сказала она. – Ей было

всего шестнадцать, когда мы ее наняли, но у нее было много младших братьев и сестер, так что возиться с малышкой она умела. И она любила Амелию. Вы бы видели их вместе!

– Но почему она покинула дом той ночью?

– Она не дала никаких вразумительных объяснений. Вот потому-то люди и решили, что она была связана с похитителями, но это глупости. Я знаю, что она никогда бы не навредила Амелии.

– У нее был ухажер?

– В ту пору не было. Она тешилась теми же мечтами, что и большинство девчонок ее возраста. О встрече с прекрасным принцем, ухаживаниях, замужестве, собственной семье. Но все это ей виделось лишь в перспективе. Я знаю, что она откладывала деньги на будущее, как поступают благоразумные девушки, но в настоящем у нее ничего такого не было.

– А может, у нее имелся тайный поклонник? Какой-нибудь мерзавец-обольститель, о котором она никому не рассказывала?

– Нет, она не из таких.

– Расскажите мне, как все случилось.

Рита выслушала рассказ Хелены о событиях той ночи. Периодически голос ее начинал напряженно звенеть, и тогда она брала паузу – чтобы посмотреть на девочку, как догадалась Рита, – и возобновляла рассказ уже более мягким тоном, успокоенная присутствием ребенка, неожиданно вернувшегося к ней из ниоткуда.

Когда она дошла до момента возвращения Руби, Рита ее прервала:

– Значит, она вернулась из сада? И чем она объяснила свое отсутствие?

– По ее словам, она просто вышла прогуляться. Полицейские увели ее в кабинет Энтони и там допрашивали несколько часов. Какие могут быть прогулки в такой холод? Почему среди ночи? И почему как раз в то время, когда вокруг шныряют речные цыгане? Они донимали ее все новыми вопросами. Они ее запугивали. Она плакала, а полисмены на нее оралы, но никаких других ответов не добились. Она вышла из дома прогуляться, твердила Руби. Просто так, без всякой причины.

– И вы ей верите?

– А разве нам самим не случается иногда делать что-то неожиданное? Разве мы порой не изменяем своим привычкам в поисках какой-то новизны? В шестнадцать лет мы слишком молоды, чтобы разобраться в самих себе, – и если девчонке вдруг взбредет в голову среди ночи выйти на прогулку, почему бы нет? В ее годы я могла отправиться на реку в любое время суток, зимой или летом. И это не считалось дурным поступком.

Разумеется, будь Руби лживой или порочной девицей, мое отношение к этому было бы иным, но в ней нет ни капельки фальши. Если я, мама Амелии, ей верю, то почему отказываются верить другие?

«Потому что они хотят услышать что-то более похожее на правду», – подумала Рита.

– А когда следствие остановилось на версии с речными цыганами, они забыли о Руби и ее ночной прогулке, – продолжила Хелена. – Надеюсь, и все прочие поступят так же. Бедная девочка.

Первые дождевые капли упали на поверхность реки, и обе женщины посмотрели вверх. Тучи собирались вновь.

– Не пора ли нам возвращаться?

Они еще колебались, но, когда новая полоса дождя, уже более сильного, взбудоражила воду вокруг, поспешили развернуть лодку.

Против течения плыть было гораздо труднее. А дождь после нескольких пробных попыток зарядил уже всерьез, и Рита почувствовала, как быстро намокает платье на плечах и спине. Вода стекала с волос и попадала в глаза. Влажные ладони саднило, и она полностью сосредоточилась на том, чтобы поддерживать темп Хелены, которая явно могла прибавить, будь у нее напарник посильнее.

Наконец крик Хелены оповестил о том, что цель близка. Они подплывали к пристани, и Рита смогла на секунду отпустить весло, чтобы смахнуть с лица влагу. И когда ее зрение прояснилось, вдруг уловила какое-то движение в кустах на противоположном берегу.

– За нами следят, – сказала она Хелене. – В тех кустах кто-то прячется. Нет, сейчас не смотрите в ту сторону. Давайте сделаем так...

В лодочном домике Хелена высадила девочку и следом за ней поднялась на причал, после чего обе под дождем помчались к пришвартованному неподалеку «Коллодиону». А Рита вернулась в лодку и отчалила снова, держа курс поперек реки. Она устала и продвигалась медленно, но, если бы кто-то на том берегу попытался убежать, ему пришлось бы выбраться из кустов на открытое место.

На другой стороне никаких причальных мест не было. Рита загнала лодку в камыши и кое-как выбралась на берег. Запаханный подол ее уже не волновал – так или иначе она уже вся промокла. Без промедления она направилась к кустам, в которых наметилось движение: кто-то пытался поглубже залезть в свое укрытие. Сквозь ветви Рита разглядела скрюченную мокрую фигурку, сидящую спиной к ней.

– Выходите оттуда, – сказала она.

Фигура не пошевелилась, но по ее спине прошла дрожь, как от

рыданий.

– Лили, выходите. Здесь только я, Рита.

Лили начала, пытаясь, вылезать из своего укрытия; при этом ветви и шипы цеплялись за ее одежду и волосы. Когда она немного продвинулась, пожертвовав частью своей шевелюры, Рита смогла ей помочь, дотягиваясь до колючих веток и одну за другой отрывая их от мокрой материи.

– Ох, дорогая вы моя... – пробормотала Рита, приглаживая рукой ее волосы.

Руки у Лили были сплошь покрыты царапинами. Шипы ежевики прошлись и по ее лицу, и на этом месте, подобно ягодам, набухали капельки крови, чтобы потом красными слезинками скатиться по щеке.

Рита достала из кармана чистый платок и осторожно промокнула ранки. Взгляд Лили нервно перемещался между Ритой, рекой и противоположным берегом, где на палубе яхты, под дождем, стояли Донт, Воган и Хелена, глядя в их сторону. С ними была и девочка с бездонными глазами, в наклоне смотревшая на воду, тогда как отцовская рука придерживала ее сзади за платье.

– Давайте я вас перевезу на ту сторону, – предложила Рита. – Там я смогу обработать раны.

Лили уставилась на нее в ужасе:

– Я не могу!

– Они не будут на вас сердиться, – пообещала Рита самым мягким голосом. – Они подумали, что здесь прячется человек, который хочет навредить девочке.

– Я ей не наврежу! Я никогда не хотела ей навредить! Я никогда этого не делала!

Подхватив подол, Лили развернулась и торопливо пошла прочь.

Рита пыталась ее задержать, окликала, но Лили уже было не остановить. Она достигла тропы и, перед тем как скрыться из виду, через плечо крикнула стоявшей на берегу Рите:

– Передайте им, что я и не думала навредить!

После этого она исчезла.

К тому времени, как Рита очистила от грязи свой подол и хоть немного подсушила ботинки, начало смеркаться. Генри Донт предложил отвезти ее домой на «Коллодионе», чтобы она вновь не промокла на обратном пути. Они через сад спустились к пристани. В тех местах, где тропа была неровной, Донт подавал ей руку, но она не принимала помощь, и он ограничился тем, что отодвигал с пути низко нависающие ветви. Наконец

оба поднялись на борт, и он повел яхту к дому Риты. Всю вторую половину дня дождь моросил лениво, с перерывами, но, когда они достигли заводи рядом с ее коттеджем, по крыше каюты замолотил настоящий ливень.

– Это скоро прекратится, – сказал он громко, перекрывая шум. – Нет смысла идти к дому прямо сейчас, вы промокнете насквозь.

Донт раскурил трубку. В маленькой каюте, к тому же загроможденной оборудованием, двум людям было особо не развернуться, и это, вкупе с поздним часом, навело Донта на мысли о близости ее рук, о ее шее с ложбинкой, белевшей в слабом свете свечи. Рита оправила рукава, как будто услышав его мысли, и уже собралась было покинуть яхту, но Донт поспешил отвлечь ее вопросом:

– Лили все еще верит, что эта девочка – ее сестра?

– Похоже на то. Пастор беседовал с ней на эту тему, но она стояла на своем.

– Но это же невозможно.

– Очень маловероятно, скажем так. Жаль, что я не убедила ее переправиться через реку. Мне бы хотелось побеседовать с ней в спокойной обстановке.

– О девочке?

– И о ней самой.

Дождь как будто начал слабеть. Опасаясь, что она это заметит, он задал новый вопрос:

– А что с тем человеком, который на вас напал? Вы его впоследствии где-нибудь видели?

– Ни разу.

Рита потуже обмотала шарфиком шею, скрыв ее из виду. Она уже была готова к выходу, но тут ливень хлынул с удвоенной силой. В ее вздохе можно было различить смущенную улыбку; руки вновь опустились вдоль тела.

– Вас не раздражает дым? Если что, я погашу трубку.

– Ничего, все в порядке.

Однако курить он прекратил.

В наступившей затем паузе к нему пришло осознание того, что скамья в каюте, на которую никто из них так и не сделал попытки сесть, одновременно служила ему постелью. И сейчас эта скамья как будто вмиг разрослась, занимая большую часть пространства. Он зажег свечу и прочистил горло.

– Просвет, который появился в самый момент фотосъемки, был настоящим чудом, – сказал он, чтобы прервать неловкое молчание.

- Так уж и чудо? – В ее глазах промелькнули насмешливые огоньки.
- Ну, не совсем. Не по вашим высоким стандартам.
- Получилось удачно, – признала она.

Он открыл коробку, достал оттуда снимок и поднес его к свету. Мерцание свечи, казалось, оживляет изображение. Рита приблизилась на полшага, не соприкасаясь с ним, наклонилась и тоже взглянула на снимок.

- А где тот, что вы сделали два года назад? – спросила она.

Донт нашел нужную фотопластинку и подержал ее перед свечой для Риты. Пока она в наклоне изучала снимок, он разглядывал капли дождя в ее волосах.

В каюте было слишком темно, чтобы сравнить снимки во всех деталях, но сама идея сравнения спровоцировала вопрос, которым, он уверен, задавалась и Рита.

– Пару лет назад я фотографировал двухлетнего ребенка, а сегодня – четырехлетнего, и я не знаю, тот это ребенок или нет. Как думаете, Рита, это она? Это Амелия?

- Хелена в этом не сомневается.

– А Воган?

– С ним сложнее. Одно время, как мне казалось, он был убежден, что это другая девочка, но теперь он колеблется.

- А вы как считаете?

– Девочка двухлетней давности на снимке и сегодняшняя девочка достаточно похожи, чтобы допустить такую вероятность, но не настолько похожи, чтобы развеять все сомнения.

Она уперлась руками в край стола.

- Есть еще одна интересная деталь. Я о последней фотографии.

– И что?

– Как, по-вашему, она выглядит? Я не говорю о четкости, композиции и других профессиональных оценках вашей работы. Я о самой девочке на фото. Что вы о ней скажете?

Он взглянул на снимок, но при свече было трудно разобрать выражение лица девочки.

- Ожидание? Нет, не то. И не надежда.

Он повернулся к Рите за пояснением.

- Это печаль, Донт.

– Печаль?

Он снова посмотрел на фото, а Рита тем временем продолжила:

– Она смотрит на реку так, словно что-то там ищет. Она тоскует. Каждый день она чего-то ждала, а это что-то не появлялось, но она

продолжала тосковать, ждать и надеяться, хотя надежда с каждым днем таяла. И вот сейчас она уже просто ждет, без всякой надежды.

Он присмотрелся. Рита была права.

– Так чего же она ждет?

И в следующий миг сам нашел ответ на этот вопрос.

– Своего отца, – произнес он.

– Свою мать, – одновременно с ним произнесла Рита.

– Неужели она и вправду дочь Робина Армстронга?

Рита нахмурилась.

– По словам Хелены, девочка никак не реагирует на его присутствие.

Впрочем, если она уже давно его не видела – а он говорил об этом в «Лебеде», – в этом нет ничего удивительного.

– То есть она все-таки может быть его дочерью.

Рита помолчала, по-прежнему хмурясь.

– Робин Армстронг не тот человек, каким он себя выставляет.

Как понял Донт из последовавшей паузы, она прикидывала, стоит ли с ним откровенничать. Наконец она решилась:

– Его обморок в «Лебеде» был притворным. Я тогда держала его за руку, и пульс все время оставался стабильным. Это была инсценировка.

– Но зачем ему это понадобилось?

Ее лицо вмиг помрачнело и осунулось, как бывало всякий раз, когда ее мысль наталкивалась на какую-то преграду.

– Я не знаю. Но этот молодой человек в действительности не таков, каким хочет казаться.

Дождь почти прекратился. Она надела перчатку, а когда потянулась за второй, обнаружила ее в руках Донта.

– Когда можно будет снова вас сфотографировать?

– Неужели у вас нет дел поважнее, чем фотографирование сельских медсестер? По-моему, одного снимка вполне достаточно.

– Отнюдь. Далеко не достаточно.

– Можно мою перчатку?

Было понятно, что с ней не пофлиртуешь даже по такому пустячному поводу, как перчатка. Флирт здесь не срабатывал. Она отказывалась от этой игры намеков и напускной галантности. Прямота и открытость – таков был единственный подход, который она признавала.

Он отдал Рите перчатку, и она повернулась к выходу.

– Когда я увидел, как вы общаетесь с девочкой...

Она задержалась у двери, спина ее заметно напряглась.

– Я вот к чему: а сами вы никогда не хотели...

– Завести ребенка?

Какая-то нотка, промелькнувшая в ее голосе, обнадежила Донта.

Она развернулась и посмотрела ему в лицо:

– Мне тридцать пять лет. Я уже слишком стара для этого.

Это был недвусмысленный отказ.

В наступившей тишине выяснилось, что дождь перед тем успел прекратиться, но совсем ненадолго, потому что теперь капли вновь застучали по крыше.

Рита издала сердитый возглас и поправила шарфик. Донт осторожно, прижимаясь к стенке, обогнул ее, чтобы открыть дверь; в этом танце оба подчеркнуто старались держаться как можно дальше друг от друга.

– Проводить вас до дому?

– До него всего-то дюжина шагов. Оставайтесь здесь и не мокните зря.

С этими словами она покинула каюту.

«Тридцать пять, – подумал он. – Она еще достаточно молода. И при словах о ребенке в ее голосе, кажется, была неуверенность?»

Он начал вспоминать тот обмен фразами, пытаясь в точности восстановить все интонации, но его слуховая память не шла ни в какое сравнение с визуальной, а он не хотел впустую тешить себя надеждами, выдавая желаемое за действительное.

Закрыв дверь, он привалился к ней спиной. Для женщины вполне естественно желать детей, разве нет? У его сестер были дети, а его бывшая жена Мириам расстраивалась из-за того, что так и не стала матерью.

Он взял со стола фотопластинки, но, прежде чем убрать их на место, еще раз взглянул на последний снимок. Девочка смотрела на реку с тоской и ожиданием. Высматривала своего отца? Что ж, он вполне мог в это поверить. Он бросил долгий и печальный взгляд через плечо, потом убрал пластинки в коробку и помассировал веки костяшками пальцев, как будто избавлялся от наваждения.

Джинн из чайника

Уровень воды приближался к верхушке первого столба, чего и следовало ожидать после таких дождей. Этот паводок повторялся из года в год и мог продолжаться от одного дня до недели. Лили была настороже. Впрочем, опасных признаков пока не наблюдалось. Река не устремлялась вперед с бешеной скоростью, но и не замедлялась сверх меры, тая в себе угрозу. Она не ревела, не шипела и не плевалась брызгами на подол ее юбки, а текла ровно и спокойно, занимаясь своим речным делом и не обращая никакого внимания на Лили с ее ничтожными заботами.

«Что скажет пастор?» Наполнив кормушку, Лили опустила ведро на землю и сама чуть было не рухнула рядом с ним. Не так давно она боялась, что пастор выгонит ее с работы из-за пропущенного дня – то был день возвращения Анны. А потом был ужасный разговор, когда он допытывался, сколько ей лет и когда она в последний раз виделась со своей мамой. В подобных случаях она пыталась успокоить нервы дополнительной работой: выгребала мусор из щелей за шкафами, выбивала пыль из занавесок в гостевой спальне, которой никто никогда не пользовался, мыла стены в уборной, очищала нижнюю сторону кухонного стола, где в углах под столешницей любили обустраиваться пауки, – но ничего не помогало. Каждую пятницу она испытывала огромное облегчение оттого, что священник не давал ей полный расчет одновременно с выдачей недельной платы. Но сейчас все было куда хуже. Дойдут ли до пастора слухи об ее подглядывании за Воганами из кустов с другого берега?

– Что же мне делать? – вслух спросила она себя, опустив ведро и глядя на хряка, который перекапывал корм в поисках самых аппетитных кусков. – Я не знаю.

Свинья наострила уши. Это вызвало у Лили слабую улыбку даже в ее нынешнем тревожном состоянии.

– Вот же занятная тварь – можно подумать, ты и впрямь меня понимаешь!

Дрожь пробежала по всему телу свиньи. Она началась с пяточка, потом каждая рыжая шерстинка на ее морде и спине шевельнулась, как при свежем бризе, и под конец вздрогнуло колечко хвоста. Когда эта волна прошла, свинья замерла, выжидательно уставившись на хозяйку.

Лили остолбенела. Она заметила, что обычно тусклые, затуманенные свинячьи глазки – маленькие, но с большими зрачками – теперь

прояснились.

А потом нечто странное произошло и с самой Лили. Она вдруг поняла, что не глядит на эти глаза со стороны, а заглядывает *внутри* их. И там она увидела...

– Ох! – вскричала она, и ее сердце сильно забилося, поскольку это само по себе огромное потрясение: при взгляде на что-нибудь вдруг обнаружить, что оттуда, изнутри, *смотрит другая живая душа*. Лили не смогла бы изумиться сильнее, если бы к ней вдруг обратился джинн, вылетевший из заварочного чайника, или если бы ей отвесил поклон фонарный столб. – Ну и дела! – воскликнула она и сделала несколько быстрых вдохов, чтобы прийти в себя.

А свинья беспокойно перебирала ногами и пофыркивала, что тоже означало сильное волнение.

– Что такое? Чего ты хочешь?

Свинья перестала сучить ногами и теперь пристально смотрела на Лили, всем своим видом выражая полнейший восторг.

– Хочешь, чтобы я с тобой поговорила? Этого ты хочешь?

Она почесала свинью за ухом, и та довольно захрюкала.

– Тебе было одиноко, да? Это печаль так затуманила твои глаза? Этот хряк тебе не пара. Грубая, тупая тварь. Как и все мужчины. Взять хотя бы мистера Уайта или Виктора, который привез тебя сюда, или его отца. Все они такие. Хотя нет, пастор – хороший человек...

Она начала рассказывать свинье о священнике, о его доброте и участии, и в процессе рассказа вспомнила о собственных проблемах.

– Понятия не имею, как мне быть, – призналась она. – Кто-нибудь из них наверняка сообщит об этом пастору. Вряд ли этот фотограф, я ни разу не видела его в церкви, но Воганы или лекарша – они могут. Я не делала ничего плохого, но со стороны это выглядело так, словно я что-то замышляю... И если они ему еще не сказали, то это все равно случится очень скоро. Что же мне делать? Если я потеряю работу в доме пастора...

По щеке ее покатила слеза, и она прервала почесывание, чтобы стереть ее рукавом.

Свинья сочувственно моргала.

– Честно во всем сознаться? Что ж, возможно... Думаю, будет лучше, если он узнает об этом от меня. Я смогу объясниться. Скажу, что не хотела никому навредить. Да, так я и сделаю.

Ну разве это не глупо – изливать душу свинье? Конечно же глупо, однако никто посторонний не мог ее услышать. И, кроме того, свинья подсказала ей хорошую идею: без утайки рассказать все пастору. Лили

вытерла лицо насухо.

Она постояла там еще немного, почесывая свинью, а потом сказала:

– Иди поешь, а не то он все сожрет и тебе ничего не оставит.

Она дождалась, когда свинья уткнется рылом в кормушку, а затем отнесла ведра в сарай, переместила спрятанные среди поленьев деньги Виктора в свой домашний тайник и отправилась на работу.

Она шла вдоль реки и, почувствовав себя увереннее после подсказанного свиньей выхода из затруднительного положения, выше подняла голову – и только теперь заметила, каким ясным выдался этот день. Напротив сада Воганов она не задержалась, а лишь быстро взглянула в ту сторону, но никого не заметила. При виде зарослей бузины и ежевики, где она пряталась накануне, настроение снова испортилось, но она тут же взбодрилась, мысленно наведив Анну. Там, в безопасности дома Воганов, ее сестра вела жизнь, какой никогда не знала Лили. Это была жизнь в довольстве и достатке, и Лили могла лишь рисовать ее в своем воображении. Ей виделся огонь в большом камине и наполненная дровница рядом с ним, виделся стол, уставленный тарелками с горячей едой в количестве более чем достаточном для всех едоков. В другой комнате она видела кровать – настоящую кровать на ножках, с мягким матрасом и теплыми одеялами. Она месяцами выдумывала и приукрашивала подробности жизни Анны в Баскот-Лодже, но сейчас, под бодрящим влиянием весенней свежести, ее посетила новая идея. Интересно, догадались ли Воганы завести для Анны щенка?

Бигли терпеливые и дружелюбные. Но у спаниелей прекрасные шелковистые уши. Анне понравится гладить уши спаниеля, в этом она была уверена. А как насчет терьера? Маленькие терьеры такие забавные. Она мысленно построила в ряд этих щенков и в конечном счете остановила выбор на терьере благодаря его хвостику, – без сомнения, хвосты терьеров виляют симпатичнее всех. Стало быть, терьер. Она добавила образ щенка к одеялам Анны, поленьям у камина и длинному ряду обуви в прихожей – получилось очень даже славно. Веселый маленький друг, который с радостным тьяканьем бежит за брошенным Анной красным мячиком, а вечером дремлет у нее на коленях. В этих фантазиях нашлось место и для самой Лили – незримой фигуры, отгоняющей ос от цветов перед тем, как их понюхает Анна, раздвигающей колючие ветви кустов, в которые закатился красный мячик, и гасящей искры на коврике перед камином. Она предотвратит все опасности, устранит все риски, защитит от любой беды. Ничто не сможет навредить Анне в доме Воганов, пока Лили следит за ней издали: в жизни девочки будут лишь уют, безопасность и всевозможные

радости.

– Войдите! А, миссис Уайт!

В устах священника ее имя звучало как благословение, и это придало Лили смелости. Она поставила чайный поднос на стол:

– Наполнить чашку?

– Нет, – пробормотал он рассеянно, не поднимая головы. – Я сам.

– Преподобный отец...

Прежде чем ответить, он поднес перо к бумаге и сделал несколько пометок на полях с быстротой, неизменно восхищавшей Лили.

– Да, в чем дело?

Пастор поднял голову. Лили задыхалась от волнения.

– Вчера, возвращаясь домой вдоль реки... я сделала остановку. Это случилось напротив Баскот-Лоджа, где их сад спускается к берегу. Миссис Воган каталась на лодке вместе с Анной.

Пастор нахмурился:

– Миссис Уайт...

– У меня и в мыслях не было ничего дурного, – торопливо продолжила она, – но они заметили, что я на них смотрю, и лекарша приплыла к тому месту, где я стояла, – уже после того, как миссис Воган и Анна...

– Вы поранились, миссис Уайт?

– Нет! Это просто царапина, задело ежевичной веткой на берегу, только и всего...

Она поправила волосы, с опозданием попытавшись прикрыть ими улику.

– Я ничего дурного не замышляла, – повторила она. – Я просто шла по тропе вдоль берега, шла к себе домой. Я не ходила туда нарочно, а посмотреть издали никому ведь не запрещается. И я ни разу к ней не прикоснулась, даже близко не подходила, я вообще была на другом берегу, так что она меня и не заметила.

– Если кто при этом и пострадал, то это вы, миссис Уайт, насколько я могу судить. Я скажу Воганам, что вы вчера наблюдали за Амелией без всякого злого умысла. И вот еще что: девочку зовут Амелия, миссис Уайт, вы не забыли? А то вы сейчас назвали ее Анной.

Лили промолчала.

Пастор продолжил, максимально смягчая тон и тщательно подбирая слова:

– Я уверен, что никто не подозревает вас в намерении причинить вред девочке. Но поставьте себя на место Воганов. Вспомните, через что им

довелось пройти. Они ее уже теряли однажды. Поэтому их не может не беспокоить тот факт, что за их ребенком следит кто-то не из числа их домочадцев. Даже если она – допустим – внешне напоминает вашу сестру по имени Анна.

Лили промолчала снова.

– Что ж, миссис Уайт, будем считать эту тему закрытой на данный момент.

Итак, разговор был окончен. Она поплелась к двери, но на пороге нерешительно остановилась.

Священник вновь углубился в свои записи, перед тем наполнив чашку и уже поднося ее ко рту.

– Преподобный отец... – произнесла она почти шепотом, как ребенок, который думает, что, задавая вопрос тихим голосом, не оторвет взрослых от какого-то важного дела.

– Что такое?

– У нее есть щенок?

Пастор взглянул на нее непонимающе.

– У девочки в доме Воганов – которую они зовут Амелией, – у нее есть щенок, чтобы с ним играть?

– Не знаю. Понятия не имею.

– Я просто подумала, что завести для нее щенка было бы неплохо. Маленького терьера. Когда вы встретитесь с мистером Воганом и скажете ему, что я больше не буду смотреть на их дом через реку, вы не могли бы справиться у него насчет щенка?

Пастор онемел от изумления.

Часть 3

Самый длинный день

В летние месяцы рэдкотский «Лебедь» был приятнейшим местом для времяпрепровождения. Прямо от стен трактира начинался травянистый склон к реке, которая с готовностью предоставляла свои услуги желающему отдохнуть и развеяться людскому племени. Напрокат выдавались ялики и лодки с кормовыми веслами, а также плоскодонки – как для рыбной ловли, так и для увеселительных прогулок. Марго выставляла столики на улицу, под утреннее солнце, а если к середине дня становилось чересчур жарко, можно было устраивать пикники в тени деревьев, расстелив там покрывала. Она поочередно, по три зараз, привлекала к работе своих дочерей, и жизнь в «Лебеде» была ключом. Марготки суетились на кухне, разливали напитки за стойкой, бегом таскали подносы с едой, лимонадом и сидром. Они никогда не уставали, и для каждого посетителя у них имелась в запасе улыбка. Можно было смело утверждать, что в летнюю пору на всем протяжении Темзы не много нашлось бы местечек столь же идиллических, как трактир «Лебедь».

Но это лето отличалось от прочих. И все из-за погоды. Весной дожди шли регулярно и умеренно, даруя фермерам надежду на хороший урожай. Однако с приближением лета, когда все уже заждались солнечных дней, дожди не прекратились, а, напротив, стали более частыми и обильными. Прогулочные лодки отплывали от пристаней при легкой мороси, надеясь, что к середине дня развиднеется, но вместо этого дождь заряжал в полную силу, и пикники сворачивались досрочно. Несколько раз Марго, окинув взглядом небосвод, выставляла столы на свежий воздух, но очень скоро приходилось заносить их обратно. Пустовал и летний зал трактира.

– Нам еще повезло, что зима была прибыльной, – говорила она, вспоминая толпы желающих послушать историю о девочке, которая утонула и потом ожила. – Не будь зимней выручки, нам пришлось бы совсем туго.

Две из трех Марготов-помощниц были отправлены по домам к своим семьям, поскольку с обслуживанием немногочисленных клиентов вполне справлялась сама Марго с помощью одной дочери и Джонатана.

Джо был плох: ему отнюдь не шли на пользу душные летние туманы, то и дело накрывавшие берег. Обычно в это время года его легкие прогревались и подсыхали, но сейчас смены сезонов будто и не было, и приступы слабости посещали его с той же частотой, что и в зимние

месяцы. Бледный и тихий, он сидел поближе к очагу, а вокруг накачивались элем и травили байки завсегдаи.

– Не беспокойтесь обо мне, – отвечал он на все вопросы о здоровье. – Я в порядке, сочиняю новую историю.

– Надеюсь, к летнему солнцестоянию погода наладится, – говорила Марго.

Традиционно в этот день устраивалась ярмарка, к которой на сей раз была приурочена свадьба Оуэна Олбрайта и Берты, его экономки. С учетом свадебного завтрака и наплыва ярмарочных гостей, которые ближе к вечеру непременно захотят промочить горло, Марго предвидела очень хлопотный день. Поначалу ее оптимизм казался сильно преувеличенным, но в середине июня с погодой наметились улучшения. Наблюдательные люди поговаривали, что дожди понемногу идут на убыль, и, как вскоре выяснилось, наблюдательность их не подвела. На сером небе стали чаще появлялись просветы, потом два раза подряд выдались сухие вечера. Надежды крепили с приближением самого длинного дня в году.

Наступил день летнего солнцестояния – и с утра выглянуло солнце.

– Пожалуй, даже слишком ярко, – рассудил Генри Донт, устанавливая камеру перед церковью для свадебной фотографии. – Сниму с этой позиции, чтобы не было бликов.

Молодожены вышли из церкви. Пастор был уже в своей летней, здоровой кондиции: этим утром он, голым по пояс, распахнул окно спальни, ощутил лучи солнца на груди и на бледном лице и пропел: «Слава, слава, слава!» Об этом эпизоде не знал никто из присутствующих, но все видели его жизнерадостную улыбку и могли почувствовать крепость его рукопожатия, спускаясь по ступеням паперти.

Донт установил Оуэна и его жену в заранее выбранном месте и просунул руку миссис Олбрайт под руку мистера Олбрайта. Оуэн – всеми силами старавшийся не забыть, что его жену зовут Бертой, а не миссис Коннор, – уже фотографировался однажды, несколько лет назад. Берта видела множество фотографий, так что и она имела представление об этом процессе. Перед камерой оба распрямили спину и напустили на себя гордый и суровый вид. Даже шуточки его приятелей-собутыльников из «Лебеда» не смогли нарушить торжественность их лиц, и новообретенное супружеское достоинство посредством солнечных лучей запечатлелось на стекле, чтобы в таком виде надолго пережить их самих.

Покончив с фотосессией, молодожены и их свита прогулялись по берегу реки. «Какой чудесный день!» С такими возгласами радостная

процессия достигла «Лебеда», где Марго уже украсила букетами расставленные на берегу столы, а Марготки ждали гостей с кувшинами охлажденного эля и сидра под вышитыми бисером салфетками.

События шестимесячной давности казались теперь чрезвычайно далекими, ибо погожим летним днем зима всегда воспринимается как полузабытый сон или нечто известное лишь по рассказам других людей, а не как часть прожитой тобою жизни. Нежданное солнце пощипывало их кожу, по затылкам заструился пот, а ледяные сквозняки и зябкие мурашки вдруг превратились в некую абстракцию, не поддающуюся трезвому осмыслению. Однако не следовало забывать, что самый длинный день в году является оборотной стороной самой длинной зимней ночи и в этом качестве одно солнцестояние неизбежно перекликается с другим; а если кто-то из присутствующих не улавливал этой связи, таковых не замедлил просветить мистер Олбрайт.

– Шесть месяцев назад, – начал он свою речь, – я решил сделать Берту моей женой. Вдохновленный чудом, которое произошло здесь, в «Лебеде», и о котором вам всем хорошо известно, – возвращение к жизни маленькой Амелии Воган, – я почувствовал себя другим человеком и попросил руки моей экономки, на что Берта дала согласие, оказав мне эту честь...

После официальных речей общий разговор вернулся к теме девочки. О событиях, некогда происходивших на этом самом берегу в темноте и холоде, теперь рассуждали под чистым голубым небом, а яркий солнечный свет, возможно, стал главной причиной того, что самые мрачные аспекты этой истории были отмечены в пользу упрощенных, благостных трактовок. Похищенная девочка вернулась к своим родителям, что осчастливило не только ее и Воганов, но и всю общину в целом. Добро победило зло, семья была восстановлена. Только престарелая тетушка одного из гравийщиков некстати вылезла с историей о том, как она случайно застала девочку на самой кромке берега и увидела, что та не отражается в воде, но на нее зашикали со всех сторон: сегодня никто не хотел слушать сказки про призраков. Кружки вновь и вновь наполнялись сидром; прыткие Марготки, неотличимые одна от другой, знай подносили блюда с ветчиной, сыром и редисом; веселья на свадебном пиру было достаточно, чтобы утопить в нем все тяжелые мысли и сомнения. Полгода назад таинственная история ворвалась в «Лебедь» грязным и жутким месивом, но теперь она была дочиста отмыта, выглажена и приобрела вполне благопристойный вид.

Миссис Олбрайт прилюдно поцеловала мистера Олбрайта, который покраснел, как редиска, а ровно в полдень компания дружно встала из-за столов, чтобы продолжить гуляния уже на ярмарке.

Среди четко разделенных живыми изгородями редкотских полей выделялся один земельный участок неправильной формы, некогда отведенный под общее пользование. И в этот день там разместились торговые лотки всех видов и размеров – от солидных палаток и навесов на случай непогоды до простых кусков парусины с разложенными на них товарами. Здесь можно было приобрести как нужные в хозяйстве вещи – кувшины, миски и кружки, ткани и кожу, топоры, ножи и прочие инструменты, – так и по большому счету бесполезное, но привлекательное с виду барахло. Хорошо продавались разноцветные ленточки, сладости, живые котята и всевозможные безделушки. Коробейники расхаживали туда-сюда, нахваливая свои первосортные товары и предупреждая всех и каждого о недобросовестных конкурентах, норовящих подсунуть честным людям подделки, которые сломаются сразу же после того, как эти шарлатаны смотают удочки. Были здесь и музыканты – волынщики, барабанщики и даже человек-оркестр, – так что посетители перемещались по ярмарочному полю под сменяющие друг друга любовные, застольные и сентиментальные песни. Иногда они одновременно слышали две песни, влетающие им в разные уши, чтобы стать какофонией в голове.

Мистер и миссис Воган пришли сюда из Баскот-Лоджа по тропе вдоль реки, с двух сторон держа за руки девочку. Желена была несколько раздражена – по догадке Вогана, из-за несбывшегося прогноза доктора. Вопреки ее ожиданиям, полгода спустя речь к девочке так и не вернулась. Впрочем, для Вогана этот день был омрачен не столько настроением жены, сколько его собственными мыслями.

– Ты уверена, что стоит брать ее с собой? – спросил он жену этим утром.

– Почему бы нет?

– Это может быть небезопасно.

– Но ведь мы теперь знаем, что за ней следила всего лишь Лили Уайт – несчастное, безобидное создание, – так о чем беспокоиться?

– Был еще какой-то тип, напавший на Риту...

– Это случилось много месяцев назад. Кем бы он ни был, этот человек вряд ли рискнет что-нибудь вытворить в присутствии множества наших знакомых. Среди прочих там будут наши слуги и арендаторы. И там будет компания из «Лебеда» в полном составе. Они никому не позволят и пальцем дотронуться до Амелии.

– А то, что многие станут таращить на нее глаза и сплетничать, тебя не волнует?

– Дорогой, мы не можем вечно держать ее взаперти. На ярмарке будет столько всего интересного для ребенка. Ей наверняка понравятся лодочные гонки. Это просто жестоко – лишать ее такого удовольствия.

С появлением девочки их жизнь кардинально изменилась к лучшему. Счастье Хелены обернулось для него таким огромным облегчением, что он и сам чувствовал себя почти счастливым. Возобновившаяся любовь так напоминала первые годы супружества, что о долгом периоде отчаяния можно было забыть как о кошмарном сне. Они похоронили печальное прошлое и жили прекрасным сегодняшним днем. Но по мере того как вновь обретенная семейная гармония утрачивала прелесть новизны, ему все труднее было обманываться, уверяя себя, что она покоится на прочном основании. Девочка, которую они сейчас держали за руки, – с ее безмолвной невозмутимостью, бесцветными волосами и бездонными, переменчивыми глазами – была одновременно и причиной их счастья, и угрозой ему.

В дневное время Воган был обычно занят разными делами, отвлекаясь от навязчивых мыслей, но по ночам его снова начала мучить бессонница. Его преследовали варианты одного и того же сна. В нем Воган шел по какой-то местности – это мог быть лес, или песчаный пляж, или поле, или огромная пещера – и что-то искал. Затем, выйдя на поляну, или обогнув дерево, или пройдя каменную арку, он видел ее, свою дочь, которая, судя по всему, провела здесь долгое время в ожидании отца. Она поднимала руки с криком «Папочка!», он бросался вперед, чтобы заключить ее в объятия, сердце переполнялось благодарностью и любовью – и вдруг он понимал, что это не Амелия. Это была все та же девочка. Подменьш, проникший в его сны и снабдивший своим лицом воспоминания о его настоящей, потерянной дочери.

Что касается Хелены, то она не осознавала, насколько хрупким было их блаженство; вся тяжесть переживаний легла на Вогана. Это отдаляло его от жены, о чем она пока не догадывалась. Твердо уверовав в то, что девочка является настоящей Амелией и что ей удалось убедить в этом мужа, Хелена окружила свою веру системой обороны, внушительной, как замок со рвами и башнями. И только он один знал, до чего хлипкими были все эти укрепления в действительности.

Когда сны показали ему, с какой легкостью лицо этой девочки может накладываться на лицо Амелии, у него возникло сильное искушение разделить с Хеленой ее уверенность. Иногда это казалось настолько простым и естественным решением проблемы, что он досадовал на собственное упрямство. Он уже называл девочку Амелией в присутствии

жены. Он преодолел большую часть пути в нужном направлении. Но все упиралось в одну и ту же вещь. В знание. Где-то глубоко за всем этим скрывалась та девочка, лицо которой он даже не мог вспомнить, но которую он не мог – и не хотел – забыть.

Но и этим все не ограничивалось. Когда он ночью лежал в постели, спящий или бодрствующий, когда он искал свою дочь в разных воображаемых местах и раз за разом натыкался на девочку-подменыша, порой в поле его зрения всплывало еще одно лицо, и у него тотчас сжималось сердце. Робин Армстронг. Ибо при всей привлекательности этой идеи – поддаться счастью и позволить чужой девочке заменить родную дочь в его сердце и сознании, как она уже заменила ее в их доме, – он сознавал, что тем самым отнимает родную дочь у другого человека. Конечно, Воган хотел, чтобы Хелена была счастлива, но что, если ее счастье достигалось ценой страданий другого человека – точно таких же страданий, какие совсем недавно испытывали они сами? Вот почему, наряду с этой девочкой и настоящей Амелией, в его сны вторгался и Робин Армстронг, всякий раз заставляя Вогана цепенеть от ужаса.

Уже на подходе к ярмарке стало ясно, что там царит столпотворение. Воган заметил, что некоторые люди смотрят на них с интересом, оглядываются и показывают пальцами. Какие-то фермерши попытались сунуть цветы в руки девочки, кто-то погладил ее по голове, маленькие дети подбегали, чтобы ее поцеловать.

– Сомневаюсь, что все это ей на пользу, – тихо произнес Воган, когда дюжий гравийщик присел перед ней на корточки и сыграл короткий пассаж на скрипке, а потом с самым серьезным видом приложил свой указательный палец к ее щеке.

Хелена сердито фыркнула, чего обычно себе не позволяла.

– Все та же дурацкая история. Они думают, что в ней есть чудотворная сила – как в талисмানে или тому подобных вещах. Просто глупые предрассудки, со временем это пройдет. В два часа начинаются лодочные гонки. Тебе незачем тут оставаться, если не хочешь. А мы собираемся их посмотреть, – сказала она решительно и обернулась к девочке. – Идем.

Воган почувствовал, как маленькая ладошка выскользнула из его руки. Когда Хелена развернулась, его ноги как будто приросли к земле, и в этот момент нерешительности его отвлек разговором один из арендаторов. С трудом от него избавившись, Воган огляделся, но его жены и девочки уже нигде не было видно.

Он ушел с широкого центрального прохода, где толпа двигалась

слишком медленно, и стал лавировать между лотками, озираясь по сторонам. Отовсюду к нему обращались зазывалы. Нет, ему не нужны были рубиновые колечки для возлюбленной. Он взмахом руки отвергал миндальные пирожные, средства от подагры, складные ножи (скорее всего, краденые), приворотные амулеты, карандаши... Кстати, карандаши выглядели вполне прилично, и в другое время он бы их, пожалуй, приобрел, но сейчас его уже преследовали головная боль и жажда. Последнюю можно было утолить у торговцев прохладительными напитками, но к ним выстроились длинные очереди, а он хотел первым делом найти свою жену и девочку. Народу все прибывало, и он с трудом протискивался сквозь толпу. Ну почему жара нагрянула именно в этот день, когда столько людей собралось в одном месте? Движение совсем застопорилось, и ему также пришлось остановиться. Потом он заметил впереди небольшой просвет и начал пробираться в том направлении. Соленый пот стекал по его лбу и попадал в глаза. Куда же они могли подеваться?

Солнце било ему в глаза, и он почувствовал головокружение. Всего на несколько секунд, но именно в это время кто-то взял его за локоть:

– Хотите узнать свое будущее, сэр?

Он попытался стряхнуть с себя эту руку, но движения получились беспомощными, как будто он плыл под водой.

– Нет, – произнес он.

Или только хотел произнести, потому что не расслышал собственного голоса. Вместо этого перед ним раздвинулся полог и рука, которую он ощущал, но не видел, втянула его в шатер. Очувтившись в полумраке после яркого солнца, он двигался вслепую.

– Присаживайтесь.

Цветистое платье гадалки сливалось с такими же стенками шатра, а ее лицо было закрыто вуалью.

Сзади под колени ему ткнулся стул, фактически вынудив его сесть. Он обернулся, чтобы выяснить, кто этот стул подставил. Там не было никого, но аляповато раскрашенная драпировка в одном месте выпирала, и этот выступ размерами и формой соответствовал человеческому плечу. Там прятался кто-то, готовый предотвратить поспешный уход клиентов до того, как они заплатят сполна за грядущие встречи с прекрасными незнакомцами или шикарные заморские вояжи.

Все желания Вогана на данный момент сводились к стакану холодной воды или чего-нибудь в этом роде.

– Нет уж... – начал он, поднимаясь.

Но при этом движении его голова ударилась о низкую поперечную распорку шатра, и перед глазами запылали искры. В следующий миг женщина сжала его запястье с силой, какую трудно было предположить в столь миниатюрной руке, а сзади кто-то надавил на его плечи, вынудив опуститься на стул.

– Покажите мне вашу ладонь, – сказала женщина.

Произношение было простонародным, а в ее высоком козлином голосе Воган уловил странные нотки, но в тот момент не придавал им значения.

И он решил не сопротивляться. Лучше поскорее пройти через этот фарс, чем тратить время на препирательства.

– Начало вашей жизни было счастливым, – сообщила гадалка. – Талант и удача всегда были с вами. И с тех пор дела у вас идут неплохо. Я вижу женщину... – Она впилась взглядом в его ладонь. – Женщину...

Он подумал о миссис Константайн. Наверняка она справилась бы с гаданием не в пример лучше. Вспомнилась ее комната с запахом жасмина, ее невозмутимое лицо, строгое платье с белоснежным воротником, мурлыкающий кот. Как бы он хотел оказаться сейчас в той комнате! Но он находился здесь.

– Блондинка или брюнетка? – уточнил он с напускной развязностью.

Гадалка проигнорировала этот выпад:

– Счастливая женщина. Но еще совсем недавно она была несчастлива. Я также вижу ребенка.

Воган презрительно хмыкнул.

– Не сомневаюсь, что вы знаете, кто я такой, – сказал он. – Это очень дешевый трюк. Но я, так и быть, готов заплатить за ваши услуги, и давайте на этом закончим.

Он попытался высвободить руку, чтобы достать кошелек, но гадалка лишь сильнее сжала его запястье, и он опять поразился ее физической силе.

– Я вижу ребенка, – повторила она. – Ребенка, который на самом деле не ваш ребенок.

Воган застыл.

– Ну вот, вы уже не спешите уйти, не так ли?

Она отпустила его руку и перестала притворяться, будто читает судьбу по ладони. Голос ее зазвучал торжествующе, и Воган вдруг понял, что означали эти странные нотки и этот чересчур сильный захват. Перед ним была вовсе не женщина.

– Теперь заинтересовались, да? Девочка в вашем доме – та, что сделала вашу жену такой счастливой, – не ваша дочь.

– Откуда вам знать?

– Это мое дело. Со своей стороны, я мог бы задать вам тот же вопрос: откуда *вы* это знаете? Но заметьте, я его не задаю. А почему я его не задаю? Да просто потому, что в этом нет нужды. Потому что я *заранее знаю ответ*.

Воган чувствовал себя так, словно его уносит холодный поток, а ухватиться не за что и остается лишь отдаться на волю стихии.

– Чего вы хотите? – произнес он слабым голосом, как будто слыша себя со стороны.

– За гадание? Ничего. Нечестно было бы брать плату за сообщение того, что человек знает и сам. Но как насчет вашей жены? Может, устроить сеанс гадания и ей?

– Нет! – взорвался Воган.

– Этого и следовало ожидать.

– Что вам нужно? Сколько?

– Я гляжу, вы и впрямь очень спешите. Вы всегда ведете дела в таком темпе? Нет уж, давайте-ка все спокойно обсудим. Поговорим о действительно важных вещах. Например, о сегодняшних событиях...

– Каких событиях?

– Предположим, сегодня кое-что произойдет... Мой вам совет – даю его бесплатно, мистер Воган, – держитесь в стороне. Не вмешивайтесь.

– Что вы собираетесь делать?

– Я? – Голос обрел интонацию оскорбленной невинности. – Лично я ничего делать не собираюсь, мистер Воган. И вам не советую, если не хотите посвятить жену в наш с вами маленький секрет.

В шатре вдруг стало очень душно.

– У нас еще будет возможность обсудить условия этого соглашения, – произнес мужчина из-под вуали, закругляя разговор. – Я буду держать с вами связь.

Воган поднялся, задыхаясь, и на сей раз уже беспрепятственно вышел наружу.

Оказавшись на свежем воздухе, он в сильном волнении какое-то время шел, сам не замечая куда. В голове у него все так перепуталось, что он не мог связать между собой две мысли, не говоря уже о том, чтобы прийти к каким-то выводам. Толпу он видел как в тумане. Но внезапно музыканты и зазывалы умолкли. Стихли и разговоры вокруг. Даже Воган, в его потерянном состоянии, почувствовал: происходит что-то необычное. Оглядевшись, он обнаружил, что люди прервали свои бесцельные перемещения и остановились. Все смотрели в одном направлении.

И тут издалека до него донесся истошный женский крик:

– Оставьте ее! Убирайтесь!

Это был голос Хелены.
Воган бегом устремился на звук.

Между тем семейство Армстронг также решило посетить ярмарку. Роберт Армстронг выглядел непривычно оживленным, шагая под руку с Бесс в окружении шестерых из семи их детей. В кармане у него лежало письмо от Робина. Это было покаянное письмо. Робин просил у него прощения. Пространно извинялся за попытку ударить своего отца. Обещал исправиться. Выражал сильнейшее желание начать новую жизнь, отказавшись от карт, выпивки и подозрительных дружков из «Дракона». И еще он хотел встретиться с ними всеми на ярмарке и показать отцу, насколько серьезными были его намерения.

– Однако он не упоминает об Алисе, – заметила Бесс, читавшая письмо вместе с мужем, и нахмурилась.

– Говоря, что хочет все исправить, он, видимо, имеет в виду и ситуацию с девочкой, – предположил ее супруг.

С высоты своего роста Армстронг высматривал Робина в толпе. Он вполне мог быть где-то неподалеку, также разыскивая своих родных, и тогда рано или поздно они должны были встретиться.

Армстронг купил складные ножи для средних мальчиков, ленточки и брошки для старших девочек, а для малышек – вырезанные из дуба фигурки коровы, овцы и свиньи. Они ели рубленые котлеты из свинины, и, хотя мясо уступало по качеству их собственным продуктам, ему придавало пикантность приготовление на жаровне под открытым небом.

Армстронг оставил жену и детей хлопать в такт человеку-оркестру и направился к палатке фотографа, возле которой обнаружил Риту. Она никогда не пропускала летние ярмарки. Людям могла понадобиться помощь при укусах насекомых, солнечном ударе или алкогольном отравлении, и она, как всегда на подобных мероприятиях, расположилась рядом с одним из самых популярных стендов, чтобы ее смогли увидеть – и потом при необходимости отыскать – как можно больше посетителей. А пока пациентов не было, она следила за очередностью желающих сфотографироваться и принимала заказы на фотосессии, занося их в журнал Донта.

– Полагаю, это палатка мистера Генри Донта? – обратился к ней Армстронг. – Он выглядит гораздо лучше по сравнению с последним разом, когда я его видел.

– Он выздоровел, но шрам остался. Сейчас его не видно под бородой. А вы мистер Армстронг, не так ли?

– Он самый.

Армстронг изучил снимки, выставленные на продажу: речные пейзажи, прославленные команды гребцов, сельские церкви и прочие живописные места. После этого он выразил желание сделать семейное фото.

– Можете сфотографироваться сегодня, если пожелаете. Я занесу вас в список и скажу, в какое время сюда подойти.

Он сокрушенно покачал головой:

– Моего старшего сына здесь нет. Я хотел бы иметь фото всей семьи у нас дома, на ферме.

– В таком случае мистер Донт может к вам приехать, и тогда у него будет время для целой серии снимков, внутри и вне дома. Сейчас сверюсь с журналом заказов, и мы с вами выберем подходящий день.

Слушая ее, Армстронг рассеянно пробежал взглядом по снимкам, сделанным на прошлых ярмарках. Танцоры в робин-гудовских костюмах, гребцы с веслами в руках, корабейники, силачи, победившие в состязаниях...

Они уже начали обсуждать дату фотосессии, как вдруг Армстронг охнул и прервался на полуслове. Рита, смотревшая в журнал, вскинула голову:

– Вам нехорошо, мистер Армстронг?

Он остался глух к ее вопросу.

– Мистер Армстронг?

Она усадила его на свой стул и подала ему стакан воды.

– Все хорошо! Все в порядке! Где было сделано вот это фото? И когда?

Рита взглянула на порядковый номер снимка и сверилась с каталогом Донта:

– На ярмарке в Лечлейде, три года назад.

– Кто фотографировал? Сам мистер Донт?

– Да.

– Мне нужно с ним встретиться.

– Он сейчас в лаборатории на своей яхте. Его нельзя беспокоить, иначе дневной свет уничтожит фотографии во время их проявления.

– Тогда я сейчас куплю этот снимок, а позднее приду к нему побеседовать.

Он сунул монеты в руку Рите, не стал дожидаться, когда она завернет покупку, и поспешно удалился, обеими руками сжимая рамку фотографии.

Даже на ходу Армстронг не мог оторвать взгляда от снимка и, только когда чуть не упал, зацепив ногой растяжку одной из палаток, со вздохом

убрал его в карман и сосредоточился на поисках своего семейства. И здесь его поджидал второй сюрприз этого дня.

Обогнув палатку, за которой надеялся увидеть Бесс, он вместо своей супруги обнаружил миссис Ивис, хозяйку «нехорошего дома», в котором закончила свои дни жена Робина. Сначала он увидел ее в профиль – этот острый, как лезвие ножа, нос невозможно было с чем-либо спутать. Значит, она вернулась из своей поездки! Армстронг мог поклясться, что она также его узнала, судя по внезапному блеску в глазах, когда это лицо обратилось в его сторону. Но видимо, все же нет, потому что – хотя он и окликнул ее по имени – женщина развернулась и быстро пошла прочь.

Армстронг последовал за ней, кое-как уклоняясь от столкновений с ярмарочными гуляками. Понемногу расстояние между ними сокращалось. Он уже мог дотянуться рукой до ее плеча, но тут прямо перед ним сипло растянулся мех ручной гармоники, а когда он благополучно обогнул это препятствие, женщины и след простыл. Он посмотрел налево и направо, заглянул в проходы между лотками и вновь нашел ее даже быстрее, чем надеялся. Она стояла на пересечении двух широких проходов и озиралась, словно кого-то ждала. Он поднял руку, но еще не успел подать голос, как женщина его заметила, – и погоня возобновилась.

Армстронг уже почти сдался, когда впереди него вдруг все замерло. Никто не двигался. А еще через мгновение пронзительный крик разорвал воздух. Кричала женщина, в панике:

– Оставьте ее! Убирайтесь!

Армстронг перешел на бег.

Воган добежал до места, где толпа стояла сплошной стеной, и с разгона протолкался сквозь нее. Достигнув свободного пространства в ее центре, он увидел свою жену на коленях в грязи, перемешанной множеством ног. Она билась в истерике. А перед ней стояла высокая темноволосая женщина с длинным заостренным носом и бледными губами, выбрав позицию так, чтобы перекрыть Хелене доступ к ребенку. Ползая по скользкой грязи, Хелена безуспешно пыталась обогнуть широкие юбки женщины и добраться до девочки.

– Не понимаю, – говорила женщина, не обращаясь ни к кому конкретно. – Я всего лишь поздоровалась. Что в этом плохого? Зачем устраивать скандал только потому, что я сказала: «Здравствуй, Алиса».

Голос ее звучал громко – пожалуй, чуть громче необходимого. Заметив появление Вогана, она обратилась сразу ко всем присутствующим:

– Вы слышали, что я ей сказала? Вы это видели?

Несколько подтверждающих кивков были ей ответом.

– Поздороваться с дочерью моей бывшей постоялицы, с девочкой, которую я давно не видела, – разве это не естественно?

Высокая женщина положила руки на плечи девочки.

По толпе прошел невнятный ропот. Люди были смущены и растеряны, но некоторые из них подтвердили, что все было именно так, как она сказала. Женщина удовлетворенно кивнула.

Воган нагнулся и поддержал Хелену, обхватив ее рукой, а она, в немом шоке, взглянула на мужа широко распахнутыми глазами и жестом призвала его вернуть девочку.

В глубине толпы послышался какой-то шум, потом люди расступились, и еще один, хорошо знакомый им человек появился в свободном круге.

Робин Армстронг.

При виде его на лице женщины промелькнуло довольное выражение – какое бывает после успешно реализованного замысла, – но она тут же его подавила и одним рывком, заставшим всех врасплох, подняла девочку перед собой со словами:

– Погляди, Алиса! Вот и твой папочка!

Отчаянный крик Хелены совпал с единым выдохом всей толпы, а затем в наступившей мертвой тишине женщина передала девочку в руки Робина Армстронга.

Прежде чем кто-либо смог опомниться и как-то среагировать, женщина развернулась и стремительно врезалась в плотное кольцо людей. Не устояв перед этим остроносым напором, зрители подались в стороны, потом сомкнулись вновь, и женщина исчезла из виду.

Воган распрямылся и посмотрел на Робина Армстронга.

А Робин посмотрел на девочку, приблизил губы к ее волосам и произнес несколько слов тихим, дрожащим голосом.

– Что? Что он сказал? – заволновались в толпе, и новость начала передаваться из передних рядов назад, искажаясь и дополняясь в процессе передачи:

– Он сказал: «Моя дорогая! Дитя мое! Алиса, любовь моя!»

Зрители, как в театре, ждали продолжения спектакля. Миссис Воган, похоже, была близка к обмороку, мистер Воган обратился в камень, тогда как Робин Армстронг не сводил глаз с ребенка, а его отец мистер Армстронг смотрел на все это так, словно не верил своим глазам. Но что-то еще должно было произойти, ибо в воздухе витала неопределенность. Как будто все актеры вдруг забыли текст, и теперь каждый из них ждал, что кто-

то подаст спасительную реплику, чтобы продолжить представление. Эта пауза, казалось, тянется бесконечно, и публика уже начала вслух выражать нетерпение, когда отчетливо прозвучал еще один голос:

– Могу я чем-то помочь?

Это была Рита. Она вошла в круг и присела на корточки рядом с Хеленой.

– Ее нужно доставить домой, – сказала она и вопросительно посмотрела на Вогана.

Однако тот не мог оторвать взгляда от девочки в объятиях Робина, и на его помощь вряд ли стоило рассчитывать.

– Что вы намерены делать? – спросила Рита с нажимом.

Появился Ньюмен, садовник Воганов, в сопровождении еще нескольких слуг из их усадьбы. Они все вместе подняли Хелену с земли.

– Что дальше? – обратилась Рита к Вогану и взяла его за руку в попытке вывести из транса, но его хватило только на отрицательное покачивание головой, после чего он отвернулся от Риты и кивнул слугам, которые ждали только команды, чтобы двинуться вслед за хозяином, унося бесчувственное тело Хелены обратно в Баскот-Лодж.

Толпа проследила за отбытием Воганов, после чего все взоры обратились на оставшихся участников представления. Девочка открыла рот – и все приготовились услышать детский плач. Но она лишь зевнула и, сомкнув веки, привалилась головой к плечу Робина Армстронга. Судя по тому, как обмякло маленькое тело, она моментально уснула. Молодой человек уставился на спящее дитя, и на его лице изобразилась беспредельная нежность.

В толпе возникло какое-то движение, зазвенели детские голоса:

– Что случилось, мама?

– Почему все молчат?

Ковыляющей походкой, с повязкой на глазу, появилась Бесс во главе процессии детей. Они прибыли слишком поздно и пропустили главные события.

– Смотрите, там папа! – закричал один из малышей, заметив Роберта Армстронга.

– И Робин! – раздался другой голосок.

– А кто эта девочка? – спросил самый младший член семьи.

– Да, – эхом откликнулся глубокий голос Армстронга, и звучал он сурово, хотя и негромко, поскольку вопрос не предназначался для посторонних ушей, – кто эта девочка?

Робин приложил палец к губам.

– Тише! – призвал он сестер и братьев. – Ваша племянница спит.

Дети сгрудились вокруг него; их юные сияющие лица были обращены к девочке, теперь уже невидимой для толпы.

– Дождь начинается! – заметил кто-то.

И тотчас же, после нескольких предупредительных капель, на них обрушился ливень. Вода потекла по лицам, мокрые волосы женщин повисли сосульками, потяжелевшие юбки облепили ноги. И вместе с ливнем ко всем наконец-то пришло осознание, что они только что были свидетелями не спектакля, а настоящей, жизненной трагедии. Люди опомнились и со смущенным видом начали разбегаться в поисках укрытия. Кто-то стал под деревьями, другие набились в ярмарочные палатки, а многие устремились к трактиру «Лебедь».

Философия «Лебедя»

История, которую во время свадебного застолья этим утром обсуждали как уже завершённую, неожиданно продолжилась и приняла новый оборот, с чем нельзя было не согласиться. Свидетели последних событий пересказывали их снова и снова, уточняя все подробности касательно остроносой женщины, драматичного обморока Хелены Воган, застывшего взгляда мистера Вогана и нежных чувств Робина Армстронга. А когда они вспомнили все, что только можно было вспомнить, алкоголь вдохновил их на воспоминания о том, что «вроде бы было», и даже о том, чего не было вовсе. Всех волновали следующие вопросы: «Что теперь предпримут Воганы? Как миссис Воган перенесет случившееся? Смогут ли Воганы как-то уговорить Робина Армстронга вернуть им девочку? Почему дело не дошло до мордобития? Может ли такое все же состояться, но позднее – завтра или послезавтра?»

Бражники заспорили, разделившись на две группы, – одни настаивали, что девочка является Амелией Воган, ссылаясь на уверенность миссис Воган, а другие скептически качали головами и указывали на сходство ее мягких светлых волос с шевелюрой Робина Армстронга. Они обратились к истокам, заново рассмотрели все эпизоды этой истории в свете вновь открывшихся обстоятельств, взвесили аргументы в пользу той или иной версии. Неожиданно снова всплыла тема похищения – ибо если девочка действительно была Алисой Армстронг, то куда же в таком случае подевалась Амелия Воган? История с ее исчезновением, ушедшая было в тень после того, как девочка нашлась, опять выплывала на свет.

Генри Донт, который основательно потрудился на ярмарке, фотографируя всех желающих, теперь занял столик в углу зимнего зала и налегал на ветчину с гарниром из картофеля и кресс-салата.

– Все подстроила няня, – настаивал сборщик салата, сидевший у окна неподалеку от Донта. – Я всегда говорил, что без нее в этом деле не обошлось. С какой стати девчонке среди ночи выходить из дому, если только у нее нет злого умысла?

– Умысел умыслу рознь... Возможно, она замышляла что-то совсем другое, а не похищение. Спуталась с кем-нибудь, – предположил его собутыльник.

Первый работяга покачал головой:

– Я был бы не прочь с ней спутаться, да только она бы не согласилась.

Она не из таковских. Ты слышал, чтобы она когда-нибудь с кем-нибудь путалась?

Оба располагали достоверной информацией обо всех местных девицах, склонных путаться с кем ни попадя, и, обсудив этот вопрос досконально, пришли к выводу: нет, она точно не из таковских.

– А что с ней случилось потом? – поинтересовался Донт.

Сборщики салата переглянулись.

– Не нашла другой работы. Никто не хотел доверять ей своих детей. И она уехала в Криклейд, к своей бабушке.

– В Криклейд? А, драконий край...

Криклейд – симпатичный старинный городок в нескольких милях от Рэдкота – был известен тем, что неоднократно подвергался нападениям драконов. Донт планировал сделать там несколько снимков для своей книги.

Он вновь склонился над тарелкой, продолжая прислушиваться к разговорам о событиях двухлетней давности. Рассказчики так и этак препарировали и переосмысливали те события в поисках ниточек, которые могли бы связать обе истории воедино. Однако концы этих ниточек никак не желали сходиться.

Одна из Марготовок принесла Донту яблочный пирог, щедро политый сливками. Джонатан зажег новую свечу на его столике, но уходить не спешил.

– Хотите, расскажу вам историю?

– Конечно. Я весь внимание.

Джонатан устался в темный угол, где, как он знал, рождались все отцовские истории. Высочайшая сосредоточенность этого взгляда свидетельствовала о начале творческого процесса. Наконец, почувствовав себя готовым, он открыл рот и выпалил скороговоркой:

– Однажды, давным-давно, один человек въехал в реку на повозке с лошастью – и больше его никогда не видели!.. Ох нет! – Он скривил лицо и раздраженно взмахнул рукой. – Все не так! – вскричал он с беззлой досадой. – Я пропустил середину истории!

С этими словами Джонатан ушел практиковаться на новых слушателях, а Донт отдал должное пирогу Марго, попутно внимая речам за соседними столиками. Трагическая история Робина Армстронга, сходство его волос с волосами девочки, речные цыгане, материнский инстинкт...

Лодочный мастер Безант сидел тихо, пока остальные разбирали историю по косточкам и складывали ее снова сотнями разных способов. По поводу внешнего сходства девочки с Воганами или Армстронгами, как и

поводу ее воскрешения из мертвых, он не мог сказать ничего конкретного и потому молчал, вполне довольствуясь своим невежеством. Но когда дело касалось вещей, в которых он хорошо разбирался, мастер не упускал случая вставить свое веское слово.

– Она не Алиса Армстронг, – вдруг заявил он.

От него тотчас потребовали объяснений.

– Мать Алисы в последний раз видели в Бамптоне на пути к реке, и малышка была с ней. Верно?

С этим все согласились.

– Ну так вот, за всю свою жизнь, а мне уже семьдесят семь, я не припомню случая, чтобы мертвое тело – или бочка, или потерянная шляпа, или что еще – плыло вверх по реке, против течения. А вы можете такое вспомнить? Кто-нибудь может?

Бражники покачали головами.

– То-то же.

Он произнес это как окончательный вердикт, и на краткий миг у всех сложилась уверенность, что наконец-то четко обозначена хотя бы одна их множества нестыковок в этой истории, ускользающей, как вода между пальцев. Но потом раскрыл рот кто-то из батраков:

– Скажи-ка, а помнишь ли ты хоть один случай – понятно, до прошлого солнцестояния, – когда утонувший человек вернулся бы к жизни?

– Нет, – сказал Безант, – такого я не припоминаю.

– Стало быть, – философски заключил батрак, – если что-то кажется нам невозможным, это еще не значит, что оно не может реально произойти.

Трактирные мыслители впали в задумчивость, которая вскоре обернулась бурной дискуссией. Если нечто в принципе невозможное вдруг происходит в реальности, не увеличивает ли это возможность того, что с чем-то другим в принципе невозможным вдруг произойдет то же самое? Это была величайшая головоломка из всех, с какими им доводилось сталкиваться, и они обрушили на нее всю мощь своего коллективного разума, не оставляя без внимания ни единой мелочи. Много бутылок эля опустело, и много тяжких головных болей стало следствием их усилий по прояснению данного вопроса. Они пили и размышляли, пили и обсуждали, пили и спорили. Их мысли закручивались водоворотом и устремлялись к неведомым глубинам, открывали подспудные течения внутри других течений, сталкивались со встречными потоками; и порой разгадка уже маячила перед глазами, но в конечном итоге, при всей интенсивности споров, они ни на йоту не приблизились к истине.

Еще в разгар философского диспута Донт, умудрившийся остаться

трезвым, поднялся, тихонько выскользнул из трактира и отправился на «Коллодион», пришвартованный у старой ивы всего несколькими ярдами выше по течению. У него еще было много работы.

Самая короткая ночь

В Баскот-Лодже слуги отнесли хозяйку в ее спальню на втором этаже и оставили ее на попечение Риты и экономки. Хелена, похоже, не замечала рук, которые снимали с нее одежду и облачали в ночную рубашку ее беспрестанно трясущееся тело. Ее кожа была бескровной, глаза смотрели в пустоту, и, хотя губы шевелились, она ничего не произносила и не откликалась на обращения. Ее уложили в постель, но она не могла заснуть, раз за разом приподнималась и протягивала руки, как к девочке на ярмарке, словно повторяя ту сцену. За этим последовали судорожные рыдания и вопли – нечленораздельные вопли боли и ужаса, разносившиеся по всему дому.

Рита с трудом заставила ее принять снотворное, но препарат оказался слабоват и действовал медленно.

– Может, дадите ей что-нибудь по сильнее? Если она в таком состоянии...

– Нет, – сказала Рита решительно. – Я не могу.

Постепенно, впрочем, лекарство брало верх над ее перевозбужденным рассудком, и Хелена начала успокаиваться. Но даже в последние моменты перед погружением в сон она сделала попытку привстать.

– Где... – пробормотала она, разлепляя веки, – Амелия?

В конце концов ее голова опустилась на подушку, глаза закрылись, и следы страшных потрясений этого дня изгладились с ее лица.

– Пойду скажу мистеру Вогану, что она уснула, – сказала экономка миссис Клэр, но Рита задержала ее на несколько минут, чтобы задать вопросы о здоровье Хелены в последнее время.

Немного погодя Хелена вышла из полудремы, и к ней тотчас вернулись ужасные воспоминания о последних событиях; боль и тревога ничуть не уменьшились.

– Где она? – надрывно рыдала Хелена. – Где она?! Энтони поехал за ней, чтобы вернуть домой, да? Я должна поехать сама. У кого она сейчас? Где она?!

Но ее тело было слишком изнурено, чтобы привести в исполнение эти отчаянные порывы. Ей не хватало сил даже на то, чтобы откинуть одеяла и самостоятельно подняться с постели, не говоря уже о том, чтобы сесть в лодку и плыть до Келмскотта или ехать на поезде в Оксфорд.

Столь велико было ее горе, что оно отнимало у Хелены последние

силы; теперь она все чаще затихала и подолгу лежала молча, с невидящим взглядом и неподвижными конечностями.

Во время одного из таких затиший Рита взяла ее за руку и сказала:

– Хелена, вы в курсе, что ждете ребенка?

Хелена медленно сфокусировала взгляд на ее лице, не вполне понимая, о чем идет речь.

– Когда вас принесли сюда, я надевала на вас ночную рубашку и заметила, что вы начали полнеть. Миссис Клэр говорила, что накануне вы съели много редиса, вам стало дурно и она отпаивала вас имбирным чаем. Но вас тошнило совсем не из-за редиса. Дело в беременности.

– Но это невозможно, – сказала Хелена. – После исчезновения Амелии у меня прекратились месячные. И с тех пор их не было ни разу. Так что вы ошибаетесь.

– В подобных случаях способность к зачатию появляется за несколько недель до возобновления месячных. И если в это самое время зачать ребенка, месячные так и не наступят. Именно это случилось с вами. Через полгода вы снова станете матерью.

Хелена растерянно моргала. Потребовалось время, чтобы информация в полном объеме дошла до ее истерзанного сознания, а когда это наконец произошло, она тихонько охнула и приложила ладонь к своему животу. На ее губах возникла слабая улыбка, и покотившиеся по щекам слезы были уже не такими горькими, как те, что орошали ее подушку несколько минут назад.

Затем она слегка наморщила лоб и охнула во второй раз, как будто после первой изумленной реакции что-то очень важное прояснилось в самых темных глубинах ее сознания.

И, закрыв глаза, уснула глубоким спокойным сном.

На первом этаже Воган стоял перед окном своего кабинета. Наступили сумерки, но он не зажигал лампу. И не снимал пиджак. Казалось, он там стоит без движения уже много часов подряд.

Когда Рита, постучавшись, вошла в кабинет, Воган встретил ее тусклым, отсутствующим взглядом человека, который слишком запутался в своих мыслях о прошлом, чтобы реагировать на настоящее. «Да», – произнес он глухим голосом, когда она сообщила, что Хелена заснула. «Нет», – когда Рита предложила ему снотворное, чтобы он и сам немного вздремнул. И снова: «Да», – в ответ на ее слова о необходимости оберегать Хелену от новых потрясений.

– Это особенно важно сейчас, – добавила она, – когда она ждет ребенка.

– Да-да, – все тем же голосом сказал он, так что Рита не смогла понять, дошло ли до него это известие. Он явно счел разговор оконченным, вновь уставился в пространство за окном и погрузился в тягостные раздумья.

Рита вышла в сад через дверь с новенькими – теперь уже ненужными – замками и направилась к реке. Летний дождь бил по ее плечам редкими, но крупными – вдвое больше обычного – теплыми каплями. Несмотря на поздний час, еще не стемнело как следует; свет серебрился в мокрой листве и лужах на тропинке. А серебро реки неутомимо перековывали молоточки капель.

У Риты запершило в горле. Несколько последних часов она была занята выполнением своих профессиональных обязанностей, и это помогало ей отвлечься. Но теперь, оставшись в одиночестве, она наконец-то расслабилась; и слезы потекли по щекам попеременно с дождевыми каплями.

Впервые за все ее посещения Баскот-Лоджа она не пообщалась с девочкой. В прошлые визиты Рита обычно сажала ее на колени, или бросала с ней плоские камешки в реку, или наблюдала за лебедями и утками, которые подплывали близко к берегу, отражаясь в воде. Когда маленькая рука тянулась к Рите, она убеждала себя, что удовольствие, получаемое ею от детского жеста доверия, – это несущественная мелочь. Но когда она увидела, как остроносая женщина отбирает девочку у Воганов, чтобы передать ее Робину Армстронгу, инстинктивный умоляющий порыв Хелены нашел отклик и в ее душе.

Она так громко всхлипывала, что сама перестала себя узнавать. С этим нужно было что-то делать.

– Перестань, глупая, – сказала она себе с упреком. – Это совсем на тебя не похоже.

Но и строгость не возымела эффекта.

– Хватит ныть, как будто это твой собственный ребенок, – продолжила она, однако эти слова лишь удвоили потоки слез.

Прислонившись к стволу дерева, Рита дала волю чувствам; прошло десять минут, а слезам все еще не было видно конца. Она вспомнила об утешении, какое даровал ей Господь в те времена, когда у нее еще была вера.

– Теперь-то Ты понимаешь, почему я в Тебя на верю? – обратилась она ко Всевышнему. – Потому что в такие минуты, как сейчас, я остаюсь сама по себе. Я знаю, что помощи ждать не стоит.

Однако стенать и жаловаться на судьбу ей было не свойственно.

– Это уже совсем никуда не годится, – напустилась она на себя. – Да что с тобой такое?

Она сердито вытерла слезы, обругала дождь с использованием выражений, от которых благочестивых монашек хватил бы удар, и устремилась вперед по тропе. Она не сбавляла темпа, пока не начала задыхаться; и теперь ее грудь вздымалась уже не от волнения, а от обычной нехватки воздуха.

На подходе к «Лебедю» все слышнее становились шум и гвалт. Батраки, сборщики салата и гравийщики, основательно подогретые выпивкой, разошлись не на шутку после ярмарочных гуляний в разгар долгого трудового сезона. Нескончаемость светового дня способствовала всяческим эксцессам, коим в равной степени предавались как завсегдатаи, так и случайные посетители трактира. Несмотря на дождь, часть из них высыпала на речной берег. Промокшие до нитки, они пили из кружек разбавленный дождем эль – уже толком не чувствуя его вкуса – и в который раз пересказывали друг другу все менее связные версии сегодняшних событий.

Рита не горела желанием общаться с этой публикой. Они видели ее на ярмарке вместе с Воганами и, встретив сейчас, наверняка потребовали бы от нее историю. Ей совсем не хотелось посвящать в личные дела Воганов кого бы то ни было, но миновать незамеченной толпу любознательных пьянчуг было задачей не из простых. Она подняла воротник плаща – стараясь не обращать внимания на струйки воды, которые при этом стекли ей за шиворот, – и опустила голову, чтобы лица не было видно со стороны. В остальном расчет был на быстроту ходьбы и невнимательность гуляк.

Из-за опущенной головы она не заметила одного из батраков, опорожнявшего в реку свой мочевого пузырь. Он уже закончил и развернулся, пытаясь застегнуть штаны, когда в него чуть не врезалась Рита. Человек был пьян, но все же не до такой степени, чтобы не извиниться.

– Прощу прощения, мисс Сандей, – изрек он, прежде чем нетвердой походкой направиться к своим расположившимся неподалеку товарищам.

Было понятно, что он первым же делом сообщит всем о появлении Риты, и ее шансы проскользнуть мимо «Лебедя» без задержки быстро таяли.

– Рита! – услышала она оклик и вздохнула, готовясь перетерпеть эту неприятность.

– Рита! – повторил тот же голос, негромкий и настойчивый, и тут она поняла, что исходит этот голос не от шумной компании на берегу. Он

раздавался с реки.

Там, полускрытый развесистой ивой, был пришвартован «Коллодион». А на палубе стоял Донт и призывно махал ей рукой. Она подошла к трапу, поднялась на несколько ступенек, увидела протянутую сверху руку, схватилась за нее и была мигом поднята на борт.

В каюте было уже прибрано: все коробки, флаконы и фотопластинки заняли свои места на полках. Только раскрытый на столе каталог, в котором Донт вел учет сделанных снимков, свидетельствовал о том, что фотограф провел насыщенный рабочий день. На столике стоял бокал рейнского вина; Донт достал из шкафчика второй, наполнил его и поставил перед Ритой.

В последний раз они виделись в толпе зевак, наблюдавших за конфликтом между Воганами и Робинот Армстронгом. А расстались они сразу после ухода высокой остролицей женщины, вдогонку за которой отправился Донт.

– Вы ее нагнали?

– Она мчалась так, что я не смог даже сократить дистанцию. Мне мешал ускориться вот этот груз. – Донт указал на тяжелую коробку со стеклянными пластинками. – Она ни с кем не разговаривала и не смотрела по сторонам. Прямоком направилась к дальнему полю, а там у ворот ее ждал человек в двуколке. Женщина забралась в экипаж, и они быстро уехали.

– Обратно в бамптонский бордель?

– Надо полагать. Между прочим, деликатные люди предпочитают термин «пансион». Вы выражаетесь на редкость откровенно для монастырской воспитанницы.

– Донт, я большую часть своей жизни имела дело с последствиями того, чем занимаются мужчины и женщины в таких домах, и не вижу смысла деликатничать. Знай вы хотя бы половину тех вещей, которые мне приходилось делать в качестве медсестры, вы бы поняли, что меня не может шокировать какое-то там слово. Появление на свет ребенка – это слишком кровавое зрелище для фотосессий, и вы никогда этого не увидите, но я... я вижу это постоянно.

До того момента Рита не притрагивалась к вину, но теперь взяла свой бокал и осушила его залпом. Когда она пила, ее веки прикрылись, и Донт заметил, что они покраснели и распухли.

– Вы будете хорошим отцом, Генри Донт. Вы когда-нибудь обязательно станете хорошим отцом. Вам ничего не расскажут о крови. Вас попросят покинуть комнату, чтобы вы ничего не видели и не слышали. А когда вам

позволят вернуться, все уже будет убрано. Ваша супруга будет выглядеть бледной, и вы подумаете, что это от усталости. Вы не узнаете, что пропитанные ее кровью простыни были выжаты над вашей раковиной. Служанка будет отстирывать и оттирать их до тех пор, пока остаточные пятна не обретут безобидный вид – словно кто-то пролил кофе на простыни лет пять назад. А в комнате вашей жены будет стоять аромат гвоздик и апельсиновых корок, чтобы вы не почувствовали железистый запах крови. Если врачом будет мужчина, он отведет вас в сторонку и с мужской прямоотой порекомендует какое-то время избегать интимной близости, но он не станет вдаваться в подробности, так что вы не узнаете обо всех этих разрывах и наложенных швах. Вы не узнаете о крови. Однако ваша жена будет знать. Если только она выживет после родов. Но она никогда вам об этом не расскажет.

Он повторно наполнил ее бокал. И она снова выпила все до дна.

Донт не произнес ни слова.

Потом тоже осушил свой бокал.

– Но теперь я уже это знаю, – сказал он. – Теперь, когда вы мне рассказали.

– Не нальете мне еще? – попросила она.

Вместо того чтобы наполнить протянутый бокал, Донт поставил его на стол и взял руку Риты в свои:

– Так вот почему вы не заводите детей? Вот почему вы *не хотите* иметь детей? Дорогая...

– Не надо! – Она достала из кармана носовой платок и высморкалась. – Когда вашей жене придет время рожать, пошлите за мной. Мне дали имя в честь святой Маргариты, покровительницы деторождения, имейте это в виду. Я сделаю все, что смогу, для нее. И для ребенка. И для вас.

Она самостоятельно налила себе вина, но теперь только пригубила бокал, а когда снова посмотрела на Донта, гневный порыв уже миновал. Она снова взяла себя в руки.

– Хелена Воган беременна, – сообщила она.

– Ах! – вырвалось у него. – Ах!

– Она сказала почти то же самое, только в ее варианте это было «ох!» и «ох!».

– И они... рады?

– Рады? Не знаю. – Она нахмурилась, уставившись на поверхность стола перед собой. – Что происходит, Донт? Что в действительности произошло сегодня днем?

Она перевела взгляд на него, ожидая ответа.

– Все это выглядело ненатурально, – сказал он.

Рита кивнула.

– Особенно то, как миссис Ивис произносила свои реплики. Они казались... отрепетированными.

– И она нарочно повысила голос так, чтобы все вокруг могли ее слышать.

– Робин Армстронг оказался тут как тут в самый нужный момент... Ни секундой раньше, ни секундой позже. Как раз вовремя для нее, чтобы передать ему девочку из рук в руки.

– А вы заметили, как она на него взглянула, когда он появился?

– Да, как будто ожидала его увидеть...

– ...но все же испытала облегчение...

– ...оттого, что он не опоздал...

– ...а сама поспешила исчезнуть, пока всем было не до нее.

– Это походило на спектакль.

– Разыграно как по нотам.

– И тщательно спланировано. Вплоть до быстрого отъезда миссис Ивис в поджидавшей ее двуколке.

– А пока вы гнались за миссис Ивис, Робин Армстронг устроил душещипательное представление. Излияния нежных чувств – «Алиса, ох, Алиса!» – очень тихо, так что его смогли услышать только ближайšie зрители.

Донт на секунду задумался:

– Думаете, он притворялся? Но тогда почему он говорил тихо, а не во весь голос, как миссис Ивис...

– Так оно выглядело правдоподобнее. Он рассчитывал на то, что немногие услышавшие все равно передадут его слова остальным. Он куда более талантливый актер, чем миссис Ивис.

– Я слышал, что говорили о нем люди в трактире. Они были убеждены в его искренности.

– Их не было в «Лебеде» во время его притворного обморока, когда он впервые увидел девочку.

– Вы тогда проверяли его пульс...

– И он все время оставался ровным и четким, как у совершенно спокойных людей.

– Зачем же тогда он притворился?

– Может, выгадывал время, чтобы все обдумать?

Донт попытался, но не смог прийти к какому-либо заключению.

– А что Воган? Почему он ничего не предпринял?

Рита покачала головой:

– Он сейчас находится в странном, каком-то потерянном состоянии. Я сообщила ему о беременности Хелены, а он почти не среагировал. Похоже, до него просто не дошел смысл моих слов. Что, если мы с вами ошибаемся, Донт? Верит ли он сам в то, что эта девочка – настоящая Амелия? Он выглядит совершенно разбитым и сдавленным.

Оба замолчали. Река плавно катила свои воды под ними; со стороны «Лебеда» доносился гомон пьяных голосов.

– Полагаю, на этом можно пока закончить? – сказал Донт.

Рита согласилась, зевая. Теперь уже по-настоящему стемнело. Этот день вымотал ее до предела, – казалось, она понемногу растворяется в атмосфере, начиная с внешней оболочки, с кожи. Еще один бокал, и она потеряет контроль над собой. Как же она скучала по этой девочке! Ее как будто лишили чего-то очень важного. Койка Донта была в двух шагах; она вдруг представила себя лежащей там. А где в этой фантазии было место Донта? Прежде, чем ее воображение ответило на этот вопрос, и прежде, чем Донт откупорил бутылку, чтобы в последний раз наполнить бокалы, «Коллодион» покачнулся и чуть просел.

Рита и Донт изумленно переглянулись. Кто-то взошел на борт.

Раздался стук в дверь каюты. И женский голос: «Можно?»

Это была одна из Марготок.

Донт открыл дверь.

– Мне нужно поговорить с мисс Сандей, – сказала она. – Я заметила, как вы сюда шли. А когда папе стало плохо, я и подумала... Извините, мистер Донт.

Он повернулся к Рите, меж тем как Марготка за его спиной тактично направила взор в потолок. Рита поднялась из-за стола.

На выходе она устало улыбнулась Донту:

– Зря я вам это рассказала. О женских делах.

Он взял ее руку так, будто собирался поднести ее к своим губам, но ограничился пожатием, и Рита удалилась.

Гуляк на берегу уже оповестили о тяжелом состоянии Джо, и никто из них даже не попытался задержать Риту расспросами, когда она следовала за Марготкой вверх по склону и затем через зал в жилую часть дома. Трактирщик лежал не в спальне, а на импровизированной постели в самой дальней от реки комнате. Его грудь поднималась и опускалась натужно, с хрипами, но взгляд оставался спокойным – настолько спокойным, что

шумная работа его легких казалась чем-то посторонним, не имеющей к Джо никакого отношения. Руки неподвижно лежали вдоль тела. Движением брови он отправил свою дочь обратно в зал помогать ее матери и, оставшись наедине с Ритой, обратился к ней со своей обычной мягкой улыбкой.

– Сколько... еще... мне... осталось? – произнес он в перерывах между вдохами.

Она не спешила с ответом. Да и вопрос был задан больше для проформы. Она приложила ухо к его груди и послушала хрипы. Измерила пульс, оценила степень его бледности.

Потом села на край постели. Она не сказала: «Тут я ничего не могу сделать», потому что это был Джо. Он уже полвека шел нога в ногу со смертью, но все время опережал ее на один шаг. Об умирании сам Джо знал больше, чем кто бы то ни было.

– Думаю... еще... несколько... месяцев, – прохрипел он. Потом сделал паузу, сосредоточившись на извлечении живительного кислорода из вязкого сырого воздуха. – Может... полгода...

– Да, примерно так.

Рита не отводила взгляда. Такова была одна из составляющих ее работы: помогать обреченным людям встретить смерть. Иногда умирающие хотели побыть наедине с собой. И зачастую им легче было общаться с медсестрой, чем со своими родными. Она смотрела прямо в глаза Джо.

– Хотелось бы... – еще один сиплый вдох, – лета получше.

– Понимаю.

– Буду скучать... по Марго. По семье. В этом мире... много чудесного... буду скучать...

– И по реке?

– Река... будет... всегда.

Он закрыл глаза. Рита следила за судорожными колебаниями тщедушной грудной клетки, прикидывая, какие снадобья приготовить завтра, чтобы облегчить страдания, при этом не ослабляя еще больше его организм. Джо задремал, и его лицо сразу оживилось под влиянием каких-то ему одному видимых картин. Пару раз он что-то бормотал; и Рите слышались слова: «Река... Молчун... история».

Чуть погодя он открыл глаза и несколько раз моргнул, возвращаясь к реальности.

– Вы поговорили с Марго? – спросила она.

Он движением бровей ответил отрицательно.

– Не лучше ли предупредить ее заранее?

Брови сказали «да».

Глаза его закрылись. Надеюсь, что на сей раз он поспит подольше, Рита уже собралась тихо выйти из комнаты, но тут его веки поднялись вновь. Судя по всему, вот-вот должен был начаться приступ.

– На той стороне реки есть истории, каких никто здесь не слышал... Но я помню их очень смутно, когда возвращаюсь на эту сторону... Там есть такие истории...

– Джо очень плох, – сообщила она Марго в каморке позади бара. – Завтра я принесу микстуру, от которой ему полегчает.

– Это все из-за дождя. Он не поправится до перемены погоды.

Кто-то из клиентов позвал хозяйку, требуя еще сидра, и Рите не пришлось комментировать ее последние слова. Вернувшись, Марго сказала:

– Ты сама выглядишь измотанной. Ночь уже скоро закончится, а у тебя, могу поспорить, и крошки во рту не было после завтрака. Присядь здесь, где тебя не видно из зала, и что-нибудь съешь. Здесь тебя никто не потревожит, а потом сможешь уйти незаметно через заднюю дверь.

Поблагодарив ее, Рита положила на тарелку хлеб и сыр. Дверь каморки была приоткрыта. Из зала доносился гул разговоров, в которых неоднократно упоминались имена Вогана и Армстронга. Но она уже больше не могла об этом думать. По счастью, кто-то из гравийщиков решил сменить тему.

– Представьте, есть один умник, – сказал он, – который считает – это он так считает, говорю вам! – что все люди, вроде меня или вас, натурально произошли от мартышек!

И он, как мог, изложил суть теории Дарвина, изрядно повеселив честную компанию.

– А я слышал не менее занятную историю! – крикнул его приятель. – Якобы люди когда-то имели хвосты и плавники и жили под водой!

– Что, жили на дне реки? Сроду не слышал такой бредятины!

В ходе последовавшего спора гравийщик утверждал, что ему это рассказали в одном трактире десятью милями вверх по реке, а оппонент настаивал, что это его собственная дурацкая выдумка.

– Быть такого не может! – заявлял второй. – Вот попроси Марго наполнить твою кружку, опусти туда рот и попробуй разговаривать...

Последние слова он произнес, изображая булькающую речь «подводного человека». Идея так понравилась остальным, что они решили проверить ее на практике и дружно забулькали, пуская пузыри в свои

кружки. Это сопровождалось громким хохотом, кашлем поперхнувшихся экспериментаторов и под конец – шумным падением со стула одного из них, после чего он затрепыхался на полу, как выброшенная на берег рыба.

Рита проскользнула на кухню, отдала свою тарелку тамошней Марготке и через кухонную дверь вышла наружу. Уже близился рассвет. Времени на сон оставалось всего ничего.

Великие озера под землей

Лили наблюдала сцену на ярмарке из задних рядов толпы, но мало что могла разглядеть из-за широких плеч работяг и летних шляпок женщин, так что ей приходилось полагаться на стоявших рядом высокорослых зрителей и на людей с острым слухом, которые делились увиденным и услышанным со своими соседями. А когда бедная Лили смогла наконец пробраться через редущую толпу к центру событий, там был только дождь, заливающий пустой пятачок земли.

С ярмарочного поля она направилась к дому священника и вбежала в его кабинет, захлебываясь словами и слезами.

– Помедленнее, миссис Уайт, – несколько раз попросил пастор, но это не действовало.

Кое-как он все же уловил суть ее рассказа, а между тем Лили окончательно выдохлась и умолкла.

– Стало быть, девочка была опознана хозяйкой дома, в котором скончалась миссис Армстронг? – Он нахмурился и покачал головой. – Если только вы ничего не напутали... Даже не представляю, как перенесет это несчастная миссис Воган. Вы уверены, что все было именно так, миссис Уайт?

– Да тут все ясно как божий день! Я самолично видела. И слышала. Ну, все равно что самолично. Вы мне вот что скажите, преподобный отец, сможет ли такой молодой человек хорошо позаботиться о такой маленькой девочке? Он же ничего не знает. Будет ли он петь ей колыбельные, если она проснется среди ночи? Есть ли у него экран перед камином? Нынче многие, знаете ли, обходятся без этого. А что стало с ее любимой куклой? Он забрал ее вместе с девочкой?

Священник, как мог, старался ее успокоить, но с душевными терзаниями такого рода не совладать никому из смертных, и Лили покинула его все в тех же расстроенных чувствах. По дороге домой ее одолевали самые мрачные мысли и воспоминания. Пока Анна оставалась у Воганов, Лили могла утешаться хотя бы тем, что девочка живет в комфорте и безопасности под опекой миссис Воган, но теперь ее лишили и этого утешения. Анна была передана молодому человеку – одинокому вдовцу, – и кто же теперь будет заботиться о девочке? Матерям все же больше доверия, хотя... Прошлое вернулось к ней воспоминаниями, особенно яркими оттого, что она всячески избегала их в последние полгода. Она вспомнила,

с чего все начиналось.

«Ты не чувствуешь себя одиноко, живя без отца? – однажды спросила ее мама. – Ты бы хотела снова иметь папу?»

Иногда, задавая детям вопросы, взрослые как бы подсказывают ответ, который хотят получить. Лили охотно дала бы такой ответ, чтобы порадовать маму. Спрашивая ее, мама улыбалась, но Лили ощутила за этой улыбкой тревогу. И очень уж пристальным был мамин взгляд, когда она ожидала ответа.

«Я не знаю, – сказала она. – Нам ведь и вдвоем хорошо, правда?»

Мама, казалось, почувствовала облегчение. Но через некоторое время она повторила тот же вопрос, и Лили подумала, что в прошлый раз, видимо, ошиблась с ответом. Она посмотрела маме в лицо и, просто желая доставить ей удовольствие, сказала: «Да, я бы хотела иметь папу».

Однако мамино лицо не прояснилось, а стало каким-то задумчивым. Лили так и не поняла, какой из двух ответов был правильным.

А вскоре к ним домой пришел мужчина.

«Значит, ты и есть малышка Лили», – сказал он, нависая над ней. Его зубы отклонялись внутрь рта, а впервые увидев его глаза, Лили тотчас поняла, что больше встречаться с ним взглядом не захочет.

«Это мистер Нэш, – сказала мама, явно нервничая, и продолжила, подгоняемая его взглядом: – Он будет твоим новым папой».

Мама посмотрела на мужчину, и тот одобрительно ей кивнул.

Затем новый папа сделал шаг в сторону.

«А это, – сказал он, – Виктор».

Позади него обнаружился мальчик – постарше Лили, но ростом ниже ее. С носом кнопкой и такими тонкими губами, что их как будто и не было вовсе. Со светлыми бровями, еле заметными на фоне белой кожи, и глазами-щелочками.

На лице мальчика возникла темная дыра.

Он хочет меня сожрать, было первой мыслью Лили.

«Ну же, улыбнись твоему новому брату», – сказал мамин голос.

Расслышав в этом голосе нотку страха, Лили подняла голову и уловила какой-то сложный обмен взглядами между мамой и новым папой. При этом казалось, что мама все больше запутывается в сетях, из которых ей уже не выбраться. «Это моя вина? – подумала Лили. – Что я сделала не так?» Она не хотела все испортить. Она хотела сделать маму счастливой.

И, повернувшись к Виктору, Лили улыбнулась.

Подойдя к Лачуге Корзинщика, она обо всем догадалась еще до того,

как открыла дверь. Запах реки никогда не был настолько силен, чтобы перебить этот тяжелый фруктово-дрожжевой дух, как не мог с ним справиться и ливень.

– Я должна была зайти к пастору... – начала она, но не успела до конца озвучить оправдание, как первый удар пришелся ей в предплечье.

Второй угодил в мякоть живота, а когда она отвернулась, кулаки начали молотить по ее спине и плечам. Мистер Уайт тоже ее поколачивал, обычно в подпитии, но, даже будучи крупным мужчиной, не мог и близко сравниться с Виктором в плане точности и силы ударов. Кулаки у мистера Уайта были увесистые, но удары получались какими-то вялыми, замедленными, и Лили часто успевала от них увернуться, а если он и попадал, то синяки после таких ударов сходили всего за неделю. А Виктор лупил ее уже лет тридцать и за это время изучил весь ее нехитрый арсенал уловок. Он обманным движением показывал, куда собирается ударить, а когда она пыталась увернуться, бил в другие места, занимаясь этим с холодной сосредоточенностью и не обращая внимания на ее мольбы и слезы. Все, что ей оставалось, – это терпеть побои.

При этом он никогда не бил ее по лицу.

По завершении экзекуции Лили оставалась лежать на полу, пока не услышала, как он двигает стул и садится.

Тогда она поднялась иправила платье.

– Ты голоден? – Она старалась говорить самым обыденным тоном. Виктор не любил ныть после побоев.

– Я сыт.

Это означало, что он уже подчистил все ее запасы.

От кухонного стола донесся знакомый ей громкий удовлетворенный выдох.

– У тебя был удачный день, Вик? – робко поинтересовалась она.

– Удачный день? Удачный день? Еще бы! – Он напустил на себя загадочный вид. – Дела идут лучшим образом.

Лили переступила с ноги на ногу. Сесть без его дозволения она не решалась, а заняться готовкой не могла ввиду отсутствия в доме продуктов.

Он повернул голову к окну.

«Может, он сейчас уйдет?» – с надеждой подумала Лили.

Но это была ночь летнего солнцестояния, когда много людей гуляют на берегу до рассвета, даже несмотря на дождь. Значит, он будет ночевать здесь?

– Река поднимается. Небось пугает тебя, дуреху. Насыляет кошмары, да?

Вообще-то, ночные кошмары прекратились сразу после появления Анны в «Лебеде». Потому что ее сестра не могла находиться одновременно в двух разных местах, рассудила Лили. Но Виктору об этом сообщать не стоило. Ему будет приятно думать, что ее все еще преследуют жуткие видения. Она кивнула.

– Ты ведь боишься воды? А она повсюду. Иногда ее можно увидеть, а иногда нет. Иногда ты знаешь, где она, а иногда не знаешь. Занятная вещь эта вода.

Виктор любил показать себя знатоком. Одним из лучших способов избежать побоев было выказать свое невежество в каком-либо вопросе и дать ему возможность поразглагольствовать. Вот и сейчас он, упиваясь собственной просвещенностью, настроился прочесть целую лекцию.

– Под землей скрыто не меньше воды, чем мы видим здесь наверху, – начал он. – Там есть огромные пещеры, размером с кафедральный собор, наполненные водой. Только подумай об этом, Лили. Представь твою любимую церковь залитой под самый потолок темной и неподвижной водой. А потом представь такое же количество воды, но под землей, натурально подземное озеро. И там таких озер не счесть.

Она смотрела на него недоверчиво. Этого не может быть! Вода под землей? Где это слыхано?

– Там есть фонтаны, родники и колодцы, – продолжил он, зорко следя за реакцией Лили. Ее сердце сильно колотилось, в горле пересохло. – А также подземные пруды. Ручьи, реки и болота. – (У нее уже подгибались колени.) – И лагуны. Хотя ты ведь никогда не слышала о лагунах, да, Лили?

Она покачала головой и представила себе ужасных существ, состоящих из воды, – вроде драконов, изрыгающих воду вместо огня.

– Это удивительное явление природы, Лили. Мы тут занимаемся своими мелкими делишками на поверхности, а внизу, под нашими ногами... – Он указал на свои ботинки. – Там плещутся великие подземные озера.

– Где именно? – спросила она испуганным, дрожащим голосом.

– Да повсюду. Может, прямо под нами. Под твоим домом.

Лили содрогнулась от ужаса.

Он оглядел ее с ног до головы.

«Это еще не все, – подумала она. – Сегодня он этим не ограничится».

Так оно и вышло.

Две странности

А чем закончилась эта ночь в Келмскотте, на ферме Армстронгов? Они засиделись в гостиной допоздна, хотя детям давно уже полагалось спать. На столе горели свечи, и все, кроме Армстронга, были уже в ночных рубашках, но никто и не думал отправляться в постель. Девочка сидела на коленях у старшей дочери, а остальные дети толпились вокруг и наперебой предлагали ей свои любимые игрушки, тогда как Армстронг и Бесс взирали на них со стороны. Мальчики и девочки были в восторге от новенькой, шумно приветствуя любое ее движение, даже когда она всего лишь сонно моргала. Самый маленький из детей, всего парой лет ее старше, протянул девочке свою новую резную игрушку, купленную днем на ярмарке, и, когда она схватила игрушку, радостно закричал:

– Она ей нравится!

Девочки постарше расчесали ей волосы и заплели их в косички, помыли ей лицо и руки и облачили в одну из своих старых ночнушек.

– Она останется с нами? – спрашивали дети в который уже раз. – Она теперь будет жить с нами?

– Робин вернется домой и будет ее папой? – раздался еще один голосок с ноткой некоторого беспокойства по такому случаю.

– Там будет видно, – сказал Армстронг, и Бесс взглянула на него искоса.

На обратном пути с ярмарки, когда они уже достаточно удалились от толпы, Робин передал девочку Бесс, а сам отправился в Оксфорд, ничего не сообщив о своих дальнейших планах или хотя бы о том, когда его ждать на ферме. С того времени Армстронг и Бесс не имели возможности обсудить события на ярмарке так, чтобы их не услышали дети.

У девочки слипались глаза, и дети вокруг нее притихли. Уже засыпая, она ослабила хватку на игрушке, и та упала на пол со стуком, вновь ее пробудившим. Она с изумлением огляделась, сморщила лицо и открыла рот, явно готовая заплакать, и Бесс поспешила взять ее на руки со словами:

– Довольно. Всем спать!

Напоследок дети заспорили по поводу того, в чьей комнате уложат девочку, но Бесс сказала твердо:

– Сегодня она будет спать у меня. Если оставить ее с вами, никто не сомкнет глаз.

Она поручила старшим девочкам проконтролировать отход ко сну

малышей и унесла девочку в свою спальню. Уложив ее в кровать и подоткнув одеяло, она тихо пела колыбельную, пока девочка не закрыла глаза, погружаясь в сон.

Бесс осталась сидеть рядом, разглядывая ее лицо и пытаясь найти в нем какое-то сходство с собой. Она также искала в этом лице черты Робина, черты других ее детей. Но даже не вспомнила о *нем* – о человеке, зачавшем Робина до их с Армстронгом свадьбы. Уже много лет назад она погребла это лицо в самых темных глубинах памяти и выкапывать его оттуда не собиралась.

Она вспомнила письмо, с которого все началось, – мелкие клочки в кармане Робина, из которых они с мужем безуспешно пытались составить связный текст. «Алиса, Алиса, Алиса», – без конца повторяла она тогда. Это имя и сейчас вертелось у нее на кончике языка, но произнести его вслух почему-то было затруднительно.

Убедившись по ровному дыханию девочки, что та крепко спит, Бесс тихо вышла из спальни.

Армстронг сидел в кресле перед нерастопленным камином. Было что-то нереальное в этой сцене: Бесс в ночной сорочке, ее муж в выходном костюме, огоньки свечи среди тьмы, холодный очаг и влажная духота долгого дня за окном. Армстронг рассеянно вертел в пальцах деревянную игрушку.

Она ждала, когда он заговорит, но он был слишком занят своими мыслями.

– Это она? – спросила Бесс. – Это Алиса?

– Я думал, ты уже это выяснила. С помощью женского инстинкта или твоего «всевидящего ока».

Бесс пожала плечами и дотронулась до повязки:

– Я бы хотела, чтоб это оказалось правдой. Она милая крошка. И дети к ней сразу же привязались.

– Это верно. Но как быть с Робинем? Думаешь, он что-то затевает?

– Насколько я его знаю, это более чем вероятно. Но ты ведь обычно заступаешься за Робина – почему сейчас такой настрой?

– Из-за этой женщины – миссис Ивис. Она ведь умышленно привела меня к тому месту на ярмарке, готов поклясться. Этак помаячит передо мной и тут же пускается наутек. А потом вдруг очутилась прямо перед Воганами. Я долго за ней гнался и подоспел как раз вовремя, чтобы увидеть всю сцену.

Он снова погрузился в раздумья, а Бесс ждала, зная, что он поделится с ней мыслями, как только приведет их в порядок.

– Какой у нее может быть интерес в этой истории? Ей абсолютно все равно, кому достанется девочка. Значит, остаются только деньги – кто-то заплатил ей за отъезд из дома, чтобы она не смогла опознать ребенка, а потом заплатил за участие в этой сцене с Воганами.

– Ты думаешь, это сделал Робин? Но... ты же сам говорил, что ему нет дела до ребенка?

Он растерянно покачал головой:

– Да, я это говорил. В ту пору я так думал.

– А сейчас?

– А сейчас я не знаю, что и подумать.

Он надолго замолчал, и Бесс уже хотела напомнить, что время позднее и им нужно хоть немного поспать, когда он снова подал голос:

– Сегодня случилась еще одна странность.

Он смотрел на игрушку Фредди – резную фигурку свиньи.

– На ярмарке я пошел к фотографу, чтобы заказать семейное фото, – он для этого придет к нам на ферму. Между делом я разглядывал его старые снимки – некоторые были сделаны на прошлых ярмарках, – и взгляни, на что наткнулся.

Он запустил руку в просторный карман пиджака, выудил оттуда небольшое фото в рамке и протянул его Бесс.

– «Свинья, умеющая определять время!» – прочла она подпись мелкими буквами. – Ну и ну! «И еще она может сказать, сколько вам лет!» Подумать только!

– Смотри внимательнее. Вглядишься в свинью.

– Тамвортской породы. Как и наши.

– Ты ее не узнаешь?

Она посмотрела еще раз. Бесс знала толк в уходе за свиньями, но внешне они для нее мало отличались одна от другой. Однако она хорошо знала своего мужа.

– Это же... Возможно ли это?..

– Да, – сказал он. – Это наша Мод.

Часть 4

Что было потом

Через два дня после летней ярмарки Донт вернулся в Оксфорд, но и там его все время отвлекали от работы мысли о внезапной перемене в судьбе девочки. Это беспокоило его по нескольким причинам, и одной из них было то, что он, как ни странно, просто по ней скучал. А ведь он лишь один раз побывал у Воганов и пообщался с девочкой – когда приезжал ее фотографировать. Однако между ними определенно существовала связь: роль Донта в спасении девочки связала его с этой семьей, и он знал, что в любое время может постучаться в их дверь, рассчитывая на теплый прием. В тот день у него с Воганами установились почти дружеские отношения. Одно время ему нравилось думать о том, как он будет периодически проводить спасенную им девочку и наблюдать, как она растет, постепенно превращаясь в молодую женщину. Теперь же все эти мечты пошли прахом, и он чувствовал себя опустошенным. Он с тоской вспоминал тот момент в «Лебеде», когда сделал опрометчивую и очень болезненную попытку раздвинуть свои распухшие веки – и увидел ее. Он вспоминал, каким сильным было искушение назвать ее своей дочерью. Впоследствии рассудок взял верх над чувствами, но и здравый смысл был слабым утешителем, когда дело касалось потери ребенка.

В те часы, когда он не думал о девочке, Донт вспоминал о Рите, и это было ничуть не лучше. Что безусловно привнесла в его жизнь девочка, так это понимание того, как сильно он хочет иметь ребенка. Его жена очень расстраивалась из-за того, что их брак оказался бездетным, но самого Донта это чувство настигло с опозданием, только сейчас.

На стене жилой комнаты над мастерской были размещены его любимые фотографии. Не в рамках, а просто пришпиленные кнопками. Сейчас он обводил их взглядом, пребывая в замешательстве. Существуют ли способы предотвращения беременности? Он знал, что существуют, но сомневался в их надежности. Кроме того, сам-то он хотел иметь детей... Рита недвусмысленно изложила свои взгляды на сей счет, и, хотя его это удивило – ведь он же видел ее привязанность к девочке, – Донт сознавал, что поступит неправильно, если попытается ее переубедить. У Риты были свои твердые принципы, и как раз это вызывало у него восхищение. Ожидать, что она поддастся его уговорам, было равносильно ожиданию, что она перестанет быть самой собой. Нет, она ни за что бы не изменилась – а это значило, что измениться должен был он.

Одну за другой он снял фотографии со стены, сверился со своим каталогом и распределил их по картотечным ящикам в мастерской. Забыть ее будет нелегко – он слишком долго всматривался в ее лицо, и такое «время выдержки» прочно зафиксировало ее образ в памяти. Даже личного общения с ней избежать не удастся, поскольку он был связан с историей девочки, частью которой была и Рита. Но он, по крайней мере, мог отказаться от встреч с ней наедине. И он решил, что больше не будет ее фотографировать. Он научит себя не любить ее.

Последствием этого мудрого решения стало то, что уже на следующее утро он передал мастерскую в ведение своего помощника, а сам взял фотокамеру, поднялся на «Коллодионе» вверх по реке и постучал в дверь ее дома.

Она встретила его слабой улыбкой:

– У вас есть новости о девочке?

– Нет. А вы что-нибудь о ней слышали?

– Нет.

Она была бледнее обычного, под глазами появились темные круги. Он выбрал для съемки ракурс в три четверти, оценил яркость света и решил, что двенадцати секунд выдержки будет достаточно. Рита села и приняла указанную им позу. Как всегда, она держалась очень естественно, не пытаясь что-то из себя изобразить. Ее взгляд был исполнен тоски. Должен был получиться великолепный портрет, передающий не только ее, но и его собственные чувства, однако Донт не ощущал обычного в таких случаях радостного предвкушения.

– Мне больно видеть вас такой печальной, – сказал он, вставляя в аппарат кассету с пластинкой.

– Да и у вас настроение не лучше, судя по всему, – ответила она.

Он нырнул под черное покрывало, открыл кассету и снял крышку с объектива. Никогда еще он не чувствовал себя таким несчастным во время работы.

Одна – он быстро присел, не позволив свету проникнуть в камеру.

Две – выскользнул из-под покрывала...

Три – обежал вокруг камеры...

Четыре – заключил Риту в объятия...

Пять – произнес: «Не плачьте, милая...»

Шесть – но его собственные щеки также намокли...

Семь – он поднял ее лицо навстречу своему...

Восемь – их губы нашли друг друга, но тут...

Девять – он вспомнил о фото и побежал...

Десять – обратно к камере...

Одиннадцать – нырнул под черное покрывало и...

Двенадцать – закрыл объектив.

Они отнесли фотопластинку на «Коллодион» и проявили ее в темной комнате. Потом оба мрачно воззрились на размытую фигуру Риты с наложением туманных пятен света и тени и намеком на какое-то призрачное, невещественное движение в кадре.

– Должно быть, это худшая из всех сделанных вами фотографий?

– Без сомнения.

И все же при красном свете им удалось разглядеть на снимке контуры своих объятий. Они не столько целовались, сколько прижимали губы к губам; это была не ласка, а торопливое соприкосновение. В одну и ту же секунду, словно по команде, они отстранились друг от друга.

– Я не в силах это выносить, – сказала она.

– Я тоже.

– Может, нам станет легче, если мы с вами не будем видеться?

Он постарался не уступить ей в честности:

– Думаю, да. В конечном счете.

– Что ж, тогда...

– ...так мы и сделаем.

Больше сказать было нечего.

Она повернулась к выходу, и он открыл дверь каюты. В проходе она задержалась:

– А что там с визитом к Армстронгам?

– Каким визитом к Армстронгам?

– Я о фотосессии на их ферме. Я же записала это в ваш журнал. Во время ярмарки.

– А ведь девочка сейчас там.

Она кивнула:

– Возьмите меня с собой, Донт! Прошу вас! Мне просто необходимо с ней повидаться.

– А как же ваша работа?

– Оставлю на двери записку. Если кому-нибудь срочно понадобится, они найдут меня у Армстронгов.

Девочка. Он уж думал, что больше ее не увидит, и вдруг выясняется, что у него запланирован выезд на ту самую ферме... Внезапно этот мир показался ему чуть менее невыносимым.

– Хорошо. Едем вместе.

Три пенса

«У нас еще будет возможность обсудить условия этого соглашения, – сказала Вогану фальшивая гадалка. – Я буду держать с вами связь». С той поры прошло уже шесть недель без каких-либо известий, но Воган знал, что рано или поздно это случится: удар будет нанесен. Посему он почти обрадовался, когда однажды за завтраком увидел перед собой на подносе конверт, подписанный незнакомым почерком. В письме назначалась встреча рано утром следующего дня в уединенном месте на берегу реки. Объявившись там в указанное время, Воган никого не застал и подумал, что прибыл первым. Но стоило ему остановиться на болотистой тропе, как из-за жидких кустов возникла фигура – худой человек в длинном и слишком широком для него пальто. Его лицо было скрыто полями низко надвинутой шляпы.

– Доброе утро, мистер Воган.

Голос тотчас же его выдал: это он выступал в роли гадалки.

– Что вам от меня нужно? – спросил Воган.

– Речь скорее о том, что нужно *вам*. Вы ведь хотите вернуть девочку? Вы и миссис Воган этого хотите?

Хелена в последние дни была на редкость спокойной. Казалось, она ждала ребенка с радостью и временами уже начинала строить какие-то планы, но прежнего оживления в ней не чувствовалось. Будущая жизнь и прошлые утраты сосуществовали в ней двумя половинками единого целого, и она несла свое горе и свою надежду с равным смирением.

Горевала не только Хелена. Воган тоже стосковался по девочке.

– Вы намекаете на то, что я еще могу ее вернуть? – уточнил он. – Но у Робина Армстронга есть свидетельница. Конечно, не самая авторитетная, учитывая ее род занятий, но, если я начну судебный процесс, *вы* опять меня легко переиграете.

– С ним можно договориться.

– Что вы этим хотите сказать? Что его можно склонить к продаже родной дочери?

– Родной... Может, оно и так. А может, и нет. В любом случае его мало волнует родство.

Воган не ответил. От таких разговоров у него голова пошла кругом.

– Так и быть, разложу все по полочкам, – сказал незнакомец. – Допустим, у человека есть ненужная ему вещь, за которую он не дал бы и

пары пенсов, зато другой человек достаточно заинтересован в этой вещи, чтобы дать за нее три пенса.

– То есть, если я дам мистеру Армстронгу эти три пенса, он готов будет отказаться от девочки в мою пользу, я правильно понял?

– Три пенса я упомянул только для сравнения.

– Понятно. Здесь требуется сумма посolidнее. Сколько хочет получить ваш хозяин?

Тон незнакомца вмиг изменился.

– Хозяин? Ха! Он мне никакой не хозяин.

Тонкогубый рот под полями шляпы искривился, как будто незнакомец увидел что-то комичное в таком предположении.

– Однако вы сейчас оказываете ему услугу в роли посланца.

Незнакомец чуть-чуть шевельнулся всем телом, что, вероятно, должно было означать пожимание плечами.

– Можете рассматривать это и как мою услугу *вам*.

– Хм. Полагаю, вы рассчитываете на проценты?

– Я намерен получить свою выгоду от сделки, это само собой.

– Передайте ему, что я готов заплатить пятьдесят фунтов за его отказ от девочки. – Воган уже был сыт по горло всем этим. Он повернулся с намерением уйти.

Рука, опустившаяся на его плечо, была жесткой и хваткой, как клещи. И эта рука вмиг развернула Вогана в обратную сторону. При этом он потерял равновесие и едва не упал, а распрямляясь, на секунду увидел снизу лицо своего визави: слишком маленький, как будто недоделанный нос, почти отсутствующие губы и две щелочки вместо глаз, которые сузились еще больше, когда встретили взгляд Вогана.

– Не думаю, что этого будет достаточно, – сказал незнакомец. – Если бы вы спросили моего совета, я бы сказал так: сумма в районе *тысячи* фунтов будет здесь куда более уместной. Подумайте над этим. Подумайте о девочке, по которой так скучает миссис Воган! Подумайте о своей жизни в будущем – ведь от меня у вас нет секретов, мистер Воган, только не от меня! Информация плывет мне в уши, как рыба в сети. Будем надеяться, что миссис Воган избежит новых печальных потрясений. Подумайте о своей семье! Есть вещи, цену которым назначить невозможно, мистер Воган, и самая важная из них – это семья! Подумайте над этим.

Незнакомец резко повернулся и пошел прочь. А когда Воган поднял глаза, на тропе перед ним уже никого не было. Должно быть, этот тип нырнул в заросли.

Тысяча фунтов. Ровно столько же он в свое время заплатил

неизвестным похитителям в качестве выкупа. Он быстро прикинул стоимость своего дома, земли и другого имущества, соображая, как побыстрее собрать эту сумму. Чтобы выкупить ложь. Ложь, которая все равно останется ложью, Которая может быть раскрыта в любой момент. И нет гарантий, что с него в будущем не потребуют новых платежей.

Мысли крутились у него в голове слишком быстро, чтобы можно было поймать хоть одну и на ней сосредоточиться.

Воган направился в противоположную сторону. Дойдя до собственной пристани, он свернул туда и уселся на дальний край помоста. Его ноги болтались высоко над водой, голова поникла, и он сжал ее руками.

В прежние времена он сумел бы найти выход из этой ситуации, принять единственно правильное решение. Но в те времена он был самим собой, он был настоящим человеком, он был отцом. А сейчас он мог направлять течение своей жизни не в большей мере, чем какая-нибудь щепка может управлять несущим ее потоком.

Пока Воган рассеянно смотрел на воду, ему вспомнились старые байки о Молчуне. О паромщике, который увозит людей на обратную сторону реки, если отмеренный им срок на исходе, а если нет – возвращает их на берег живыми и невредимыми. «Интересно, – подумал он, – как долго умирает тонущий человек?»

Он посмотрел на свои ноги вниз. Под ними двигался темный нескончаемый поток, лишенный мыслей и чувств. Попытка разглядеть в воде свое отражение не удалась, и тогда Воган его вообразил. Но не собственное лицо, а лицо своей пропавшей дочери. Ему вспомнилось бесформенное пятно на фотопластинке в темной комнате Донта, которое под действием омывающей негатив жидкости постепенно обретало четкие контуры, – и в черном зеркале воды увидел Амелию.

Воган начал раскачиваться вперед-назад над краем пристани, со слезами в голосе повторяя:

– Амелия.

– Амелия.

– Амелия.

И с каждым повтором ее имени он все ниже склонялся над водой. «Неужели так все и заканчивается?» – подумал он. До поры контролируя движения своего тела, он мог быть уверен, что после каждого наклона вперед последует обратный ход. Но амплитуда качания постепенно увеличивалась. Если продолжать в том же духе, рано или поздно будет достигнут предел, за которым он уже потеряет контроль над возвратным движением. Вперед-назад. Вперед-назад. Вперед-назад. Все дальше наклон

вперед и – вниз – к точке, где законы физики возьмут свое, и его тело подчинится силе тяжести. Но пока что эта точка не была достигнута. Еще несколько раз. Вперед-назад. Вперед – вот сейчас почти получилось, не хватило какой-то доли дюйма – назад. Вперед...

Пустота приняла его тело, а когда он уже летел вниз, голос в его голове вдруг произнес: «Долго так продолжаться не может».

Услышав эти слова, он вслепую выбросил руку в сторону. Им уже завладела сила тяжести, но рука что-то искала – хоть что-нибудь! – и вдруг нащупала веревку, свисавшую с причального столбика. Его падение прервалось резким рывком, сердце дернулось в груди, а рука чуть не вылетела из плечевого сустава. Чувствуя, как скользкая веревка сдирает кожу с ладони, он отчаянно взмахнул и уцепился за нее другой, свободной рукой, одновременно дрыгая ногами в тщетных поисках опоры. Агонизирующим усилием, перехватывая руками веревку, он подтягивал свое тело – свое несчастное живое тело – наверх к помосту и наконец туда влез, растянулся на досках и остался лежать, хватая ртом воздух и чувствуя, как боль все шире расплзается во все стороны от плеча.

«Долго так продолжаться не может», – сказала ему миссис Константайн. И она знала, что говорит.

Пересказ истории

Он добрался до места с чувством, похожим на облегчение. Сумбур в голове, так долго не прекращавшийся, отныне свелся к одной конкретной цели. Он ничего не планировал и не обдумывал заранее. Это не было его волевым решением, ибо он уже утратил волю и отказался от самостоятельного принятия решений. Сейчас он был слишком измучен, чтобы проявлять хоть какую-то инициативу, и мог только подчиниться неизбежному. И сюда его привело нечто, от его желаний не зависящее. Воган был не из тех, кто по всякому поводу употребляет слова «судьба» или «Провидение», но он вряд ли стал бы отрицать, что без чего-то подобного не обошлось, когда в конце пути увидел перед собой знакомую калитку, а затем плиточную дорожку и безусловно выкрашенную дверь дома миссис Константайн.

– Вы говорили, что я могу навестить вас вновь, если пожелаю. И еще вы говорили, что сможете мне помочь.

– Да, – сказала она, глядя на его перевязанную руку.

Комнату, которую он помнил пахнувшей жасмином, теперь украшала ваза с розами, и аромат здесь был соответственный. Когда они уселись, Воган сразу перешел к делу.

– В реке была найдена утонувшая девочка, – начал он. – Это случилось во время зимнего солнцестояния. Девочка прожила с нами полгода. Возможно, вы слышали эту историю.

По ее лицу ничего нельзя было сказать определенно.

– Расскажите мне об этом, – попросила она.

И он рассказал. О том, как поехал в трактир «Лебедь» вслед за своей женой и нашел ее там с ребенком на руках. Об ее уверенности в том, что это их дочь, и о своей уверенности в обратном. О других претендентах на девочку. Об ее жизни в их доме. О том, как с течением времени его уверенность постепенно слабела.

– То есть вы все-таки поверили, что она ваша родная дочь?

Он наморщил лоб:

– Почти... Да... Не совсем. В прошлый раз я, кажется, говорил вам, что не могу вспомнить лицо Амелии.

– Да, говорили.

– Ну так вот, пытаюсь ее вспомнить, я видел лицо этой девочки. Но сейчас она уже не с нами. Ее забрали в другую семью. На летней ярмарке

мы встретили одну женщину, которая заявила, что это не Амелия. По ее утверждению, девочку зовут Алиса Армстронг. И все люди в округе ей верят.

Она молчала, тем самым предлагая ему продолжить.

Он посмотрел ей прямо в глаза:

– Эти люди правы. Я знаю, что они правы.

Он продолжил рассказ и вернулся наконец в то место, которого так долго избегал даже в мыслях. Но теперь за ним со стороны наблюдала миссис Константайн.

Его речь потекла гладко и связно. История сходилась с его уст в последовательном порядке. Начало во многом совпадало с его предыдущим рассказом (пробуждение среди ночи от крика жены и т. д.), но слова были другие – не те сухие, заученные фразы из полицейского отчета. Теперь они возникали спонтанно – свежие, полные жизни и смысла – и уносили Вогана обратно в ту ночь, с которой все началось, в ночь похищения. Бег по коридору от своей спальни до детской комнаты, шок при виде распахнутого окна и пустой постели. Подъем по тревоге всех слуг, поиски в ночи. Он рассказал о послании, полученном под утро. Рассказал о мучительно тянувшемся времени вплоть до назначенного похитителями часа.

Он глотнул воды из стакана; поток слов прервался лишь на секунду.

– Я отправился туда в одиночку, как было условлено. Поездка оказалась не из легких – на небе не было ни звездочки, чтобы осветить дорогу, а сама эта дорога, как нарочно, вся состояла из ям и бугров. Местами приходилось спешиваться и вести коня в поводу. Иногда я переставал понимать, где нахожусь, поскольку в темноте не узнавал местность, которую привык видеть только при дневном свете. Моими главными ориентирами были время, проведенное в пути, характер почвы под ногами и, разумеется, река. У реки есть собственный свет, видимый даже безлунной ночью. Я хорошо изучил все изгибы ее русла и в большинстве случаев мог сориентироваться по знакомым очертаниям берега. А когда речное мерцание впереди рассекла широкая темная полоса, я понял, что достиг моста.

Я спешил. Вокруг не было видно никого и ничего – хотя с десятков мужчин вполне могли бы стоять всего в нескольких шагах от меня, оставаясь незамеченными.

Я крикнул: «Эй!»

Никто не отозвался.

Тогда я крикнул: «Амелия!» – рассчитывая этим ее ободрить. Пусть знает, что я близко. Я надеялся, что похитители предупредили ее о скором

приезде папы, который отвезет ее домой.

Я прислушался, ожидая ответа или хоть какого-то ответного звука: топота ног, шороха или вздоха. Но там был только плеск мелких волн на фоне другого, особого звука реки – низкого глубокого шума, который мы обычно не улавливаем.

Я ступил на мост. Прошел по нему до другого берега. И там положил сумку с деньгами на опорный камень, как было велено в письме. Распрямляясь, я вроде бы что-то услышал. Не голоса и не шаги, а что-то менее отчетливое. Мой конь тоже это расслышал, судя по его короткому ржанию. Я с минуту простоял в ожидании, а затем решил отойти подальше, чтобы похитители могли незаметно взять деньги. Я подумал, что они, вероятно, захотят проверить сумму, прежде чем отпустить Амелию. И я пошел обратно через мост, я ускорился, перебежал на другую сторону – и вдруг с разбега рухнул ничком, ничего не видя перед собой.

Этот рассказ буквально выплеснулся из Вогана без малейших усилий с его стороны. В нем не было ничего отрепетированного или заготовленного. Изложение обладало собственной энергией и само задавало темп, и с каждой фразой прошлое возвращалось в эту комнату, наполняя ее тьмой и холодом. Вогана начала бить дрожь, а его глаза остекленели, как бывает с людьми, когда они заглядывают вглубь своей памяти.

– После падения я не сразу пришел в себя. А когда дыхание восстановилось, я осторожно пошевелил руками и ногами, проверяя, нет ли каких травм. В темноте мог скрываться кто-то, готовый меня добить. Я медленно приподнялся, в любой миг ожидая нового удара, но его не последовало, и только тут до меня дошло, что я всего-навсего споткнулся и упал без постороннего вмешательства. Я постарался взять себя в руки. Подождал, когда исчезнет головокружение. И медленно поднялся с земли. При этом моя нога что-то задела. Я сразу же понял, что этот мягкий, но вполне увесистый сверток посреди дороги и стал причиной моего падения. Нагнувшись, я попытался на ощупь определить, что это такое, но в перчатках сделать это было сложно. Сняв их, я попробовал снова. Что-то мокрое. Холодное. Плотное.

Я испугался. Еще даже не успев зажечь спичку, я уже испугался того, что мог увидеть.

Когда вспыхнул огонек, я обнаружил, что она не смотрит на меня. Иначе было бы еще хуже. Ее голова была отвернута от меня, а неподвижный взгляд направлен в сторону реки. Это казалось невероятным, но форма глаз у нее была точь-в-точь как у Амелии. На ней были одежда и обувь Амелии. Черты ее лица также имели сходство с Амелией.

Поразительное сходство. И все же для меня было совершенно очевидным – как тогда, так и впоследствии, – что она *не была* Амелией. Это была не моя девочка. Да и как она могла ею быть? Я знал свою дочь. Я знал, как загораются ее глаза при общении со мной, как она потешно пританцовывает при ходьбе, как тянутся, хватают и теребят все подряд ее ручки. Я взял ее за руку, но она не обхватила мои пальцы, как сделала бы настоящая Амелия. При свете от спички что-то блеснуло. Ожерелье Амелии с серебряным якорем было у нее на шее.

Я поднял с земли девочку, которая не могла – *не должна была* – быть Амелией. Я нашел место, где берег был не слишком крут, и спустился к реке. С нею на руках я зашел в воду по пояс, а потом отпустил ее. И почувствовал, как река забирает у меня эту девочку.

Воган сделал паузу.

– Существовал только один способ избавиться от этого кошмара: верить в то, что моя настоящая дочь, моя Амелия жива. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – произнесла миссис Константайн печально, по-прежнему не сводя с него глаз.

– Но теперь я знаю – и знал это уже давно, – что там действительно была Амелия. Моя бедная девочка была мертва.

– Да, – сказала миссис Константайн.

Тут плотину прорвало, и слезы рекой хлынули из глаз Вогана. Его плечи тряслись, он всем телом раскачивался вперед-назад, и этим рыданиям, казалось, не будет конца. Слезы текли по щекам, увлажняли его воротник и капали с подбородка ему на колени. Он прижал к лицу ладони, и слезы намочили его пальцы, а потом запястья и манжеты. Он плакал и плакал, пока этот поток не иссяк.

Понимающий и доброжелательный взгляд миссис Константайн не отпуская его ни на секунду, как и на протяжении всего рассказа.

– Когда эта девочка из реки поселилась в нашем доме, меня начали посещать странные мысли. Иной раз я думал... – Воган смущенно качнул головой, но он уже знал, что миссис Константайн можно рассказать всю правду без опасения показаться безумцем. – Иной раз я думал: а вдруг она не умерла? Вдруг после того, как я пустил ее по течению реки, она очнулась? Вдруг река отнесла ее куда-то – к кому-то – и там она прожила два года, а потом – непонятно как – или почему – вновь очутилась в реке и таким образом вернулась к нам? Конечно, это кажется невозможным, но мысли вроде этой... Когда человек хочет найти объяснение...

– Расскажите мне об Амелии, – попросила она, когда последняя пауза

затянулась. – Какой она была при жизни?

– Что именно вы хотите узнать?

– Решайте сами.

Он задумался.

– С самого начала она была очень подвижным ребенком. Даже еще не родившись, она активно шевелилась в материнской утробе – так говорила повитуха, – а когда после родов ее положили в колыбель, ее ручки и ножки беспрестанно двигались таким манером, будто она пыталась плыть по воздуху и притом удивлялась, что у нее это не получается. Она могла подолгу смотреть на свою ладонь, то ее раскрывая, то сжимая в кулачок, а когда пальцы раздвигались в стороны, ее лицо выражало полнейшее изумление. Она рано начала ползать, и это, по словам моей жены, укрепило ее ноги. Бывало, схватит меня за руку и ждет, когда я приподниму ее так, чтобы только ступни касались пола, – ей нравилось чувствовать опору под ногами. Конечно, мы не могли делать это все время. Однажды я просматривал какие-то документы, сидя в гостиной, а она подползла и начала терзать меня за лодыжку – хотела, чтобы я ее приподнял, – но я был слишком занят. Потом вдруг чувствую, как меня кто-то дергает за рукав, – и вот она, стоит рядом! Самостоятельно поднялась на ноги, цепляясь за ножку кресла, и на лице ее – такой восторг и удивление! Ох, вы бы видели ее в ту минуту! Тысячу раз она пыталась это сделать и падала навзничь, но никогда при этом не плакала, а просто начинала все заново. А с тех пор как встала на ноги, ее уже было трудно убедить хоть ненадолго присесть.

Он улыбнулся при этом воспоминании.

– А сейчас вы ее *видите*? – Голос миссис Константайн был таким мягким и тихим, что едва поколебал воздух.

Да, сейчас Воган видел Амелию. Он видел ее сбившийся на лицо локон, идеально загнутые ресницы неопределенного цвета, точку засохшей слезы в уголке глаза, округлость щеки и разлившийся по ней румянец, припухлость нижней губы, короткие пальчики с ровными и гладкими ноготками. Он видел ее не в этой комнате и не в эту самую минуту, а в бесконечности своей памяти. Она была потеряна для этой жизни, но продолжала существовать, присутствовать в его памяти. На миг он встретился с ней глазами, увидел ее улыбку. Потом снова поймал и почувствовал на себе ее взгляд. Отец и дочь. Он знал, что она мертва, что она бесследно исчезла, но сейчас он ее видел, а значит, на какое-то время – только на это время – они с дочерью воссоединились.

– Да, я ее вижу, – сказал он, улыбаясь сквозь слезы.

Его легкие снова могли свободно дышать; тяжесть головы уже не давила на плечи. Сердце в груди билось ровно. Он не знал, что ждет его впереди, но он хотя бы знал, что у него есть будущее. В нем пробудился интерес к жизни.

– У нас будет еще один ребенок, – сообщил он миссис Константайн. – В конце года.

– Поздравляю! Это прекрасная новость. – В ее ответе чувствовалась искренняя радость.

Он сделал глубокий, даже очень глубокий вдох, а после выдоха уперся руками в колени, готовясь встать.

– О, – слегка встрепенулась миссис Константайн, – разве мы уже закончили?

Воган прервал свое движение и на секунду задумался. Что еще он собирался сказать? И тут до него дошло. Как он мог об этом забыть?

Он рассказал о лжегадалке на ярмарке, о возможности выкупить девочку у Робина Армстронга, об угрозе незнакомца раскрыть его жене всю правду о смерти Амелии.

Она слушала очень внимательно, а когда Воган закончил, кивнула:

– Это не то, что я ожидала услышать, когда спросила, закончен ли разговор. Насколько помню, в свой прошлый визит вы попросили меня об одной услуге...

Он мысленно вернулся к их предыдущей беседе. Это было так давно. Что же побудило его прийти сюда в тот раз?

– Это касалось вашей супруги... – подсказала она.

– Я попросил вас убедить Хелену в том, что Амелия мертва.

– Верно. Помнится, вы предложили мне назвать цену. А сейчас вы собираетесь заплатить незнакомому человеку очень большую сумму только за то, чтобы Хелена *не узнала* от него то же самое.

– Ох. – Воган поглубже уселся в кресле. Об этом он еще не думал в таком ключе.

– Мне вот что интересно, мистер Воган: а сколько это будет стоить, если *вы сами* расскажете жене всю правду о случившемся в ту ночь?

Позднее, когда он допил освежающую жидкость с огуречным привкусом, сполоснул лицо теплой водой и утерся мягким полотенцем, он стал прощаться с миссис Константайн.

– Значит, вот в чем заключается ваша помощь? Теперь я понимаю. А я-то сначала представлял себе клубы дыма, зеркала и прочие фокусы в таком роде. Вы и вправду возвращаете мертвых к жизни, но другим способом.

Она пожала плечами:

– Смерть и память всегда взаимодействуют. Но иногда что-то идет не так, и тогда скорбящим людям требуется наставник или же просто вдумчивый слушатель. Мы с мужем вместе учились в Америке. Там недавно появилась наука, суть которой можно описывать разными словами, но не будет большой ошибкой, если назвать ее «наукой человеческих эмоций». Муж получил должность в Оксфордском университете, а я использую свои знания на практике. Помогаю людям как могу.

Воган оставил чек на столике в прихожей.

Выйдя из дома на улицу, он внезапно ощутил влажную прохладу в районе коленей и воротника. А также на запястьях. Его одежда в этих местах все еще не просохла после пролитых на нее потоков слез. «Поразительно, – подумал он. – Кто бы мог подумать, что человеческое тело способно вместить такое количество воды?»

Фото Алисы

«Коллодион» вез Риту и Донта вниз по реке к ферме в Келмскотте, и в пути их разговоры – о Воганах, Армстронгах и прежде всего о девочке – более-менее успешно сглаживали возникшую напряженность. Но когда один из них точно знал, что другой смотрит куда-то в сторону и его не заметит, он украдкой бросал на спутника или спутницу взгляд, полный любви и печали. Таким образом, оба давали выход переполнявшим их чувствам.

В Келмскотте их уже поджидали на берегу младшие члены семейства Армстронг. Они приветственно замахали руками при виде сине-белого плавучего домика с яркой желто-оранжевой надписью на борту. Рита нетерпеливо вглядывалась в группу встречающих и быстро нашла среди них девочку. Она махала вместе со всеми, но потом один из мальчиков, самый младший, взял ее за руку, и они вдвоем убежали в сторону дома.

– Куда она делась? – спросил Донт, который был занят швартовкой и поздно заметил ее исчезновение.

– Обратно в дом, – сказала Рита, слегка встревоженная, но тут же успокоилась. – Вот и она! Просто они побежали звать старших.

Все дети Армстронгов поучаствовали в процессе выгрузки: от старших мальчиков, которые внимательно выслушали инструкции Армстронга, прежде чем поднимать тяжелое оборудование, до малышей, каждый из которых получил от Риты какую-нибудь легкую неразбиваемую вещь и, преисполненный чувства собственной важности, пронес ее через поле до дома. Выгрузка была завершена в рекордное время.

Рита ни на миг не теряла девочку из виду. Даже занятая разными делами, она постоянно приглядывала за ней хоть одним глазком. И от нее не ускользнуло то, как хорошо относятся к ней все дети: старшие были внимательны и терпеливы, а младшие на пути от пристани к дому специально замедляли шаг, чтобы не бросать ее одну. Это навело Риту на мысль: быть может, в доме Воганов девочке как раз не хватало общения с другими детьми? И она не могла не признать, что такая дружная компания ей только во благо.

Бесс провела их в гостиную, где Армстронг и его старшие сыновья занялись перемещением стола и расстановкой кресел, следуя указаниям Донта.

– Я не буду фотографироваться, – сказала Бесс. – Я и без того все

время здесь, и кто угодно всегда может на меня посмотреть, если захочет узнать, как я выгляжу.

Но Армстронг настаивал, и дети его поддержали. Было решено, что первыми сфотографируются Армстронг и Бесс, а затем будет сделан общий семейный портрет.

– Где же Робин? – сердито ворчал Армстронг. – Он уже полчаса как должен быть здесь.

– Ты же знаешь, каковы эти молодые люди. Я говорила тебе, что на него не стоит рассчитывать, – вполголоса заметила Бесс.

Раскаяние Робина, так впечатлившее ее супруга, не избавило Бесс от сомнений относительно сына. «Он всегда был лучше на словах, чем на деле», – напомнила она Армстронгу, но, если тот был готов простить сыну прегрешения – а к этому он был готов всегда, – она не настаивала на своей правоте. Позднее, на ярмарке, увидев своего старшего сына с дитем на руках, она – к собственному удивлению – обнаружила, что надежда робко пустила корни и в ее сердце. Она стала следить за этим ростком с болезненным любопытством садовника, наблюдающего за попыткой чахлого растеньица прижиться в неблагоприятных для него условиях. Не прошло незамеченным то, что ее сын впоследствии ни разу не проведаль девочку. Армстронг в письме сообщил ему о времени семейной фотосессии так, словно был абсолютно уверен в приезде Робина по случаю столь важного события, но ответного письма не было, и сейчас она нисколько не удивлялась отсутствию сына.

– Мы начнем с вас и миссис Армстронг, – сказал Донт. – Это займет немало времени, и он еще успеет подъехать, если что-то его задерживает.

Он усадил Бесс на стул и поставил Армстронга позади нее, а затем, вставляя кассету в аппарат, еще раз объяснил, как важно сохранять полную неподвижность во время съемки. Когда все было готово, он нырнул под черное покрывало и открыл объектив. Рита стояла позади фотографа, шепотом напоминая Армстронгам, что надо все время смотреть в одну точку. В течение десяти секунд Армстронги испытали все ощущения, какие обычно испытывают люди, впервые очутившись перед камерой. Они смущались, цепенели, нервничали, осознавали значимость момента, а напоследок почувствовали себя глупо. Зато через полчаса, когда фото было проявлено, закреплено, промыто, высушено и вставлено в рамку, они взглянули на результат и увидели себя такими, какими не видели никогда прежде: вечным памятником самим себе.

– Это... – с удивлением произнесла Бесс, но так и не продолжила фразы, вместо этого погрузившись в созерцание фотографии опрятной

женщины средних лет с повязкой на глазу и сурового темнолицего мужчины, который стоял чуть позади, опустив руку ей на плечо.

Армстронг, разглядывавший снимок одновременно с ней, сказал жене, что она получилась красавицей, но сам больше всматривался в собственное мрачное лицо. От этого зрелища у него, похоже, испортилось настроение.

Изучение фотографии всеми членами семьи заняло некоторое время, пока не пришла пора выстраиваться для следующего, группового портрета, а Робин так и не появился. Не было слышно ни цокота копыт по мощеной дороге, ни скрипа отворяемой двери. Армстронг справился у служанки, не заходил ли кто-нибудь в дом через заднее крыльцо, и получил отрицательный ответ. Робин не приехал.

– Ничего страшного, – заявила Бесс. – Не приехал так не приехал, и с этим ничего не поделаешь. В конце концов он живет в Оксфорде и всегда может сфотографироваться прямо в студии мистера Донта. Для него так будет в сто раз проще.

– Но как было бы прекрасно сняться всей семьей в полном составе! И потом, теперь здесь Алиса!

Это верно, Алиса теперь была здесь.

Бесс вздохнула и взяла мужа за руку:

– Робин уже взрослый мужчина, а не ребенок, который должен следовать указаниям старших. Давай постараемся сделать все как можно лучше. Остальные дети здесь, все шестеро, и им уже не терпится попасть на фото вместе с нами и Алисой. Так не будем тянуть.

И она уговорила Армстронга занять место в группе. Дети слегка сдвинулись влево или вправо, заполняя просвет, изначально оставленный для их брата.

– Все готовы? – спросил Донт, и Армстронг в последний раз посмотрел за окно, на всякий случай.

– Готовы, – произнес он со вздохом.

Десять секунд Армстронг, Бесс и их дети безотрывно глядели в глаз объектива – глаз времени, глаз будущего, – даруя бессмертие своим нынешним образам. Между тем Рита, наблюдавшая за ними из угла комнаты, заметила, что девочка – которую здесь именовали Алисой – фокусирует свой взгляд на чем-то позади камеры, за пределами дома и за пределами Келмскотта, на чем-то бесконечно удаленном от этого мира.

Пока Донт работал у себя в лаборатории, миссис Армстронг с дочерьми накрывала стол для чаепития, а мальчики сменили выходные костюмы на рабочую одежду, чтобы задать корму животным. В результате Рита осталась наедине с Армстронгом как раз в ту минуту, когда дождь

прекратился и выглянуло солнце.

– Не хотите осмотреть нашу ферму? – предложил он.

– С удовольствием.

Армстронг взял на руки девочку, будто совсем не ощутив ее веса, и они вышли наружу.

– Как она? – спросила Рита. – С ней все в порядке?

– Не могу сказать это с уверенностью. Обычно я хорошо понимаю живых существ, как людей, так и животных. Все дело в наблюдательности. У кур замечаешь беспокойство по их перьям. О состоянии кошки можно судить по тому, как она дышит. Лошади – ну, там всего понемножку. У свиней очень выразительный взгляд. А эту малышку понять очень трудно. Ты у нас загадочная, да?

Он провел ладонью по волосам девочки, глядя на нее с нежностью.

Девочка взглянула на него, потом на Риту, причем без каких-либо признаков узнавания, словно видела ее впервые в жизни. Рита напонила себе, что так было всегда, даже в доме Воганов, хотя к ним она приходила неоднократно.

Во время прогулки Армстронг показывал вещи, которые могли заинтересовать Риту и девочку. Последняя смотрела туда, куда ей предлагали посмотреть, а в перерывах опускала голову на широкое мужское плечо, и взгляд ее становился отсутствующим, обращенным внутрь себя. Слушая рассказы фермера о хозяйстве, Рита чувствовала, что он чем-то расстроен, и приписала это отсутствию его старшего сына. Она не пыталась поддерживать разговор, а просто шла рядом, пока наличие столь терпеливой слушательницы не подвигло Армстронга на откровенность.

– Люди, подобные мне, привыкли воспринимать самих себя изнутри. Свой внутренний мир я изучил досконально, чего не могу сказать о своей внешности. Я и в зеркало-то почти не смотрюсь. Потому и удивился собственному лицу на фотографии. Это было как встреча с другим, внешним мной.

– Да, понимаю.

После паузы Армстронг задал вопрос:

– У вас, насколько мне известно, нет своих детей?

– Я не замужем.

– Желаю вам их непременно завести. Я даже представить не могу, какое еще счастье может сравниться с тем, которое приносят мне жена и дети! Для меня нет ничего важнее семьи. Вы, должно быть, кое-что слышали о моем прошлом?

– Я не интересуюсь слухами. Мне известно лишь то, о чем в моем присутствии говорили в «Лебеде»: вас называли сыном принца и чернокожей рабыни.

– Это их фантазии, но доля правды в этом все же есть. Мой отец был состоятельным джентльменом, а мать – чернокожей служанкой. Они жили в большой усадьбе и были совсем еще юными, когда зачали меня в любви и почти детской наивности. Многие сказали бы, что впоследствии мне повезло и моей маме тоже. Большинство знатных семей просто вышвырнули бы ее за дверь, но мой отец этого не допустил. Думаю, он искренне хотел на ней жениться, но о таком браке, конечно же, не могло быть и речи. Однако люди в этой семье были достаточно сострадательными, и они поступили наилучшим, с их точки зрения, образом. Маму оставили в доме и хорошо о ней заботились вплоть до моего рождения и еще какое-то время после него, пока я не был отнят от груди. Затем ее отправили в другой город и устроили на приличную работу, так что ей вполне хватало на жизнь, а через несколько лет она вышла замуж за человека своей расы. А меня поместили в приют для детей, которые по разным причинам не могли жить со своими семьями, но получали от этих семей денежное содержание. Потом я учился в школе. В хорошей школе-интернате. Таким образом, я рос как бы на пограничье двух семей, богатой и бедной, белой и черной, не считаясь полноценным членом ни одной из них. В результате я так по-настоящему и не узнал, каково это – жить в семье. Большинство моих детских воспоминаний связано со школой, но и своих родителей я помню тоже. Два раза в год отец приезжал за мной в школу, и мы проводили весь этот день вместе. Помню, как однажды я залез в его карету и очень удивился, застав там еще одного мальчика, гораздо младше меня. «Как тебе этот малыш, Роберт? – спросил отец. – Пожми руку своему брату!» Что за день был потом! Помню зеленые лужайки в каком-то парке – что это было за место, увы, не имею понятия. Я без конца играл в мяч с моим братом – как же он приплясывал от радости, пару раз поймав мои подачи! Никогда этого не забуду. Потом я учил его лазать по деревьям: показывал, за что хвататься и куда ставить ногу, а отец в это время стоял внизу, чтобы поймать нас, если сорвемся. Дерево было не очень большим, но и мой брат был совсем маленьким. Мы оба были слишком малы, чтобы осознавать разницу между нами, но я начал кое-что понимать сразу после того, как мы вернулись в школу и я вылез из кареты, а они вдвоем уехали в место, которое называли «нашим домом». Не знаю, что случилось впоследствии, но я больше этого мальчика не видел, хотя знаю его имя – как знаю и то, что есть другие братья и сестры, родившиеся

позже. Возможно, отец опасался, что мы слишком сблизимся и об этом станет известно людям его круга. Или просто взял и передумал. Как бы то ни было, я своего брата больше не видел. Сомневаюсь, что он вообще меня помнит. А может, и не ведаёт о моем существовании. Такова семья моего отца.

Что касается мамы, то в ее семье я не чувствовал себя совсем чужим. Мне разрешали ненадолго приезжать к ней на каникулах. Хорошо помню эти визиты. Их дом был полон движения, разговоров, смеха и любви. Она была мне настолько хорошей матерью, насколько решалась проявлять материнские чувства: много раз, обнимая, говорила, как она меня любит, но я не привык к такому обращению и не знал, что ей сказать в ответ. Даже ответные объятия у меня толком не получались. Ее супруг тоже был неплохим человеком, хотя вечно одергивал моих братьев и сестер, веля попридержать язык в моем присутствии. «Роберт не приучен к вашей дикой тарабарщине», – говаривал он, когда наше общение становилось чересчур оживленным. Мне всякий раз было жаль покидать этот дом. Я надеялся, что в следующий раз мне позволят там остаться навсегда, и потому очередной отъезд всегда был для меня большим разочарованием. Потом я заметил, что с каждым новым визитом все меньше и меньше похожу на моих братьев и сестер. И настало время, когда эти визиты – и без того уже редкие – прекратились совсем. Какого-то внезапного разрыва отношений не было. Никто не говорил, что впредь я туда больше не поеду. Просто визиты отменялись несколько каникул подряд, и у меня возникло ощущение, что с этим покончено. На границе между мной и моими братьями и сестрами выросла глухая стена.

А когда мне уже было семнадцать, мама прислала письмо с просьбой ее навестить. Она умирала. И я вернулся в тот дом. Он оказался гораздо меньше, чем я его помнил по прежним посещениям. Я вошел в спальню, уже заполненную людьми. Мои братья и сестры, естественно, все были там – сидели на краю постели или на полу поближе к маме. Я тоже мог бы подойти к ней и взять ее за руку, чтобы она меня узнала. Я бы так и сделал, будь она еще в сознании. Но я опоздал. И я остался стоять у двери, пока моя родня теснилась вокруг нее. А когда мама испустила последний вздох, обо мне вдруг вспомнила одна из сестер. «Может, Роберт прочтет псалмы? – предложила она. – Он ведь так красиво читает». И я прочитал вслух несколько стихов из Библии своим голосом белого человека, а когда закончил, не увидел причин оставаться там дольше. Выходя, я спросил у своего отчима, не нужна ли какая-нибудь помощь, и он ответил: «Я могу сам позаботиться о своих детях, спасибо, мистер Армстронг». Прежде он

всегда звал меня Робертом, но, поскольку теперь я уже считался взрослым, он назвал меня этим именем – случайным именем, взятым из воздуха, не принадлежавшим никому из моих родителей, а только мне одному.

Я присутствовал на ее похоронах. Мой отец был там тоже. Он устроил все так, чтобы мы не привлекали к себе внимания: тихо постояли позади всех и ушли до того, как начали расходиться остальные.

На этом месте Армстронга прервали. Из дверей амбара вышла кошка и, завидев хозяина, тотчас устремила к нему. Не добежав полутора ярдов, она припала к земле, а затем мощным прыжком – как чертик из табакерки – взлетела на его плечо.

– Вот это да! – восхитилась Рита, меж тем как кошка устроилась поудобнее и начала тереться мордой о хозяйскую скулу.

– Она очень привязчива и большая затейница, – с улыбкой сказал Армстронг.

И они продолжили путь, а кошка, как пиратский попугай, балансировала у него на плече.

– Как видите, мисс Сандей, у меня никогда не было ни своего дома, ни собственной семьи. А здесь у нас все это есть. Я знаю по своему опыту, каково это – быть на отшибе. Поймите меня правильно, это отнюдь не жалоба, а всего лишь пояснение, хоть я и был чересчур многословен, добираясь до сути. О подобных вещах люди высказываются крайне редко, и в этом есть определенное – как бы это назвать... удовольствие? Или, точнее, облегчение, когда получаешь возможность излить душу.

Рита встретила его взгляд и ответила понимающим кивком.

– Мои родители были хорошими, добросердечными людьми, мисс Сандей. Я уверен, они меня любили – в отведенных им пределах. К сожалению, они не могли любить меня так, как им бы хотелось. Мое богатство отделило меня от единоутробных сестер и братьев, а цвет моей кожи – от единокровных. Безусловно, сам факт моего существования доставлял неудобства как мачехе, так и отчиму. Однако я сознавал, что судьба проявила ко мне необычайную благосклонность. И я всегда, еще даже до встречи с Бесс, полагал себя счастливчиком... Понимаете, я знал, как тяжело это – остаться вне семьи. И вот, когда родился Робин, я увидел в нем самого себя. Именно в нем, а не в других, как ни странно это может вам показаться. Остальные являются моими детьми в самом обычном, общепринятом понимании. Они моя плоть и кровь, и я их люблю. Я больше жизни люблю моих мальчиков и девочек. В них я вижу сходство с младшими детьми моей мамы – такими же дружными, получающими радость от общения между собой и со своими родителями. Но когда я вижу

Робина – который на самом деле не моя плоть и кровь, и в том несчастье моей милой Бесс, но не ее вина, – я вижу ребенка на отшибе. Я вижу ребенка, который вполне мог бы кануть в пропасть между двумя семьями. Который мог бы сгинуть без следа. И потому я дал себе слово – даже не в день его рождения, а задолго до этого дня – держать его как можно ближе к своему сердцу. Лелеять его так, как только можно лелеять ребенка. Окружить его той любовью, какой заслуживает каждый ребенок. Я хотел, чтобы Робин знал и чувствовал, что он всегда будет в моем сердце. Если есть на этом свете что-то для меня невыносимое, так это страдания ребенка.

Армстронг замолчал, и Рита, повернув голову, заметила блеск слез на его щеках.

– Подобные чувства делают вам честь, – сказала она. – Вы лучший из отцов. Это подтверждается и моими наблюдениями за вашей семьей.

Армстронг посмотрел вдаль:

– Сотню раз этот мальчишка разбивал мое сердце. И он сделает это еще сотню раз до того, как я сойду в могилу.

Они приблизились к свиному хлеву. Армстронг выудил из кармана пригоршню желудей. Свиньи сгрудились вокруг него, радостно хрюкая и пофыркивая, а он оделил всех угощением, похлопывая их по бокам и почесывая за ушами.

В этот момент их окликнул Донт. Он возвращался из лаборатории на «Коллодионе» с готовой фотографией семейства Армстронг. Приблизившись, он показал снимок Армстронгу, который кивнул и поблагодарил его за работу.

– Но, мистер Донт, мне бы сейчас хотелось поговорить о другом вашем снимке.

Он достал из кармана небольшое фото в рамке и продемонстрировал его Рите и Донту.

– А, свинья-предсказательница! Вы купили этот снимок в день ярмарки!

– Именно так, мисс Сандей, – произнес Армстронг серьезно. – И если вы помните, он тогда произвел на меня очень сильное впечатление. Дело в том, мистер Донт, что мне знакома эта свинья. Ее зовут Мод. И она принадлежит мне. Вот эта свинья... – он указал на свиноматку, с аппетитом поедающую желуды, – это ее дочь Мейбл, а вон та – ее внучка Матильда. Года три назад Мод была без единого звука уведена из этого самого хлева, и с тех пор я не имел о ней никаких известий, пока не наткнулся на вашу фотографию.

– Ее украли?

– Украли... Похитили... Называйте это как хотите.

– Но ведь кража свиньи – дело непростое? – заметил Донт. – Попробуй сдвинуть такую тушу с места против ее воли.

– Я сам был поражен тем, что она не подняла тревогу. Свинья, если захочет, может завизжать так громко, что вмиг разбудит весь дом. Поутру я обнаружил цепочку красных пятен между хлебом и дорогой и сначала подумал, что это кровь. Но то были пятна от ягод малины. Мод очень любила малину. Думаю, именно так ее и выманили наружу.

Он тяжело вздохнул, а затем ткнул пальцем в угол снимка:

– Взгляните-ка сюда. Похоже на чью-то тень. Я долго рассматривал фото и пришел к заключению, что это может быть тень человека, который стоял рядом со свиньей, однако не попал в кадр.

Донт кивнул.

– Этой фотографии без малого три года, – продолжил Армстронг, – и я понимаю, что вы сейчас вряд ли вспомните имя этого человека. Быть может, это вообще случайный прохожий, не имеющий никакого отношения к Мод. Но я вот что подумал: если у вас хорошая память на лица, вы, может статься, сумеете описать того, чью тень мы тут видим.

Произнося эти слова, Армстронг смотрел на Донта, и его взгляд выражал не столько надежду, сколько готовность к разочарованию.

Донт закрыл глаза и начал просматривать фотогалерею, занимавшую немалую часть его памяти. И вскоре отыскал там нужную сцену:

– Там был человек маленького роста. Ниже мисс Сандей дюймов на восемь. Очень худой. Что меня больше всего удивило, так это его одежда. На нем было несоразмерно длинное и широкое в плечах пальто. Непонятно, зачем так одеваться жарким летним днем, когда все вокруг ходят в рубашках. И я тогда подумал: может, он стесняется своего тщедушного тела и хочет внушить окружающим, будто под этим просторным одеянием находится мужчина соответствующих габаритов?

– А как насчет его внешности? Молодой или старый? Светловолосый или чернявый? Бородатый или чисто выбритый?

– Без бороды, с очень узким подбородком. Большого сказать не могу, потому что он был в шляпе с широкими полями, которые почти полностью скрывали его лицо.

Армстронг так напряженно впился глазами в фотографию, будто надеялся разглядеть за рамкой кадра неведомого коротышку.

– Это он называл себя владельцем свиньи?

– Да. Мне вспомнилась еще одна подробность, с ним связанная, хотя

это может и не иметь значения. Когда я спросил, не желает ли он сфотографироваться рядом со свиньей, он отказался. Чуть позже я спросил снова и получил тот же ответ. С учетом того, что вы нам рассказали о похищении свиньи, его упрямое нежелание фотографироваться становится более понятным, не правда ли?

К ним подбежала самая младшая из дочерей Армстронга с сообщением, что чай готов. Она также попросила отца опустить на землю девочку, и, когда он это сделал, племянница и ее маленькая тетя припустили в сторону дома, причем старшая девочка бежала вполсилы, соразмеряя свою скорость с бегом младшей.

– Вы уж извините, мы по-простому, без церемоний, – сказал Армстронг. – Чай будем пить на кухне. Это экономит время, и все могут сидеть за столом в рабочей одежде.

На кухне их ждал большой стол с нарезанным хлебом и мясом на блюдах, а также свежей выпечкой разных видов, распространявшей дивный аромат. Старшие дети намазывали хлеб маслом для младших, а девочка сидела на коленях своего самого большого дяди-брата и получала самые лакомые кусочки. Армстронг лично следил за тем, чтобы все присутствующие, члены семьи и гости, выбрали кушанья по своему вкусу; и после многочисленных перемещений тарелок над столом лишь одна из них осталась пустой.

– О себе-то не забывай, дорогой, – обратилась к мужу миссис Армстронг.

– Да, я сейчас, только вот Пип никак не может дотянуться до слив...

– Он скорее будет сидеть голодным, чем потерпит нехватку чего-нибудь у детей, – сказала его жена Рите, подвигая блюдо со сливами в сторону сына и одновременно другой рукой накладывая хлеб и сыр на тарелку супруга, который в эту минуту уже находился за дверью кухни, где наливал в блюдце молоко для кошки.

Одна из дочерей начала расспрашивать Риту о разных болезнях и лекарствах, при этом выказав такую живость ума и понятливость, что Рита повернулась к ее матери со словами: «У вас подрастает будущая медсестра». А на другом конце стола дети засыпали Донта вопросами о фотографировании, управлении яхтой и езде на велосипеде.

Когда от еды остались только крошки, Донт заметил, что в помещении посветлело. Он подошел к двери и выглянул наружу:

– Камера еще на месте?

Рита кивнула.

– Тогда почему бы не воспользоваться этим просветом? Мистер

Армстронг, как насчет фотографии фермера за работой? Сможет ваша лошадь простоять неподвижно десять секунд?

– Сможет, если я буду при ней.

Флит была выведена из конюшни и оседлана. Донт окинул взглядом небо. Армстронг сел в седло.

– Может, к этому добавить и кошку? – предложила Рита. – Где она?

Кошка была тотчас найдена, доставлена и вручена ее хозяину, на плече которого она уселась, довольно мурлыча.

Дети подхватили идею и на сей раз отправились за собакой. Старый пес послушно уселся между передними ногами лошади и уставился в объектив, как верный служака, пожирающий глазами начальство. И когда все уже было готово, Армстронг вдруг спохватился.

– Матильда! – воскликнул он. – Нельзя без Матильды!

Его средний сын крутнулся и рванул с места в карьер.

Тем временем туча, еще недавно казавшаяся неподвижной, начала медленно перемещаться. Донт наблюдал за ней с тревогой, то и дело поглядывая на угол дома, за которым скрылся гонец. Заметив, что туча ускоряется и скоро закроет солнце, он начал:

– Думаю, нам придется...

Но тут показался мальчик, который бегом нес что-то под мышкой.

Туча двигалась все быстрее.

Мальчик передал отцу вертялый розовый комок плоти.

Донт скорчил гримасу:

– Слишком много движения.

– Она не будет двигаться, – заверил Армстронг. – Не будет, если я ей скажу.

Он что-то прошептал на ухо поросенку, в то время как кошка подслушивала, склонив голову набок. Потом он пристроил Матильду у себя под мышкой, и вся живая картина – человек, лошадь, пес, кошка и поросенок – застыла в абсолютной неподвижности на полные пятнадцать секунд.

Рита осталась на кухне с Бесс, пока сыновья Армстронгов помогали Донту переносить оборудование обратно на «Коллодион». Бесс все никак не могла насмотреться на фотографии, и Рита заглядывала ей через плечо. На семейном снимке девочка сидела на коленях одной из старших дочерей Армстронгов. Пятеро детей вокруг них не смогли сдержать улыбки, однако просидели смирно все заданное время выдержки. А недавно пополнившая семью девочка не улыбалась и смотрела прямо в объектив. Ее глаза, так

удивлявшие всех своим неуловимым, переменчивым зелено-серо-голубым цветом, утратили это свойство на черно-белом фото, но ее фотографический образ все равно почему-то тревожил Риту, как ранее встревожило фото Амелии в лодке. Дитя на снимке казалось еще более отстраненным, ушедшим в себя, чем это было заметно при живом общении.

– Как по-вашему, она счастлива, Бесс? – произнесла Рита с сомнением в голосе. – Вы многодетная мать. Что вы думаете?

– Она охотно играет и бегает с другими детьми. У нее хороший аппетит. Она любит спускаться к реке, так что старшие дети каждый день ходят с ней на берег, и там она смотрит вдаль или плещется на мелководье. – Слова Бесс означали одно, но ее тон намекал на другое. – Но под вечер она очень устает. Гораздо больше, чем это бывает обычно, как будто для нее все вдвое утомительнее, чем для других детей. Исчезает ее внутренний свет, она становится вялой, но вместо того, чтобы уснуть, начинает плакать. И плачет без конца, а я никак не могу ее успокоить.

Бесс дотронулась до своей глазной повязки.

– Что с вашим глазом? Не могу ли я чем-то помочь? Я все ж таки медик. Позвольте взглянуть?

– Спасибо, Рита, но в этом нет нужды. Я уже давно ношу эту повязку. Глаз меня не беспокоит, если я не смотрю им на людей.

– А что в этом такого?

– Порой мне не нравится то, что я вижу этим глазом.

– Что именно вы видите?

– Вижу людей такими, какие они есть. В детстве я думала, что любой человек способен заглядывать в душу другим людям. Я не знала, что замечаемые мною вещи на самом деле скрыты от глаз остальных. А людям не нравится, когда их видят насквозь, и у меня много раз были из-за этого неприятности. И я научилась держать при себе то, что видела этим глазом. Конечно, в том возрасте я могла понять далеко не все из увиденного, и это непонимание служило мне своего рода защитой, но чем старше я становилась, тем меньше мне все это нравилось. Когда знаешь слишком много, это становится тяжким бременем. В пятнадцать лет я сшила свою первую повязку и с тех пор ношу их постоянно. Разумеется, все думают, что я стесняюсь своего глаза. Они думают, что я скрываю под повязкой свое уродство, хотя на самом деле я предохраняю себя от созерцания их душевных уродств.

– Какой удивительный дар, – сказала Рита. – Я заинтригована. И вы с тех самых пор ни разу не снимали повязку, чтобы воспользоваться этим

даром?

– Я снимала ее дважды. И все чаще задумываюсь об этом после того, как в нашей семье случилось последнее прибавление. Меня так и подмывает снять повязку и *увидеть* ее.

– Чтобы выяснить, кто она такая на самом деле?

– Это глаз разглядеть не способен. Но он поможет мне понять, каково это – быть ею.

– А он сможет увидеть, счастлива ли она?

– Это возможно. – Бесс нерешительно взглянула на Риту. – Попробовать?

Они посмотрели за окно, где девочки играли с кошкой. Дочери Армстронгов хохотали вовсю, наблюдая, как кошка ловит бантик. А самая маленькая взирала на эту суету без особого интереса. Пару раз она попыталась улыбнуться, но это, похоже, ее утомило, и она начала тереть глаза.

– Попробуйте, – сказала Рита.

Бесс вышла во двор и вскоре вернулась с девочкой на руках. Рита посадила ее к себе на колени, а Бесс уселась напротив них. Она переместила повязку на здоровый глаз, избегая смотреть на девочку, пока не была готова. Затем повернулась и направила на нее свое «всевидящее око».

И почти сразу же рука Бесс взметнулась ко рту в попытке приглушить испуганный вздох.

– О нет! Эта малышка в отчаянии! Она так хочет вернуться домой, к своему отцу! Ох, бедненькая!

Бесс схватила девочку и принялась укачивать ее на руках, бормоча все утешительные слова, какие приходили ей на ум. А поверх ее головы обратилась к Рите:

– Она уж точно нам не родня. Вы должны вернуть ее Воганам. Отвезите ее к ним сегодня же!

Правда, ложь и река

– Что говорит ваша медицинская наука по поводу «всевидящего ока» миссис Армстронг? – спросил Донт, стоя за штурвалом.

– А как насчет оптической науки? Это уже по вашей части.

– Не существует глаза, живого или механического, способного заглянуть человеку в душу.

– Однако мы сейчас возьмем девочку обратно к Воганам, основываясь только на реакции Бесс. Потому что мы ей доверяем.

– А почему мы доверяем тому, во что никто из нас не верит?

– Я не говорила, что не верю.

– Рита!

– Хорошо, предположим, дело было так: в детстве Бесс перенесла тяжелое заболевание, после чего ее хромота и ее глаз создали преграду между ней и остальными детьми. В результате у нее появилось больше возможностей для наблюдения за другими как бы со стороны и больше времени для осмысления того, что она видела. Со временем она развила в себе уникальную способность с первого взгляда распознавать характер человека. И получилось так, что, живя рядом с другими людьми, она знала о них больше, чем они сами знали о себе. Но такое глубокое понимание чужих горестей, желаний, чувств и намерений само по себе очень утомительно. Оказалось, что этот дар причиняет ей одни неприятности и неудобства, и тогда она свалила всю вину на свой нездоровый глаз и закрыла его повязкой. Кстати, она почувствовала, что девочка несчастлива, еще до проверки своим «оком». Я подозревала то же самое. Как и вы, я думаю?

Он кивнул:

– У нее большой опыт общения с детьми. И, сняв повязку, она просто позволила себе увидеть то, о чем догадывалась с самого начала.

– А мы всецело доверяем ее опыту и только потому возьмем малышку обратно в Баскот-Лодж.

Девочка стояла на палубе, держась за поручень и созерцая воду. На каждом повороте реки она вскидывала голову, внимательно осматривала все лодки в пределах видимости и потом вновь переводила взгляд на воду за бортом. Причем взгляд этот не был сфокусирован на поверхности, взбаламученной движением яхты, а словно бы проникал сквозь нее и далее в глубину.

Они пришвартовались у лодочного домика перед Баскот-Лодж, и Донт высадила девочку на пристань. Узнав знакомую местность, она – без спешки и без удивления – пошла впереди них через сад к дому.

Открывшая дверь служанка изумленно охнула и сразу же повела их в гостиную. Войдя туда, они застали супругов сидящими рядышком на диване; при этом ладонь Вогана покоилась на животе Хелены. Они одновременно повернули головы в сторону открывшейся двери. Следы недавнего тяжелого потрясения еще были заметны как на осунувшемся, исплаканном лице Вогана, так и в чрезмерной бледности и широко раскрытых глазах его жены. Рита и Донт, по пути в Баскот предвкушавшие радостную сцену встречи ребенка с родителями, теперь были в замешательстве, догадываясь, что здесь тоже произошло какое-то важное, но отнюдь не радостное событие. Так оно и было: в этих стенах только что открылась страшная правда – настолько страшная, что сам воздух был пронизан ощущением безвозвратности, ибо отныне их жизнь уже никогда не могла стать такой, какой была прежде.

Но тут Воган заметил девочку и вскочил на ноги. Он сделал шаг, затем еще один и потом уже бегом пересек комнату, чтобы заключить ее в объятия. Он отстранил ее от себя на длину рук, вглядываясь в детское лицо так, будто не верил своим глазам, после чего посадил ее на колени супруги. Та покрыла голову девочки сотней поцелуев и тысячу раз произнесла «моя милая». Оба, муж и жена, смеялись и плакали одновременно.

Донт подождал еще немного и наконец ответил на вопрос, который Воганы в избытке чувств так и не задали.

– Сегодня мы были на ферме Армстронгов, где я фотографировал их семью. Они уверены, что эта девочка не Алиса. Стало быть, ее место здесь.

Воган и Хелена обменялись взглядами и, судя по всему, без слов пришли к согласию. Повернувшись к Донту и Рите, оба произнесли в один голос:

– Это не Амелия.

Они расположились на берегу. Такие истории лучше рассказывать где-нибудь поближе к реке, а не в замкнутом пространстве гостиной, где уже произнесенные слова накапливаются, удерживаемые стенами и потолком, и все более тяжким бременем давят на то, что еще только предстоит сказать. А над рекой свежий ветер отправляет историю в странствия – фразы слетают с языка и тотчас уплывают вдаль, освобождая место для следующих.

Девочка сняла туфли и забрела на мелководье, где занялась своей

всегдашней возней с палками и камнями, периодически поднимая голову, чтобы осмотреть горизонт выше и ниже по реке. А Воган рассказывал Донту и Рите все то, что ранее поведал Хелене, а еще до нее – миссис Константайн.

Когда он дошел до конца и умолк, заговорила Хелена:

– Я знала, что она мертва. В ту ночь, когда он вернулся домой один, я сразу все поняла. Это было написано у него на лице. Но я не могла выносить это знание, а он ничего мне не рассказал, и тогда мы стали притворяться друг перед другом, будто ничего не произошло. Мы вступили в сговор, не сказав ни слова. Молчаливо сговорились обманывать самих себя. И это нас обоих едва не уничтожило. Без правды мы не могли искренне горевать. Без правды мы не могли утешать друг друга. В конце концов, устав цепляться за ложную надежду, я уже была готова утопиться. А потом появилась эта девочка, и я ее узнала.

– Мы были счастливы, – продолжил Воган. – Точнее, Хелена была счастлива, а я радовался ее счастью.

– Ложь бедного Энтони была больше моей, но моя ложь укоренилась глубже. Я не могла наглядеться на эту девочку. Я напрочь выбросила из головы ужасную правду, я не желала видеть ничего, кроме нее.

– Но потом появилась миссис Ивис со словами: «Здравствуй, Алиса!»

– Все изменили не эти слова миссис Ивис. Все изменили вы, Рита.

– Я?

– Да, когда сообщили, что я жду ребенка.

Рита вспомнила ту минуту.

– Вы тогда сказали: «Ох!» – и через паузу повторили: «Ох!»

– Первое «ох» относилось к известию о моем будущем ребенке. А второе «ох» относилось к этой девочке: я вдруг отчетливо поняла, что она явилась в этот мир не из моего лона. Я поняла, что она – не Амелия. Хотя это не помешало мне скучать по ней, как по родной дочери. Ведь она вернула меня к жизни, вернула меня мужу, и я не могу не любить ее, нашу таинственную малышку, кем бы она ни была.

– Она нас изменила, – сказал Воган. – Мы оплакивали Амелию, и мы будем оплакивать ее впредь. Будут пролиты еще реки слез. Но эту девочку мы будем любить, как родную, и она станет сестрой нашему ребенку, когда он появится на свет.

Наконец вся компания направилась обратно к дому. Впереди шли миссис и мистер Воган, а между ними – девочка, которая не была ни Амелией, ни Алисой. Она, похоже, воспринимала свое возвращение в Баскот-Лодж так же невозмутимо, как ранее восприняла свое перемещение

оттуда в дом Армстронгов.

Рита и Донт замедлили шаг, отставая от Воганов.

– Но она ведь не может быть сестрой Лили, – сказал Донт вполголоса. – Это бессмыслица какая-то.

– Тогда кто же она?

– Она ничья. А раз так, почему бы Воганам не взять ее к себе? Они ее любят. С ними она ни в чем не будет нуждаться.

В его голосе Рита расслышала нотки, хорошо ей понятные, ибо те же тоска и сожаление стесняли и ее грудь. Она вспомнила ночь в «Лебеде», когда задремала в кресле под храп Донта, а девочка спала у нее на коленях, и грудные клетки обоих расширились и сокращались в унисон. «Она может стать моей», – подумала тогда Рита, и с той поры ее не покидала эта мысль. Хотя она отлично понимала, что рассчитывать на это просто глупо. Она жила одна, и работа медсестры вынуждала ее часто покидать дом. Воганы, при их образе жизни, могли позаботиться о ней гораздо лучше. Так что Рите оставалось только любить ее издали.

Она сделала короткий вдох, резко выдохнула и переключилась на другую тему. Вспомнив некоторые подробности недавнего рассказа Вогана, она все тем же полусшепотом поделилась мыслями с Доном.

– Те, кто похитил Амелию... – начала Рита.

– ...ее и убили, – так же тихо закончил фразу Донт.

– Нельзя допустить, чтобы им это сошло с рук. Кто-нибудь должен хоть что-то знать.

– Кто-нибудь всегда что-то знает. Но кто именно? И что именно они знают? И понимают ли они важность того, что знают?

Внезапно осененный идеей, Донт застыл на полушаге.

– Возможно, есть один способ... – произнес он неуверенно, почесывая затылок.

Еще через минуту они нагнали Воганов, и Донт изложил им свой план.

– Получится ли? – усомнилась Хелена.

– Этого мы знать не можем.

– Если только не попытаемся узнать, – добавил Воган.

Все четверо задержались перед входом в дом. Миссис Клэр, экономка, услышав их приближение, распахнула дверь, но, поскольку никто не вошел внутрь, чуть погодя вновь ее прикрыла.

– Тогда рискнем? – спросила Рита.

– Других способов я не вижу, – призналась Хелена.

– В таком случае, – сказал Воган, поворачиваясь к Донту, – с чего вы думаете начать?

– С драконов Криклейда.

– Драконы? – растерялся Воган, однако Рита сразу поняла, к чему клонит Донт.

– Там живет бабушка Руби! – воскликнула она. – И сама Руби.

Драконы Криклейда

Криклейд – городок небольшой, но с ним связано великое множество историй. Когда они проезжали по его улицам на четырехколесном велосипеде с грузом фотоаппаратуры, Донт поделился некоторыми из местных преданий с Ритой.

– Вот, к примеру, – говорил он, указывая на местную церковь, – если кому-то случится упасть с этой колокольни, его безутешные родственники и друзья смогут хотя бы немного развлечься эффектным зрелищем: на месте падения бедолаги сама собой из-под земли вырастет его каменная статуя в натуральную величину. К сожалению, у меня мало шансов запечатлеть это чудо на снимке.

Они не задержались перед церковью и покатали на север в сторону деревеньки Даун-Эмпни, высматривая крытый соломой дом с пасекой.

– Вы должны поехать с ним, прошу вас, – ранее уговаривала ее Хелена. – Донт не сможет ничего вытянуть из Руби, а вот вам она доверится. Вам доверяют все.

Так Рита очутилась здесь и теперь глядела в оба, сидя позади Донта – среди ящиков, дребезжащих и грохочущих на ухабистой сельской дороге.

– Вон там, – указала она на вершушки ульев, торчавшие над живой изгородью.

В садике перед домом они заметили седовласую женщину, которая нетвердой походкой двигалась в сторону пасеки. Услышав приветствие Риты, она повернулась, глядя на них прозрачными глазами.

– Кто там? Я вас знаю?

– Меня зовут Рита Сандей, я приехала купить у вас меда. Вы, полагаю, миссис Уилер? Со мной мистер Донт, фотограф. Он хочет расспросить вас о драконах – для своей книги.

– Для книги? Об этом я ничего не знаю... А о драконах рассказать могу. Мне уже за девяносто, но помню все, словно это было вчера. Заходите и присаживайтесь, попробуйте хлеба с медом, пока будете задавать свои вопросы.

Они уселись на скамейку в тени, а старуха подошла к двери дома и коротко перемолвилась с кем-то находившимся внутри. Вернувшись к гостям, она начала свой рассказ. Ей было года три или четыре, когда драконы нагрянули прямо сюда, в этот самый дом. Перед тем их не видели в Криклейде уже лет сто, и впоследствии они больше ни разу не

появлялись. Ныне она была последней живой свидетельницей тех событий. Той ночью она проснулась от собственного кашля, чувствуя жжение в горле, и через прореху в соломенной крыше увидела пламя.

– Я встала с постели и подошла к двери комнаты, но услышала рев драконов и не решилась ее открыть. Вместо этого я пошла к окну и увидела своего папу, который смотрел на меня снаружи – он вскарабкался на соседнее с домом дерево, хотя ветви уже обуглились и могли вспыхнуть в любую минуту. Папа разбил ногой стекло, протянул руку и помог мне перелезть к нему. Спускаться было еще труднее, чем лезть вверх, а когда мы все же спустились, соседи сразу выхватили меня из рук папы и начали катать по земле. А я никак не могла взять в толк, зачем они это делают. Как потом выяснилось, на мне горела ночная рубашка, хотя сама я этого не заметила, и они катали меня, чтобы сбить пламя.

Старуха излагала эту историю ровным, спокойным голосом – так безмятежно, словно за давностью лет перестала воспринимать ее как эпизод собственной жизни и сейчас вела речь о совершенно постороннем человеке. Когда ее прерывали вопросом, бледные старческие глаза с добродушной готовностью направлялись в сторону говорившего, хотя уже было понятно, что она ничего не видит. Из дома вышла худенькая девушка с подносом, на котором были нарезанный хлеб, блюдце со сливочным маслом и кувшин меда с торчащей из него ложкой. Держалась она как-то скованно, слегка поклонилась без улыбки и быстро ушла, ни разу не взглянув на гостей.

– Намазать вам масло на хлеб? – предложила Рита, и старуха сказала: «Спасибо, милочка».

– Моя бабушка держала мед вон там. – Она кивком указала на каменное строение неподалеку. – В большом чане – размером с ванну. И вот, значит, как сбили пламя, она сняла крышку с чана и опустила меня, голенькую, в мед по самое горло. Я просидела там остаток ночи, и в том году мы не смогли продать ни фунта меда, потому что никто не хотел его есть после такого моего купания.

– А драконов вы видели? Тех, чей рев слышали за дверь? Чего бы я только не отдал за возможность сфотографировать дракона! Это фото меня бы озолотило!

Она рассмеялась:

– Если бы вы их увидели перед собой, вам уж точно стало бы не до возни с этой своей штуковиной. Да, я их видела. Я сидела по горло в меде и через открытую дверь видела, как они улетали прочь. Их были сотни. – Она подняла глаза к небу, словно все еще могла их там разглядеть. – Вообразите

огромных летучих угрей, чтобы проще было понять. Ни ушей, ни глаз я у них не заметила. Чешуи тоже не было, да и крылья были так себе, одно название. Ничуть не похожи на тех драконов, которых я видела на картинках. Что-то длинное, темное, скользкое и быстрое. Они извивались и вертелись, и все небо было заполнено ими. Все одно что смотреть на кипящие в кастрюле чернила. Ну и как вам мой мед?

Они похвалили угощение, а старуха меж тем вспомнила еще кое-что о драконьем нашествии.

– Взгляните вон туда, – указала она на крышу дома. – Я сама уже не разгляжу – с глазами совсем беда, но вы-то зрячие. Видите темные отметины над окном?

Действительно, часть стены чуть ниже края соломенной крыши была сильно обуглена.

– То, что нужно для снимка! – оживился Донт. – Вы встанете здесь, рядом с ульями, а следы пожара будут видны на заднем плане. В кадр должно попасть и небо, где летали драконы.

После недолгих колебаний Бабушка Уилер позволила себя уговорить на фотосъемку, и пока Донт занимался приготовлениями, Рита продолжила ее расспрашивать:

– Должно быть, вы сильно обожглись?

Бабушка Уилер закатала рукав и продемонстрировала свое предплечье.

– И то же самое по всей спине, от шеи до поясницы.

Кожа в этом месте была мертвенно-белой и гладкой, без единой морщинки.

– Удивительно, как вы выжили, – сказала Рита. – При таком обширном ожоге. Вас он впоследствии не тревожил?

– Нет, нисколечко.

– Это благодаря меду? Я тоже использую мед, когда ко мне обращаются пациенты с ожогами.

– Вы медсестра?

– Да, и еще акушерка. Я работаю несколькими милями ниже по реке. В Баскоте.

Старая женщина вздрогнула:

– В Баскоте?

Возникла пауза. Рита ела хлеб с медом и терпеливо ждала, когда старуха продолжит.

– В таком разе вы наверняка слышали о девочке, пропавшей два года назад...

– Об Амелии Воган?

– Да, она самая. Говорили, что она нашлась, но потом прошел слух, что это совсем не она. Что о ней известно сейчас? Амелия это или нет?

– Одна женщина прилюдно опознала в ней другую пропавшую девочку, но семья, в которую ее передали, через какое-то время убедилась, что она им не родня. Так что девочка вернулась к Воганам. Кто она такая, неизвестно, но уж точно не Амелия Воган.

– Значит, это не Амелия? А я так надеялась... Ради Воганов, ясное дело, но и ради моей семьи тоже. Моя внучка была няней в их доме. И у нее вся жизнь пошла наперекосяк с той поры, как девочку похитили. В чем только ее не обвиняли! Правда, никто из людей, хорошо ее знающих, не верит ни слову из этих наговоров, но есть много и таких, кто наслушается всяких болтунов и начинает судить предвзято. А ведь ей всего-то хотелось встретить славного парня и завести семью, да только пойдя найди согласных жениться на девушке, замешанной в таких делах. Внучка вконец извелась: почти не ест, совсем не спит. Не показывается на людях из страха услышать бранное слово. Порой целыми днями не выходит из своей комнаты. Я уже много месяцев не слышала ее смеха... И вдруг эта новость – мол, девочка нашлась! Говорили, будто река вернула ее родителям. Тогда-то все, кто злословил о Руби, прикусили свои язычки. И жизнь понемногу пошла на поправку. Руби вылезла из своей скорлупы. Даже устроилась на работу – помощницей в школе, где когда-то училась сама. Вроде начала оживать, лицо чуток порозовело. Вечерами стала приходить попозже: прогуливалась с другими девушками из школы. Мне ли ей это запрещать после всего, что она пережила? Почему бы девчонке и не развлечься немного, как это принято у нынешней молодежи? Так она познакомилась с Эрнестом. Заключили помолвку. На июль назначили свадьбу. Но вскоре после летнего солнцестояния одна ревнивая девица нашептала ей, что найденная в Баскоте малышка оказалась вовсе не Амелией. Стало быть, Амелия по-прежнему считается пропавшей. И снова пошли кривотолки, потому как Руби осталась под подозрением. И уже на другой день она отменила свадьбу. «Как я могу выйти замуж и завести детей, когда обо мне ходят такие слухи? Люди скажут, что мне нельзя доверять даже собственных детей! Я не могу так подвести Эрнеста. Он достоин лучшей жены, чем я». Примерно так она рассуждает. Эрнест, как мог, старается ее отговорить. Сам он и слышать не желает эти сплетни. Говорит, что свадьба всего лишь отложена и что помолвка остается в силе, но она не желает с ним видеться, хоть он и приходит каждый день. А после того как ее турнули из школы, она засела тут – и ни шагу дальше садовой ограды.

Слепая женщина печально вздохнула.

– Я надеялась на хорошие новости, но вы только подтвердили то, что я уже слышала. – Она начала подниматься, кряхтя и скрипя старыми костями. – Чем тут сидеть без дела, схожу-ка я за медом для вас.

– Погодите немного, – остановила ее Рита. – Я лично знакома с Воганами и могу сказать, что они верят Руби. Они знают, что она ни в чем не виновата.

– Это уже кое-что, – признала старуха, усаживаясь на место. – Они вроде добрые люди. Не сказали о ней ни одного худого слова.

– Мистер и миссис Воган больше всего хотят докопаться до правды с этим похищением. Пусть ваша внучка тут ни при чем, но кто-то же это сделал. Этого человека нужно найти и привлечь к суду. Если его поймают, это сразу решит все проблемы Руби.

Свидетельница драконьих бесчинств с сомнением покачала головой:

– Они долго искали, но не нашли ничего. Думаю, это сделали цыгане, но теперь уже их не поймать.

– А если начать поиск заново – и по-другому?

Старуха повернула голову и озадаченно устремила на Риту невидящий взор.

– Я верю всему, что вы рассказали мне о Руби, потому что слышала о ней много хорошего и раньше, от самих Воганов, – быстро продолжила Рита. – Несправедливо лишать ее надежды на нормальную жизнь, с семьей и детьми, которых она так хочет иметь и которым она будет отличной матерью. Скажите мне вот что: если появится шанс выяснить всю правду об этом похищении, найти преступников и очистить доброе имя Руби, согласится она помочь? Согласится поучаствовать в этом деле?

Слепые глаза моргали в нерешительности.

Миг спустя открылась дверь дома, и через порог шагнула худенькая девушка, ранее подававшая им хлеб и мед.

– Что я должна сделать?

Пока Донт располагал Бабушку Уилер в нужной позиции – так, чтобы в кадр попали и улы, и надоконная перемычка со следами драконьего пламени, – Рита за столом вполголоса разъяснила Руби суть их плана.

Когда она закончила, девушка уставилась на нее с изумлением:

– Но это же какая-то магия!

– Нет, хотя многим так покажется.

– И это заставит их рассказать правду?

– Возможно. Если кому-то из них известно что-то для нас важное. Что-

то почти забытое, поскольку они в ту пору могли счесть это сущим пустяком. Если нам повезет и нужный человек окажется в нужном месте, это сработает.

Руби опустила глаза на свои крепко сжатые руки с побелевшими костяшками и обкусанными ногтями. Рита не стала наседавать на девчонку, давая ей время подумать. Ее руки нервно шевелились, сплетая и расплетая пальцы, но потом замерли.

– Но что должна буду сделать я? В магии я ничего не смыслю.

– Там не будет никакой магии. Главное: честно скажи мне сейчас, кто убедил тебя покинуть Баскот-Лодж той ночью.

Минутой ранее в глазах Руби теплился огонек надежды. Но теперь губы ее затряслись и огонек угас. Она уткнулась лицом в ладони.

– Никто! Я говорила это много-много раз, но они мне не верили! Никто меня не убеждал!

Рита мягко развела ее руки в стороны и заглянула в испуганное лицо:

– Тогда почему ты ушла из дома?

– Вы мне не поверите! Никто не поверит *такому*. Меня назовут жалкой врушей.

– Руби, я знаю, что ты порядочная девушка. Если за всем этим скрывается что-то неправдоподобное, я как раз тот человек, которому ты можешь рассказать все без утайки. Быть может, вдвоем нам удастся в этом разобраться.

Годы, прошедшие после той ночи, тяжело отразились на Руби. Глядя на ее истощенное тело, на болезненную бледность и темные круги под глазами, трудно было поверить, что ей нет еще и двадцати лет. Надежды на будущее, пробудившиеся при известии о возвращении Амелии и после помолвки с Эрнестом, были перечеркнуты вновь. Она и сейчас не верила, что Рита сможет ей помочь. Но хотя она и не рассчитывала на какую-то пользу от своей откровенности, Руби уже настолько устала от всего этого, что у нее просто не было сил сопротивляться дальше. И она, безвольно опустив плечи, слабым и тусклым голосом рассказала все.

Колодец желаний

В Келмскотте имелся «колодец желаний», которому издавна приписывали великое множество чудесных свойств, включая способность лечить все известные заболевания и содействие в разрешении всевозможных супружеских и бытовых проблем. Вера в чудотворную силу колодца подкреплялась одним уникальным и легко проверяемым свойством его воды: независимо от погоды и времени года эта вода всегда была холодна как лед.

Старая каменная кладка и деревянный навес над колодцем были по-своему живописны, и Донт трижды фотографировал эту достопримечательность. По весне хорошим фоном служили цветущие заросли боярышника. Летом столбы навеса украшали вьющиеся розы. На третьем снимке колодец выглядел просто сказочно под толстой шапкой свежесвыпавшего снега. Для завершения цикла не хватало только осенней фотографии.

– Давайте сделаем здесь снимок, – предложил он при виде колодца, на котором селяне развесили венки из вечнозеленых веток, дополненные разноцветными ленточками и украшениями из соломы. – Света сейчас достаточно.

Установив в нужном месте треногу с камерой, он отправился на «Коллодион» готовить пластинку, а Рита тем временем подняла из колодца бадью с водой и на ощупь проверила ее температуру. В этом плане легенда не подкачала: вода была воистину ледяной.

Вернувшись, Донт вставил пластинку в камеру.

В последнее время он не фотографировал Риту, и она догадывалась почему. Их фотосессии предполагали определенную интимность в общении. Подправляя ее позу, чтобы свет ложился под нужным углом, он слегка наклонял или поворачивал голову Риты, а она во время этих прикосновений видела вблизи его лицо. Когда правильная позиция была выбрана, они безмолвно встречались глазами, после чего он отпускал руки и шел обратно к камере. И даже в моменты тишины и полной неподвижности, когда он находился под черным покрывалом, Рита все равно ощущала невидимую связь между ними, как будто все не сказанное вслух передавалось посредством взгляда. Потому он и перестал ее фотографировать. Это было необходимо.

Сегодняшнее предложение сделать снимок стало неожиданным

отступлением от негласных правил, что поставило Риту в тупик. Означало ли это, что он сумел справиться со своим чувством и теперь мог общаться с ней, как с обычным клиентом? Поневоле она испытала смутное разочарование оттого, что Донт достиг своей цели так легко и быстро, в то время как ее чувство до сих пор нисколько не ослабло.

– Где мне встать? – спросила она рассеянно.

– За камерой, – ответил он, указывая на черное покрывало.

– Вы хотите, чтобы я сама фотографировала?!

– Вы много раз видели, как я открываю кассету и как снимаю крышку с объектива – в этом нет ничего сложного. Главное, не позволяйте дневному свету проникнуть под покрывало. А когда сосчитаете до пятнадцати, закройте объектив. Только не начинайте считать прежде, чем я окунусь.

– Окунетесь?

– По легенде, чтобы желание исполнилось, нужно опустить лицо в воду из этого колодца.

Накрывшись черной материей, Рита сквозь стекло наблюдала за тем, как Донт рукой пробует воду в бадье и, содрогнувшись, стряхивает с пальцев ледяные капли. Это напомнило ей тот день на реке, когда он разделся почти догола и ради ее эксперимента погрузился по шею в холодную воду, но результат оказался противоположным ожидаемому. Вспомнилось его бледное, окаменевшее лицо. Но при всем том он не жаловался и терпел, пока она не досчитала до шестидесяти.

– Какое желание вы хотите загадать? – спросила она.

– Если скажу заранее, не навредит ли это магии?

– Все может быть.

– Тогда я об этом умолчу.

У нее самой накопилось столько желаний, что она на месте Донта даже не знала бы, с чего начать. Хотелось увидеть, как будут наказаны похитители Амелии. Хотелось всегда заботиться о девочке и оберегать ее от любой беды. Хотелось найти выход из бесконечных метаний между любовью к Донту и боязнью беременности. Хотелось понять, что произошло с сердцебиением девочки в ту ночь зимнего солнцестояния.

– Я готов. – Донт сделал глубокий вдох и погрузил голову в ледяную воду.

На счет «раз» Рита открыла кассету и сняла крышку с объектива.

На счет «два» некая мысль начала формироваться в глубине ее сознания.

На счет «три» мысль оформилась, и в тот же миг она поняла, что это

отнюдь не пустяк.

На счет «четыре», в попытке угнаться за дальнейшим ходом мысли, она откинула черное покрывало – даже не подумав, что тем самым засвечивает фотопластинку, – и устремилась к колодцу, на бегу доставая из кармана часы.

На счет «пять» она достигла колодца, раскрыла часы, взяла запястье Донта и начала считать его пульс.

«Шесть» уже было забыто – теперь она вела собственный отсчет.

Пульс Донта бился под пальцами Риты. Секундная стрелка описывала круг. Ее сознание не реагировало ни на что, кроме этих двух ритмов: ударов сердца и тиканья часов. Эти ритмы шли вровень, хоть и каждый по-своему, но вдруг – это было невероятно! Впрочем, даже испытав шок, она не отвлеклась ни на мгновение. Напротив, она целиком сосредоточилась на работе его сердца – настолько, что не могла бы увереннее отслеживать процесс, даже если бы держала это сердце в своих ладонях. В эти мгновения вся вселенная свелась для Риты к пульсации чужого сердца и к работе ее собственного мозга, продолжающего отсчет и уже осознающего важность события.

Через восемнадцать секунд Донт поднял из воды побелевшее от холода лицо. Черты его застыли, как маска, и в целом он больше походил на мертвеца, чем на живого человека, если не считать того, что он жадно глотнул воздуха, покачнулся и осел на траву.

Рита по-прежнему не отпускала его запястье и, даже не взглянув на Донта, следила за стрелкой.

Ровно через минуту она захлопнула крышку часов, достала из кармана блокнот и дрожащими от волнения пальцами начала делать в нем карандашные пометки. Потом издала короткий изумленный смешок и повернулась к Донту с широко распахнутыми глазами, словно только что стала свидетельницей чуда.

– Что такое? – спросил он. – Вы в порядке?

– Я?! Донт, скажите, в порядке ли *вы*?

– Лицо замерзло. Мне кажется, я сейчас...

Он вдруг наклонился вперед, как будто почувствовав тошноту, чем встревожил Риту, но чуть погодя уже снова смотрел на нее.

– Нет-нет. Все хорошо.

Она взяла Донта за обе руки, вглядываясь в его лицо.

– Да, но... Донт, как вы себя *чувствуете*?

На ее озабоченный взгляд он ответил аналогичным взглядом, разве что менее напряженным.

– Ощущения довольно странные. Переохладился, должно быть. А в остальном все более-менее.

Она помахала своим блокнотом.

– У вас была остановка сердца.

– Что?!

Она еще раз просмотрела свои записи.

– Я начала считать ваш пульс примерно через шесть секунд после погружения. В тот момент ваше сердце еще билось нормально – восемьдесят ударов в минуту. А на одиннадцатой секунде оно остановилось – на три секунды. Когда оно заработало вновь, пульс был тридцать ударов в минуту. И оставался таким еще в течение семи секунд после того, как вы вынули голову из воды. И только потом начал ускоряться.

Покачав головой, она снова взяла его за руку и проверила пульс.

– Сейчас в пределах нормы. Восемьдесят ударов в минуту.

– Вы сказали: остановка сердца?

– Да. На полных три секунды.

Донт прислушался к стуку своего сердца и понял, что никогда не делал этого раньше. Сунув ладонь под одежду, он ощутил размеренную работу сердечной мышцы.

– Вроде все в порядке, – сказал он. – Вы не ошиблись?

Он сразу понял нелепость вопроса. Это же была Рита. Она в таких вещах не ошибалась никогда.

– Но что навело вас на эту мысль? – задал он правильный вопрос.

– Холодная вода напомнила мне о нашем первом эксперименте на реке.

И потом меня вдруг осенило: ведь вы тогда погружались не полностью, только по горло, а сегодня опустили в ледяную воду как раз ту часть тела, которая в прошлый раз была над поверхностью. Разом в памяти всплыли все травмы головы, с которыми я когда-либо имела дело, – ведь именно в голове сосредоточена большая часть того, что делает нас людьми... А когда все это – в один миг – связалось вместе, я бросила камеру и побежала к вам...

Это было настоящее открытие. Радость переполняла Риту. Инстинктивно она потянулась к руке Донта, но прервала этот жест, заметив, что он не разделяет ее ликования. Донт тяжело поднялся с травы; выглядел он неважно.

– Я разберусь с этой пересвеченной пластинкой, – пробормотал он, направляясь к фотокамере.

Больше не произнеся ни слова, они упаковали в ящики оборудование, а

когда все уже было перенесено на яхту, Донт наконец прервал молчание.

– Я не загадывал никаких желаний, – сказал он. – Я не верю во все эти чудесные колодцы. Однако *ваше* желание, похоже, исполнилось. Будь у меня склонность к таким вещам, я бы прежде всего пожелал вас – и ребенка. Обоих. Вместе. Однако я не могу пожелать себе того, что идет вразрез с вашими желаниями. Я лишь попробовал это представить. Как мы с вами даем волю чувствам, а еще через какое время, подчиняясь закону природы, зарождается новая жизнь... Но чего стоит счастье, добытое ценой страданий другого человека?

«Коллодион» двигался вниз по течению, к дому Риты, рассекая форштевнем речные волны и оставляя позади турбулентный кильватерный след. Всю дорогу они молчали. Потом он проводил ее от пристани до дома, где оба пробормотали: «Спокойной ночи», после чего Донт взял курс на трактир «Лебедь».

А Рита у себя дома выложила на стол блокнот и открыла его на странице с последними записями. Вторичная волна приятного возбуждения заставила ее сердце забиться чуточку быстрее. Грандиозное открытие! Однако душевный подъем продлился недолго. Что это за колодец желаний, который даже без просьбы дарует то, чего в данный момент захочется больше всего, но притом вынуждает с горечью вспомнить о том, что тебе иметь не дано?

Волшебный фонарь

Лето перешло в осень, а дожди так и не прекратились. В «Лебеде» более не звучали мрачные прогнозы относительно урожая, поскольку и без того было ясно, что эти прогнозы сбылись. И даже если бы сейчас установилась сухая и солнечная погода, это уже ничего не могло изменить. Нескошенные чахлые колосья гнили на полях, а сами поля превратились в болота – какая уж тут уборочная страда. Уволенные за ненадобностью батраки пытались найти работу в гравийных карьерах или других местах, и, хотя завсегда и по-прежнему посещали «Лебедь» в надежде отвлечься от насущных забот, общее настроение в зимнем зале было безрадостным.

В такой безрадостной обстановке до них дошло известие о переезде девочки от Армстронгов обратно к Воганам. Ну и как прикажете это понимать? Судя по всему, она не была настоящей Алисой. Значит, она все-таки была Амелией? Такой зигзаг сюжета не вызывал энтузиазма у сказителей. Правильной истории следует четко двигаться в одном направлении, чтобы после какого-то переломного момента сменить его на другое и далее уже идти напрямиком к финалу. А в этом обратном переезде тихой сапой напрочь отсутствовал необходимый драматизм. Позднее прошел слух, что Воганы, обращаясь к девочке, теперь называют ее Милли. Что это было: уменьшительно-ласкательный вариант Амелии или совершенно другое имя? Данный вопрос стал темой обсуждения, которое, правда, было лишено огонька и задора прежних дискуссий о цвете глаз девочки и уж тем более не шло в сравнение со страстным диспутом о пределе возможностей невозможного. Бесконечный унылый дождь за окном также не способствовал воспарению мыслей. Понемногу обсуждение зачахло, как урожай на окрестных полях. Все длиннее становились паузы, когда рассказчики просто пили в молчании. Воспользовавшись одной из таких пауз, Джонатан вынес на всеуслышание свою историю о человеке, который въехал в озеро на повозке с лошастью. Что там было дальше, он вспомнить не смог и потому сразу перескочил к финальному: «И больше его никогда не видели!» Реакция слушателей была сочувственно-прохладной.

Джо продолжал хворать. Все чаще он проводил вечера в своей комнате, а когда появлялся в зимнем зале, было заметно, что он стал еще слабее и бледнее прежнего. Иногда, преодолевая кашель, он рассказывал одну-две истории – короткие и очень странные истории, вызывавшие

непонятное волнение у слушателей. Их открытые финалы казались обращенными в бесконечность, а их сюжеты впоследствии никто не мог объяснить или хотя бы пересказать.

На этом фоне неожиданным образом дало запоздалые всходы зернышко, посеянное несколько месяцев назад и подпитанное новой неопределенностью относительно личности девочки. В свое время престарелая тетя одного из гравийщиков якобы видела, как девочка, стоявшая на берегу реки, не отражалась в воде. А сейчас ее слова опроверг троюродный брат одного из сборщиков салата. Он случайно оказался рядом с девочкой, когда та склонилась над водой, и стал свидетелем чудесного явления: у девочки было сразу два отражения, похожие вплоть до мельчайших деталей. Это подстегнуло фантазию сказителей, разродившихся несколькими новыми историями. Утверждали, что девочка не отбрасывает тени, или что у нее тень согбенной старухи, или что при затаившемся взгляде в ее дикие глаза человек впадает в оторопь, а девчонка пользуется этим, чтобы оторвать его тень от подошв и мигом ее проглотить.

– Именно это со мной и случилось! – уверяла Риту пожилая вдова с целым букетом реальных и мнимых болячек, тыча пальцем себе под ноги. – Эта маленькая ведьма слопала мою тень!

– Вы бы лучше посмотрели вверх, – посоветовала ей Рита. – Видите там солнце?

Вдова оглядела небосвод.

– Ни намека. Все затянуто тучами.

– Вот именно. Сегодня не видно солнца, а потому не видно и вашей тени. Все объясняется очень просто.

Вдова вроде бы успокоилась, но это было только начало. В следующий раз другой беспокойный пациент доверительно сообщил Рите, что девчонка проглотила солнце и тем самым навлекла на них дожди, погубившие урожай на корню.

Все эти слухи, разумеется, доходили до завсегдатаев «Лебедя», но пока что они лишь пожимали плечами. Была ли в этом хоть крупинка правды? Они вспомнили, что девочка однажды умерла и потом ожила, на что вряд ли способен обычный человек. А как насчет ведьмовского отродья? Это наводило на размышления, однако поддерживать столь смелую теорию они не торопились.

А в первых числах сентября все эти разнотолки затмило нечто совершенно новое. На стене в зале «Лебедя» появился плакат, оповещавший всех, что в ночь осеннего равноденствия в трактире будет

показан «иллюзион волшебного фонаря». Представление устраивал бесплатно для всех желающих мистер Донт из Оксфорда в благодарность за помощь местных жителей, чьи быстрые и грамотные действия спасли ему жизнь после тяжелой катастрофы девятью месяцами ранее.

– Это будет история, показанная в картинках, – объясняла Марго Джонатану. – Картинках на стекле, насколько понимаю, с проходящим через них светом. Не могу объяснить, как это работает. Лучше спроси потом у мистера Донта.

– А о чем будет история?

Но это держалось в тайне.

В день зимнего равноденствия «Лебедь» был закрыт для клиентов, не исключая постоянных, с утра и до семи часов вечера. Некоторые из завсегдатаев не поверили, что запрет может относиться и к ним. Посему они пришли в свое обычное время, но, к их величайшему негодованию, не были допущены внутрь. Меж тем изнутри доносился непрерывный шум, а дверь то и дело открывалась и закрывалась, пропуская снующих туда-сюда крепких парней с большими коробками и ящиками. Обиженные завсегдатаи удалились и рассказали другим, как их не пустили в трактир, и о происходящей там непонятной суете.

Донт с раннего утра был занят приготовлениями. Он сотню раз проделал путь между «Коллодионом» и трактиром, отдавая распоряжения своим ассистентам из фотомастерской и сыновьям Роберта Армстронга. Какие контейнеры, в каком порядке, в какую комнату... Один раз пришлось задействовать сразу шестерых человек, чтобы переместить большой и тяжелый груз в упаковке прямоугольной формы. Когда они с максимальными предосторожностями подняли груз и дюйм за дюймом понесли его вверх по склону, краснея и обливаясь потом, Донт наблюдал за процессом с таким напряжением, что за все время транспортировки не рискнул хоть разок моргнуть. После того как груз был успешно доставлен на место, раздался общий вздох облегчения, работники освежились напитками и вернулись к выполнению более простых задач. В помещении остались только Донт и Окуэллы, и лишь тогда с загадочного предмета была снята упаковка, под которой обнаружилась огромная стеклянная панель.

– Поставьте ее вот здесь. Никого нельзя допускать за занавес. В темноте стекло легко не заметить. Мало что разобьют, так еще покалечатся. А что там с экраном в зале – краска подсыхает?

После полудня прибыла Рита в сопровождении женщины, которая так

плотно куталась в шаль, что разглядеть ее лицо было невозможно. Большинство Марготок также пришли помочь, а одна из них прихватила свою младшую дочурку, всего трех лет от роду, которой была уготована особая – и очень важная – роль в представлении.

В половине седьмого Джонатана удостоили чести открыть входную дверь и потом держать ее нараспашку, пропуская внутрь поток любознательных посетителей. Всех входящих сразу направляли вправо от входа, в большой летний зал. «Лебедь» преобразился. Одну стену – с арочным переходом в зимний зал – полностью скрывал бархатный занавес, а другая стена была свежеевыкрашена в белый цвет. Столики исчезли, и на их месте появились ряды стульев, обращенные в сторону белой стены. А на помосте позади стульев стоял Генри Донт по соседству с каким-то мудреным устройством и большой коробкой стеклянных пластинок.

Людей пришло великое множество, и зал сразу наполнился гулом голосов. Здесь были батраки и гравийщики, завсегдатаи «Лебеда» в полном составе со своими женами и детьми, а также окрестные селяне, прослышавшие о небывалом представлении. Среди прочих присутствовали Армстронг и Бесс вместе со старшими детьми. Армстронг с нетерпением ожидал начала. Ему было отчасти известно содержание предстоящего шоу – более того, он лично участвовал в его подготовке. Робину также отправили приглашение, но его нигде не было видно, что, впрочем, никого не удивляло. Воганы отсутствовали. Будучи в курсе всей подоплеки данного мероприятия, они сочли за лучшее держаться в стороне. В конце концов, никто не мог предугадать, что из этого выйдет. Они внесли свою лепту в иллюзион и знали, что их присутствие – пусть даже не физическое – там будет ощущаться в любом случае. Перед началом сеанса Марготки обнесли гостей сидром, и ровно в семь часов Донт произнес краткую речь, в которой поблагодарил Марго и Джо за оказанную ему помощь. Джо уже собирался закрыть дверь, когда появилась запыхавшаяся Лили Уайт с корзинкой в руках.

Ввиду отсутствия свободных мест Лили пристроилась на табурете в дальнем конце зала. Корзинку, накрытую красной тканью, она держала на коленях. Под тканью началась какая-то возня, но Лили положила сверху руку и быстро успокоила щенка, купленного в подарок Анне. Однако где же Анна? Она начала обводить взглядом публику, высматривая голову маленькой девочки между головами мужчины и женщины, но успела проверить лишь несколько задних рядов к тому времени, как лампы погасли и зал погрузился во тьму.

Послышались нетерпеливые шорохи, шарканье ног по полу, шуршание

поправляемых юбок, чье-то откашливание, а затем – металлический щелчок, и...

– О-о-ох!!

На белой стене перед ними материализовался Баскот-Лодж. Дом Воганов: белокаменный фасад с семнадцатью окнами, расположенными в таком безупречном порядке, что зрители с легкостью могли себе представить покой и гармонию, царящие под этой светло-серой крышей. Несколько голов повернулись назад, чтобы понять, каким образом картинка перенеслась из аппарата Донта на стену, однако большинство было слишком заворожено зрелищем, чтобы думать о таких деталях.

Щелк. Баскот-Лодж исчезает, а на его месте вдруг появляются мистер и миссис Воган, а между ними – размытое изображение непоседливой Амелии в возрасте двух лет. В зале раздаются сочувственные вздохи и женский шепот.

Щелк. В зале смешки. Этого не ожидал никто: на стене в потоке света возникает рекламный плакат. Донт читает текст вслух для удобства тех, кто не силен в грамоте, а остальные шепотом комментируют увиденное.

СТЕЛЛА

Свинья с могучим интеллектом

НЕОБЫЧАЙНО ОДАРЕННОЕ СУЩЕСТВО

Читает, считает и составляет из букв слова

ИГРАЕТ В КАРТЫ

Называет время с точностью до минуты

ПО ВАШИМ ЧАСАМ

А также

ОПРЕДЕЛЯЕТ ТОЧНЫЙ ВОЗРАСТ ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА

И верите вы в это или нет, но

Может прочесть ваши мысли

Это нечто неслыханное

Кроме того

При общении с глазу на глаз

ПРЕДСКАЗЫВАЕТ БУДУЩЕЕ

Включая

УДАЧУ В ДЕЛАХ И В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

– Да это же та самая свинья с ярмарки!

– С могучим интеллектом? Это как понять?

– По-ученому это значит «мудрая». Ты бы и сам это знал, будь у тебя

чуток этого самого интеллекта.

– Эта свинья читает быстрее меня!

– И даже слишком хорошо играет в карты. Я проиграл ей три пенса.

– Семьдесят три года – столько дала мне на вид эта свинья! Ох как я был зол!

– А я ушел еще до того, как она начала читать мысли. Не хватало только, чтобы какая-то свинья копалась у меня в мозгах – никогда, никогда, никогда!

– Запросили аж целый шиллинг за это «с глазу на глаз». Рехнуться можно! Кто здесь готов потратить шиллинг на гляделки-посиделки с хрюшкой?

Вновь раздается металлический щелчок, и реклама уступает место собственно свинье. На самом деле это не Мод, а ее дочь Мейбл, но внешне она копия своей матери – для всех, кроме Армстронга, разумеется. А девушку, сидящую напротив свиньи, тотчас узнают все зрители.

– Это же Руби!

На картинке Руби держит шиллинг, а чья-то рука в темном рукаве тянется, чтобы его взять. При этом девушка смотрит прямо в глаза свинье.

Внезапно тишину нарушает громкий голос – и это голос самой Руби:

– Предскажи мою судьбу, Стелла. За кого я выйду замуж? Где я встречу своего суженого?

Зрители дружно ахают и поворачивают головы в ту сторону, откуда прозвучал голос, но в темноте не могут ничего увидеть, а тем временем с другого конца зала доносится голос одной из Марготок, которая озвучивает ответ свиньи:

– В полночь зимнего солнцестояния отправляйся к Сент-Джонскому шлюзу и поглядись в воду. Там ты увидишь лицо того, кто станет твоим мужем.

Щелчок. Циферблат часов среди тьмы. Стрелки показывают полночь!

Щелчок. Сент-Джонский шлюз, хорошо знакомый всем. Руби уже здесь. Опустившись на колени, она всматривается в воду.

– Чтоб мне лопнуть на этом самом месте... – начинает кто-то, но на него шикают со всех сторон.

Щелчок. Снова Сент-Джонский шлюз. Руби стоит, уперев руки в бока, с досадливой гримасой на лице.

– Ничего! – вновь слышится голос Руби. – Ничего вообще! Это была просто злая шутка!

На сей раз никто не оглядывается в поисках источника звука. Все слишком поглощены историей, которая разворачивается у них перед

глазами, в этом магическом сумраке.

Щелчок. Снова Баскот-Лодж.

Щелчок. Детская комната. Под одеялом можно заметить контуры маленького тела.

Ни одна нога не шаркнет по полу, ни одна рука не шелохнется. «Лебедь» затаил дыхание.

Щелчок. Та же комната, но кровать теперь пуста. Окно распахнуто, за ним – ночное небо.

«Лебедь» вздрагивает.

Щелчок. Вид на дом сбоку. К открытому окну приставлена лестница.

«Лебедь» негодуяще трясет множеством голов.

Щелчок. Два человека, вид сзади. Мужчина обвил рукой плечи женщины. Их головы скорбно склонились друг к другу. Нет сомнений в том, кто они такие. Это мистер и миссис Воган.

Щелчок. Записка, некогда скомканная, но затем тщательно расправленная:

*Мистер Воган,
тысячи фунтов будет достаточно для возвращения вашей
дочери целой и невредимой.*

«Лебедь» взрывается единым гневным возгласом.

– Тише! – слышится сразу же.

Щелчок. Сумка на столе, набитая деньгами так, что трещит по швам.

Щелчок. Та же сумка, лежащая на дальнем конце Рэдкотского моста, совсем недалеко от того места, где сейчас находятся зрители.

В зале смятение.

Щелчок. Мистер и миссис Воган сидят в ожидании у камина. Между ними – циферблат, стрелки на котором показывают шесть часов.

Щелчок. Тот же снимок, но стрелки показывают уже восемь часов.

Щелчок. Одиннадцать часов. Голова миссис Воган лежит на плече мужа в позе отчаяния.

Публика частью замирает, частью сочувственно всхлипывает.

Щелчок. Общий вздох! Снова Рэдкотский мост – но деньги исчезли!

Щелчок. Мистер и миссис Воган почти без чувств в объятиях друг друга.

«Лебедь» вскипает от возмущения и гнева. Слышался рыдания, крики ужаса и ярости, а также угрозы в адрес похитителей: кто-то хочет свернуть им шеи, другие рвутся вздернуть их на первом попавшемся суку или

утопить в мешке под мостом.

Щелчок. КТО ПОХИТИЛ МАЛЕНЬКУЮ АМЕЛИЮ?

«Лебедь» замолкает.

Щелчок. Фотография свиньи на ярмарке. Донт использует прутик в качестве указки, в луче света обводя им то, на что публика сначала не обратила внимания. Тень на краю снимка.

Общее «ох!».

Щелчок. Вроде бы та же самая сцена, хотя на самом деле переснятая недавно, с Мейбл в роли Мод. На сей раз кадр обрезан так, что сбоку остался только свиной хвостик, зато в центре видны полы длинного пальто, несколько дюймов брюк под ними и носки ботинок.

Несколько потрясенных возгласов:

– Это не свинья обманула Руби! Это он!

Кто-то встает, указывая на экран, и кричит:

– Так это он и похитил Амелию!

Осознание этого факта мощной волной накрывает «Лебедь», который сотрясается от сотни голосов:

– Я помню этого коротышку!

– Тощий как швабра!

– Его ни с кем не спутаешь!

– То самое пальто – слишком широкое для него.

– И слишком длинное.

– И вечно в этой шляпе.

– Никогда ее не снимает!

Ну вот, они его узнали. Его помнят все. Но никто не может назвать другие приметы этого типа, кроме пальто, шляпы и субтильного телосложения.

– Когда его видели в последний раз?

– Пару лет назад.

– Пару лет? Скорее уж три, если не больше!

– Да, где-то года три.

На том и сходятся. Человек рядом со свиньей опознан как коротышка в пальто слишком большого размера и широкополой шляпе, однако его не видели в этих краях вот уже почти три года.

Донт и Рита переглядываются. Они не пропустили ни слова, однако никто из этих людей не сообщил ничего сверх того, что им самим уже было известно.

Наклонившись, Донт шепчет ей на ухо:

– Похоже, мы зря потратили время.

– Но мы ведь еще не закончили. Пора запускать вторую часть.

Пока в зале бушуют страсти, Донт и Рита удаляются за занавес. Рита дает последние наставления Марготке и ее дочери, а Донт проверяет замаскированные устройства, о назначении коих трудно догадаться по их виду, если только вы не специалист по театральным эффектам и не практикующий медиум.

– Я дам знак, когда буду готов, и вы поднимете занавес, хорошо?

Между тем Лили, сидящая в самом дальнем углу зала, остро переживает увиденное. Раньше она и представить себе не могла что-либо подобное этим громадным и невероятно живым картинам на стене. Когда ей сообщили, что в «Лебеде» будет представлена история в картинках, она сразу подумала об иллюстрированной детской Библии, которую они читали вместе с мамой. Откуда ей было знать, что здесь покажут черно-белую реальность, увеличенную на стене и сплюсненную, как цветы в гербарии. И уж точно она не могла подумать, что эта история коснется ее собственной жизни. Она смотрит на все это, сжимая рукой свое пульсирующее горло, потея и дрожа всем телом; и мыслям не за что зацепиться в ее парализованном ужасом сознании. Для нее этот иллюзион – кошмар наяву.

Звон вилки о стакан заставляет ее подпрыгнуть на табурете. Этот же звон успокаивает расшумевшуюся публику. Люди рассаживаются по местам: представление еще не окончено.

На сей раз вместо щелчка в темноте слышится бархатный шорох сдвигаемого в сторону занавеса. Впрочем, это движение замечают только сидящие ближе к нему. Теперь арка зимнего зала открыта – и вдруг позади нее загорается свет.

Зрители растерянно поворачивают головы от экрана к другой стене.

Наступает звенящая, потрясенная тишина.

В зимнем зале видна фигурка девочки. Но это не обычная девочка. И это не проекция фотоснимка. Волосы девочки слегка развеваются, как и ее белое платье из тонкой ткани, и – что самое поразительное – ее ноги не касаются пола. Фигура смещается и мерцает, то становясь ярче, то на миг исчезая из виду. Черты лица почти неразличимы: намек на линию носа, блеклые глаза, как бы полустертый рот, едва ли способный издавать звуки. Складки платья колышутся так плавно, будто ее окружает не воздух, а призрачные струи воды.

– Дитя, – раздается голос Руби, – ты знаешь, кто я?

Девочка кивает.

– Ты узнаешь во мне Руби, твою бывшую няню, которая тебя любила и о тебе заботилась?

Еще один кивок.

Зрители замирают на своих местах. Частью от ужаса, частью из опасения пропустить что-то важное.

– Это я забрала тебя ночью из постели?

Девочка отрицательно мотает головой.

– Значит, это был кто-то другой?

На сей раз девочка кивает с задержкой, как будто вопрос не сразу достиг ее ушей в далеком потустороннем мире, где она сейчас находится.

– Кто это был? Кто похитил тебя и потом утопил в реке?

– Да, скажи нам! – кричит кто-то из публики. – Назови его имя!

Девочка, размытое, полупрозрачное лицо которой могло бы принадлежать любому ребенку ее возраста, поднимает руку, и ее палец указывает... не на экран, а в зал, на толпу зрителей.

Полный хаос. Растерянные вопли, истошные визги. Люди вскакивают, опрокидывая стулья. В слабом свете, исходящем из зимнего зала, они вертят головами, пытаясь понять, на кого конкретно нацелен этот мерцающий палец, и повсюду видят такие же потрясенные, заплаканные лица, как и у них самих. Кто-то падает в обморок; кто-то рыдает; кто-то стонет.

– Я этого не хотела! – шепчет Лили, неслышимая в общем гвалте.

Вся в слезах, с трясущимися руками, она добирается до выхода, открывает дверь и бежит прочь в панике, словно оптическая иллюзия преследует ее по пятам.

После того как публика разошлась по домам, Марготки и дети Армстронгов занялись наведением порядка в трактире. Призрачная девочка – краснощекая и пышущая здоровьем в своем повседневном качестве младшей внучки Марго – зевала, когда с нее стягивали через голову воздушное белое платье, а потом в одних башмачках начала кругами бродить по залу. Огромное зеркало было упаковано и отнесено на яхту с большой осторожностью и громким натужным кряхтением. Бархатный занавес сняли и сложили в несколько раз. Тюль волнился и вздувался пузырями, когда его запихивали в мешок. Дошла очередь и до газовой лампы. Составные элементы призрачной иллюзии один за другим были упакованы и вынесены наружу, а когда с этим было покончено, люди очутились в прежней, знакомой всем обстановке «Лебеда», понимая, что заодно было покончено и с их надеждами.

Роберт Армстронг сутулился, Марго была непривычно тихой. Донт, перемещавшийся с коробками между трактиром и «Коллодионом», был так

мрачен, что с ним никто не решался заговорить. Рита отправилась наверх проведать Джо, который к тому времени давно уже был в постели. В ответ на его вопросительный взгляд она качнула головой, и Джо движением бровей выразил сочувствие.

Один лишь Джонатан был, как всегда, бодр и весел, не поддаваясь общему упадочному настроению.

– Я *почти* поверил, что это было на самом деле! – твердил он. – Хотя знал про зеркало, и про марлю, и про газовую лампу. Хотя знал про Полли. Я знал и все равно *почти* поверил этому!

Он помогал расставлять по местам стулья, постепенно продвигаясь в дальний конец зала, и вдруг оттуда донесся его громкий возглас:

– Ну и ну! Кто ж тебя тут забыл?

Этот вопрос был обращен к щенку, который жался в углу, под самым последним табуретом.

Роберт Армстронг подошел взглянуть. Потом наклонился и поднял щенка на своей широкой ладони.

– Ты еще слишком мал, чтобы выжить самостоятельно в этом мире, – сказал он щенку, который тыкался носом и ворочался у него на руках в попытке устроиться поудобнее.

– Его принесла женщина, вошедшая самой последней, – сказал Донт и, сверившись со своей памятью, подробно описал ее внешность.

– Это Лили Уайт, – сказала Марго. – Она живет в Лачуге Корзинщика. Я и не заметила ее здесь сегодня.

– Я отнесу этого приятеля к его хозяйке, – сказал Армстронг. – Так будет правильно. Успею обернуться до того, как мои парни тут закончат все дела.

Марго повернулась к своей внучке:

– Ну, маленькая мисс, полагаю, нам нынче хватило призраков? Пора спать!

И малышка покинула дом вместе со своей мамой.

– Всего лишь иллюзия, – промолвил Донт. – И никакого толку.

Он взглянул на Руби, которая сидела на ящике в углу, изо всех сил стараясь не расплакаться.

– Сожалею, – сказал он. – Я надеялся на большее. Но вышло так, что я тебя подвел.

– Вы сделали все, что могли. – Она всхлипнула, все-таки не сдержавшись. – Кто расстроится больше всех, так это Воганы.

О щенках и свиньях

Армстронг сунул щенка за пазуху, в тепло, оставив верхнюю пуговицу пальто расстегнутой, чтобы он мог высунуть нос и дышать свежим воздухом. Щенок уютно свернулся и затих.

– Думаю, мне лучше пойти с вами, – сказала Рита. – Миссис Уайт может переполошиться, увидев чужака в столь поздний час, тем более после такого беспокойного вечера.

В молчании они направились к мосту; каждый по-своему переживал неудачу предприятия, на которое было потрачено столько времени и сил. Они пересекли реку, в этот час полную отраженных звезд, и на другой стороне вскоре дошли до места, где недавний оползень отхватил большой кусок берега. Дальше пришлось двигаться с осторожностью, переступая через узловатые корни и ползучие стебли плюща. Внезапно сквозь шум реки до них донесся голос.

– Она знает, что это была я! Она сердится из-за того, что я ее унесла и потом утопила, – она подняла палец! Она указала на меня! Она знает, что это сделала я!

Невольно подслушав чужой разговор, они замерли в ожидании ответа второго собеседника, так пристально вглядываясь во тьму, словно напряжение глаз могло обострить их слух. Но никакого ответа не последовало. Рита уже шагнула вперед, однако Армстронг задержал ее, положив руку на плечо. Только что до него долетел другой звук. Приглушенное фырканье. Этот звук издавало животное. А именно – свинья.

В нем шевельнулось предчувствие.

Когда свинья отфыркалась, Лили продолжила:

– Она никогда меня не простит. Что же мне делать? Такие ужасные злодеяния не прощаются. Сам Господь прислал ее, чтобы меня покарать. Остается поступить, как тот корзинщик, да вот беда: я жуткая трусиха. И все-таки я должна это сделать, чтобы потом терпеть вечные муки, потому что не заслуживаю жизни в этом мире, ни единого дня больше...

Монолог перешел в сдавленные рыдания.

Армстронг напряг слух, улавливая звуки, которые издавало животное в ответ на слова Лили. Неужели?.. Это невозможно. Однако...

Щенок твякнул спросонок. Так они выдали свое присутствие, и теперь медлить уже не имело смысла. Выйдя из тени прибрежных тополей, они

двинулись вверх по склону.

– Это друзья, миссис Уайт, – подала голос Рита. – Мы только хотим вернуть вам щенка. Вы оставили его в «Лебеде» после вечернего представления с волшебным фонарем. – Теперь можно было уже разглядеть испуганное лицо Лили. – Нет-нет, щенок не пострадал. Мы о нем позаботились.

Рита медленно приближалась, продолжая ее успокаивать, и тут Армстронг внезапно перешел на бег и, миновав Лили, устремился к загону для свиней. Там он упал коленями в грязь, протянул руки сквозь ограду и возопил:

– Мод!

Радуюсь и не веря своим глазам, он всматривался в знакомые черты. Хоть она постарела и похудела, хоть она выглядела усталой и печальной, хоть ее кожа утратила розовый блеск, а ярко-рыжая щетина потускнела, он узнал ее сразу же. И свинья, в свою очередь, не отрывала глаз от Армстронга. Если еще и оставались какие-то сомнения, их развеяла последующая реакция свиньи, которая резво поднялась, потрусилась к нему, пританцовывая от возбуждения, и просунула рыло между жердями, чтобы он мог ее приласкать, почесать за ушами и поскрести щетинистую щеку. Она навалилась на ограду с такой силой, словно хотела ее опрокинуть, чтобы добраться до своего старого, дорогого друга. При этой трогательной встрече глаза Мод влажно заблестели, тогда как Армстронг захлебывался от прилива чувств.

– Что с тобой произошло, моя милая? Какими путями ты очутилась здесь?

Он выгреб из кармана желуди, и когда Мод начала их поедать, аккуратно и бережно прикасаясь пяточком к его ладони, как умеют лишь очень немногие свиньи, сердце его возликовало.

Между тем Лили продолжала тереть кулаками глаза, повторяя:

– Я этого не хотела. Я не знала!

Рита переводила взгляд с Лили на Армстронга, потом на свинью и вновь на Лили. С кого из них начать?

– Лили, о чем вы говорили, когда мы сюда подошли? Что такого вы сделали, сами того не желая?

Но Лили, словно ее не слыша, твердила свое:

– Я не знала! Я этого не знала!

Рите пришлось еще несколько раз повторить свой вопрос, прежде чем он дошел до ее сознания.

– Я уже рассказала об этом свинье, – прохныкала Лили. – Она говорит,

что теперь я должна во всем сознаться пастору.

О сестрах и поросятах

Священник, в халате поверх ночной рубашки, впустил поздних гостей и предложил им сесть. Армстронг занял стул у стены, а Рита опустилась на диван.

– Я ни разу за все время не присаживалась в доме пастора, – сказала Лили. – Но я пришла сюда, чтобы сделать признание, и после того уже я никогда здесь не появлюсь, так что я, пожалуй, сяду.

И она неуверенно пристроилась на диван рядом с Ритой.

– Итак, в чем же вы собираетесь признаться? – спросил священник, при этом глядя на Риту.

– Это моя вина, – произнесла Лили. По пути сюда она непрерывно рыдала, но в доме пастора ее голос звучал отчетливее, без всхлипов. – Я это сделала. Потому она появляется из реки и показывает на меня пальцем. Она знает, что это была я.

– Кто показывает на вас пальцем?

Рита вкратце рассказала пастору об иллюзионе в «Лебеде» и о цели, с какой они все это затеяли, а потом повернулась к Лили:

– Это был просто фокус, Лили. Мы не хотели вас напугать.

– Она часто приходила в Лачугу Корзинщика. Появлялась из реки и показывала на меня пальцем – она была настоящей, я это знаю, потому что с нее стекала вода и потом на полу оставались мокрые пятна. Но я не сознавалась, держала свое преступление в тайне, и тогда она пришла в «Лебедь», чтобы там указать на меня при всех. Она знает, что это сделала я.

– Но что именно вы сделали, Лили? – спросила Рита, садясь перед ней на корточки и беря ее за руки. – Скажите нам.

– Я ее утопила!

– Вы утопили Амелию Воган?

– Она не Амелия Воган! Это Анна!

– Вы утопили свою сестру?

Лили кивнула:

– Я ее утопила! И она не оставит меня в покое, покуда я во всем не сознаюсь.

– Понятно, – сказал священник. – Раз такое дело, признавайтесь.

Сейчас, когда отступить уже было некуда, Лили вдруг успокоилась. Ее слезы высохли, и в голове прояснилось. С растрепанными волосами и широко раскрытыми голубыми глазами на худом лице, она в кои-то веки

выглядела моложе своих лет. И здесь, в гостиной пастора, слабо освещенной свечами, она рассказала свою историю.

– Мне тогда было лет двенадцать. Или тринадцать. Я жила с мамой в Оксфорде, и с нами еще жили мой отчим и мой сводный брат. У меня была младшая сестренка, Анна. На заднем дворе мы держали поросят, откармливая их на продажу, да только отчим плохо за ними ухаживал, и они хворали. Моя сестра была худенькой и болезненной. Мы с мамой ее любили, но отчим был недоволен, когда она родилась. Он хотел второго сына. Для него только сыновья что-то значили. Он никогда не ел вместе со мной или с моей сестрой, брезгуя нашей пищей, и мы его боялись – как и наша мама, – а я старалась есть поменьше и подкармливала сестру из своей доли, потому что она была очень слабой. Но и это ей не помогало. Однажды, когда больная сестра лежала в постели, мама поручила мне за ней присматривать, а сама пошла в аптеку за лекарством. Я готовила ужин и прислушивалась, не кашляет ли сестра. У нее бывали приступы кашля. Отчим сердился, когда мама покупала лекарство, – говорил, что оно слишком дорогое, чтобы тратить его на девочку. Я очень боялась его рассердить, и мама тоже. Ну и вот, она ушла в аптеку, а вскоре на кухню явился отчим с мешком, перевязанным бечевкой. Он сказал, что один из наших поросят умер, и велел мне отнести его на берег и бросить в реку. Ему лень было копать яму, чтобы его похоронить. Я сказала сводному брату, что должна приготовить ужин, и попросила его отнести мертвого поросенка к реке, но он сказал, что его отец вышибет из меня весь дух, если я не буду делать то, что мне велено. Пришлось идти. Мешок был тяжелым. У реки я опустила его на самый краешек обрыва, а потом столкнула в воду. И сразу пошла домой. Смотрю: на нашей улице толпа соседей, все шумят, прямо дым коромыслом. Ко мне подбежала мама.

«Где Анна? – спросила она. – Где твоя сестра?»

«В нашей спальне, – сказала я, а она расплакалась и спросила снова: – Где Анна? Почему ты не была с ней и куда ты уходила?»

Один из соседей видел, как я проносила мимо тяжелый мешок.

«Что было в том мешке?» – спросил он меня.

«Мертвый поросенок», – сказала я.

Но когда они начали спрашивать, где я его взяла и куда несла, у меня язык отнялся от испуга.

Соседские люди побежали к реке. Я хотела остаться с мамой, но она была очень сердита из-за того, что я не уследила за сестрой, и тогда я просто спряталась от всех.

А мой отчим был приметливый. Он знал все укромные закутки, в

которых я обычно пряталась, когда он был в дурном настрое. И он быстро меня отыскал.

«Ты ведь знаешь, что было в том мешке, да?» – спросил он.

«Поросенок», – ответила я, потому что так и думала.

И тогда он объяснил, что я сделала, сама не зная того.

«В том мешке была Анна. Ты утопила свою сестру».

Я тогда же сбежала из дома и никому не рассказывала правду о смерти сестры – до сегодняшнего дня.

Рита договорилась с пастором, что Лили переночует в гостевой комнате его дома. Лили безропотно подчинилась, как маленькая девочка, которой командуют взрослые.

Когда постель в комнате на втором этаже была приготовлена и Лили уже направилась к лестнице, а Рита прощалась со священником, Армстронг прочистил горло и заговорил впервые с момента прихода в этот дом:

– Прежде чем мы уйдем... я все же хотел бы...

Все повернулись к нему.

– Я понимаю, что ночь была долгой и очень утомительной для миссис Уайт, но могу я задать ей один вопрос, прежде чем мы уйдем?

Пастор кивнул.

– Объясните, Лили, каким образом моя свинья попала к вам в Лачугу Корзинщика?

Признавшись в столь ужасном преступлении, Лили уже не видела смысла хранить остальные секреты.

– Ее привел Виктор.

– Виктор?

– Мой сводный брат.

– А как его фамилия?

– Его зовут Виктор Нэш.

Когда прозвучало это имя, Армстронг вздрогнул так сильно, словно рассек себе палец мясницким ножом.

Обратная сторона реки

– Он не может скрываться на заводе, – сказал Воган. – В последние месяцы мои люди разбирают и вывозят оттуда все, что годится на продажу. Там каждый день бывает много рабочих, и если бы кто-то скрывался в заводских корпусах, его бы давно уже заприметили. А в кислотном цехе очень большие окна – если внутри развести огонь, свет будет виден издали. Так что единственное место, достаточно просторное для перегонной установки и пригодное для укрытия, это здание старого склада.

Он ткнул указательным пальцем в точку на карте Сивушного острова.

– А где мы высадимся? – спросил Донт.

– На обычном месте высаживаться нельзя. Если он настороже, как раз за пристанью он будет следить в первую очередь. Но есть подходящее для высадки место на дальнем конце острова. Оно в стороне от завода и других строений. Так мы сможем застать его врасплох.

– Сколько людей у нас будет? – спросил Армстронг.

– Я возьму восьмерых из усадьбы и со своих ферм. Могу собрать и больше, но тогда нам потребуется много лодок, и такая флотилия может вызвать подозрения.

– Я мог бы перевезти всех на «Коллодионе», да только он слишком шумный и заметный. Похоже, небольшая группа на гребных лодках – это самый лучший вариант.

– Восемь человек плюс нас трое... – Они переглянулись и обменялись кивками. Одиннадцать человек. Для облавы на острове достаточно.

– Когда начнем? – спросил Воган.

В самый глухой час ночи от пристани в Баскот-Лодж отчалили несколько гребных лодок. Все соблюдали тишину. Весла беззвучно погружались в темную, как чернила, воду. Легкий скрип уключин или плеск волны о борт заглушался низким равномерным шумом реки. Лодки скользили во тьме и незаметно даже для самих гребцов преодолели расстояние от одного участка суши до другого.

После высадки на дальнем конце Сивушного острова они по крутому откосу доволокли лодки до ближайших ив и спрятали их под развесистыми ветвями. Друг друга они узнавали по силуэтам, а общались только жестами; все было обговорено заранее, и каждый знал свою задачу.

Разбившись на пары-тройки, они разными путями двинулись через

заросли, чтобы выйти к заводу одновременно с нескольких сторон. Из всей группы только Донт и Армстронг никогда ранее не бывали на этом острове. Донт оказался в паре с Воганом, а Армстронг – с Ньюменом, одним из работников Вогана. Раздвигая ветви и спотыкаясь о корни, они продвигались почти вслепую. Но вот растительность поредела, под ногами появились дорожки. Это была уже заводская территория. Далее они шли, прижимаясь к стенам, а через пустоши бежали пригнувшись, по возможности бесшумно.

Донт и Воган первыми вышли к старому складу. Заслоняемый главным корпусом с одной стороны и густыми деревьями – с другой, свет в его окнах был бы невидим с обоих берегов. Двое мужчин в сумраке переглянулись. Донт указал на деревья по другую сторону от входа. Там происходило движение: остальные также заняли свои позиции.

Первым начал действовать Армстронг. Он с разбегу нанес удар ногой по двери, вложившись в него всем своим немалым весом. Дверь продавилась внутрь, частично сорвавшись с петель, и потом ее уже без труда распахнул подоспевший Воган, за которым следовал Донт. Очутившись внутри, они осмотрелись. Повсюду бочки, бочонки, бутылки. Воздух пропитан запахом дрожжей и сладостей. Жаровня с тлеющими углями. Пустое кресло. Донт потрогал подушку. Она была еще теплой.

– Он был здесь и ушел только что.

Воган, не сдержавшись, выругался.

Какой-то звук. Снаружи. Со стороны деревьев.

– Он там! – раздался крик.

Донт, Воган и Армстронг присоединились к погоне. Они продирались сквозь заросли, ориентируясь на шум впереди. Ветки хлестали по лицам, сухие сучья трещали под ногами, люди чертыхались, запинаясь, и вскоре уже было трудно понять, какие звуки исходят от преследуемого, а какие – от самих преследователей.

Они остановились, чтобы прислушаться. Люди Вогана были расстроены неудачей, но сдаваться не собирались. И они начали прочесывать остров по квадратам: ворошили каждый куст, осматривали ветви каждого дерева, обыскивали каждую комнату и каждый коридор в каждом здании. В процессе поиска двое работников Вогана добрались до густых колючих зарослей и начали тыкать в них длинными палками. На другом конце зарослей что-то зашевелилось, затем оттуда, пригнувшись, выскочила темная фигура и с плеском канула в воду.

– Сюда! – закричали они. – Попался!

Подбежали остальные.

– Он где-то в реке! Мы его спугнули, а потом услышали плеск.

Охотники долго всматривались в темноту. Река уныло и тускло мерцала, но никаких признаков добычи им разглядеть не удалось.

В первый миг при погружении в воду он подумал, что холод его быстро прикончит. Но, вынырнув и ощутив себя живым, он воспрянул духом. Оказалось, что река не так уж смертельно опасна. К тому же вынырнул он в удачном месте. Похоже, река была с ним заодно. Длинная, низко нависающая над водой ветка послужила ему отличным прикрытием. Уцепившись за нее и наполовину высунувшись из воды, он попытался обдумать свои дальнейшие действия. О возвращении на остров не могло быть и речи. Значит, нужно было переплыть протоку. Ближе к середине реки его подхватит течение, и если все время загребать в сторону берега, он рано или поздно выберется на сушу. А потом...

Потом он составит новый план.

Он разжал руки, погрузился в воду и поплыл.

С острова донесся крик – его заметили, – так что снова пришлось нырять. Под водой его отвлекло какое-то движение, а затем свет. Мимо проплывали сияющие звезды и тысячи крошечных лун – только не круглых, а вытянутых, напоминая косяк мелкой рыбешки. Он ощущал себя великаном среди миниатюрных фей.

В следующий миг ему пришло в голову, что особых причин для тревоги и спешки нет. «Меня даже дрожь еще не пробрала, – подумал он. – Мне почти тепло».

Однако его руки потяжелели. Он не мог понять, делает он гребки этими руками или нет.

«Когда холодная река перестает казаться холодной, это значит, что твое дело дрянь». Где-то он слышал эту фразу. Когда это было? Очень давно. Было такое ощущение безысходности. В панике он попытался всплыть, молотя руками и ногами, однако те отказывались ему повиноваться.

Теперь он уже разбудил реку и был подхвачен ее течением. Его рот заполнился водой. В голове сияла луна-рыба. Да, понятно, он где-то ошибся. Он рванул к поверхности; руки нащупали длинные плавучие водоросли. Он попробовал, цепляясь за них, подтянуть свое тело вверх, но вместо этого пальцы загребли донный ил и гальку. Барахтаясь и крутясь, он вынырнул – вот она, поверхность! – но ненадолго. Вдохнув, он заглотил больше воды, чем воздуха, а когда попытался позвать на помощь – хотя кто ему когда-либо помогал? разве он не был самым отверженным из всех людей? – вместо собственного крика он ощутил губы реки, прижавшиеся к

его губам, а ее пальцы плотно заткнули его ноздри.

И это продолжалось целую вечность, пока...

Пока, уже не в силах сопротивляться, он не почувствовал, как его что-то хватает и вытаскивает из воды – с такой легкостью, словно он весил не более ивового листика, – а затем укладывает на плоское дно лодки.

Молчун? Конечно, он знал легенду о паромщике, который перевозит тех, чье время истекло, на обратную сторону реки, а остальных возвращает живыми на берег. Он никогда не верил этим сказкам, однако ж вот, пожалуйста...

Высокая худая фигура подняла шест к небесам, потом ослабила хватку, так что шест, скользнув между ладоней, вонзился в речное дно, и плавный, но невероятно мощный толчок послал плоскодонку вперед по темной воде. Виктор ощутил это ускорение, и на лице его появилась улыбка. Спасен...

Половина людей осталась на острове, рассредоточившись так, чтобы заметить его при попытке выбраться на берег. Остальные вернулись к лодкам и продолжили поиски на реке.

– Вода чертовски холодная, – пробормотал Донт.

Армстронг опустил руку за борт и тут же ее выдернул.

– Мы ищем живого человека или труп? – спросил он.

– Долго ему не протянуть, – мрачно заметил Воган.

Они проплыли вокруг острова один раз, второй, третий.

– Загнулся гаденыш, – сказал кто-то из людей Вогана.

Остальные согласно кивнули.

На этом охота закончилась.

Лодки двинулись в обратный путь к пристани Баскот-Лоджа.

Пастор написал священнику прихода, в котором ранее жила Лили со своей матерью и отчимом, и вскоре получил ответ. Как выяснилось, один из членов общины хорошо помнил те события тридцатилетней давности. Исчезновение Анны наделало тогда много шума. Прошел слух, что девочку утопила из ревности ее старшая сестра. Соседи поспешили к реке, но сразу найти мешок с телом не смогли. А пока ее мать вместе с остальными занималась поисками, старшая девочка сбежала из дома.

Но спустя еще пару часов Анна была найдена живой, причем довольно далеко от дома – дальше, чем она смогла бы уйти без посторонней помощи. У нее был сильнейший жар. Никакие лекарства не могли помочь в этом случае, и несколькими днями позже она скончалась.

Мешок также был найден. В нем оказался мертвый поросенок.

А вот Лили найти не удалось. Ее мать никогда уже не оправилась от этого удара и умерла через несколько лет. Ее отчим кончил свои дни на виселице за преступления, не связанные с этой историей. Что до ее сводного брата, то он с юных лет пошел по кривой дорожке: подвизался то здесь, то там, нигде подолгу не задерживаясь, а в последние годы о нем не было никаких вестей.

– Вы ни в чем не виноваты, – попытался успокоить ее пастор.

Рита обняла ее за плечи.

– Ваш сводный брат обманывал вас просто потому, что он по натуре человек подлый и завистливый. Он знал, что вы невиновны, но все это время заставлял вас мучиться раскаянием. Вы не бросали в реку свою сестру.

– Но тогда чего хотела Анна, когда она приходила ко мне из реки?

– Это была не Анна, – сказал пастор. – Анна давно мертва. Она покоится с миром и не держит на вас зла.

– В Лачуге Корзинщика вам привиделись кошмары, – добавила Рита, – а в «Лебеде» вчера была просто иллюзия. Дым и зеркала.

– Ваш сводный брат умер – утонул в реке – и больше не сможет вас запугивать, – говорил пастор. – Вы можете свободно распоряжаться своими деньгами, можете покинуть лачугу и переселиться сюда, в этот дом.

Однако Лили знала о реках больше, чем эти люди; она знала, что с утопленниками все далеко не так просто, как думает большинство. Утонувший Виктор пугал ее ничуть не меньше, чем живой, – по сути, мертвым он был даже еще страшнее. Она знала, что Вик будет злиться на нее за то, что она его выдала; и потому не стоит еще сильнее раздражать его, покидая место, в котором он всегда сможет ее отыскать. Достаточно было вспомнить, что случилось с мистером Уайтом, к которому она сбежала. Его нашли забитым до смерти, а побои, которые тогда же нанес ей Виктор... удивительно, как она вообще смогла выжить после такого? Нет, злить Виктора она не осмеливалась.

– Лучше я останусь в лачуге, – сказала она.

Священник пытался ее переубедить, и Рита пыталась ее переубедить, но, при всей ее кротости, Лили упрямо стояла на своем.

Когда Армстронг приехал забирать Мод из Лачуги Корзинщика, выяснилось, что она скоро должна опороситься.

И он предпочел не перевозить ее в таком состоянии, удостоверившись, что ей обеспечен хороший уход.

– Не могли бы вы позаботиться о ней, пока не родятся поросята,

миссис Уайт?

– Я-то не возражаю, а вот как насчет самой Мод? Она не прочь остаться?

Мод была не прочь; на том и порешили.

– А когда приеду забирать ее домой, я оставлю вам взамен одну из ее дочек.

Часть 5

Нож

Куры тревожно кудахтали, кошка уклонилась от попытки ее погладить и шмыгнула прочь, прижимаясь к стене, а немигающие глаза свиней говорили о том, что здесь произошло нечто воистину страшное. Армстронг нахмурился. Что бы это значило? Он отлучился всего-то на пару часов: осматривал предлагаемый на продажу скот.

Из дома выбежала средняя дочь и так крепко обхватила его руками, что последние сомнения исчезли – дело было плохо. Она так задышалась, что не смогла произнести ни слова.

– Робин? – спросил он.

Она кивнула.

– Где твоя мама?

Она указала в сторону кухни.

Там царил беспорядок. Забытый суп булькал в кастрюле; раскатанное тесто для пирога так и осталось лежать на доске. Бесс стояла перед креслом-качалкой, схватившись за подлокотники – в защитной позе, с ожесточенным лицом. А в кресле сидела их старшая дочь, Сьюзен, съезжившаяся и бледная. Ее руки были как-то неловко скрещены на груди, ладони прижаты к шее. Трое младших детей стояли вокруг своей сестры, теребя ее юбку.

Когда он вошел, Бесс с облегчением разжала руки, выразительным взглядом и жестом предупредив мужа о молчании.

– Вот, – обратилась она к малышам, – отнесите это свиньям.

Смахнув картофельные очистки со стола в большую миску, она протянула ее самому старшему из троицы; дети напоследок утешающе погладили колени сестры и отправились выполнять задание.

– Что ему было нужно? – спросил Армстронг, как только закрылась дверь.

– Как обычно.

– Сколько на сей раз?

Она назвала сумму, и на лице Роберта появились жесткие складки. Это намного превосходило прежние запросы Робина.

– В какую аферу он впутался, если просит столько денег?

Она устало махнула рукой:

– Ты же его знаешь. Одна ложь за другой. Якобы очень выгодное вложение, такое бывает раз в жизни, деньги надо внести до конца недели...

Меня этой болтовней не обманешь, и ему это известно. Все его льстивые подходы и хитрости давным-давно на меня не действуют. – Она сдвинула брови. – А сегодняшний Робин не убедил бы никого – и уж точно не меня. Он был в страшной спешке, бормотал скороговоркой. Не мог усидеть на месте – так ему хотелось поскорее заполучить эти деньги и исчезнуть отсюда. Нервничал, то и дело подходил к окну. Хотел послать к воротам своего брата, чтобы тот предупредил его, если кто-нибудь покажется, но я ему этого не позволила. А потом отбросил уловки и сорвался на крик: «Просто дай мне денег! Без пустой болтовни! Деньги – или мне конец!» Стучал кулаками по столу, кричал, что это мы во всем виноваты и что, если бы мы не вернули девочку Воганам, он не оказался бы загнанным в угол. И голос дрожал совсем непритворно. Он и впрямь очень сильно чего-то боится. «Что ж тебя до такого довело?» – спросила я, и он сказал, что его кто-то преследует. И этот человек не остановится ни перед чем, чтобы добиться своего.

– Он говорил, что его жизнь в опасности, – раздался голос Сьюзен из кресла-качалки. – Кричал: «Если не будет денег, я мертвец!»

Армстронг потер лоб.

– Сьюзен, этот разговор не для твоих ушей. Иди в гостиную и побудь там, пока мы беседуем с твоей мамой.

Его дочь выразительно посмотрела на Бесс:

– Скажи ему, мама.

– Я ничего ему не дала. И тогда он совсем взбеленился.

– Он сказал, что мама всегда была против него. Он назвал ее ненормальной. Он говорил гадкие вещи о том, что было с ней до замужества...

– Сьюзен была в соседней комнате и все слышала. И она пришла сюда.

– Я только хотела сказать, чтобы он не обижал маму. Я только хотела...

Глаза его дочери наполнились слезами. Бесс положила руку на ее плечо.

– Все случилось так быстро! Вдруг у него в руке появился твой нож – тот, что ты держишь за дверью. Потом он схватил Сьюзен...

Армстронг окаменел. За дверью висел его мясницкий нож, который он всегда затачивал до бритвенной остроты перед тем, как убрать в ножны. Уже догадываясь, что произошло, он по-новому увидел ее скрюченную позу и бледное лицо.

– Мне надо было сразу же вырваться, – сказала Сьюзен. – И я, наверно, смогла бы, но он...

Роберт быстро пересек комнату, взял прижатую к шее руку дочери и

отвел ее в сторону. В руке обнаружилась окровавленная тряпица, а на шее – ярко-красная полоса. Лезвие вошло достаточно глубоко, чтобы рассечь кожу; еще чуть-чуть, и оно бы задело одну из важнейших артерий. На несколько секунд у него прервалось дыхание.

– Мама громко закричала, и прибежали мальчики. Увидев их, Робин растерялся – ведь они ростом почти с него, и сил у них немало. К тому же их было двое. Он ослабил хватку, и я смогла вырваться...

– Где он сейчас?

– Пошел к старому дубу ниже по течению, напротив Сивушного острова. Сказал, что будет ждать тебя там. И что ты должен принести деньги, иначе ему конец. Так он велел передать.

Армстронг прошел из кухни вглубь дома. Они услышали, как открылась и потом захлопнулась дверь его кабинета. Он провел там всего несколько секунд и вернулся, застегивая на ходу пальто.

– Не надо, не ходи туда, папа!

Он положил руку на голову дочери, поцеловал жену в висок и, не сказав ни слова, вышел наружу. Но, едва закрыв дверь, тут же распахнул ее снова и потянулся туда, где обычно висел его мясницкий нож. Ножны были на месте – пустые.

– Нож он забрал с собой, – сказала Бесс.

Ее слова наткнулись на уже закрывающуюся дверь.

Короткие бурные ливни первой половины дня сменились ровным и плотным дождем. Каждая капля при падении на воду, на поле или на крышу, на листья деревьев или на человека издавала отдельный звук, но его невозможно было отделить от остальных; и все вместе эти звуки создавали равномерный шум, который обволакивал Армстронга и Флит, изолируя их от окружающего мира.

– Я тебя понимаю, – обратился всадник к лошади, похлопав ее по холке. – Я и сам предпочел бы остаться в тепле под крышей. Но ничего не поделаешь.

Тропа была неровной и каменистой, и Флит двигалась шагом, аккуратно обходя выбоины и переступая через препятствия. Время от времени она поднимала голову, шумно втягивала ноздрями воздух и прядала ушами.

Армстронг был погружен в свои мысли.

– Для чего ему понадобилось столько денег? – гадал он вслух. – И почему именно сейчас?

Во впадинах тропа была подтоплена, и лошадь шлепала по воде.

– Свою сестру! Родную сестру! – воскликнул Армстронг, и Флит ответила ему сочувственным ржанием. – Порой мне думается, что с этим уже ничего не поделаешь. Ребенок – это не пустой сосуд, в который родители могут поместить все, что считают нужным. Дети рождаются с собственными сердцами и душами, и полностью переделать это уже не получится, какой только любовью и заботой их ни окружай.

Они продолжали путь в сгущающейся тьме.

– Что еще я мог сделать? Что я упустил?

Флит встряхнула головой, и с поводьев веером разлетелись брызги.

– Мы любили его. Очень любили, не так ли? Я повсюду брал его с собой и показывал ему этот мир. Я учил его всему, что знал сам... Учил отличать добро от зла. Он все это узнал от меня, Флит. И он уж точно не сможет отговориться незнанием.

Флит не среагировала на этот монолог, и Армстронг вздохнул:

– Он тебе никогда не нравился, верно? Я старался этого не замечать. То, как ты закладывала назад уши и пятилась, когда он к тебе приближался. Я не хотел думать о нем плохо. Я и сейчас этого не хочу, но даже любящий отец не может вечно закрывать глаза на пакости сына.

Армстронг смахнул с глаз капли.

– Всего лишь дождь, – сказал он себе, хотя спазмы в горле намекали на другое. – А теперь история с этой девочкой. Хотел бы я понять, что все это значит, Флит. Что за игру он затеял? Ни один настоящий отец не стал бы так тянуть с признанием ребенка. Да и как можно не опознать родное дитя? Нет, он с самого начала знал, что она не его дочь. Тогда к чему все это? Как думаешь, он скажет мне правду? Как я могу что-либо исправить, если не знаю, что именно я должен исправлять? Он связывает меня по рукам и ногам, а потом жалуется, что я ему недостаточно помогаю.

Его карман оттягивал увесистый кошелек – он взял все деньги из сейфа в кабинете.

Внезапно Флит остановилась. Она перебирала ногами, фыркала и всхрапывала, но не продвигалась вперед.

Армстронг огляделся, ища этому объяснение. Но увидел только темноту. Дождь вымывал все запахи и приглушал все звуки. Человеческие органы чувств были тут бессильны.

Он наклонился к голове лошади:

– В чем дело, Флит?

Она взбрыкнула, и на сей раз Армстронг услышал плеск под ее ногами. Он спешил – и вода перелилась через верх его ботинок.

– Это наводнение. Началось.

Все начинается и завершается в «Лебеде»

Дожди лили почти непрерывно уже много недель подряд. Работы было невпроворот: все понимали, что нужно готовиться к паводку, а заодно и к нашествию речных цыган. Ибо близилось время их ежегодного сплава по реке и паводок не был для них серьезной помехой. Более того, он был им даже на руку, позволяя подбираться на лодках непосредственно к чужой собственности: коттеджам, флигелям, сараям и конюшням. Посему надлежало переместить все ценные вещи в жилые помещения и держать свои двери на запоре. Под угрозой было буквально все, на что могли положить глаз эти бродяги, вплоть до цветочных горшков на подоконниках; а нерадивый садовод, оставляя мотыгу или грабли на заднем крыльце, мог уже заранее с ними распрощаться. Ко всему прочему близилась ночь зимнего солнцестояния – то есть годовщина с той поры, как здесь объявилась загадочная девочка. Для Воганов сейчас важнее всего было состояние Хелены, которая с приближением срока родов утратила былую живость и подвижность. Впрочем, работники сделали максимум возможного для защиты дома от наводнения. Все проверив и поблагодарив их за труды, Воган поспешил к своей жене.

– Я так устала, – промолвила она, – но не снимай пока свой плащ. Прогуляйся с нами по саду. Мы хотим посмотреть на реку.

– Вода поднялась по склону уже на двадцать ярдов. Для ребенка это небезопасно, тем более в темноте.

– С тех пор как я ей сказала, что река может прийти в наш сад, она как на иголках. Очень хочет увидеть это своими глазами.

– Ну ладно, раз так. А где она сейчас?

– Я задремала на диване, а она, должно быть, ушла на кухню.

Однако на кухне девочки не оказалось.

– Я думала, она с вами, – сказала кухарка.

Воган и его жена обменялись тревожными взглядами.

– Скорее всего, она решила без нас взглянуть на реку – там мы ее и найдем.

Хелена пыталась говорить спокойно, однако дрогнувший голос выдал ее неуверенность.

– Лучше оставайся здесь, в одиночку я справлюсь быстрее, – сказал Воган и выбежал из комнаты, однако Хелена не послушалась и последовала за ним.

Двигалась она медленно. Лужайки раскисли, а гравийные садовые дорожки были за последние недели размыты ливнями. Ее макинтош теперь уже не застегивался на животе, и холодный дождь быстро промочил платье. «Похоже, я не рассчитала свои силы», – подумала Хелена. Тем не менее, сделав лишь краткую передышку, она продолжила путь. В ее воображении уже рисовалась картина: девочка стоит у самой кромки воды и заворуженно наблюдает за разливом реки.

Дойдя до просвета между живыми изгородями, открывавшего вид на реку, она разглядела впереди своего мужа и остановилась. Воган тряс головой и бурно жестикулировал, что-то приказывая садовнику и двум другим слугам, которые кивнули с очень серьезным видом и бегом бросились выполнять его распоряжения.

По всему телу Хелены разлился жар; гулко застучало сердце. И она побежала – неуклюже, вперевалочку, – на ходу выкрикивая имя своего мужа. Воган повернулся и увидел ее широко раскрытые глаза в тот момент, когда она оступилась на скользкой тропе. Он вовремя успел ее подхватить, предотвратив падение, но Хелена при этом громко вскрикнула.

– Все в порядке, я послал людей на поиски. Очень скоро мы ее найдем.

Она ответила кивком, еще не в силах говорить. Ее лицо побелело.

– Что такое? Подвернула ногу?

Она качнула головой:

– Нет. Это ребенок.

Энтони окинул взглядом сад, мысленно ругая себя за то, что отослал всех слуг на поиски девочки. Затем прикинул расстояние до дома, учел скользкие дорожки и темноту, сопоставляя все это с болью в глазах жены. Сможет ли он дойти, ни разу не оступившись? Другого варианта не было. Он поднял ее отяжелевшее тело на руки и сделал первый шаг.

– Эй! – услышал он в ту же секунду. – Эй, на берегу!

Преодолевая быстрое течение, к пристани подходил «Коллодион».

После того как они подняли Хелену на борт и отчалили, Донт сказал:

– Рита сейчас в «Лебеде». Сначала я отвезу туда Хелену, а потом мы сможем вернуться сюда на «Коллодионе» и помочь в поисках девочки.

– Дом Риты затопило?

– Да, но дело не только в этом... Джо совсем плох.

Клиентов в «Лебеде» тем вечером было раз-два и обчелся. Спору нет, зимнее солнцестояние завсегда таям пропускать негоже, но паводок внес свои коррективы: все крепкие молодые руки были при деле в других местах – забивали досками окна и двери, поднимали мебель на верхние

этажи, загоняли скот на пригорки... Посему трактирная публика этим вечером состояла лишь из людей, непригодных к борьбе со стихией: стариков, слабаков и разгильдяев, успевших напиться вдрызг еще до начала наводнения. Они не рассказывали истории. Джо, великий сказитель, был при смерти.

Он лежал в комнатухе, настолько удаленной от реки, насколько это было возможно в пределах «Лебеда», и медленно погружался в забытие. В перерывах между судорожными вздохами он что-то бормотал. Его губы беспрестанно шевелились, но издаваемые звуки скорее походили на попытку разговаривать под водой – никто из окружающих не мог его понять. Он гримасничал, брови выразительно двигались. История, которую он рассказывал таким образом, наверняка была очень волнующей, но слышать рассказ мог только он сам.

Марготки сновали между смертным одром отца и зимним залом. В кои-то веки с их лиц исчезли беспечные улыбки, уступив место скорби, – под стать выражению лица их матери, которая сидела рядом с кроватью Джо и держала его за руки.

Был момент, когда Джо, казалось, ненадолго очнулся. Он приоткрыл глаза и произнес несколько относительно внятных слогов, прежде чем забыться вновь.

– Что он сказал? – восторженно спросил Джонатан.

– Он призвал Молчуна, – тихо ответила Марго, и ее дочери согласно кивнули. Они тоже это расслышали.

– Так мне пойти его поискать?

– Нет, Джонатан, в этом нет нужды, – сказала его мать. – Он и так услышал зов и уже на подходе.

Весь этот обмен фразами слышала Рита, которая стояла у окна и смотрела на бескрайнее озеро, которое чистым листом простиралось во все стороны от «Лебеда», начинаясь от самых его стен и превращая трактир в островок, отрезанный от остального мира.

Она увидела подплывающий «Коллодион». Увидела, как перед мелководьем с яхты спустили маленькую гребную лодку, в которую Донт высадил Хелену – ее можно было узнать по темному силуэту, – а потом сел сам и начал грести в сторону «Лебеда». Уже по тому, как бережно он обращался с Хеленой, Рита догадалась о причине ее появления здесь.

– Марго, сейчас прибудет миссис Воган. Похоже, подоспело ее время.

– Тогда ей повезло, что нас тут много. Если что, мои дочери смогут помочь.

Пока Марготки суетились вокруг Хелены, Донт улучил момент и отвел

Риту в сторону.

– Девочка исчезла.

– Только не это! – Что-то болезненно сжалось у нее внутри; рука инстинктивно легла на подвздошье.

– Рита, как вы себя чувствуете?

Она кое-как совладала с собой. В соседней комнате умирал старик. А здесь вот-вот должен был родиться ребенок.

– Когда это случилось? Где ее видели последний раз?

Донт сообщил ей то немногое, что знал сам.

Одна из Марготок позвала Риту, спрашивая, что им делать.

А у Риты не осталось ни кровинки в лице. К этой бледности добавилась такая гримаса ужаса, что у Донта в кои-то веки не возникло желания зафиксировать ее черты на фотоснимке.

– Я должна помочь Джо и Хелене. А вы, Донт... – Он уже сделал шаг к выходу, но теперь повернулся, чтобы услышать ее последние слова, произнесенные яростным полусшепотом. – Найдите ее!

Последующие часы казались то слишком длинными, то очень короткими. Вода невозмутимо и бесстрастно покрывала все пространство вокруг трактира, а внутри его хлопотали женщины, одновременно принимая участие в двух человеческих жизнях, одна из которых подходила к концу, а другая должна была вот-вот начаться. По одну сторону стены Хелена готовилась принести в этот мир нового человека, а по другую сторону Джо готовился из этого мира уйти. Марготки позаботились обо всем, что могло понадобиться им обоим. Они приготовили теплую воду и чистые простыни, натаскали дров и развели огонь в очагах, зажгли свечи, наполнили тарелки едой, которую никто не хотел есть, однако же все ели, понимая, что подкрепиться необходимо. Сами Марготки не переставали плакать, при этом успокаивая, утешая и поддерживая других.

Рита перемещалась туда-сюда между двумя соседними комнатами и делала все, что полагается делать в таких случаях. И здесь же по коридору бродил Джонатан, не находя себе места от волнения.

– Ее уже нашли? Где она? – спрашивал он всякий раз, когда Рита появлялась из комнаты.

– Мы ничего не узнаем, пока они не вернутся, – всякий раз говорила она, открывая соседнюю дверь.

Они уже потеряли счет времени. В комнате Джо минуты тянулись, как часы, пока Рита не услышала слова Марго:

– Молчун уже на подходе. Прощай, любовь моя.

Рите вдруг вспомнились слова одного из местных доморощенных

экспертов: «Ежели взглядеться мертвяку в глаза, мигом поймешь, натурально он окочурился или нет. У живых особые, зрячие глаза». И сейчас она увидела, как эта «зрячесть» покидает глаза Джо.

– Не помолишься за нас, Рита? – попросила Марго.

Рита прочла отходную молитву, и с последними ее словами Марго отпустила руку Джо. Потом сложила его руки на груди и, сидя рядом, позволила двум слезинкам скатиться из глаз – по одной из каждого.

– Не обращай на меня внимания, – сказала она Рите. – Делай свое дело.

А по другую сторону стены часы пролетали, как минуты, и наконец схватки завершились появлением на свет младенца. Он выскользнул из материнского чрева прямо в руки Рите.

– Ах! – шепотом воскликнули потрясенные Марготки. – Что это?!

Рита удивленно заморгала:

– Я о таком слышала, но своими глазами вижу впервые. Обычно эта оболочка разрывается – тогда и отходят воды. Но сейчас этого не произошло.

Хороший, здоровый с виду ребенок был заключен в подводном мире. Крепко закрыв глаза, плавно шевеля конечностями, сжимая и разжимая кулачки, он сонно плавал внутри прозрачного, наполненного жидкостью пузыря.

Рита дотронулась острием ножа до бледно-желтой оболочки, и та разом лопнула.

Хлынули воды.

Новорожденный мальчик открыл глаза и разинул рот, изумляясь воздуху и миру, в который он приплыл.

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

Копыта Флит расплескивали воду. Тускло-серая гладь расстилалась вокруг, тревожимая только их движением. Армстронг думал о мелких зверушках, всяких полевых мышах и ласках, надеясь, что им удалось найти спасение на возвышенностях. Он думал о птицах, ночных охотниках, лишившихся привычных угодий. Он думал о рыбах, которые потеряли речное русло и очутились среди травы на глубине всего нескольких дюймов, в компании Армстронга и его лошади. Он надеялся, что Флит не наступит на какую-нибудь живую тварь, заблудившуюся на местности, которая сейчас не принадлежала в полной мере ни воде, ни суше. Он надеялся, что с ними все будет хорошо.

Но вот они достигли старого дуба, росшего на берегу напротив Сивушного острова.

Сквозь шум дождя Армстронг услышал новый звук. Когда он повернул голову в ту сторону, от ствола дерева отделился темный силуэт.

– Робин!

– Почему так долго?

Армстронг спешил и разглядел в полумраке своего сына, который зябко поводит плечами и дрожал от холода в своем тонком пиджаке. Первую фразу он произнес резко, с этакой мужской бравадой, но дребезжащие нотки в голосе свели на нет весь эффект.

Армстронг на миг инстинктивно почувствовал сострадание, но ему тотчас вспомнилась кровавая полоска на шее дочери.

– Напасть на свою родную сестру, – произнес он сурово, покачивая головой. – Уму непостижимо...

– Это мамина вина, – сказал Робин. – Если бы она сделала, как я просил, этого бы не случилось.

– Ты обвиняешь свою мать?

– Я обвиняю ее во многих вещах, включая и эту.

– И ты еще смеешь перекаладывать свою вину на нее? Твоя мать – лучшая женщина на свете. Чья рука приставила нож к горлу Сьюзен? Чья рука держит этот же самый нож сейчас?

Молчание. А затем:

– Ты принес деньги?

– О деньгах поговорим позже. Сначала надо обсудить другие вещи.

– У меня на это нет времени. Дай мне деньги, и я уйду. Нельзя терять

ни минуты.

– Что за спешка, Робин? Кто за тобой гонится? Что ты наделал?

– Долги.

– Так возмись за дело и заработай деньги, чтобы рассчитаться с долгами. Возвращайся на ферму и трудись вместе со своими братьями.

– Трудиться на ферме? Это ты можешь вставать в пять утра каждый день и кормить свиней в темноте и холоде. А я создан для другой жизни.

– Тебе придется заключить соглашение со своим кредитором. Я не могу выплатить всю сумму сразу. Это слишком много для меня.

– С ним джентльменских соглашений не заключишь. Это не какой-нибудь банкир, готовый пересмотреть условия. – Он издал невнятный звук: то ли усмехнулся, то ли всхлипнул. – Дай мне деньги – или отправь меня на виселицу... Тсс!

Оба наострили слух. Ничего.

– Деньги, скорее! Если я не уберусь отсюда этой ночью, то...

– И куда ты отправишься?

– Да хоть куда. Главное, подальше. Туда, где меня никто не знает.

– И оставишь столько вопросов без ответа?

– На это у меня нет времени!

– Расскажи мне правду о твоей жене, Робин. Расскажи правду об Алисе.

– Разве это сейчас имеет значение? Они мертвы! Они трупы. Их нет.

– И ни слова сожаления? Или раскаяния?

– Я рассчитывал на солидное приданое! Она говорила, что ее родители немного поворчат, а потом простят нас обоих и завалят деньгами. Вместо этого она оказалась камнем на моей шее. И теперь она мертва, а девочку она утопила – что ж, туда обеим и дорога.

– Как у тебя язык повернулся сказать такое?

Тонкий дрожащий силуэт внезапно замер.

– Ты это слышал? – спросил Роберт, понизив голос.

– Ничего не слышу.

Его сын еще несколько мгновений прислушивался, а потом вновь повернулся к Армстронгу:

– Если он еще не здесь, то скоро будет. Дай мне деньги, и разойдемся.

– А что с этой девочкой из «Лебедея»? Той, которую ты долго не объявлял своей, но и не отказывался от нее. А потом устроил целый спектакль на летней ярмарке. Расскажи мне об этом.

– Ну вот, опять ты за свое! Неужели ты до сих пор не понял, что меня интересует лишь одно – то, что сейчас лежит в толстом кошельке на твоём

поясе.

– Значит, она нужна была тебе только ради денег?

– Да, я хотел вытянуть деньги из Воганов. Когда я встретился с ними в «Лебеде» тем вечером, мне с первой же минуты стало ясно, что Воган не считает ее своей дочерью. Она просто не могла ею быть. Я это знал, и он это знал. И я понял, что тут можно неплохо пожить, только сперва надо прикинуть, что к чему. Тогда я хлопнулся в обморок – то есть это они так подумали – и тут же на полу обмозговал это дельце. Они хотели получить девчонку, и у них водились деньжата. А я хотел получить деньги и мог предъявить права на девчонку.

– Точнее, притвориться, будто имеешь на нее какие-то права, а потом продать ее?

– Воган уже был готов раскошелиться, но мама вдруг отослала девчонку обратно, и теперь ему не нужно ничего платить. А я влез в долги – все по ее милости.

– Не смей говорить плохо о своей матери! Она учила тебя правильным вещам. И если бы ты лучше слушал ее в детстве, то мог бы вырасти достойным человеком, а не тем, кто ты есть сейчас.

– Но сама-то она не всегда поступала правильно, разве не так? Она только болтала об этом! Может, я и стал бы более порядочным, будь сама она порядочной женщиной. Так что я возлагаю вину на нее.

– Думай что говоришь, Робин!

– Да ты только взгляни на нашу троицу! Она такая белая, а ты такой черный! И взгляни на меня! Я знаю, что ты мне не отец. Я с детства знал, что я не твой сын.

Армстронгу потребовалось несколько секунд, чтобы подобрать слова.

– Я любил тебя, как родного сына.

– Она тебя надула, не так ли? Понесла ребенка от другого мужчины и срочно искала, за кого бы выйти замуж, да только кому нужна хромая и кривая жена. Уж точно не отцу ребенка. И тут подвернулся ты. Чернокожий фермер. И она тебя околпачила, верно? Представляю, сколько было шуму! Белая невеста с черным женихом – а через восемь месяцев родился я.

– Ты ошибаешься.

– Ты не мой отец! Я всегда это знал. И я знаю, кто мой настоящий отец.

Армстронг вздрогнул:

– Ты это знаешь?

– Помнишь случай, когда я взломал ящик бюро и украл деньги?

– Очень хотел бы это забыть.

– Тогда я и увидел то самое письмо.

Армстронг был озадачен, но через миг понял, о чем речь.

– Письмо от лорда Эмсбери?

– Письмо от моего отца. Там было написано о деньгах, которые он передавал своему внебрачному сыну. О тех деньгах, которые вы с мамой у меня забрали и которые я вернул себе только путем кражи.

– *Твой* отец?!

– Именно так. Я знаю, что мой отец – лорд Эмсбери. Я знал это с восьмилетнего возраста.

Армстронг покачал головой:

– Он не твой отец.

– Я прочел письмо.

Армстронг вновь покачал головой:

– Он не твой отец.

– У меня *есть* это письмо!

Армстронг покачал головой третий раз и открыл рот, чтобы повторить свою фразу. И эти слова – «*Он не твой отец!*» – прозвучали в насыщенном влагой воздухе, только произнес их не он, а другой, посторонний голос.

В этом голосе Роберт Армстронг уловил что-то смутно знакомое.

Лицо Робина перекопилось.

– Он здесь! – простонал он в отчаянии.

Армстронг огляделся, но было уже слишком темно. За каждым стволом или кустом мог скрываться человек, а в тумане над водой, казалось, витали целые сонмы призраков. Но потом, напрягая зрение, он сумел различить невысокую фигуру, как будто состоявшую отчасти из воды, отчасти из ночной тьмы. Эта фигура брела в их сторону; широкое и длинное одеяние задевало поверхность воды, а низко надвинутая шляпа скрывала лицо.

Шаг за шагом, плеск за плеском, фигура подступала к Робину.

Молодой человек попятился. Его испуганный взгляд был прикован к подступающей фигуре, в то время как ноги готовились пуститься в бегство.

Когда мужчина – ибо это был мужчина – остановился в пяти футах от Робина, лунный свет неожиданно упал на его лицо.

– Я твой отец.

Робин мотнул головой.

– Ты ведь знаешь меня, сынок?

– Я тебя знаю, – дрогнувшим голосом подтвердил Робин. – Я знаю тебя как худородного мерзавца, который промышляет грабежами и разбоем. Я знаю тебя как мошенника, вора, лжеца и... и еще кое-что похуже этого.

Лицо человека сморщилось в горделивой улыбке.

– Он меня знает! – обратился он к Армстронгу. – И ты, как я вижу, тоже меня узнал.

– Виктор Нэш, – произнес Армстронг тяжелым голосом. – Я надеялся больше с тобой не встретиться после того, как вышвырнул тебя со своей фермы. Но от тебя, похоже, отделаться непросто. Жаль, что ты не утонул у Сивушного острова.

Виктор насмешливо поклонился:

– Утонул? Мое время еще не пришло. Я вас всех переживу и в конечном счете урву свое. Должен поблагодарить тебя, Армстронг, за то, что вырастил моего сына и дал ему образование. Говорит-то как складно – сразу видать, что ученый. Иной раз такое завернет, что я его еле понимаю, особенно если подбавит латыни да греческого или еще каких длинных мудреных словечек. И пишет так красиво! Одно загляденье смотреть, как бойко парень управляет с пером: ты не успеешь договорить фразу, а он уже занес ее чернилами на бумагу и без единой помарочки! С этими изгибами и завитушками его писанина выглядит прямо как картинка, это факт. А его манеры! Никто не сможет его попрекнуть плохими манерами – ни дать ни взять высокородный лорд. Право слово, я горжусь моим сыном. В нем все лучшее от меня – мои хитрость и изворотливость – смешалось со всем лучшим от твоей женушки – ну разве он не красавчик, с такими мягкими кудрями и белой кожей? Но и ты приложил к этому свою руку, Армстронг. Ты обучил его многим полезным вещам.

Робин содрогнулся.

– Это неправда! – сказал он Виктору и затем повернулся к Армстронгу. – Это же не так, верно? Скажи ему! Скажи ему, кто мой отец!

Виктор хихикнул.

– Он говорит правду, – подтвердил Армстронг. – Этот человек – твой отец.

Робин остолбенел:

– Но как же лорд Эмсбери?!

– Лорд Эмсбери! – хохотнул Виктор. – Лорд Эмсбери! Он и впрямь чей-то отец, да, Армстронг? Почему ты ему не скажешь?

– Лорд Эмсбери – это *мой* отец, Робин. Он полюбил мою мать, простую служанку, когда они оба были еще очень юными. Вот о чем шла речь в том письме. Он хотел обеспечить мое финансовое будущее до того, как сойдет в могилу. Упомянутый в письме Роберт Армстронг – это я.

Робин потрясенно уставился на Армстронга:

– Но тогда моя мать...

– Ее лишил невинности самым гнусным и грубым образом вот этот негодяй, а я сделал все от меня зависящее, чтобы ей помочь. И чтобы помочь тебе.

– Ну ладно, хватит уже болтовни. Я пришел сюда, чтобы забрать своего сына. Пришло время передать его мне. Ты провел с ним двадцать три года, но отныне он будет жить со своим настоящим отцом. Правильно я говорю, Роб?

– Жить с тобой?! Ты серьезно думаешь, что я буду жить с тобой? – Робин рассмеялся. – Да ты с ума сошел.

– Хочешь не хочешь, а ты должен, мой мальчик. Семья есть семья. Мы с тобой одной крови, ты и я. С моими хитрыми замыслами и твоим смазливый личиком, с моим опытом и твоими манерами аристократа – только представь, чего мы сможем добиться! Мы ведь с тобой едва начали! Так продолжим в том же духе – и развернемся на славу! Вместе, мой сын, мы сможем творить чудеса! После стольких лет ожиданий настало наше время!

– Мне до тебя нет никакого дела! – огрызнулся Робин. – Оставь меня в покое, говорю тебе! И не смей называть меня своим сыном! А если ты расскажешь об этом хоть одной душе, я... я...

– Что ты тогда сделаешь, мой мальчик? Что?

Робин дышал тяжело и часто.

– Что мне о тебе известно, Робин? Скажи. Что такого я о тебе знаю, чего не знает никто другой?

Робин застыл.

– Если проболтаешься, я утяну тебя за собой!

Виктор медленно кивнул:

– Пусть будет так.

– Ты не станешь подставлять самого себя.

Виктор посмотрел на воду.

– Кто знает, на что способен человек, отвергнутый собственным сыном? Все дело в семье, мой мальчик. Я потерял мать так рано, что совсем ее не помню. Всему, что я знаю, меня научил отец, но его вздернули на виселице еще до того, как я стал взрослым мужчиной. У меня когда-то была сестра – по крайней мере, я называл ее сестрой, – но и она меня предала. Ты – это все, что у меня осталось, мой Робин с мягкими волосами, гладкой речью и благородными манерами... Ты – это весь мой мир, и если я не получу тебя, в чем будет смысл моей жизни? Нет, у нас с тобой одно будущее, Робин, и только от тебя зависит, каким оно станет. Или мы будем совместно обстрипывать делишки, как уже бывало не раз, или же ты от

меня отвернешься, а я тебя сдам, и нас обоих скуют одной цепью, чтобы потом отправить на эшафот, отца и сына вместе – вполне естественный финал.

Робин теперь уже плакал.

– Чем он тебя удерживает? – спросил Армстронг. – Какой заговор связывает тебя с ним?

– Рассказать ему? – спросил Виктор.

– Нет!

– А я вот думаю, что рассказать стоит. Так я закрою тебе путь назад, ведь тогда ты уже не сможешь вернуться на ферму, и я останусь твоей единственной надеждой на помощь. – Он повернулся к Армстронгу. – Когда я узнал, что этот изысканный юноша частенько пьянствует в одном притоне на окраине Оксфорда, я тоже начал там бывать и понемногу свел с ним знакомство. Я посеял в его голове один замысел так ловко, что он посчитал его своим собственным. Он думал, что я следую его задумкам, хотя на самом деле это я намечал его путь. Мы с ним украли твою свинью, Армстронг, – это было наше первое совместное дело! Как же я хохотал про себя той ночью, вспоминая, как двадцать три года назад ты велел мне убираться и не подходить к тебе или твоей Бесс ближе чем на двадцать миль. И вот пожалуйста, я был у тебя во дворе и крал твою любимую свинью, а мой сын помогал мне в этом – открывал ворота и выманивал ее малиной! Потом у нас с ним был небольшой, но прибыльный бизнес. Я знал, как обставить аферу со свиньей-предсказательницей. На ярмарках мы зашибали недурные денежки, и надувательство сходило нам с рук, да только Робин был все время недоволен. Он хотел чего-то большего. Поэтому свинья и ярмарки остались в прошлом, а мы занялись вещами посерьезнее. Не так ли, Роб, сын мой?

Робин вздрогнул.

– Дочь Воганов... – пробормотал Армстронг, осененный ужасной догадкой. – Похищение...

– В самую точку! Робин пустил в ход все свое краснобайство и убедил эту дурочку расстаться с шиллингом. Твоя рыжая свинка уставилась так задумчиво в круглые и глупые глаза девчонки, а Робин из-за шторы сладким свинячьим голоском запудрил ей мозги: отправил высматривать своего суженого в ночной реке. Я все правильно рассказываю, сын мой?

Робин закрыл лицо ладонями, но Армстронг силой развел его руки и заглянул ему в глаза:

– Это правда?

Робин весь сжался, лицо его исказила жуткая гримаса.

– Но это еще не все, не так ли, мой мальчик?

– Не слушай его! – взвыл Робин.

– Да, это было только начало. А кому принадлежала идея, Роб? Кто подкинул тебе мысль насчет девчонки Воганов и того, как все это устроить?

– Это была твоя идея!

– Да, моя, но кого ты возомнил потом ее автором?

Робин опустил голову, пряча лицо.

– Кто похвалялся своим умом и смекалкой? Кто отдавал приказы гребцам в лодке, кто написал записку с требованием выкупа, кто назначил каждому его место в засаде? Кто уже ночью обходил всех с проверкой и последними наставлениями? Как я тобою гордился! Еще сопляк, а уже так уверен в себе и своем злодейском призвании. «Парнишка весь в меня, – думал я тогда. – В его жилах течет моя кровь, его сердце насквозь порочно, как и мое, и Армстронг никак не сможет это из него вытравить. Он мой, душой и телом».

– Отдай ему деньги, – прошептал Робин на ухо Армстронгу, но недостаточно тихо. Над водной поверхностью слова разносились дальше обычного, и они были услышаны Виктором.

– Деньги? Да, мы возьмем деньги, это само собой, не так ли, сынок? Поделим их по-честному. Я отдам тебе половину, Роб, мальчик мой!

Вода поднялась уже до уровня колен, дождь пропитал их шляпы и стекал по шее за воротник, так что вскоре верхняя половина тела промокла так же, как нижняя, словно они целиком окунулись в реку.

– А теперь остальное, Роб, – продолжил Виктор. – Рассказывать – так уж все до конца!

– Не надо... – простонал Робин, но его слабый голос потонул в очередном дождевом шквале, взбаламутившем поверхность воды.

– Итак, дальше... Мы заполучили малышку, верно, Роб? Она была у нас в руках. Вытащили ее через окно, потом вниз по лестнице и – бегом через сад к реке, где нас ждала лодка.

Он повернулся к Армстронгу.

– А он у нас тот еще хитрюга! Думаешь, он сам пошел в сад? Думаешь, это он забирался в дом по лестнице? Ничего подобного! Всю самую опасную работу выполняли другие. А он ждал в лодке. Слишком ценный организатор, видите ли, чтобы рисковать им в опасных ситуациях. Башковитый парень, ничего не скажешь... – Он вновь перевел взгляд на Робина. – Итак, рванули мы обратно через сад. Девчонку перед тем усыпили хлороформом и запихнули в мешок. Я лично ее нес, потому что

хоть я с виду и неказист, но силы у меня немерено. А когда мы добрались до лодки, я перебросил ее, как тюк салата, на руки Робу.

Робин рыдал в голос.

– Я бросил ее прямо в руки моему сыну, ждавшему нас в лодке. И что случилось дальше, Роб?

Робин мотал головой, его плечи тряслись.

– Нет! – вскричал Армстронг.

– Да! – сказал Виктор. – Да! Лодка покачнулась, и он ее уронил. Было слышно, как она хряснулась о борт, а он попытался ее подхватить, но снова не удержал, и она свалилась за борт. Ушла на дно, как мешок с камнями. Роб крикнул гребцам, чтобы те пошарили веслами, и уж не знаю, как нам это удалось, но мы ее все-таки выудили. Сколько времени это заняло, Роб? Минут пять? Или десять?

Робин не ответил. Его лицо белым пятном маячило в темноте.

– Ну вот, значит, затащили мы ее обратно в лодку и отчалили. Вернулись на Сивушный остров. И только уже на берегу раскрыли мешок, а там покойница. Я ничего не путаю, Роб? Казалось, наши усилия пошли насмарку, – продолжил он мрачно. – Это могло стать концом всего. Но Роб, с его светлой головой, нашел-таки выход. «Не важно, живая она или мертвая, – сказал он. – Все равно Воганы этого не узнают, пока деньги не перейдут нам!» И он написал ту записку – я в жизни не видел почерка красивее! – и мы ее отправили. Пусть мы больше не имели на руках товара – в нужной кондиции, по крайней мере, – счет на оплату был выставлен в лучшем виде. «Почему бы и нет? – сказал Роб. – Не зря же мы старались и рисковали!» Так ведь, Роб? Тогда я еще раз убедился, что ты мой родной сын.

Пока он все это рассказывал, Армстронг понемногу пятился вверх по затопленному склону, подальше от потока, бурлившего в ныне уже невидимом русле реки. Робин, однако, стоял на месте, словно не замечая водоворота вокруг своих ног.

– Так мы получили выкуп, а Воган получил обратно свою девчонку, не так ли? Правда, он пустил слух, будто мы ее вернули. А тех денег нам хватило надолго. Роб обзавелся шикарным домом. Я его видел, правда лишь со стороны. Но до чего же я был этим горд! Шутка сказать: мой родной сын владеет настоящим дворцом в центре Оксфорда! Однако ты ни разу не пригласил меня внутрь. Ни разу. И это после всего, через что мы с тобой прошли. От кражи свиньи и ярмарочных фокусов до похищения и детоубийства – разве такое совместное прошлое не должно связывать двух людей крепкими партнерскими узами? Меня это ранило, Роб, и пребольно

ранило. А когда он просадил свои денежки за карточным столом – он ведь заядлый картежник, этот наш сын, ты в курсе, Армстронг? Хотя я его и предупреждал, но он не желал меня слушать, – так вот, когда он вконец промотался, только я поддерживал его на плаву. Каждый добытый мною пенс шел ему в карман. Я вкалывал как каторжный, чтобы сын мог жить в свое удовольствие, и одно это уже дает мне право называть его своим. Теперь, зная, что я твой отец, ты ведь не станешь воротить от меня нос? К тому же, с учетом всех долговых расписок, твой белый дворец ныне принадлежит мне, но нет ничего такого, чем бы я не поделился с тобой, сынок.

Робин поднял на него потемневший, неожиданно спокойный взгляд. Дрожь его прекратилась.

– Вы только посмотрите на него! – произнес Виктор с восхищенным вздохом. – Какая осанка! Как ладно скроен мой парень! Впрочем, нам пора. Гони деньги, Армстронг, и мы сваливаем отсюда. Ты готов, Роб?

Он шагнул к нему, протягивая руку. Робин ответил резким взмахом, что-то со свистом рассекло воздух, и Виктор отшатнулся, едва не упав. Потом поднес руку ближе к лицу и с изумлением уставился на быстро текущую по рукаву темную жидкость.

– Сынок? – произнес он озадаченно.

Робин сделал шаг в его сторону, вновь поднял руку, и теперь Армстронг успел заметить слабый отблеск на лезвии своего мясницкого ножа.

– Нет! – взревел Армстронг, но рука Робина уже стремительно опустилась, и Виктор отпрянул снова.

Но на сей раз его ноги не нащупали надежной опоры. Теряя равновесие, он уцепился за пиджак Робина, а тот продолжал наносить удары ножом – один, второй, третий... Какое-то время они балансировали на самом краю скрытого паводком берегового обрыва, прежде чем упасть в реку – вместе.

– Отец! – уже в падении крикнул Робин и в последний момент перед тем, как его подхватило течение, отчаянно вытянул руку в сторону Армстронга. – Отец, помоги!

– Робин!

Армстронг добрал до того места, где только что стоял его сын. Здесь уже ощущалась сила течения. Он видел, как Робин исчез в глубине, и стал высматривать его следующее появление, а когда наконец заметил взметнувшиеся над водой руки, изумился тому, насколько далеко река успела унести его сына. Он уже был готов кинуться в бурный поток, но

осознал свою беспомощность и остался на месте.

А в следующий миг из-за дождевой завесы показалась плоскодонка. Высокая фигура на корме методично поднимала шест к небесам, а затем вонзала его в речное дно, и длинная узкая посудина неслась с поразительной быстротой и легкостью. Паромщик опустил в воду тонкие голые руки, без видимых усилий извлек оттуда тело в насквозь промокшем долгополом пальто и уложил его на дно плоскодонки.

– Мой сын! – крикнул Армстронг. – Ради бога, где мой сын?

Паромщик вновь склонился над водой и так же легко переместил в лодку второе тело. На мгновение Армстронг увидел лицо Робина, безжизненно застывшее и сейчас такое похожее – как две капли воды похожее – на лицо того, другого.

Он издал пронзительный крик боли – отныне он точно знал, что чувствует человек, когда разрывается его сердце.

Паромщик высоко поднял шест и затем дал ему проскользнуть вниз между ладонями.

– Молчун! – крикнул Армстронг. – Верни его мне! Прошу тебя!

Но паромщик не среагировал на этот призыв, и плоскодонка быстро исчезла за дождевой завесой.

Армстронг не сел в седло, и они с Флит, человек и лошадь, побрели по воде в сторону «Лебедя» – ближайшего места, где можно было найти укрытие. Большую часть пути Армстронг проделал молча, неся тяжкое бремя своего горя. Но временами он обращался к Флит, и та отвечала ему тихим ржанием.

– Кто бы мог подумать? – бормотал он. – Я слышал истории о Молчуне, но никогда им не верил. Неужели человеческое сознание способно порождать такие иллюзии? Ведь в ту минуту мне казалось, что все это происходит на самом деле. А что ты об этом думаешь?

Позднее:

– Сдается мне, за этими историями стоит нечто большее, а не просто чьи-то выдумки.

И много позднее, уже на подходе к трактиру:

– Готов поклясться, что видел там кое-что еще... В той лодке, за спиной паромщика... Я что, схожу с ума? А ты что видела, Флит?

Ответное ржание Флит было каким-то нервным и неуверенным.

– Невозможно! – Армстронг встряхнул головой, прогоняя этот образ. – Воображение сыграло со мной дурную шутку. Чего только не привидится, когда ты в таком отчаянии.

Лили и река

Холод. Очень холодно. Если Лили почувствовала холод, это означало, что она проснулась. Тьма в комнате рассеивалась, близился рассвет и – несомненно – что-то еще. Она подняла веки, и холод жалами впился в глазные яблоки. Что было не так?

Опять он? Явился к ней из реки?

– Виктор?

Ответа не было.

Значит, оставалось одно. У Лили сжалось сердце.

Накануне днем она заметила, что одна из напольных терракотовых плиток на кухне приподнята. Эти плитки всегда были неровными. Лили давно привыкла к тому, что они чуть смещаются, когда по ним ходишь. Но эта плитка выпирала больше обычного. Лили нажала на ее приподнятый конец носком ботинка; плитка вдавилась, а в щелях по ее краям заблестели серебристые полоски. Подцепив плитку за край и приподняв ее, Лили увидела воду. И поспешила об этом забыть. Но сейчас вспомнила.

Она привстала, опираясь на локоть, и в полумраке ей показалось, что вся мебель в комнате как-то уменьшилась. Стол был ниже обычного, раковина висела ближе к полу, стул стоял на коротких обрубках. Потом она заметила движение: жестяной тазик слегка покачивался, как колыбель. Неровности пола исчезли, а появившаяся на их месте ровная поверхность чуть заметно двигалась, как живая тварь, что-то замыслившая и готовая перейти к действиям.

И эта тварь разрасталась, хотя Лили не могла уследить за самим процессом: сначала она находилась в паре дюймов от нижней ступеньки помоста, затем сравнялась с ней и наконец поглотила ее. Так же медленно, но настойчиво она ползла вверх по стенам и напирала на дверь.

Тут ей пришло в голову, что тварь, возможно, не имеет ничего против нее лично. «Просто она хочет выбраться наружу», – подумала Лили. А когда вслед за первой была проглочена и вторая ступенька, ее боязнь действия отступила перед еще большим страхом бездействия.

– Это не так уж сильно отличается от стояния в наполненной ванне, – сказала она себе, спускаясь по ступенькам, – разве что холоднее, только и всего.

Пройдя три четверти пути вниз, она задрала свою ночную рубашку и собрала ее в узел под мышкой. Еще один шаг, еще – вот и пол!

Вода стояла уже выше колен и сопротивлялась ее движениям. А когда она пыталась ускориться, с каждым шагом позади нее возникали маленькие водовороты.

Дверь не желала открываться. Мокрые доски разбухли и словно приросли к косяку. Она давила на нее всем своим весом, но безрезультатно. Тогда она, паникуя, ударила в дверь плечом. Появился небольшой просвет, но дальше дверь снова заклинило. Лили отпустила свою ночнушку (та сразу легла подолом на воду), вложила все силы в толчок обеими руками, и дверь наконец распахнулась – навстречу новому миру.

Небо упало во двор Лили. Его рассветная серость передалась земле, покрыла траву, валуны и тропинки. Тучи подплывали к самым коленям Лили. Она замерла, потрясенная этим зрелищем. А где же новый водомерный столб? Она окинула взглядом реку, но столба не увидела. Повсюду расстилалась серебристая гладь, и только редкие деревья возвышались над ней, наряду с небом отражаясь внизу каждой своей веточкой. Все ямы и кочки вокруг были сглажены, все мелкие детали ландшафта исчезли, все уклоны выровнялись. Мир стал простым, голым и плоским, а в воздухе разливалось мягкое сияние.

Лили сглотнула слезы. Она не ожидала, что наводнение будет выглядеть так. Ей представлялись яростные потоки, движение огромной массы воды и гибельные волны, но не этот бескрайний покой. Она неподвижно стояла в дверном проеме, глядя наружу с восторгом и страхом. Мимо проплыл лебедь, оставляя волнистый след в отраженных облаках; но вода быстро успокоилась.

– А где же рыба? – озадачилась Лили.

Она осторожно двинулась прочь от дома, стараясь как можно меньше тревожить поверхность воды. Мокрый подол ночнушки липнул к ногам.

Еще через пару шагов по склону вода достигла ее бедер.

Дальше. Вода добралась до пояса.

А под водой происходило суетливое движение – там мелькали силуэты живых существ. Если хорошенько приглядеться, можно было заметить их повсюду; и Лили с трепетом представила себя в их компании. Еще шаг. Еще один. Она дошла до места, где стоял старый столб. Его было видно сквозь воду. Как это странно и непривычно – находиться здесь, на берегу, когда река поднялась выше, чем когда-либо за все время существования водомерного столба. Боялась ли она? Ее сейчас охватывало чувство намного более сильное и обширное, чем страх, – нет, она не боялась.

«Как нелепо я, должно быть, выгляжу, – подумала она. – Только грудь и голова над водой, и они отражаются в перевернутом виде прямо передо

мной.

Трава и мелкие кустики сонно шевелились в своем новом подводном мире. А впереди серебро уступало место более темной, как будто затененной воде. В этом месте береговой склон круче уходил вниз. Там, на глубине, уже могло быть течение. «Дальше не пойду, – решила она. – Остановлюсь здесь».

Рыбы здесь было намного больше, а кроме нее – ох! – по реке плыло что-то более крупное, мясисто-розовое. Оно медленно и неуклюже приближалось к Лили, пока оставаясь вне пределов досягаемости.

Лили как можно дальше вытянула руку к дрейфующему телу. Если удастся схватить его за одну из конечностей и подтянуть к себе...

Слишком далеко? Маленькое тело подплывало – еще через мгновение оно окажется в ближайшей к ней точке, – но длины руки не хватало.

Не раздумывая, Лили бесстрашно бросилась вперед.

Ее пальцы сомкнулись на розовой плоти.

А под ногами была только вода.

Джонатан рассказывает историю

– Мой сын! – простонал убитый горем Армстронг, закончив свой рассказ.

– Он не ваш родной сын, – напомнила ему Марго. – К сожалению, в нем сказалась дурная природа его настоящего отца.

– Но я должен хотя бы отчасти исправить причиненное им зло. Пока не знаю как, но я должен что-то придумать. А перед этим мне предстоит еще одно дело, которого я боюсь, но откладывать не могу. Надо рассказать Воганам, что произошло с их дочерью и какую роль в этом сыграл мой сын.

– Сейчас не время сообщать об этом миссис Воган, – мягко сказала Рита. – Когда вернется мистер Воган, мы все расскажем им обоим.

– А почему он сейчас не здесь?

– Он вместе с другими мужчинами ищет девочку. Она пропала.

– Пропала?! Тогда я должен участвовать в поисках.

Видя его в таком состоянии – со смятенным лицом и трясущимися руками, – женщины попытались его отговорить, но он был непреклонен.

– В данный момент это единственное, чем я могу им помочь, и я просто обязан это сделать.

Рита вернулась к Хелене и застала ее кормящей ребенка грудью.

– Есть новости? – спросила она.

– Пока ничего. Мистер Армстронг также отправился на поиски. Постарайтесь не волноваться, Хелена.

Молодая мать посмотрела на новорожденного, провела мизинцем по его щеке, и лицо ее разгладилось. А потом появилась улыбка.

– Я вижу в нем черты моего дорогого папы! Разве это не чудо?

Не услышав ответа, Хелена подняла глаза:

– Рита, что с вами?

– Я не знаю, как выглядел мой отец. И даже как выглядела моя мать.

– Не плачьте, Рита, милая!

Рита присела на край ее постели.

– Вас очень расстроило ее исчезновение, да?

– Очень. Ведь еще до того, как вы приехали за ней в «Лебедь» в ту ночь год назад, и до того, как там появился Армстронг, и до прихода Лили Уайт, в ту долгую ночь, когда Донт лежал без сознания, а я сидела рядом в кресле, я взяла ее себе на колени. И мы уснули в обнимку. И я тогда подумала, что, если она окажется не родней Донта, если она никому не

будет нужна в этом мире, я могла бы...

– Я знаю.

– Знаете? Откуда?

– Я видела, как вы с ней общаетесь. Вы испытывали к ней те же чувства, что и все мы. Включая Донта.

– Правда? Но сейчас я лишь хочу увериться, что с ней все хорошо. Так тяжело сознавать, что ее нет с нами.

– И мне тоже. Но вам еще тяжелее.

– Мне тяжелее? Но ведь вы...

– Я считала ее своей дочерью? А еще мне порой казалось, что я ее просто придумала. Помните, я говорила вам, что иногда сомневаюсь в ее реальности?

– Помню. Но почему вы считаете, что мне сейчас тяжелее, чем вам?

– Потому что у меня есть он. – Хелена взглянула на младенца. – Мой родной, мой настоящий ребенок. Вот, подержите его.

Рита подставила руки, и Хелена вложила в них ребенка.

– Не так. Вы держите его, как медсестра. Возьмите, как я. Как держит мать.

Рита пристроила младенца по-другому. И он тут же мирно уснул.

– Ну вот, – прошептала Хелена после долгой паузы, – теперь вы почувствовали?

Паводок охватил «Лебедь» со всех сторон. Он подобрался к самым дверям трактира, однако дальше не проник.

Когда вернулся «Коллодион» – а чуть позже и Армстронг, – все стало понятно по мрачным лицам мужчин. Воган сразу поспешил к своей жене и ребенку. Оба в это время спали. В их комнате он застал Риту.

– Ну и как? – прошептала она.

Он покачал головой.

В бережном молчании – чтобы не разбудить – нагледевшись на своего сына, он поцеловал спящую жену и вместе с Ритой вернулся в зимний зал. Там он стянул мокрые ботинки, пристроил ноги поближе к очагу; и от его носков пошел пар. Марготки подкинули дров в огонь и обнесли всех горячим пуншем.

– Как там Джо? – спросил Воган, хотя по их лицам уже догадывался, каким будет ответ.

– Он нас покинул, – сказала одна из Марготок.

После этого в зале установилась тишина. Они молча вдыхали и выдыхали минуты, пока таким образом не прошел целый час.

Дверь отворилась.

Кто бы там ни был, он не торопился войти внутрь. Струя холодного воздуха чуть не задула свечи, а резкий запах реки, и без того ощутимый в зале, заметно усилился. Все смотрели в ту сторону.

И все это увидели, но никто не среагировал. Они еще только пытались понять, что такое возникло в дверном проеме.

– Лили! – первой вскричала Рита. Лили походила на привидение. С белой ночной рубашки стекала вода, волосы прилипли к черепу, глаза были широко раскрыты. В руках она сжимала какое-то тело.

Те из присутствующих, кто был здесь в ночь солнцестояния год назад, вновь пережили сильнейшее потрясение. Тогда сначала в дверь вошел Донт с мертвым телом на руках. Позднее той же ночью появилась Рита, неся теперь живую девочку. И вот эта сцена повторялась уже третий раз.

Лили покачнулась на пороге, ее веки начали закрываться. На сей раз первыми к ней подоспели Донт и Воган, которые подхватили женщину, тогда как Армстронг успел подставить руки и поймать наглотавшегося воды, полумертвого поросенка.

– Боже правый! – поразился Армстронг. – Да это же Мейзи!

И правда – это была Мейзи, лучшая свинка из последнего помета Мод, которую он, как и обещал, подарил Лили, когда приехал забирать у нее свою опоросившуюся свиноматку.

Марготки взяли под опеку Лили, нашли для нее сухую одежду и приготовили горячее питье, чтобы унять бившую ее дрожь. А когда она вновь появилась в зимнем зале, Армстронг от души похвалил ее за отвагу при спасении утопающей свинки.

На коленях Армстронга Мейзи отогрелась, приободрилась и вскоре уже начала вертеться и активно повизгивать.

Эти необычные звуки побудили Джонатана покинуть комнату, в которой он сидел над телом своего покойного отца. С ним вместе, позевывая, пришла одна из его сестер.

– Ее так и не нашли? – спросила она.

Донт отрицательно мотнул головой.

– Кого не нашли? – спросил Джонатан.

– Девочку, которая пропала сегодня, – напомнила ему Рита. «Уже поздно, – подумала она при этом. – Он слишком утомлен и потому забывчив. Пора отправить его в постель».

– Но ведь она нашлась, – с удивлением произнес Джонатан. – Разве вы не знаете?

– Нашлась? – Они озадаченно переглянулись. – Нет, Джонатан, ты что-

то напутал.

– Не напутал. – Он подтвердил свои слова уверенным кивком. – Я ее видел.

Все остолбенели.

– Она только что была здесь.

– Где?!

– За окном.

Рита резко вскочила и устремилась в совсем недавно покинутую ею комнату Джо, где в сильнейшем волнении стала выглядывать из окна то в одну, то в другую сторону.

– Где именно, Джонатан? Где ты ее видел?

– В плоскодонке. Которая приплывала за папой.

– Ох, Джонатан. – С печальным вздохом она повела его обратно в зимний зал. – Ладно, расскажи нам, что тебе привиделось, – по порядку, с самого начала.

– Значит, так: когда папа умирал, он ждал Молчуна, и Молчун приплыл. Как и обещала мама. Он подобрался в своей лодке к самому окну, чтобы перевезти папу на обратную сторону реки, а когда я выглянул наружу, то увидел и ее. Она была там. В той же плоскодонке. «Тут все тебя уже обыскали», – сказал я ей. А она сказала: «Передай им, что мой папа взял меня к себе». Потом они уплыли. Он очень сильный, ее папа. Никогда не видел, чтобы лодка плыла так быстро.

За этим рассказом последовала долгая пауза.

– Девочка не может разговаривать, Джонатан. Разве ты забыл? – тихо произнес Донт.

– А теперь может, – заявил Джонатан. – Когда они отчаливали, я попросил: «Не уходи», а она ответила: «Я еще вернусь, Джонатан. Ненадолго, но вернусь, и мы снова увидимся». И они уплыли.

– Должно быть, ты просто задремал... Может, тебе это все приснилось?

Джонатан подумал несколько секунд, а потом решительно покачал головой.

– Это она спала, – указал он на свою сестру. – А я нет.

– Ты взялся за слишком серьезную тему для столь юного сочинителя историй, – заметил Воган.

Тут все остальные разом открыли рты и произнесли в один голос:

– Но Джонатан не умеет сочинять истории.

Сидя в углу, Армстронг покачивал головой в тихом недоумении. Ведь

он тоже видел эту девочку. Он видел ее сидящей позади своего отца-паромщика, когда тот сильными и плавными толчками перемещал лодку через границы между мирами живых и мертвых, между реальностью и вымыслом.

История о двух детях

В главном доме келмскоттской фермы камин был жарко растоплен, но ничто не могло согреть двух людей, сидевших в креслах слева и справа от очага.

Они уже выплакали все слезы и теперь просто предавались скорби, отрешенно глядя на огонь.

– Ты пытался, – подала голос Бесс, – но ты все равно ничего не смог бы сделать.

– Тогда у реки? Или ты говоришь о его жизни в целом?

– И о том, и о другом.

Оба по-прежнему не отрывали взгляда от огня.

– Может, мне следовало с самого начала быть с ним строже? Может, надо было его выпороть после той первой кражи?

– Возможно, все пошло бы по другому пути. А может, и нет. Сейчас мы этого уже не узнаем. А если бы все стало по-другому, еще неизвестно, какими были бы перемены: в лучшую или в худшую сторону.

– Разве может быть что-то хуже?

Она чуть подалась вперед и повернула к мужу лицо, до того полускрытое тенью.

– Знаешь, а ведь я его «видела».

Теперь и Армстронг отвлекся от созерцания пламени.

– Это было сразу после взлома бюро, – продолжила Бесс. – Да, я помню, мы договорились, что я никогда не буду этого делать, но в тот раз я не смогла удержаться. К тому времени у меня уже были другие сыновья, и я без труда могла понять, что они собой представляют, просто глядя на них своим обычным глазом. Их детские лица были открыты, все как на ладони. Но Робин был другим. Он отличался от остальных детей. Всегда себе на уме. Дурно обращался с малышами. Помнишь, как он их обижал? Если Робин был с ними, всегда слышался плач, а в его отсутствие они отлично играли и ладили между собой. Я часто об этом думала, но раз уж зареклась использовать второй глаз, приходилось с этим мириться. Вплоть до того случая с бюро. Я сразу поняла, что это сделал он – тогда он еще не умел врать так ловко, как сейчас... то есть, как впоследствии. И я не поверила его рассказу о бродяге, убежавшем через окно после взлома. Потому сняла повязку, взяла его за плечи и «увидела».

– И что ты в нем увидела?

– Не больше и не меньше того, что увидел ты прошлой ночью. Что он лжец и обманщик. Что ему наплевать на всех в этом мире, кроме себя самого. Что все его помыслы – от первого и до последнего в жизни – были и будут только о его собственном удобстве и благополучии и что он без колебаний причинит любую боль кому угодно, включая своих братьев, сестер и родителей, если это будет сулить ему хоть какую-то выгоду.

– Так вот почему тебя никогда не удивляли его выходки.

– Да.

– Ты сказала, что перемены могли бы произойти как в лучшую, так и в худшую сторону... Но хуже того, что было, я и представить себе не могу.

– Я не хотела, чтобы ты следовал за ним этой ночью. Учитывая, что у него был нож. После его нападения на Сьюзен я боялась того, что он может сделать с тобой. И хотя он моя плоть и кровь, хотя я должна любить его, несмотря ни на что, скажу тебе правду: твоя гибель была бы для меня куда хуже того, что случилось в конечном счете.

Они помолчали. Каждый думал о своем, однако мысли их различались не так уж сильно.

Затем оба услышали слабый шум – какое-то отдаленное постукивание. Погруженные в размышления, они сначала проигнорировали этот звук, но чуть погодя он повторился.

Бесс взглянула на мужа:

– Кажется, постучали в дверь?

Он пожал плечами:

– Никто не явится сюда так поздно ночью.

И они вернулись к своим мыслям, но вскоре опять услышали стук, который не стал громче, однако продолжался дольше прежнего.

– Да, это входная дверь, – сказал Армстронг, вставая с кресла. – Не время для гостей. Я отошлю их прочь, кто бы там ни был.

Он взял свечу, проследовал через гостиную к толстой дубовой двери и отодвинул засов. Приоткрыв дверь, выглянул наружу, но никого не увидел. Он уже собирался снова закрыть ее, когда послышался тонкий голосок:

– Прошу вас, мистер Армстронг...

Он посмотрел вниз. Там обнаружились двое мальчишек ростом ему по пояс.

– Заходите в другой раз, ребята, – начал он. – Сейчас в этом доме траур...

Прервавшись на середине фразы, он пригляделся к ночным гостям. Поднял свечу и осветил лицо старшего из мальчиков. Оборванный, худой и дрожащий, он показался Армстронгу знакомым.

– Бен? Ты ведь Бен, сын мясника?

– Да, сэр.

– Входите. – Армстронг распахнул дверь. – Вы выбрали не лучшую ночь для визита, но не оставлять же вас на улице в такой холод.

Бен осторожно подвинул вперед своего спутника, и, когда младший мальчик шагнул в круг света, Армстронг едва не лишился чувств.

– Робин! – вскричал он.

Нагнувшись, он поднес свечу ближе к лицу ребенка. Тонкие черты, заострившиеся от недоедания; субтильное сложение под стать маленькому Робину; изящный вырез ноздрей – точь-в-точь как у Робина.

– Робин? – дрогнувшим голосом повторил Армстронг.

Сколько фактов твердило о невозможности этого? Робин был уже взрослым мужчиной. И Робин умер – совсем недавно, в эту самую ночь, – Армстронг видел все своими глазами. Конечно, это дитя никак не могло быть Робин, и тем не менее...

Он попытался сморгнуть наваждение и теперь увидел, что ребенок с лицом Робина был на самом деле не Робин, а кем-то другим. Слишком уж мягкий, робкий взгляд – и глаза не бледно-голубые, а серые. Все еще не отойдя от потрясения, Армстронг услышал невнятный лепет Бена и повернулся к нему в тот момент, когда у мальчика подкосились колени. Он успел поймать падающего Бена и громко позвал Бесси.

– Это сын мясника, сбежавший из Бамптона, – пояснил он. – После холода попал в тепло и, видать, сомлел.

– И он голодал в последнее время, – сказала Бесси, опускаясь на корточки и продолжая поддерживать мальчика, который начал приходить в себя.

Армстронг шагнул в сторону, чтобы его жена смогла увидеть спутника Бена, и сделал жест в его сторону.

– А вот это – маленький приятель Бена.

– Робин! Но... – Бесси уставилась на ребенка. Затем, с трудом оторвав взгляд от его лица, обратилась к супругу: – Но как?..

– Это не Робин. – Голос Бена был слаб, но привычка выпаливать фразу на одном дыхании сохранилась. – Сэр, это та самая девочка, которую вы искали... это Алиса... только я обрезал ей волосы... вы уж не сердитесь на меня за это, но мы очень долго были в пути, и я подумал, что безопаснее выглядеть двумя братьями, чем мальчиком и девочкой, а если я был не прав, прошу прощения.

Армстронг повторно всмотрелся в детское личико. Сходство с Робин, было несомненным, но имелись и явные отличия. Он опустил

ладонь на трясущуюся стриженую голову.

– Алиса, – выдохнул он.

Бесси стала с ним рядом:

– Алиса?

Девочка вопросительно посмотрела на Бена. Тот ободряюще кивнул:

– Все в порядке. Здесь ты снова можешь быть Алисой.

Она повернулась к Армстронгам. Ее рот начал было расплываться в улыбке, но та на полпути превратилась в широкий усталый зевок. И тогда дедушка взял свою внучку на руки.

К тому времени, как дети подкрепились супом, сыром и яблочным пирогом, на кухне собралось уже все семейство. Алиса спала в объятиях своей бабушки, а ее юные тети и дяди, поднятые с постелей полуночным шумом, расселись в своих ночных рубашках перед кухонным очагом, чтобы послушать рассказ Бена о том, как он отыскал девочку.

– Вскоре после того, как я расстался с мистером Армстронгом, мой папаша снова на меня взъелся и лупил ремнем так долго и сильно, что у меня все потемнело в глазах, а когда я очухался, то был уверен, что нахожусь на том свете. Но оказалось, что еще нет – я лежал на кухонном полу, и каждая косточка болела, а мамаша прокралась ко мне и сказала, что сама удивляется, как это я выжил, но в следующий раз он уж точно забьет меня до смерти. Тогда-то я и решил не откладывать дальше свой побег, который давно уже планировал, только собирался получше к нему подготовиться. И я начал действовать по своему плану. Выбрался из дома, дошел до середины моста, привалился к парапету и стал ждать, когда появится какая-нибудь баржа, – хотя в темноте ее не очень-то разглядишь, но расслышать можно всегда. Так я там и стоял, ни разу не присев, потому что боялся заснуть сидя. Меня все еще колотило – как обычно вдогон папашиним колотушкам, – но я не прозевал баржу, которая шла вниз по реке. Я перелез через парапет, зацепился за его нижний выступ и повис на руках, а руки и плечи у меня были сплошь в синяках и так жутко болели, что я уж думал: сейчас сорвусь и упаду в реку. Но не упал – продержался до тех пор, пока баржа не оказалась подо мной, и только тогда разжал пальцы. Я надеялся, что груз на барже будет мягким, вроде тюков шерсти, а не чем-нибудь типа пивных бочек, но все оказалось не так хорошо, но и не так плохо, потому что я упал на сыры – что-то среднее между твердым и мягким. Но и от этого удара все мои бедные косточки перетряхнуло, боль была адская, но я сдержался и не закричал во весь голос – тогда бы меня сразу засекли, – а только охнул тихонько, залез в

какую-то щель и постарался не спать, но все одно заснул – и спал до тех пор, пока меня не начали сильно трясти. Надо мной стоял презлющий баржевик и орал одно и то же много раз подряд: «Еще один чертов подкидыш! Да за кого меня держат вообще? Здесь вам не хренов детский приют!» Поначалу я спросонок плохо понимал, о чем он говорит, но его вопли все звенели в ушах и наконец до меня дозвонились, так что я вспомнил разговор про Алису, которая вроде как сгинула в реке. И я спросил, кого ему подкинули в прошлый раз, – может, маленькую девочку? Но его так распирало от злости, что он не хотел отвечать, да и слышать меня не хотел совсем. Все грозился выбросить за борт – мол, там уже выплывай как можешь, – и я подумал: «Не так ли он поступил с Алисой?» Но мой вопрос об этом взбесил его пуще прежнего, и он продолжал орать в том же духе, пока вдруг не проголодался. Тогда он отрезал кусок от головки сыра и давай уминать его за обе щеки. Мне не дал ни крошки, но за едой поутих, а я продолжал спрашивать про девочку, и он сказал наконец, что да, в прошлый раз была маленькая девочка, – и нет, он не бросал ее за борт, чтобы выплывала как может, а вместо этого довез до Лондона и сдал в приют, где принимают бездомных детей. Я спросил, как называется тот приют, но он не помнил, зато сказал, в какой части города это было. И я остался на барже, помогал ему с погрузкой и выгрузкой, а он за это кормил меня сыром, но не досыта, и так мы доплыли до Лондона. Там я сразу слинял с баржи и начал выспрашивать у людей на улицах про приют, и меня куда только не посылали, но в оконцовке я таки нашел это место. Спросил про Алису, а мне говорят, мол, нет у них никакой Алисы, и вообще они принимают сирот не для того, чтобы выдавать их кому попало. И захлопнули дверь. Тогда я пришел на следующий день в другое время, и, когда дверь открыл другой человек, я сказал, что хочу есть и что у меня нету ни дома, ни мамы, ни папы. Тогда они меня взяли и завалили всякой работой, а я все время высматривал Алису и расспрашивал о ней других ребят, но мальчиков держали отдельно от девочек, и я не мог ее отыскать, пока однажды меня не послали красить стены в директорском кабинете. Там из окна можно было заглянуть через ограду на девчоночий двор, и, когда я ее увидел, на душе сразу полегчало оттого, что все было не зря и я не ошибся с приютом. Оставалось придумать, как до нее добратся, и я долго думал, но потом все вышло само собой. Одной знатной даме взбрело в голову порадовать сироток лакомствами, и она прислала целую гору всякой вкуснятины, чтобы разделить между всеми. И директор с воспитателями это разделили, но только между собой, а нам не перепало ничего. Но потом нас повели в церковь, чтобы благодарить Небеса за такую

великую щедрость, и мы то вставали, то садились, то опять вставали, молясь за эту добрую даму. Девочки были с одной стороны прохода, а мальчики – с другой. Потом нас толпой повели наружу, и я оказался рядом с Алисой. Я спросил ее тихо: «Ты меня помнишь?» – и она кивнула. Тогда я прошептал: «По моему знаку бежим вместе, поняла?» Так мы и сделали. Я взял ее за руку, и мы сбежали, только поначалу совсем недалеко: спрятались за статуей и подождали, когда все уйдут. Нас никто не хватился. А потом мы долго шли сюда – день за днем вдоль реки, и я иногда помогал грузчикам на пристанях за еду. А волосы я ей обрезал после того, как одна противная тетка попыталась ее умыкнуть. Я подумал, что два мальчишки будут не так приметны. Мы добирались сюда очень долго и все время пешком – никто из баржевиков не хотел брать нас на борт, потому что я один был достаточно большим, чтобы работать, а кормить пришлось бы двоих. Мы сбили ноги в кровь, иногда голодали, иногда мерзли, а зачастую – то и другое вместе, но вот сейчас...

Он сделал паузу, чтобы зевнуть, и тогда они увидели, что у него слипаются глаза и он вот-вот уснет прямо за столом.

Мистер Армстронг смахнул с ресниц слезу.

– Ты поступил очень хорошо, Бен. Лучше просто быть не может.

– Спасибо, сэр. И спасибо вам за суп, за сыр и за яблочный пирог – он просто объеденье. – Бен слез со стула и поклонился всему семейству. – А теперь мне пора идти.

– Куда же ты пойдешь? – спросила миссис Армстронг. – Где твой дом?

– Из дома я сбежал, так что теперь побегу дальше.

Роберт уперся ладонями в стол:

– Так не годится, Бен. Оставайся здесь и живи с нашей семьей.

Бен окинул взглядом группу из мальчиков и девочек перед очагом:

– Но у вас и без того куча проедателей доходов, сэр. А теперь еще и Алиса. Доходы на деревьях не растут, знаете ли.

– Я знаю. Но когда мы трудимся все вместе, доходов хватает с избытком, а ты, как я понял, парнишка неленивый, сможешь внести свой вклад. Бесс, найдется для него постель?

– Положим его в комнате средних мальчиков. Он примерно одних лет с Джо и Нельсоном.

– Ну вот, видишь? Для начала найдем тебе работу в свинарнике. Согласен?

И они ударили по рукам.

Однажды давным-давно

Позднее, но еще до того, как наводнение окончательно схлынуло, Донт повез Риту на «Коллодионе» обратно к ее затопленному дому. Непосредственно до входа они доплыли на маленькой гребной лодке, и, когда Донт шагнул из нее на крыльцо, чтобы сильным толчком открыть заклинившую дверь, вода доходила ему до колен. Сырая полоса на стенах по периметру комнаты обозначала максимальный уровень паводка – на три фута выше нынешнего. Ниже этой линии краска пузырилась и отслаивалась. Отступая, река выложила на сиденье стула сложный – только что не осмысленный – узор из веточек, песка и еще невесть какого мусора. Хорошо еще, что Рита предусмотрительно поставила синее кресло на штабель ящиков: высокая вода добралась до его ножек, но подушки остались сухими. Красный коврик, казалось, пребывал в нерешительности, плавать ему или тонуть: малейшая волна нарушала этот баланс. И повсюду стоял тяжелый, неприятный запах.

Донт шагнул в сторону, пропуская Риту, и та вброд пересекла гостиную. Наблюдая за ее лицом, Донт дивился выдержке и спокойствию, с которым она оценивала нанесенный ущерб.

– Чтобы все здесь просохло, понадобится недели, – сказал он. – А то и месяцы.

– Да, скорее всего.

– Но где вы будете жить все это время? В «Лебеде»? Марго и Джонатан будут рады вашему обществу, когда дочери разъедутся по своим домам. Или к Воганам? Они вас тоже охотно приютят.

Рита пожалала плечами. Сейчас ее голова была занята другими, более важными мыслями, по сравнению с которыми затопленный дом казался несущественной житейской неприятностью.

– Начнем с книг, – сказала она.

Он добрал до шкафа и обнаружил, что все нижние полки пусты, а книги с них перемещены на полки выше уровня потолка.

– Я смотрю, вы успели подготовиться к паводку.

Она пожалала плечами:

– Когда живешь рядом с рекой...

Он передавал ей книги небольшими стопками, а она через окно складывала их в лодку, край борта которой приходился чуть ниже подоконника. Работали молча. Один из томов она отложила в сторону, на

сиденье синего кресла.

Когда с первым шкафом было покончено и лодка заметно просела под тяжестью груза, Донт поплыл к «Коллодиону» и там перенес книги в каюту. По возвращении в дом он застал Риту восседающей в кресле, которое по-прежнему стояло высоко на ящиках. Подушки местами потемнели от соприкосновения с ее мокрой юбкой.

– Всегда хотел сфотографировать вас в этом кресле.

Она оторвала взгляд от книги:

– Они прекратили поиски, не так ли?

– Да.

– Она уже не вернется.

– Нет.

Он знал, что это правда. Иногда ему казалось, что в отсутствие этой девочки весь мир запросто может исчезнуть вслед за ней. Каждый час тянулся мучительно долго, а когда он истекал, начинался столь же мучительный следующий час. Он не знал, сколько еще сможет это терпеть.

– Посмотрите, вы приложили так много усилий к спасению этого кресла, а теперь оно намокает от вашей одежды.

– Это уже не имеет значения. Вот что странно: до появления девочки мир казался таким цельным и завершенным. Потом появилась она. А теперь она исчезла, и в этом мире чего-то не хватает.

– В тот раз я обнаружил ее в реке. И у меня такое чувство, будто я однажды смогу это повторить.

Рита кивнула:

– Когда я сочла ее мертвой, мне так сильно захотелось, чтобы она была живой, что я не смогла просто взять и уйти. Я осталась там и продолжала держать ее за руку. И она ожила. Хочется сделать это еще раз, прямо сейчас. И еще я все время вспоминаю историю Молчуна – о том, что он сделал ради спасения дочери. Теперь я могу его понять. Я сама отправилась бы куда угодно, вытерпела бы любую боль, лишь бы вновь обнять свое дитя.

Она сидела в кресле над уровнем воды, а он неподвижно стоял в этой самой воде по колено. Оба не знали, что делать со своим горем. Потом, больше не обменявшись ни словом, продолжили выносить книги.

Второй шкаф был опустошен тем же манером, и Донт отправился в новый рейс к «Коллодиону».

Когда он вернулся, Рита была поглощена чтением ранее отложенной книги.

Хотя небо оставалось тускло-серым, внутри дома эту серость

оживляли серебристые отблески воды, отчасти попадавшие и на Риту. Донт присмотрелся к ее лицу, то освещенному, то исчезающему в тени. Потом взглянул на зыбкую поверхность внизу, чтобы оценить четкость ее отражения. Он знал, что фотокамера неспособна уловить такие детали, доступные только живому человеческому глазу. И этот снимок стал одним из лучших в его жизни. Только место объектива заняла сетчатка его глаз, а любовь сыграла роль солнечных лучей, посредством которых это задумчивое лицо среди мерцающих отблесков запечатлелось в его душе.

Рита медленно опустила книгу на краешек кресла, но продолжила смотреть туда, где эта книга только что находилась, словно текст ее был начертан прямо в пронизанном водянистым светом воздухе.

– Что такое? – спросил он. – О чем вы думаете?

Она не пошевелилась.

– О гравийщиках, – наконец ответила она, все так же глядя в пространство.

Донт растерялся. Он никогда бы не поверил, что гравийщики способны вдохновить кого бы то ни было на столь глубокие размышления.

– Вы о рассказчиках в «Лебеде»?

– Да. – Она перевела взгляд на Донта. – Я вспомнила об этом прошлой ночью. Когда ребенок родился в рубашке.

– В рубашке?

– Так говорят о плодном пузыре. Младенец живет внутри его в период беременности. Обычно пузырь лопается при родах, но иногда – очень редко – этого не происходит. Пройдя ночью мне пришлось разрезать плодную оболочку, и младенец буквально выплыл из пузыря.

– Но при чем тут гравийщики?

– Все дело в странной истории, которую я услышала в «Лебеде». Там зашла речь о Дарвине и о происхождении человека от обезьяны, а один из них рассказал историю о том, что люди когда-то давно были подводными существами.

– Смешные выдумки.

Она покачала головой, подняла книгу и хлопнула по ней ладонью:

– Об этом написано здесь. Однажды, давным-давно, обезьяна стала человеком. И однажды, задолго до того, водная тварь выбралась на сушу и начала дышать воздухом.

– В самом деле?

– В самом деле.

– И что дальше?

– И вот однажды, двенадцать месяцев назад, маленькая девочка,

которая должна была утонуть, почему-то не утонула. Она долго пробыла под водой и казалась мертвой. Вы ее достали из воды, и я установила, что у нее нет ни пульса, ни дыхания, а ее зрачки расширены. По всем признакам она умерла. Но потом оказалось, что она жива. Как такое возможно? Мертвецы не возвращаются к жизни. Допустим, погружение в холодную воду резко снижает пульс. Может ли мгновенное погружение в очень холодную воду настолько замедлить циркуляцию крови, что человек будет казаться мертвым? Звучит слишком неправдоподобно. Но если вспомнить, что каждый из нас проводит первые девять месяцев своей жизни погруженным в жидкость, такую возможность уже нельзя исключить безоговорочно. Теперь вспомним, что все мы, кто сейчас ходит по земле и дышит кислородом, в далеком прошлом произошли от подводных существ – что наши предки когда-то жили в воде, как мы сейчас живем на суше, – вспомним об этом, и тогда не станет ли абсолютно невозможное чуточку ближе к допустимому?

Она сунула книгу в карман и протянула руку Донту, чтобы он помог ей спуститься с высоты кресла.

– Вряд ли я смогу продвинуться дальше. Похоже, этой мой предел. Идеи, догадки, теории.

Рита упаковала свои лекарства, собрала в большой узел одежду, постельное белье и свою лучшую обувь, после чего они покинули дом, даже не попытавшись закрыть за собой дверь, и перебрались на «Коллодион».

– Куда теперь? – спросил он.

– Никуда.

Она растянулась на скамье и закрыла глаза.

– Хотя бы скажите, на каком берегу реки вас посадить?

– Ни на каком, Донт. Я предпочла бы остаться здесь.

Той же ночью на узкой постели в каюте «Коллодиона», под тихий плеск речных волн, Донт и Рита любили друг друга. В темноте его руки видели то, чего не могли видеть глаза: локон ее распущенных волос, округлость груди, пологую впадину в области поясницы, крутой изгиб бедра. Его руки видели гладкость ее ног и нежную плоть в месте их схождения. Она откликалась на его ласки, а когда Донт вошел в нее, возникло ощущение, будто его самого изнутри стремительно наводняет река. Сначала он еще сдерживал этот внутренний паводок, но затем перестал ему противиться. Далее была только река и ничего, кроме реки; и эта река была всем – пока вслед за мощной финальной волной паводок не

пошел на убыль.

После этого они лежали в обнимку и тихо беседовали о до сих пор не проясненных вещах: о том, каким образом жестоко израненный Донт сумел добраться от Чертовой плотины до «Лебеда» и почему, впервые увидев девочку, все приняли ее за куклу. Почему ее ноги были в столь идеальном состоянии, словно никогда не ступали по твердой земле? Каким образом паромщик может пересекать границу между мирами, чтобы вызволить свою дочь? И почему не было ни одной истории о том, как дети посещают иные миры в поисках своих родителей? Они гадали о том, что именно увидел Джонатан из окна комнаты, в которой лежал его мертвый отец. Они говорили о загадочных историях, которые Джо черпал из своих странствий между сном и явью во время приступов слабости, и о других историях, рассказанных в «Лебеде», и пытались найти связь между ними и солнцестоянием. При этом они неоднократно возвращались к двум вопросам: «Откуда явилась эта девочка?» и «Куда она потом исчезла?». Ни к какому выводу они так и не пришли. Размышляли они и о других вещах, не относящихся к делу, но оттого не менее важных. Река ненавязчиво чуть приподнимала и опускала яхту.

И все это время его рука лежала на животе Риты, а ее рука – поверх руки Донта.

А под их руками, во влажном сосуде ее чрева, новая жизнь устремлялась против течения, к истокам.

«Скоро, – подумали оба, – кое-что случится».

Долго и счастливо

Через несколько месяцев Руби Уилер вышла замуж за Эрнеста, а во время свадебной церемонии в церкви ее бабушка взяла за руки Донта и Риту со словами:

– Благословляю вас обоих. Будьте счастливы вместе.

На ферме в Келмскотте у Алисы отрасли волосы. Теперь она меньше походила на своего отца в пору его детства и больше напоминала обычную маленькую девочку. Бесс сняла повязку, посмотрела на нее правым глазом и вынесла вердикт:

– В ней нет почти ничего от Робина. Его жена, судя по всему, была хорошей женщиной. И эта милая девчушка пошла в нее.

– Думаю, кое-что она унаследовала и от тебя, дорогая, – сказал Армстронг.

Лачуга Корзинщика после потопа так и осталась необитаемой, а Лили переселилась в пасторский дом. Она с благоговением осмотрела комнату экономки, потрогала изголовье кровати, ночной столик и комод из красного дерева, постоянно напоминая себе, что дни, когда она не решалась владеть мало-мальски ценными вещами – «Я все равно это потеряю», – канули в прошлое. Щенку выделили место в корзине на кухне, и священник уже успел привязаться к нему так же, как Лили. Порой, размышляя об этом, Лили задавалась вопросом: а не она ли сама была в детстве заядлой собачницей, задним числом приписав эту любовь и сестре, – или они с Анной обе любили возиться со щенками?

Когда река вернулась в свои берега, на пойменном лугу был найден детский скелет с золотой цепочкой на шее и подвеской в виде якоря, застрявшей внутри грудной клетки. Воганы похоронили останки дочери и очень горевали, но нашли утешение в маленьком сыне. Они вместе посетили оксфордский дом миссис Константайн, которая участливо выслушала их рассказ обо всем случившемся, после чего они вволю наплакались в ее уютной гостиной, а потом умылись и вытерли лица мягкими полотенцами. А еще чуть погодя Баскот-Лодж и все прилегающие земельные угодья, включая Сивушный остров, были выставлены на продажу. Хелена и Энтони попрощались с друзьями и отбыли вместе с сыном на берега иных рек, в далекую Новую Зеландию.

После смерти мужа Марго решила, что пора передать бразды правления трактиром следующему поколению. Ее старшая дочь

переселилась в «Лебедь» со своим супругом и детьми, и их дела быстро пошли в гору. Марго по-прежнему стояла за стойкой, подогревала сидр и готовила пиво с пряностями, но тяжелые работы – вроде колки дров или подъема бочек – передоверила своему зятю, благо силой тот обделен не был. Джонатан помогал сестре, как ранее помогал матери, и при всяком удобном случае рассказывал посетителям удивительную историю о девочке, которую достали из реки в ночь зимнего солнцестояния; о девочке, которая утонула, но потом ожила; о девочке, которая так и не произнесла ни слова до тех пор, пока вышедшая из берегов река – спустя ровно год – не забрала ее обратно, чтобы воссоединить с отцом-паромщиком. Но когда его просили для разнообразия рассказать что-нибудь еще, с этим, увы, возникала загвоздка.

Донт завершил свою книгу с фотографиями и комментариями, и она имела определенный успех. Правда, его первоначальный замысел предполагал более масштабный труд, включающий виды и описания всех городов и деревушек, пересказы всех местных легенд и поверий, фото всех пристаней и водяных мельниц, всех речных изгибов и плесов, но реализовать в полной мере столь амбициозный проект, конечно же, не удалось. При всем том уже было продано более сотни экземпляров – так что он заказал в типографии дополнительный тираж, – и книга доставила истинное удовольствие многим читателям, в том числе и Рите.

Проводя недели и месяцы за штурвалом «Коллодиона», Донт был вынужден признать, что эта река – слишком большое и сложное явление, чтобы целиком вместиться в какую бы то ни было книгу. Величавая, мощная, непостижимая, она снисходительно дает людям возможность собою пользоваться, но периодически это ей надоедает, и тогда может случиться что угодно. Сегодня река трудолюбиво крутит колеса ваших мельниц, перемалывая зерно, а завтра может затопить ваши поля вместе с урожаем. Донт смотрел на манящий, плавный поток за бортом и в бликах на воде видел фрагменты прошлого и будущего. Эта река очень много значила для многих людей на протяжении многих лет – данной теме он посвятил отдельный небольшой очерк, включив его в свою книгу.

Порой он позволял себе пофантазировать о том, существует ли способ умилостивить «духа реки». Есть ли способ привлечь реку на свою сторону или, как минимум, избежать опасной конфронтации с ней? Помимодохлых собак, бутылок из-под самогона, сгоряча брошенных обручальных колец, всяких утерянных вещей и прочего мусора на речном дне, там иногда попадаются старинные золотые и серебряные монеты. Ритуальные приношения реке, цель и смысл которых трудно постичь по прошествии

стольких веков. Почему бы и ему не сделать приношение? Вот только какое? Бросить в реку свою книгу? Он обдумал этот вариант. Книга стоила ни много ни мало пять шиллингов, а ведь с ним теперь жила Рита. Надо было содержать дом и речную яхту, вкладываться в бизнес, обустроить детскую комнату. Пять шиллингов были, пожалуй, чересчур щедрым даром божеству, в существование которого он к тому же не верил. Уж лучше добиваться расположения реки, как можно чаще ее фотографируя. Сколько снимков способен сделать один фотограф на своем веку? Сотню тысяч? Должно быть, где-то около того. Сто тысяч кусочков жизни – каждый длиной от десяти до пятнадцати секунд, – с помощью света зафиксированных на стекле. И на всех снимках нужно так или иначе отобразить реку.

Шли месяцы, у Риты все больше округлялся живот; ребенок внутри ее рос. Они с Донтом долго обсуждали разные детские имена и остановились на имени Айрис, напомиравшем о цветах ириса на речном берегу.

– А если будет мальчик? – спросила у них Марго.

Оба дружно покачали головой. Будет девочка. Они были в этом уверены.

Временами Рита думала о женщинах, которые умерли при родах, в том числе о своей матери. А когда она чувствовала, как ребенок шевелится в ее внутреннем водном мире, ей вспоминался Молчун. А порой и Господь, давно исчезнувший из ее жизни, казался не таким уж далеким. Она не знала, что ждет ее в будущем, но с каждым ударом сердца несла свое дитя ему навстречу.

А что же девочка? Что случилось с ней? По некоторым сведениям, ее потом видели в компании речных цыган. Причем среди них она явно чувствовала себя на своем месте. Как рассказывали, в первую ночь зимнего солнцестояния она случайно выпала за борт цыганской лодки, а ее родные заметили пропажу ребенка только на следующий день. Цыгане сочли ее погибшей, но позднее до них дошел слух о девочке, найденной в реке и удочеренной какими-то богатеями в Баскоте. С ней, похоже, все было в порядке. Так что они не стали торопить события, рассудив, что все равно через год, в это же самое время, их лодочный караван окажется в тех местах. И, судя по всему, девочка была счастлива после годичного отсутствия вернуться к своей прежней кочевой жизни.

Эти новости добирались до Рэдкота издалека и с большим опозданием, скупыми сообщениями в одну-две фразы; они не содержали красочных подробностей и потому не вызывали особого интереса. Завсегдатаи «Лебеда» обсуждали их так же коротко и, пораскинув мозгами, сбрасывали

со счетов. Из этого нельзя было слепить приличную историю – кроме того, чужие истории им никогда не нравились так, как их собственные. Посему версия Джонатана пользовалась куда большим успехом.

А ту девочку и по сей день иногда видят на реке, равно в ясную погоду и в ненастье, при быстром и при медленном течении, в густом тумане и среди ярких лунных бликов. Выпивохи видят ее, когда, хватив лишку, чувствуют, как ускользает у них из-под ног прибрежная тропинка. Мальчишки-сорвиголовы видят ее, когда летним днем прыгают в реку с середины моста и обнаруживают под безмятежной гладью опасные глубинные течения. Ее видят в сумерках незадачливые владельцы дырявых посудин, когда вода в лодке прибывает быстрее, чем они успевают ее вычерпывать. Какое-то время очевидцы рассказывали о двух призрачных фигурах в плоскодонке: мужчине и девочке. С годами девочка подрастала и все чаще самостоятельно орудовала шестом, пока не наступил момент – увы, никем с точностью не зафиксированный, – когда в плоскодонке осталась только женщина. Величавая, как сама река; силой равная трем мужчинам; иллюзорная, как туман над водой. Она правит лодкой с изящной легкостью, и речная стихия подчиняется ей так же, как некогда подчинялась ее отцу. А если вы спросите, где она живет, местные загадочно надуют щеки и качнут головой в неопределенном направлении. «Должно быть, в Рэдкоте», – скажут вам жители Баскота, однако рэдкотские старожилы в свою очередь только пожмут плечами и посоветуют искать ее в Баскоте.

А если вам удастся разговорить кого-нибудь из завсегдатаев «Лебедя», вы узнаете, что она обитает на обратной стороне реки, хотя более точного адреса не сможет назвать никто. Но где бы она ни жила – если она вообще где-то живет, в чем лично у меня есть сомнения, – это место находится где-то неподалеку, судя по быстроте, с какой она объявляется, стоит только кому-нибудь попасть в беду на реке. В этом случае, если вам еще рановато пересекать границу между мирами, она в целостности и сохранности доставит вас на нужный берег. Ну а если ваш срок настал, она столь же уверенно препроводит вас на обратную сторону реки – куда вы, собственно, и направлялись, до поры сами не сознавая того.

И здесь, дорогой мой читатель, эта история заканчивается. Пора и тебе еще раз перейти мост, чтобы вернуться в тот мир, к которому принадлежишь ты. А эта река – Темза и не совсем Темза – будет течь, как и прежде, но уже без тебя. Ты и так достаточно долго пробыл на ее берегах, а ведь и у тебя наверняка есть свои реки, которые тоже стоит узнать получше, не правда ли?

От автора

Река Темза питает живительными соками не только окружающую местность, но и наше воображение, и в этом она так же переменчива. Порою сам ход повествования побуждал меня немного сокращать как время в пути, так и само расстояние между населенными пунктами на ее берегах. И если моя история вдохновит вас на поход вдоль реки (что я вам искренне рекомендую), обязательно возьмите с собой эту книгу. Карта и путеводитель также не помешают.

Образ Генри Донта основан на реально существовавшем замечательном фотографе Генри Тонте. Как и мой Генри, он имел речную яхту – плавучий дом – с устроенной в каюте фотолабораторией. За свою жизнь он сделал около пятидесяти трех тысяч фотографий, используя мокрый коллодионный процесс. Его наследие чуть было не погибло, когда после его смерти дом был продан, а лабораторию в саду предназначили к сносу. Узнав, что многие из хранившихся там тысяч стеклянных фотопластинок уже разбиты или очищены от эмульсионного слоя для использования в качестве оранжевых стекол, местный краевед Гарри Пейнтин срочно обратился к Э. Э. Скьюзу, директору Оксфордской городской библиотеки. Стараниями Скьюза работы были остановлены, а уцелевшие снимки помещены в надежное хранилище. Я упоминаю здесь имена этих людей в знак признательности за их быстрые и своевременные действия. Благодаря им я получила визуальное представление о Темзе Викторианской эпохи, а с ним и возможность выстраивать эту историю вокруг фоторабот Генри Тонта.

Может ли утопленник воскреснуть на самом деле? Едва ли, хотя иногда у очевидцев может возникнуть такое впечатление. При резком и полном – с головой – погружении в ледяную воду активируется так называемый нырятельный рефлекс млекопитающих. Он перенаправляет циркуляцию крови от конечностей к сердцу, мозгу и легким; при этом метаболизм тела замедляется. Сердце бьется реже, а кислород используется только для самых необходимых процессов, чтобы как можно дольше поддерживать в теле жизнь. Такой почти утонувший человек, когда его извлекут из воды, будет по всем признакам казаться мертвым. Это физиологическое явление было впервые описано в медицинских журналах середины двадцатого века. Нырятельный рефлекс встречается у всех млекопитающих, равно сухопутных и морских. Его неоднократно

наблюдали у взрослых людей, хотя считается, что в наибольшей степени этому явлению подвержены маленькие дети.

Благодарности

Бывают случаи, когда друзья играют в твоей жизни определяющую роль. Хелен Поттс – эта книга в огромнейшем долгу перед тобой. Джули Саммерс – наши литературные прогулки по берегу Темзы были бесценны. Спасибо вам обеим.

Грэм Дипроуз помог мне разобраться с историей фотографии, а у Джона Брюэра хватило терпения, чтобы втолковать мне азы коллодионного фотографического процесса.

Ник Рейнард из Уоллингфордского центра по гидрологии и мониторингу окружающей среды поведал мне о паводках в стиле, доказывающем, что наука не так уж далека от поэзии.

Капитан Клифф Колборн из Общества речников Темзы пояснил мне, каким образом мог произойти инцидент с Донтом на плотине.

Доктор Сьюзен Хокинс из Кингстонского университета предоставила ценную информацию о работе медсестер и о применении термометров в девятнадцатом веке.

Профессор Джошуа Гецлер и профессор Ребекка Проберт прояснили юридические аспекты усыновления найденшей в девятнадцатом веке.

Саймон Стил просветил меня по поводу самогонварения.

Натан Франклин знает все, что только может знать человек о свиньях.

Многие люди пытались расширить мои познания в области гребли на лодках, но все их усилия, увы, пошли прахом: я до сих пор слабо представляю себе этот процесс. Саймон, Уилл, Джули, Наоми – в любом случае спасибо вам за старания.

Также хочу поблагодарить Мэри и Джона Эктон, Джо Пауэлла Энсона, Майка Энсона, Марго Арденсе, Джейн Бейли, Гайю Бэнкс, Элисон Бэрроу, Топпена Беча, Эмили Бестлер, Кэри Болин, Валери Борчард, Уилла Борна Тейлора, Мэгги Бадден, Эмму Бертон, Эрин, Фергуса, Паулу и Росса Кэтли, Марка Коккера, Эмму Дарвин, Джейн Дарвин, Филипа дель Нево, Маргарет Денман, Эсси Элвинс, Люси Фосетт, Анну Франклин, Вивьен Грин, Дугласа Керра, Клаудию Хаммер-Хьюстон, Кристин Харленд-Ленг, Урсулу Харрисон, Питера Хоукинса, Филипа Халла, Дженни Джейкобс, Мэгги Ю, Мэри и Роберта Джулиер, Хокона Лангбалле, Юнис Мартин, Гэри Макгиббона, Мэри Мьюир, Кейт Самано, Мэнди Сеттерфилд, Джеффри и Полин Сеттерфилд, Джо Смита, Бернадет Соарес де Андраде, Каролину Стюве Лемарешаль, Рейчел Филлипс из Вудстокской книжной

лавки, Криса Стила, Грега Томаса, Марианну Вельманс, Сару Уиттакер,
Анну Уинтерс.

Источники

Peter Ackroyd, *Thames: Sacred River* (Питер Экройд. «Темза: сокровенная река»)

Graham Diprose and Jeff Robins, *The Thames Revisited* (Грэм Дипроуз и Джефф Робинс. «Возвращение на Темзу»)

Robert Gibbings, *Sweet Thames Run Softly* (Роберт Джиббинс. «Тихая Темза спокойно текла»)

Malcolm Graham, *Henry Taunt of Oxford: a Victorian Photographer* (Малькольм Грэм. «Генри Тонт из Оксфорда: викторианский фотограф»)

Susan Read, *The Thames of Henry Taunt* (Сьюзен Рид. «Темза Генри Тонта»)

Henry Taunt, *A New Map of the Thames* (Генри Тонт. «Новая карта Темзы»)

Alfred Williams, *Round About the Upper Thames* (Альфред Уильямс. «В верховьях Темзы»)

Есть один веб-сайт, которым я пользовалась тысячи раз при работе над этой книгой и который стал для меня неоценимым подспорьем. Он позволяет перемещаться вдоль реки во времени и пространстве. Называется он *Where Thames Smooth Waters Glide* (www.thames.me.uk), и его создатель Джон Ид бережно и тщательно исследует эту тему. Так что, если вам не доведется попасть на берега Темзы, этот сайт – наилучший заменитель реального присутствия.

notes

СНОСКИ

Битва у Рэдкотского моста – столкновение между армией короля Ричарда II во главе с его фаворитом Робертом де Вером и войсками мятежных лордов, состоявшееся 19 декабря 1387 г. Застигнутые врасплох и окруженные, роялисты частью сдались в плен, а частью попытались выйти из окружения через болото, но спастись удалось лишь немногим из них. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Sunday (*англ.*) – воскресенье.

3

Фарлонг – одна восьмая часть английской мили, равная 220 ярдам, или 201,17 м.